

– Т Е М А –

ЕВГЕНИЙ ПЛИМАК

# ПОЛИТИКА ПЕРЕХОДНОЙ ЭПОХИ

ОПЫТ ЛЕНИНА



Российская Академия Наук  
Институт сравнительной политологии

**ЕВГЕНИЙ ПЛИМАК**

**ПОЛИТИКА  
ПЕРЕХОДНОЙ  
ЭПОХИ**

**ОПЫТ ЛЕНИНА**

БЕСЬ  
МИР

ИЗДАТЕЛЬСТВО  
Москва  
2004

УДК 94 (47) 083/084.3+929Ленин

ББК 63.3 (2)6–8Ленин

П 38

**Плимак Е.Г.**

**П 38** Политика переходной эпохи. Опыт Ленина. — М.: Издательство «Весь Мир», 2004. — 320 с. — (Серия «Тема»).

ISBN 5–7777–0298–8

Несмотря на то, что в названии книги делается акцент на осмысление В.И. Лениным проблем переходного периода и его действиях после революции 1917 г., по своему содержанию книга шире. Ее вполне можно назвать критической интеллектуальной биографией Ленина. Детально проанализированы все основные этапы политической биографии Ленина: борьба за лидерство в партии и само создание партии большевиков, теоретические споры внутри российской и международной социал-демократии в предреволюционный и послереволюционный периоды.

Книга будет интересна не только историкам и политологам, но и самым широким читательским кругам.

**УДК 94 (47) 083/084.3+929Ленин**

**ББК 63.3 (2)6–8Ленин**

ISBN 5–7777–0298–8

© Издательство «Весь Мир», 2004 г.

# Содержание

Введение. . . . .	7
<b>Глава 1. Становление революционера. Попытка создания пролетарской партии в России . . . . .</b>	<b>15</b>
Семья Ульяновых. Первые потрясения . . . . .	15
В.И. Ульянов и Н.Г. Чернышевский: уроки пролетарского социализма. . . . .	16
В.И. Ульянов и Н.Е. Федосеев: уроки марксизма . . . . .	19
В.И. Ульянов в петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». . . . .	20
<b>Глава 2. Рост российского капитализма. Теоретическая работа В.И. Ульянова в Санкт-Петербурге и ссылке . . . . .</b>	<b>25</b>
Особенности развития российского капитализма. . . . .	25
Полемика В.И. Ульянова с Н.К. Михайловским и П.Б. Струве. . . . .	30
Теоретические занятия Ульянова в ссылке. . . . .	38
<b>Глава 3. «Искровский» период . . . . .</b>	<b>43</b>
Ссылка заканчивается. Новые планы . . . . .	43
«Искра»: ленинский план в действии . . . . .	45
Единоборство с охранкой . . . . .	46
Искровская пропаганда . . . . .	47
Книга «Что делать?» . . . . .	48
Предсъездовские споры в «Искре». . . . .	51
<b>Глава 4. II съезд РСДРП. Большевики и меньшевики. . . . .</b>	<b>53</b>
Основное противоречие программы II съезда. . . . .	53
Оргвопросы на съезде . . . . .	55

Углубление расхождений . . . . .	57
Г.В. Плеханов и будущая «сталинщина» . . . . .	60
Раскол партии становится реальностью . . . . .	61
<b>Глава 5. Спровоцированная царизмом революция 1905—1907 гг. в России . . . . .</b>	<b>63</b>
Предпосылки первой российской революции . . . . .	63
«Кровавое воскресенье» . . . . .	68
Ленин в революции 1905—1907 гг. . . . .	71
<b>Глава 6. Уроки первой российской революции . . . . .</b>	<b>79</b>
Откат революции . . . . .	79
Ленин о Думе и аграрной реформе Столыпина . . . . .	82
Ленинская оценка текущего момента . . . . .	88
О большевистском и меньшевистском подходе к политическим партиям в царской Думе . . . . .	91
Пересмотр Лениным некоторых прежних своих оценок . . . . .	95
<b>Глава 7. Проблемы российского и международного рабочего движения в период второй эмиграции Ленина . . . . .</b>	<b>97</b>
Борьба Ленина за сохранение рабочей партии в России . . . . .	98
Ленин о международном рабочем движении 1908—1917 гг. . . . .	103
<b>Глава 8. Война войне. Ленин об империализме и расколе социализма . . . . .</b>	<b>113</b>
Идеи Штутгарта и Базеля. Крах II Интернационала . . . . .	113
Проблема самого грандиозного исторического перехода . . . . .	116
О военной программе пролетарской революции . . . . .	122
Разработка Лениным национально-колониального вопроса . . . . .	125
Прошлое и настоящее империализма . . . . .	129
<b>Глава 9. Россия, год 1917-й: от Февраля к Октябрю . . . . .</b>	<b>133</b>
Февральская революция 1917 г. в России и Ленин . . . . .	133
Возвращение домой. «Апрельские тезисы» . . . . .	137
Четыре кризиса 1917 г. и ленинский лозунг сентября . . . . .	142
Ленин в 1917 г.: политическая деятельность . . . . .	146
<b>Глава 10. Октябрьская революция. Февраль и Октябрь 1917-го . . . . .</b>	<b>149</b>
Вооруженное восстание 24—26 октября в Петрограде . . . . .	149
Крах идеи компромисса социалистов . . . . .	154

«Социалистическая революция» или пролетарско-якобинский переворот? . . . . .	156
Февраль и Октябрь 1917 г.: сравнение двух революций . . . . .	158
<b>Глава 11. Внешние условия существования советской власти. . .</b>	<b>161</b>
Ленинские принципы советской дипломатии. . . . .	161
Ленин и Коминтерн . . . . .	162
Проблема мировой революции: ожидания и действительность. . . . .	166
<b>Глава 12. Ленин в чрезвычайных ситуациях советской власти . .</b>	<b>169</b>
Брестский мир. . . . .	169
В годы Гражданской войны . . . . .	174
<b>Глава 13. Полемика К. Каутского и В.И. Ленина.</b>	
Р. Люксембург о событиях в России. . . . .	181
К. Каутский: соотношение демократии и диктатуры.	
Проблема терроризма . . . . .	181
Из писем Р. Люксембург о событиях Февраля и Октября . . . .	189
<b>Глава 14. Строительство нового мира. Ленинские «модели» социализма. . . . .</b>	<b>199</b>
Советы — государственная форма диктатуры пролетариата? .	199
Ленинские работы периода мирной передышки 1918 г. . . . .	207
«Военный коммунизм»: этапы становления. . . . .	216
Ленинские планы коллективизации деревни . . . . .	222
Что было коммунистического в «военном коммунизме»? . . .	227
Ленинский план ГОЭЛРО. Кризис 1921 г. . . . .	230
О замене разверстки натуральным налогом . . . . .	232
Поиск модели нэпа . . . . .	235
Организация народного хозяйства в городе. . . . .	242
Нэп — он же ленинская «самотермидоризация». . . . .	248
<b>Глава 15. Последние советы Ленина партии и отказ от их исполнения . . . . .</b>	<b>251</b>
План «инверсионного» развития России . . . . .	251
Пробел в «Государстве и революции» Ленина и другие пробелы. . . . .	253
Когда черты отдельной личности становятся общественно значимой величиной. . . . .	255
Ленин о «пересоздании» аппарата. . . . .	258

О единстве административной и персональной сторон аппарата . . . . .	262
Кооперативный план Ленина . . . . .	265
Культурная революция. . . . .	268
«Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть» . . . . .	274
Международные и внутренние аспекты ленинского плана . .	276
Отказ от выполнения ленинских заветов . . . . .	278
<b>Глава 16. Революционное дело и революционная мысль . . . . .</b>	<b>281</b>
Коллизии революционного сознания . . . . .	281
Шаг вперед, два шага назад . . . . .	285
Концепция «злого умысла» . . . . .	287
«Сталинщина». . . . .	289
<b>Глава 17. Итоговая. . . . .</b>	<b>293</b>
Ленин в революционной традиции России. Историческое и логическое. . . . .	293
<b>Заключение. К современным спорам о Ленине. . . . .</b>	<b>299</b>
О зловещих зигзагах «универсального пути мирового развития». . . . .	300
А. Арутюнов, Д. Волкогонов: домыслы и анафема вместо научного анализа. . . . .	302
Еще раз А. Арутюнов. Миф о германской «пятой колонне» в России . . . . .	304
Ю. Карякин: «родство» Ленина с Нечаевым? . . . . .	308
Портретные баталии: «страшный диптих» г-на Волкогонова и «жуткий триптих» г-на Карякина . . . . .	312
Несколько слов о разных оценках В.И. Ленина. . . . .	314

Переходные революционные эпохи в жизни человечества — а Ленин был деятелем, борцом именно такой эпохи — нагляднее всего выявляют сложный, диалектический характер соотношения общественной теории с общественной практикой. Революции, втягивая в политическую жизнь огромные массы людей, необыкновенно ускоряя и усложняя ход событий, вместе с тем обнажают узость, неполноту, ограниченность прежних представлений, с которыми вожди и теоретики революций приступали к тем или иным действиям, выдвигали те или другие лозунги, пытаясь руководить событиями и людьми. Именно поэтому времена великих исторических переходов, потрясений, переломов совпадают, как правило, с периодами ломки, модификаций прежних представлений.

«История вообще, история революций в частности, — предупреждал Ленин, — всегда богаче содержанием, разнообразнее, разностороннее, живее, “хитрее”, чем воображают самые лучшие партии, самые сознательные авангарды наиболее передовых классов. Это и понятно, ибо самые лучшие авангарды выражают сознание, волю, страсть, фантазию десятков тысяч, а революции осуществляют, в моменты особого подъема и напряжения всех человеческих способностей, сознание, воля, страсть, фантазия десятков миллионов, подхлестываемых самой острой борьбой классов»<sup>1</sup>.

В ходе революций буржуазных, по мере вторжения на арену политики широких масс, неизбежная ломка идеала обычно принимала катастрофический характер, вела к быстрому спаду буржуазного радикализма. Мы знаем, что после событий 1789—1794 гг. наступил глубочайший кризис французского Просвещения XVIII в., — впечатляющая картина этого кризиса нарисована Энгельсом<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 41. С. 80.

<sup>2</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 267—268; См. также: Плимак Е. Радищев и Робеспьер // Новый мир. 1966. № 6.



Такое же разочарование постигло сторонников передовых освободительных теорий, «социалистов» в середине XIX в. Описанная Лениным «духовная драма» Герцена была, в сущности, лишь эпизодом трагедии, имевшей международный масштаб. Поражение европейских революций 1848—1849 гг. было одновременно поражением «тех бесчисленных в эпоху 48-го года форм и разновидностей буржуазного и мелкобуржуазного социализма, — писал Ленин, — которые были окончательно убиты июньскими днями» в Париже<sup>3</sup>.

Такой исход событий в освободительных движениях прошлого понятен. Теоретические построения буржуазных и мелкобуржуазных революционеров-теоретиков, имевших смутные представления о классовой структуре общества, тенденциях его развития и т. д., не могли сколь-нибудь предугадать ход революционных событий, которые неизбежно выходили из-под контроля вождей революций. Ее объективные результаты нередко оказывалась прямой противоположностью их ожиданиям, их субъективным идеалам. «Сила вещей, — констатировал к концу эпохи якобинского террора Сен-Жюст, — ведет нас, по-видимому, к результатам, которые не приходили нам в голову»<sup>4</sup>.

Сказывалась и примитивность организационных форм движения в революциях 1789—1794 и 1848—1849 гг. Кризис революционного сознания вел обычно к предельному обострению разногласий между революционерами, обнаруживались резкие расхождения в понимании сути событий, целесообразности принятия тех или иных мер. За расхождениями теоретическими обычно следовал политический раскол, идейная борьба — возьмем классическую модель якобинской диктатуры — заканчивалась уничтожением оппонентов. Трибуна Якобинского клуба или стены Конвента были не столь удобным местом для выяснения оттенков мнений, сопоставления аргументов, безболезненного и гармоничного разрешения противоречий. Результат известен: ликвидация, вернее, самоликвидация якобинской диктатуры, термидорианский переворот. Аналогичный пример: раздоры, взаимное непонимание самых решительных революционных вождей Парижа в революции 1848 г. — Бланки и Барбеса.

В ходе Октябрьской революции 1917 г. подобная катастрофичность устранялась тем обстоятельством, что марксизм был теорией, позволявшей схватывать в общих чертах экономические и классовые передвиж-

<sup>3</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 256.

<sup>4</sup> Saint-Just L.A.L. de. Discours et rapports. Paris, 1957. P. 145.

ки, а тем самым предвидеть направление и ход общественного прогресса. Но качественное отличие марксистской теории от прежних теорий вовсе не отменяло диалектического характера движения мысли, возможности иллюзий, столкновения теории и практики, внутренних противоречий в центрах революции, разрешавшихся, как мы увидим, отнюдь не безболезненно и не просто... }

Ленин пришел в политику, когда мир вступал в переходную эпоху империализма, развязавшего поначалу небольшие «окраинные войны» (американо-испанская, англо-бурская, русско-японская, первая и вторая балканские), а затем — гигантскую бойню народов в самом сердце Европы. «...Первый раз в истории, — писал о ней Ленин, — самые могучие завоевания техники применяются в таком масштабе, так разрушительно и с такой энергией к массовому истреблению миллионов человеческих жизней. При таком обращении всех производительных средств на служение делу войны мы видим, что исполняется самое горькое предсказание и что одичание, голод и полный упадок всяких производительных сил охватывают все большее и большее количество стран»<sup>5</sup>.

Где-то у людей должен был вырваться протест против массового смертоубийства и разорения, и такой протест вырвался на востоке Европы, в России.

1917 год стал годом великих потрясений и для России, и для всего мира. В воюющей Европе появился совершенно новый фактор мировой политики; в результате цикла трех революций: 1905—1907 гг., Февраля и Октября 1917 г. самодержавная Россия превратилась в Советское государство, противостоящее всему втянутому в бойню буржуазному империалистическому миру.

1917 год стал годом великих потрясений и в жизни Ленина. Из заброшенного в швейцарское захолустье эмигранта он становится после победоносного Октября председателем Совета Народных Комиссаров, главой правительства, вступившего на путь созидания неизведанного нового социального строя.

Можно подумать, что совершившая три революции Россия займется (не считая выхода из Первой мировой войны) исключительно внутренними делами: национализацией промышленности, решением аграрного вопроса, войной с интервентами и белыми генералами и адмиралами, возведением «военного коммунизма», затем переходом к «новой экономической политике».

<sup>5</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 396.

Все это так, но обращаясь к фактам истории и наследию В.И. Ленина и его соратников можно понять, что в первую очередь большевиков, столкнувшихся с трудностями переходного периода и с контрреволюцией, занимала *мировая революция* как необходимая и единственная гарантия окончательных успехов Советской власти, *главный рычаг* решения всех острейших проблем эпохи империализма, в том числе российских.]

Создание Лениным весной 1919 г. III Интернационала должно было сотворить во всем мире Советскую власть, вот его заявления времен Гражданской войны в Советской России: «...Вспыхнула всемирная революция...»; «Война показала, что капитализм погиб. Ему на смену идет новый порядок... Еще недолго, и мы увидим основание Всемирной Федеративной Республики Советов»; «Советы победили во всем мире... Основание III Интернационала есть преддверие интернациональной республики Советов, международной победы коммунизма». «Диктатура пролетариата! — говорил Ленин при открытии 2 марта 1919 г. 1-го конгресса Коминтерна. — До сих пор эти слова были для масс латынью. Благодаря распространению системы Советов по всему миру (?) эта латынь переведена на все европейские языки; практическая форма диктатуры найдена рабочими массами.»]

«Победа пролетарской революции во всем мире обеспечена. Грядет основание международной Советской республики» и прочее — в том же духе<sup>6</sup>.

Одним словом, алая пятиконечная звезда недаром украшала шлемы бойцов Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) — предстояло вроде бы скорое освобождение от капиталистов всех пяти континентов в союзе с восставшим пролетариатом всего мира, затем — с его же помощью — восстановление истерзанной мировой и Гражданской войнами России...

Будем однако помнить об основополагающем тезисе Маркса: об эпохе переворота не судят «по ее сознанию»<sup>7</sup>. Этот тезис Маркс относил к предьстории человечества — к антагонистическим формациям. Но он адекватен и для тех форм «нетерпеливого коммунизма», когда наблюдается разрыв желания и дела, когда в обществе начинают господствовать те или иные иллюзии.

Эти иллюзорные формы общественного сознания могут отражать отдельные элементы реальности, они могут быть весьма активными на каких-то участках исторического пути, они могут служить мобилиза-

<sup>6</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 380, 489—450, 511, 513—514; т. 38. С. 231 и др.

<sup>7</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 7.

ции масс на те или иные свершения. И все же, поскольку эти формы остаются иллюзорными, рано или поздно иллюзиям приходит конец, с ними надо прощаться, общественное сознание приходит в соответствие с реалиями жизни, причем процесс этот происходит, как правило, в кризисных ситуациях, требующих не просто отбрасывания иллюзорных форм, но их адекватной замены реалистическими — к чему общество не вполне готово...

С 1917 г. фигура Ленина становится объектом пристального внимания во всем мире, его политика освещается прессой, затем появляются и книги, посвященные биографии вождя Октября, тем или другим этапам его деятельности. В каталогах общественных и научных библиотек всего мира хранятся ныне *тысячи* карточек с названиями этих книг и статей. Но, к великому сожалению, о подлинном Ленине узнать из большинства их нельзя, объективные исследования типа книг Н. Валентинова — редкость.

Прежнее размежевание мира на две противостоящие друг другу общественно-политические системы наложило пагубную печать почти на всю наличную политическую литературу. На Западе Лениным пристально интересовались «советологи», и эмигрантские историки, стремившиеся выявить « пороки» и большевизма, и его вождя. В СССР и союзных с ним государствах Ленин с достопамятных времен был превращен в «икону». Институт Маркса—Ленина не допускал ни малейшего отступления от казенной трактовки ленинского наследия, следя за тем, чтобы на лице покойного не появилось ни единого пятнышка.

Это обернулось после распада СССР своей противоположностью; можно сказать, что именно официальные хранители ленинского наследия сыграли с вождем Октября злую шутку. Они спрятали в свое время в секретные архивные фонды все «порочащие» Ленина документы. Открытие архивов в постперестроечные времена породило массу «разоблачителей» Ленина, выполнявших заказ новых власть имущих. Были высказаны такие суждения: Ленин — политик, постоянно отдававший приказы о расстрелах, он же — глава правительства, выславший из России десятки мыслителей, он же — погромщик церкви, он же — побудитель «доликвидации» меньшевиков и эсеров, он же — инициатор знаменитой в сталинские годы 58-й статьи и прочее в том же духе. И никто из «разоблачителей» не занимался всерьез анализом обстановки, породившей большевизм, анализом действий и взглядов Ленина, их эволюцией.

Характерно, что стремление к новым искажениям и односторонностям в изучении деятельности Ленина было «сдиржировано» этой от-

расли знания «сверху». [Еще 5 ноября 1994 г. в Москве прошла официальная Научно-практическая конференция «Октябрь 1917 г. и большевистский эксперимент в России», она была призвана установить и рамки, и направленность трактовок образа Ленина и большевизма в целом. Созвана была конференция Администрацией Президента РФ и правительством города Москвы, ее материалы были застенографированы и изданы под одноименным заглавием<sup>8</sup>. Правда, следует отметить, что длилась конференция всего полдня, присутствовавшие выслушали руководителя Администрации Президента С.А. Филатова (основной докладчик), далее выступили А.Н. Яковлев, Д.А. Волкогонов, В.В. Костиков, А.М. Емельянов, несколько других ораторов, итоги «разоблачениям» подвел Ю.Ф. Карякин — все это загодя определило сугубо обличительный по отношению к Ленину и большевизму характер «мероприятия»; призывы ряда ученых, в том числе академика П.В. Волобуева, Р.Г. Пихоя, А.А. Собчака, не сходить с позиций науки остались неслышанными.]

Отметим, пожалуй, самую главную особенность нынешних «истолкователей» Ленина — их отход от науки о развитии общества. Дальше всеопределяющего «определения» — «революционная бесовщина, со все еще привлекательной для многих идей уравнилельной справедливости»<sup>9</sup> и расхожего «тезиса» — Ленин завел Россию «не туда», отсюда все ее беды, они в понимании и объяснении событий Октября 1917-го и всего последующего далеко не пошли.

За годы, прошедшие с пресловутой «Беловежской пуши», в России не создано ни одного обобщающего «сводного» труда о Ленине, хотя на объем своих книг его «истолкователи» типа Дмитрия Волкогонова или Акима Арутюнова пожаловаться не могут. Как правило, у них производится выборочное выдергивание отдельных «порочащих» Ленина тем, документов и фактиков. Это — родословная Ленина, особенности его болезни, денежные дела партии, личное инициирование вождем партии террора и прочее. Основные темы: ленинская «Искра», II съезд РСДРП, «Кровавое воскресенье», Первая мировая война, ленинский анализ империализма, антинародная политика Временного правительства, нэп, Политическое завещание Ленина просто отбрасываются. Ленин объявляется творцом «военного коммунизма», переданного в наследие Сталину и прочее.]

<sup>8</sup> См.: Октябрь 1917 г. и большевистский эксперимент в России. Научно-практическая конференция 5 ноября 1994 г. М., 1995.

<sup>9</sup> Там же. С. 5.

Кстати, начало этому «выборочному» подходу к Ленину положил еще в «перестроечные времена» В.А. Солоухин, окончивший свои «изыскания» в конце 90-х гг. прошлого столетия изданием опуса «При свете дня», помещенного в книге «Под “крышей” мавзолея» (Тверь, 1998)<sup>10</sup>. Особенно поток предвзятой литературы о Ленине увеличился к началу — середине 90-х гг., когда стали доступны все архивные данные о Ленине — мы имеем в виду книги: Д.М. Волкогонов. Ленин. Политический портрет. М., 1994; 2-е издание — 2001; А.Г. Латышев. Рассекреченный Ленин. М., 1996; А. Арутюнов. Ленин. Досье без репутации, Т. I, II, М., 2002 и другие<sup>11</sup>.

На этом фоне публикация (в Москве в 1998 г.) небольшой объективистской книжки Георгия Вернадского «Ленин — красный диктатор» (перевод с английского и уточнения В.С. Антонова) представляется отрядным исключением.

Правда, в известном труде «Ленин. Политический портрет» Д. Волкогонов сделал заявку на исследование эволюции человека, ставшего главной революционной фигурой своего времени: «Ленин готовился, Ленин учился, Ленин создавал себя для будущего»<sup>12</sup>. Но свою заявку автор так и не выполнил. В его изображении Ленин в главном, основном не изменился до конца активных дней своих; он делал «ставку только на революционные» методы<sup>13</sup>. Эти утверждения типичны не только для Волкогонова, «забывшего» про реформаторский ленинский нэп, их повторяют историки и публицисты правого и левого толка, отечественные и зарубежные. Вот еще один недавний пример.

В изданной в 2002 г. книге английского историка Роберта Сервиса «Ленин» нарисована фигура «человека-борца», для которого не существовало ничего, кроме «политической битвы — битвы пролетариата с буржуазией». Сервис с порога отвергает выводы Моше Левина и Стивена Коэна о том, что «незадолго до смерти Ленин сделал попытку реформирования коммунизма в направлении устранения связи этого понятия с диктатурой, классовой войной и террором». «Политика Ленина, — пишет Сервис, — могла претерпевать изменения, иногда даже значительные, в особенности если его власть находилась под угрозой,

<sup>10</sup> Его, с позволения сказать, «методологию» разобрали еще в конце 1980-х гг. историки Г. Бордюгов, В. Козлов, В. Логинов. См.: Куда идет суд? // Родина. 1989. № 10.

<sup>11</sup> Число книг и статей превышает многие десятки.

<sup>12</sup> Волкогонов Д.А. Ленин. Политический портрет: в 2-х кн. М., 1994. Кн. 2. С. 263.

<sup>13</sup> Там же. Кн. 1. С. 79, 146, 167; кн. 2. С. 234.

но базовые убеждения с момента их формирования в начале 90-х гг. до самой смерти в 1924 г. изменились весьма незначительно»<sup>14</sup>.

Обозначим теперь наш общий замысел: осветить обойденные *главные моменты* деятельности Ленина, опыт Ленина-политика, стоявшего в центре переходной эпохи империализма и революционных потрясений целиком, в его реальной эволюции.

А теперь к делу.

---

<sup>14</sup> Сервис Р. Ленин. Минск, 2002. С. 16, 20, 308, 545 и др.

## Глава 1

# Становление революционера. Попытка создания пролетарской партии в России

### Семья Ульяновых. Первые потрясения

Владимир Ильич Ульянов, известный всему миру по одному и главному из своих псевдонимов — Ленин, родился 10(22) апреля 1870 г. в приволжском городке Симбирске (ныне — Ульяновск). Его отец, Илья Николаевич Ульянов, ввиду своей загруженности мало занимался семьей; он служил инспектором, затем директором народных училищ Симбирской губернии, был отмечен за свои заслуги на ниве просвещения пятью орденами и производством в чин действительного статского советника. Мать Ленина — в девичестве Мария Александровна Бланк — принесла в семью Ульяновых некоторый достаток (в том числе полученное по наследству селение Кокушкино) и свой незаурядный интеллект и заботу. Уже после смерти мужа Мария Александровна добилась зачисления в дворянское сословие себя и своих детей. Детей (из оставшихся в живых) было шестеро, двоих ждала особая судьба.

Старший брат Володи — Александр блестяще окончил гимназию в Симбирске, поступил в Санкт-Петербургский университет, пристрастился к изучению естественных наук. Но он втянулся еще и в политику, стал народовольцем, одним из участников подготовки покушения на Александра III. После провала покушения Александра Ульянова ждала смертная казнь. Он отказался просить помилования и был повешен. Это событие потрясло семью Ульяновых, которая незадолго до казни старшего в семье сына потеряла и своего кормильца Илью Николаевича.

Правда, вдове заслуженного чиновника назначили пожизненную пенсию — 1200 рублей в год. Пенсия вместе с небольшими сбережениями Ильи Николаевича и доходом от продажи Кокушкина и вновь приобретенного поместья Алакаевка составила семейный фонд, которым расчетливо распорядилась Мария Александровна. Она могла оказывать



систематическую помощь также вступившему на революционный путь Владимиру, а членам семьи — оплачивать их поездки за границу.

Судьба старшего брата сильно повлияла на Володю. По свидетельству Н.К. Крупской: «Много он после того передумал. По-иному зазвучал для него Чернышевский, стал искать он ответа у Маркса; «Капитал» был у брата, но прежде трудно было Ильичу в нем разобраться, а после гибели брата по-иному взялся он за изучение его. Брата казнили 8 мая (1887 г. — *Е. П.*). Получив об этом известие, Владимир Ильич сказал: «Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо идти»<sup>1</sup>. Можно предположить, что заставили Крупскую приписать эти слова Владимиру советские идеологические инстанции — в различных путях политики Владимир в то время разбирался еще слабо. Но общий настрой ближайших его лет после казни Александра эти слова передают точно.

Пока что, несмотря на все потрясения, Владимир Ульянов окончил в 1887 г. с золотой медалью ту же Симбирскую гимназию и был принят в Казанский университет на юридический факультет. Проучился он в нем недолго. За участие в студенческой сходке (фактически из-за родства с казненным братом-революционером) был исключен из университета и сослан в Кокушкино под негласный надзор полиции. Здесь он провел зиму 1887/88 и лето 1888 г., усердно занимаясь политическим самообразованием.]

Семья Ульяновых тем временем перебралась в Казань, затем в Самару. В 1891 г. Ульянову разрешили сдать в Санкт-Петербургском университете экстерном экзамен за все 5 курсов. За один год он догнал сверстников и получил высшее юридическое образование. Владимир не имел никакого желания уезжать из Петербурга в Самару, но ему помешало несчастье. Вместе с ним в Петербурге жила сестра его Ольга, она заболела брюшным тифом. Владимир вызвал телеграммой мать, но ее уход не спас Ольгу, она умерла. Владимиру пришлось изменить свои планы. Он вернулся в Самару, чтобы поддержать убитую горем Марию Александровну. Но свою большую дорогу он выбрал уже во время первой своей небольшой ссылки.

## В.И. Ульянов и Н.Г. Чернышевский: уроки пролетарского социализма

Вернемся в Кокушкино. В доме Ульяновых была неплохая библиотека, помимо беллетристики, она содержала подшивки журналов. Статьи Чернышевского в «Современнике», а также опубликованный в этом

<sup>1</sup> Крупская Н.К. О Ленине. Сборник статей и выступлений. М., 1979. С. 36.

журнале (№ 3—5 за 1863 г.) его роман «Что делать?» привлекли внимание молодого ссыльного.

Ныне, когда в России множатся домыслы насчет «нечаевских корней» ленинизма (их мы разберем в заключении), сосредоточим внимание на данных биографических книг Н.В. Валентинова о Ленине, собранных воедино в его труде «Недорисованный портрет» (М., 1993). Автор воспроизводит записанные В.В. Воровским автобиографические рассказы Ленина от 1904 г. Они показывают, как благодаря запойному чтению Чернышевского произошло первое знакомство молодого Ульянова с философским материализмом, а также диалектикой Гегеля (после чего он легко усвоил философию Маркса); было воспринято наследие Белинского; поняты благодаря Чернышевскому недостатки политэкономии Милля; прояснена «трусливая природа» всякого либерализма. Чернышевский, придавленный цензурой, не мог писать свободно, но Владимир выработал особую манеру его чтения: «О многих взглядах его нужно было догадываться, но если подолгу, как я это делал, вчитываться в его статьи, приобретается безошибочный ключ к полной расшифровке его политических взглядов, даже выраженных иносказательно, в полунамеках. Существуют музыканты, о которых говорят, что у них абсолютный слух, существуют другие люди, о которых можно сказать, что они обладают абсолютным революционным чутьем. Таким был Маркс, таким же и Чернышевский... До знакомства с сочинениями Маркса, Энгельса, Плеханова главное, подавляющее, влияние имел на меня только Чернышевский и оно началось с «Что делать?»».

Н.В. Валентинов воспроизводит сценку, случившуюся в женевском кафе в конце января 1904 г., — разговор В.И. Ленина, В.В. Воровского, С.И. Гусева о литературных произведениях, имевших некогда большой успех, а через короткое время быстро «отцветавших», порождавших одну скуку и равнодушие. Подошедший Валентинов вмешался в разговор и сказал, почему бы не вспомнить и «Что делать?» Чернышевского.

«— Диву даешься, — сказала я, — как люди могли увлекаться и восхищаться подобной вещью? Трудно представить себе что-либо более бездарное, примитивное и в то же время претенциозное...»

Ленин до сего момента рассеянно смотрел куда-то в сторону, не принимая никакого участия в разговоре. Услышав, что я говорю, он взметнулся с такой стремительностью, что под ним стул заскрипел. Лицо его окаменело, скулы покраснели — у него это всегда бывало, когда он злился.

— Отдаете ли вы себе отчет, что говорите? — бросил он мне. — Как в голову может придти чудовищная, нелепая мысль называть примитивным, бездарным произведение Чернышевского, самого большого и

талантливому представителю социализма до Маркса!.. Он, например, увлек моего брата, он увлек и меня. *Он меня всего глубоко перепыхал...* Это вещь, которая дает заряд на всю жизнь. Такого влияния бездарные произведения не имеют.

— Значит, — спросил Гусев, — вы не случайно назвали в 1903 г. вашу книжку «Что делать?»?

— Неужели, — ответил Ленин, — о том нельзя догадаться?»<sup>2</sup>

Попробуем представить себе, что мог вычитать юный Ульянов из романа Чернышевского «Что делать?».

Чернышевский, если брать его *дореформенные* статьи, был народником, допролетарским социалистом — с ожиданием крестьянской революции и надеждами на спасительную роль общины (хотя он уже в 50-х гг. XIX в. стал замечать, что к экономическому производству России все больше прилагаются «капиталы», что служит залогом предстоящих ей «великих изменений»<sup>3</sup>). Но крестьянская революция не состоялась; правительство после издания царского Манифеста в 1861 г. легко расправилось с разрозненными бунтами крестьян.

В «Письмах без адреса» (1862) Чернышевский делает два кардинальных вывода: 1. Из негодной крестьянской реформы рано или поздно вырастет революция. И 2. Народ (крестьянство) нас, революционеров не знает «даже и по имени», восставшие будут уничтожать всех людей в «немецком платье», «всю нашу цивилизацию»<sup>4</sup>. Здесь мы видим, как Чернышевский *перестает быть* крестьянским социалистом. Но «Письма без адреса» задержала цензура, Ульянов не мог их знать. Зато он не раз перечитал, проработал роман «Что делать?», где автор, на наш взгляд, выступал уже с позиций **революционности пролетарской**. «Особенный человек» Рахметов учил соратников «не тратить время над второстепенными делами и с второстепенными людьми, заниматься только капитальными, от которых и без него изменятся второстепенные дела и руководимые люди»<sup>5</sup>. И молодой Ульянов вряд ли мог не заметить, что для героев романа «люди» не означали крестьян, никоим образом не интересовала их деревенская «община». «Занятие в заводской конторе важно, — говорит уходящий в «профессиональные революционеры» Лопухов Верочке, — дает влияние на народ целого завода», «и теперь можно бросить все кроме завода»<sup>6</sup>. А в заключительных главах «Что

<sup>2</sup> Валентинов Н. В. Недорисованный портрет. М., 1993. С. 75 и далее.

<sup>3</sup> Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: в 15 т. М., 1948. Т. 4. С. 304.

<sup>4</sup> Там же. Т. 10. С. 90, 92.

<sup>5</sup> Там же. Т. 11. С. 203.

<sup>6</sup> Там же. С. 193—194.

делать?» рисовалась экскурсия героев романа на завод, где они якшались с «дамой в трауре», она же дама «в бело-розовом», она же «невеста»-революция, переходящая из одной страны в другую. Ульянов просто не мог не читать всех этих мест и глав.

Далее, молодой Ульянов, проработавший «Очерки из политической экономии (по Миллю)», получал ключ к расшифровке «Второго сна Веры Павловны», где все та же «невеста»-революция таинственно говорила: «Да, Верочка, теперь мне нельзя без таких злых, которые были бы против других злых... Мои злые — злы, но под их рукою растет добро... когда хорошие будут сильны, мне не нужны будут злые»<sup>7</sup>. А вот эквивалент этих загадочных фраз в комментарии Чернышевского к пособию Милля: четко различая «интерес ренты», «интерес прибыли», «интерес рабочей платы», Чернышевский так формулировал суть основного антагонизма Нового времени — сначала союз капиталистов с работниками против феодалов, затем смена такого союза борьбой работников с капиталистами<sup>8</sup>. Ульянов вряд ли пропустил этот фундаментальный вывод — он пристально читал Чернышевского.

Мог заметить Ульянов и упрек Чернышевского (статья о Грановском) в адрес людей, описывающих «политическую историю»: «О материальных условиях быта, составляющих коренную причину почти всех явлений и в других, высших сферах жизни, едва упоминается...»<sup>9</sup>. Разве не был близок этот взгляд материалистическому пониманию истории?

Еще раз подчеркнем: бывший крестьянский социалист Чернышевский становится в пору написания романа «Что делать?» *пролетарским социалистом*. А в этом своем качестве он помог Ульянову стать *пролетарским революционером-социалистом* во времена повального увлечения марксизмом в России 70—80-х гг. XIX в.

## В.И. Ульянов и Н.Е. Федосеев: уроки марксизма

Вторым учителем Ленина в Казани и Самаре стал в конце 80-х гг. XIX в. Николай Ефграфович Федосеев.

Когда Ленин вернулся в Казань из ссылки в Кокушкино, Федосееву было 17 лет. Но вместо того, чтобы корпеть над школьными учебниками, он погрузился в марксистскую литературу. Знания его в этой области были удивительными. Будучи лично мало знаком с Федосеевым (тот

<sup>7</sup> См.: Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 124—126.

<sup>8</sup> См.: Там же. Т. 9. С. 516.

<sup>9</sup> Там же. Т. 3. С. 357.

вскоре покончит жизнь самоубийством в сибирской ссылке) Владимир Ульянов получил в свои руки бесценное издание — федосеевский каталог марксистской литературы для чтения. В 1887—1888 гг. в Казани Федосеев был «первым творцом таких программ», отвечавших запросам молодежи. Об указателе Федосеева Ульянов отзывался с величайшей похвалой: «Лучшего пособия в то время никто бы не составил». Владимиру «работа Федосеева открыла *прямой путь к марксизму*». Федосеев в наикратчайшей форме «дал конспект работ группы «Освобождение труда»<sup>10</sup>.

Эта марксистская группа была организована эмигрировавшим за границу Г.В. Плехановым еще в 1883 г., в нее входили В.И. Засулич, П.Б. Аксельрод, Л.Г. Дейч, В.И. Игнатов; задачей группы была пропаганда на русском языке произведений Маркса и Энгельса и самостоятельная разработка проблем марксизма применительно к российским условиям, полемика с идеологами народничества.

В 1889 г. Ульянов становится обладателем и собственного полного экземпляра «Капитала» Маркса, купленного за громадную по тем временам цену — 15 рублей.

В 1893 г. в связи с поступлением брата Владимира — Дмитрия в Московский университет Ульяновы переезжают в Москву. Владимир использует удобный случай для ухода из-под материнского крыла — ему шел 24-й год и еще ничего не было сделано. Родные не возражали, они были убеждены в его необыкновенной миссии.

Миссия его в самом деле была необыкновенной, сугубо «рахметовской». Если «профессиональный революционер» Лопухов из романа «Что делать?» Чернышевского хотел получить влияние на «народ целого завода», то собиравшийся стать «профессиональным революционером» Ульянов метил куда дальше. Он хотел возглавить все пролетарское движение в столице России — Санкт-Петербурге. Лет через 12—15 Ульянов-Ленин будет думать о влиянии на весь российский пролетариат. После победы Октября 1917-го Ленин возглавит Коминтерн, коммунистическое движение во всем мире...

## В.И. Ульянов в петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса»

В конце августа 1893 г. В.И. Ульянов приехал в Санкт-Петербург, что сразу было зафиксировано охранкой:

<sup>10</sup> *Валентинов Н.В.* Недорисованный портрет. С. 493—494.

«Состоящий под негласным надзором полиции

Ф а м и л и я : Ульянов

И м я : Владимир

О т ч е с т в о : Ильич

З в а н и е : сын действительного статского советника

Прибыл 31 августа 1893 года и поселился в д. 58 по Сергиевской улице, 4-го участка Литейной части».

Петербург был в то время крупнейшим промышленным центром России, заводы Путиловский, Семенниковский, Александровский Механический, Балтийский, фабрики Торнтон, Лебедева, другие насчитывали десятки тысяч рабочих.

В Петербурге, в этот период «утробного развития марксизма» было 20—30 рабочих кружков, где социал-демократы, большинство из студентов, вели пропагандистскую работу «Самообразование — гвоздь», — вспоминал об этой поре Ульянов<sup>11</sup>.

В.И. Ульянов вскоре вошел в состав центрального кружка технологического института во главе с С.И. Радченко и Л.Б. Красиным. Среди товарищей вновь прибывший быстро завоевал авторитет: он был деятелен, неутомим в организационных затеях, обладал превосходными знаниями марксизма, которые использовал в полемике с тогдашними народниками, утверждавшими, что обнищание крестьян «сужает» рынок, задерживает развитие капитализма в России. Ульянов, напротив, доказывал, что, разоряясь, крестьянство, пополняет рынок «свободных рабочих рук», быстро вовлекается в капиталистическое производство.

Рано полысев, Владимир Ульянов отращивал усы и бородку, отчего (как и за свою эрудицию) получил уважительную кличку «старик». Вскоре «стариками» стали называть его товарищей-кружковцев. Ульянов, пишет Ф.М. Сулова, «оказал решающее влияние на всю дальнейшую деятельность кружка «технологов», на его постепенное превращение в центральную группу будущего «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»<sup>12</sup>.

Какое-либо массовое пролетарское движение поначалу в столице отсутствовало, работа социал-демократов не выходила за рамки пропаганды «Капитала» среди отдельных передовых рабочих. Мизерность результатов работы объяснялась и трудностями предмета и необычайно тяжелым положением людей труда — они за незавидную заработную плату по 12—13 часов стояли у станков. Правда, тяга рабочих к знаниям

<sup>11</sup> См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 396.

<sup>12</sup> Сулова Ф.М. Начало организованной борьбы. Историческое значение ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». М., 1986. С. 20.

была заметной — в столице существовали еще и воскресные школы для рабочих, их посещали несколько тысяч человек.

Полиция в эти занятия не вмешивалась, ее больше волновала деятельность народовольцев-террористов. Но вмешательство полиции в «рабочий вопрос» началось с началом массового стачечного движения среди рабочих, вызванного притеснениями заводчиков и фабрикантов. В связи с забастовками кружковцы стали переходить от пропаганды к агитации в массах, подбрасывать листовки, собирать сходки; все это стало беспокоить жандармов.

Тем временем рос авторитет В.И. Ульянова. В своих трудах 1894 г. он наметил основную задачу петербургской (да и российской) социал-демократии: «ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ», сплочение рабочих в «политическую силу»<sup>13</sup>. К выполнению этой задачи социал-демократы и передовые рабочие столицы приступили осенью 1895 г. после поездки В.И. Ульянова за границу, там он познакомился с деятельностью зарубежной социал-демократии и членами группы «Освобождение труда».

Не надо забывать, что к 1895 г. произошло смягчение радикальных позиций Энгельса, который пришел к отказу от «образцов» «непрерывной революции» 1849—1850 гг. и защищал уже идею завоевания пролетариатом власти парламентским путем. Но эта сторона дела прошла пока мимо Ульянова; видимо его больше интересовал — в связи с нелегкими условиями политической борьбы в России — опыт борьбы германской социал-демократии в период действия исключительного закона Бисмарка против социалистов.

В связи с усилением полицейской слежки и возможными арестами В.И. Ульянов, Г.М. Кржижановский, В.В. Старков в сентябре 1895 г. попытались централизовать руководство кружков, глубже законспирировать их, точнее распределить обязанности социал-демократов в разных районах Санкт-Петербурга. Была создана руководящая тройка в лице В.И. Ульянова, Г.М. Кржижановского, В.В. Старкова (чуть позже в руководство был кооптирован Ю.О. Мартов, приехавший из Вильно с интересной брошюрой об агитации, написанной им совместно с Александром Кремером).

Любопытно, что централизация работы кружков вызвала протест «обделенных товарищей», о чем вспоминала в 1933 г. Н.К. Крупская: «Организация разрасталась, надо было ее оформить. Выбрали руководящую тройку (Ленина, Кржижановского, Старкова), которая должна была стать организатором и литературным центром, перед которым каж-

<sup>13</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 304, 333.

дый район должен был отчитываться о своей работы. Все районы вместе должны были собираться не чаще одного раза в месяц. Все признали эту организацию, но Степан Иванович Радченко, крупный организатор студенческих кружков, привыкший к порядочному-таки “единоначалию”, очутившись вне руководящей тройки заволновался и стал доказывать “районной публике”, что при таковой организации “районы” являются простыми исполнителями, а не товарищами по работе, которая будет всецело в руках у тройки и пр. и пр. “Районы” заволновались. Особенно оскорбительным показался переход из “товарищей” в “исполнители” — в этом усмотрели акт недоверия. Решено было опротестовать такое решение тройки (!). Собрание состоялось у Степана Ивановича, протест был прочитан удивленной тройке. Ильич ответил горячей речью, в которой он доказывал невозможность при российских условиях “первобытного демократизма”, говорил о необходимости организации, о том, что такая организация вызывается потребностями дела, а вовсе не недоверием к кому-либо. Публика успокоилась. Трудно было на первых шагах формирования партийных организаций преодолеть непривычку работать в организации под определенным руководством», — завершает Крупская свой рассказ.

Из рассказа неясно, почему представители районов не участвовали в «выборах», в другом месте Крупская просто говорит о «решении тройки»... Похоже, что руководители назначили сами себя...

Примечательно, что этот инцидент, предваривший споры большевиков и меньшевиков по оргвопросам в 1903 г. и позже, запомнился Ленину и он вспоминал а 1920 г. в «Детской болезни “левизны” в коммунизме»: «Нападки на “диктатуру вождей” в нашей партии *были всегда*: первый раз я вспоминаю такие нападки в 1895 г., когда формально еще не было партии, но центральная группа в Питере начала складываться и должна была брать на себя руководство районными группами»<sup>14</sup>. «Центральная группа», судя и по этому свидетельству, создавалась вроде бы без каких-либо «выборов»... «Вожизм» был заложен в самой натуре Ленина, хотя этому вполне соответствовали его субъективные качества: организаторский талант, громадная марксистская эрудиция, несокрушимая воля в проведении своих замыслов, дар публициста.

В ноябре—декабре 1895 г. в Петербурге произошел ряд подстегнутых прокламациями забастовок. Организация готовилась к изданию газеты «Рабочее дело», обобщавшей опыт пролетарской борьбы. Но в события вмешалась на этот раз полиция.

<sup>14</sup> Крупская Н.К. О Ленине. Сборник статей и выступлений. М., 1979. С. 103; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 28.



В ночь с 8-го на 9-е декабря были арестованы почти все «старики» во главе с Ульяновым, многие районные организаторы; из членов руководящего центра на свободе оставался только Ю. Мартов. Но после этого провала оставшиеся на свободе товарищи сделали попытку воссоздания организации. 15 декабря 1895 г. была опубликована листовка, впервые озаглавленная «От “Союза борьбы за освобождение рабочего класса”» (такое название было обговорено раньше, но не было обнародовано).

Полиция ответила на эту акцию подпольщиков очередными арестами. В застенках оказались Бабушкин, Мартов, Ляховский, другие. Но члены «Союза борьбы...» не сдавались.

В 1896 г. они получили большой транспорт литературы от группы «Освобождение труда», был встречен листовками рабочий праздник 1 мая, их распространили на 40 заводах и фабриках столицы, на что полиция отвечала новыми арестами. Но не закончилась в Москве коронация Николая II, как в Петербурге началась в мае—июне крупнейшая стачка текстильщиков, руководимая «Союзом борьбы...», в ней приняло участие до 30 000 человек.

Зимой 1896/97 г. «Союз борьбы...» установил контакты с заключенными в тюрьмах В.И. Ульяновым и другими своими руководителями. Ульянов сумел передать на волю написанные им «Проект программы с.д. партии», «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах». В тюрьме он продолжал работать над своим главным трудом «Развитие капитализма в России». Помогал он и товарищам по несчастью, заряжая их бодростью, оптимизмом.

30-тысячная стачка текстильщиков Петербурга не прошла бесследно. Она подтолкнула к борьбе рабочих других предприятий, началась настоящая «промышленная война». В России явно наступал период пролетарского движения; если за три года — 1892, 1893, 1894 — случилось 105 стачек, то в 1895, 1896, 1897 гг. их число выросло до 471.

Борьба в Петербурге дала толчок борьбе в провинции. В Москве, Иваново-Вознесенске, Киеве, Самаре и других городах создавались свои «Союзы борьбы за освобождение рабочего класса». А «образование партии» — РСДРП весной 1898 г. Ленин считал «самым рельефным и в то же время *последним* делом социал-демократов этой полосы»<sup>15</sup>.

<sup>15</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 181.

## Глава 2

### Рост российского капитализма.

### Теоретическая работа В.И. Ульянова в Санкт-Петербурге и ссылке

#### Особенности развития российского капитализма

В.И. Ульянов писал в своей работе «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов», что марксизм, этот «единственно научный метод» требует, «чтобы всякая программа была точной формулировкой действительного процесса»<sup>1</sup>. Насколько соответствовали этому требованию взгляды самого Ленина, когда он жил в Санкт-Петербурге (включая пребывание в тюрьме), а затем был отправлен в ссылку (1896—1899 гг.)? Но сначала рассмотрим, опираясь на современные данные, содержание и фазы «действительного процесса», происходившего в России к этому времени.

Отменив крепостное право в России в 1861 г., царизм открыл дорогу развитию капитализма в стране: шел и стихийный его рост, шло и насаждение его «сверху». Некоторые советские авторы в поисках социально-экономических корней Октябрьской «социалистической» революции старались доказать, что уже к 80—90-м гг. XIX в. капитализм сложился в России в виде «целостной системы». Однако это не соответствует фактам действительности.

Прогресс в деле капитализации страны был несомненен. Катализатором его стало железнодорожное строительство (частное, переплетенное с казенным). Если в 1861 г. в стране было 1488 км железных дорог, то к началу XX в. их насчитывалось уже 41 714 км, к 1906 г. протяженность рельсовых путей увеличится до 61 725 км.; Россия по их абсолютной длине (но не по густоте сети) даже обгоняла Германию, Англию и Францию.

<sup>1</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. I. С. 308.

Постройка железных дорог потребовала роста горной и добывающей промышленности, развития металлургии, машиностроения; только за 90-е гг. XIX в. вчетверо возросло производство чугуна в стране. Более трети от общего числа рабочих были заняты на крупных предприятиях с числом рабочих более 1 000 человек (по этому критерию — но не по производительности труда) Россия обогнала Германию. Однако в целом машиностроение, особенно станкостроение, было развито еще слабо, значительная часть технического оборудования закупалась за рубежом.

В общем промышленный подъем в стране сопровождался развитием акционерного капитала; львиную его долю отхватили зарубежные банки. Во время мирового кризиса, затронувшего и Россию, резко усилилось синдицирование производства. К 1902 г. возникли синдикаты «Продамет», «Трубопродажа», было синдицировано производство и продажа железных балок, жести, гвоздей. В конце XIX — начале XX в. возникли и новые монополистические объединения — тресты, картели: большую роль в их организации играли банки. Родился в России начала XX в. финансово-монополистический капитал. И все же удельный вес промышленности в народном хозяйстве (включая и кустарную) составлял к началу XX в. немногим больше трети и лишь к концу первого десятилетия XX в. достиг 41%. Мы уже не говорим о феодальном политическом строе, таком громадном остатке средневековья, как *самодержавие*, во многом сковывавшем экономическое развитие страны, обретение политических «свобод».

С большими трудностями капитализм проникал в деревню. Хотя помещики потеряли к 1905 г. (заложили, продали) до 40% оставшихся у них после реформы 1861 г. земель, они продолжали держать в своих руках до 60% всего частного землевладения, При этом 80% всех дворянских владений составляли латифундии размером от 500 до сотен тысяч десятин. При крестьянском малоземелье (семь десятин на одного земледельца!) антитеза «латифундия» — «надел» не ушла в прошлое и после «крестьянской реформы» 1861 г. и даже после «второго раскрепощения», проводимого с 1906 г. Столыпиным (об этом позже).

Басни о российском «процветании» в начале XX в. опровергают подсчеты Центрального статистического комитета. В 1910 (!) г. почти половина важнейших орудий земледелия была представлена отжившими его видами: 43% вспашки производилось сохами, 5% — косулями и лишь 52% — плугами. По переписи 1913 г. 31,5% дворов крестьян были безлошадными, 32,1% имели по одной лошади, несколько более 30% — по 2—3 и больше. Нехватка скота и удобрений вела к крайне

низкой урожайности полей. Если в Бельгии снимали 119 пудов зерна с десятины, во Франции — 80, в Германии — 66, то в России — всего 34,8 пуда<sup>2</sup>.]

Ради фискальных и полицейских соображений царизм до конца 1905 г. сохранял в деревне общину, связав крестьян круговой порукой и властью урядников, сковав передвижения «беспаспортных» крестьян, отнимая у земледельца из-за систематических переделов земли стимул к поднятию агрикультуры, сужая в стране внутренний рынок.] Конечно, к началу XX в. и помещичьи, и крестьянские хозяйства заметно эволюционировали в направлении капитализма, «отработки» чаще заменялись наемным трудом, трехполье — интенсивной культурой, стал намечаться раскол между сельской буржуазией и сельским пролетариатом. Но эти процессы, подстегнутые в XX в. столыпинской реформой 1906—1915 гг., так и не получили завершения, альтернатива «прусского» или «американского» путей развития (последняя в виде аграрной революции) не была снята с повестки дня.

Ко всему этому нужно прибавить, что до 80 % населения страны оставалось неграмотным, хотя уже в конце XIX в. культурная и научная элита России получила всемирное признание.

Особенно важны для характеристики общего состояния хозяйства в стране соображения творца российской индустриализации, министра финансов С.Ю. Витте, высказанные им в конце XIX в.. Еще в октябре 1898 г. Витте написал государю письмо по данному вопросу, приведя убийственные для России цифры<sup>3</sup>. Насчитывая 130 млн подданных, царская Россия подняла после 1861 г. бюджет от 350 до 1 400 млн рублей. «Но уже теперь тяжесть обложения дает себя чувствовать. Между тем бюджет Франции при 38 миллионах жителей составляет 1 260 млн рублей... Если бы благосостояние плательщиков было равносильно состоянию плательщиков Франции, то наш бюджет мог бы достигнуть 4 200 млн руб. вместо 1 400 млн рублей, а сравнительно с Австрией мог бы достигнуть 3 300 млн вместо 1 400 млн рублей. Почему у нас такая налоговоспособность? Главным образом от неустройства крестьян... Нужно прежде всего поднять дух крестьянства, сделать из них свободных и верноподданных сынов наших»<sup>4</sup>.

Характерны возражения С.Ю. Витте против общинного владения, оно, как считал он, только стадия известного жития народа и должно

<sup>2</sup> Зайцева Л. Аграрная реформа Столыпина в документах и публикациях конца XIX — начала XX в. М., 1955. С. 45—46.

<sup>3</sup> Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 523.

<sup>4</sup> Там же. С. 526.

перейти «в индивидуальную собственность». Если этого не происходит, то «народ и государство хиреют». «Я» организует и двигает все, полагал Витте. «Принципом индивидуальной собственности ныне слагаются все экономические отношения, на нем держится весь мир»<sup>5</sup>.

Предлагал Витте государю самую малость — созвать из высших чиновников, дворян и просто просвещенных людей Совещание и поручить им первостепенной важности дело — довести до конца «полное освобождение крестьян». «Хозяин земли русской», как называл себя Николай II в одной из анкет, поступил просто: положил письмо под сукно. Его кое-чему научит только грядущая революция 1905—1907 гг.

Она-то и заставит царя поторопиться со столыпинской реформой, правда, с огромным запозданием.

Хотя в России к концу XIX — началу XX в. быстро развивались новейшие организационные формы капитализма, страна оставалась отсталой по сравнению с ведущими странами Западной Европы и тем более — США. Единственное, в чем Россия опережала Запад, — это в темпах развития промышленности. В пореформенное время объем производства увеличился в 7 раз, по добыче минерального топлива, выплавке металлов, машиностроению Россия догнала Францию — самую «отсталую» из ведущих капиталистических государств. И все же темпы развития России были недостаточными, для того чтобы встать вровень с Западом — из-за засилья «стародавних структур».

Подводя в целом социально-экономические итоги развития российского капитализма к началу Первой мировой войны, авторы так и не завершеного 12-томного пособия «История СССР с древнейших времен и до наших дней» (в дальнейшем в тексте — «История СССР». — Е. П.) указывали в 6-м томе, что доля России в производстве пяти ведущих стран капиталистического мира составляла всего лишь 4,2%. При равенстве доходов от сельского хозяйства и товарно-промышленного производства 70—75% населения России было занято в аграрном секторе — «таким образом, в результате индустриального развития к кануну Первой мировой войны Россия стала лишь *аграрно-капиталистической* страной». Эти данные в корне подрывают вывод авторов Введения того же 6-го тома, которые объявляют Россию страной «среднего уровня капиталистического развития»<sup>6</sup>. Верна не последняя, идущая от «установочного» доклада А.Л. Сидорова и доминировавшая в совет-

<sup>5</sup> Витте С. Ю. Воспоминания. С. 490—491.

<sup>6</sup> См.: История СССР с древнейших времен и до наших дней. М., 1968. Т. 6. С. 10, 331—333.

ской историографии оценка<sup>7</sup>, а оценка В.И. Ленина периода мировой войны, который относил Россию с ее феодальными «остатками» к странам всего лишь «средне-слабого» развития капитализма<sup>8</sup>.

[Если к этому прибавить развал хозяйства в годы Гражданской войны в России, срезавшей «верхушки капитала», вернувшей деревню к натуральному хозяйству, отбросившей страну на добрые 10—15 лет назад, то мы поймем, что ни о каких «исторических предпосылках» социализма в России говорить вообще не приходится.] «Социалистическим» был всего-навсего идеологический вектор, заданный «сверху» в Октябре 1917 г.

Вспоминая теперь уже давний спор сторонников «равновеликости» России другим великим державам (И.В. Бовыкин, В.Я. Лаврычев) и сторонников «многоукладности» отсталой России (К.Н. Тарновский, М.Я. Гефтер, П.В. Волобуев, И.Ф. Гиндин, Л.М. Иванов, В.Г. Хорос, И.К. Пантин, Е.Г. Плимак) стоит вспомнить, с каким трудом трезвые взгляды пробивались в нашей науке в период хозяйничанья в верхних идеологических эшелонах Суслова и Трапезникова. Дело доходило до оргвыводов и прямых запретов изучать сложнейшие вопросы методологии истории... и уточнять в том числе Марксову теорию, «копошиться» в марксизме, по выражению Трапезникова.]

Что же касается понятия «особый тип» развития капитализма в России, то еще в 1969 г. К.Н. Тарновский определял его так: «Главный результат социально-исторического анализа сводится к выводу о двух типах стран со сходными чертами капиталистической эволюции. К первому из них относятся страны раннего, ко второму — позднего капитализма («второго эшелона» его развития. — *Е. П.*). Главная особенность капиталистической эволюции стран второго типа заключается в том, что они не знали четко выраженного капитализма “свободной конкуренции”. В капиталистическую стадию они вступили при наличии весьма значительных остатков феодализма, тормозивших социально-экономическое развитие; создание системы крупнопромышленного производства происходило с существенными нарушениями “классической последовательности” (мелкотоварное производство — мануфактура — фабрика — паровой железнодорожный и водный транспорт) и более быстрым темпом: последнее обстоятельство объясняется активным вмешательством государства в сферу экономики, с одной стороны, и массовым притоком иностранных капиталов, с другой; наконец, одним из

<sup>7</sup> Сидоров А.Л. Исторические предпосылки Великой Октябрьской Социалистической революции. М., 1970. С. 58—59, 68.

<sup>8</sup> Ленинский сборник XV. С. 425.

результатов такого складывания системы крупнокапиталистического производства было возникновение весьма значительного государственного-капиталистического сектора в экономике, явления, почти не известного странам первого типа (он сложился здесь только в годы Первой мировой войны. — *Е. П.*)<sup>9</sup>.

Добавим к этому, что для России был характерен и особый «рептильный» тип капиталиста, зависимого от царской власти и блокировавшегося с помещиком. Характерно, что буржуазные партии в России складывались уже в ходе первой революции и — что очень важно — против нее. До самого Февраля 1917 г. экономически относительно развитый капитал был в России бессилён политически; он находился вне орбиты власти, концентрировавшейся вокруг Николая II.

Но не будем забегать вперед — вернемся к событиям 90-х гг. XIX в., к которым мы подошли в рассказе об Ульянове.

## Полемика В.И. Ульянова с Н.К. Михайловским и П.Б. Струве

Между тем Санкт-Петербургское общество, о котором мы говорили ранее, продолжало в середине 90-х гг. XIX в., когда туда прибыл В.И. Ульянов, дебатировать вопрос о «судьбах капитализма в России», ее будущем пути. Народникам Н.К. Михайловскому, Н.Ф. Даниэльсону, С.Н. Южакову, В.В. (Воронцову В.П.) противостояли «легальные (выступавшие в печати. — *Е. П.*) марксисты» П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановский, Н.А. Бердяев. Народники продолжали считать, что Россия должна идти некапиталистическим, «самобытным» путем, используя сохранявшуюся здесь общину, деревенские «кустарные промыслы», «артельное производство». «Легальные марксисты» подчеркивали быстрое рождение в России капиталистического уклада, призывали учиться у «культурного Запада», оперировали ссылками на труды Маркса.

В 1894 г. Н.К. Михайловский открыл на страницах журнала «Русское богатство» настоящий поход против русских марксистов, да и самого Маркса. Признав громадную эрудицию последнего и верность его взглядов на современное развитие Европы (процесс капитализации

<sup>9</sup> Вопросы истории капиталистической России: проблема многоукладности. Свердловск, 1972. С. 27. Об «эшелонах» развития всемирного капитала, см. также: Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Революционная традиция в России. М., 1986; Плимак Е.Г., Пантин И.К. Драма российских реформ и революций. М., 2000.

здесь «продвинулся вперед»), Михайловский отрицал капиталистическое продвижение его в России: «Но в таком ли положении находимся мы, русские?». «Средневековые формы труда» находятся у нас отнюдь еще не в виде «жалких остатков» и возможное старание правительства поддержать их, может быть, не такая уж «роковая ошибка и бесполезное безумие». Под средневековыми формами, уточнял он, следует разуметь не только общинное землевладение, кустарную промышленность или артельную организацию. К ним должны быть причислены «все виды принадлежности земли или орудий производства рабочему».

Далее, проповедуя «субъективный метод в социологии» — способность того или иного героя в соответствии с «нравственным долгом» изменять ход истории и вести за собой «толпу», массу, — Михайловский просто советовал брать отовсюду «хорошее» и отбрасывать «плохое», независимо от того русский или западный это путь прогресса. Русских же марксистов Михайловский обвинял в том, что они хотят слепо идти за процессом капитализации страны, игнорируя «народ, на земле сидящий» и требуя разрыва связи между работником и условиями производства; марксисты у нас якобы готовы плодить нищету и пролетариат. Михайловский сомневался в применимости метода Маркса к России: Маркс оперировал готовым пролетариатом и капитализмом, а у нас «надо еще создавать их».

Далее публицист замахивался и на сам метод Маркса. Безосновательно сводя материалистическое понимание истории к «экономическому материализму», а последний — к определению «форм производства и обмена», социолог-публицист доказывал, что исходя из такого подхода вообще нельзя понять многие процессы в обществе: столкновения государств, национальные распри и прочее. Он доказывал, что «экономический материализм» не раскрыл ход истории разных эпох и стран, в том числе и открытое Морганом независимо от Маркса «родовое общество». Иронизировал Михайловский и над попытками Маркса и Энгельса увидеть гегелевскую «триаду» в том или ином процессе. Наконец, он задавал и такой каверзный вопрос: «в каком сочинении Маркс изложил свое материалистическое понимание истории?»<sup>10</sup>.

Полемизируя с маститым публицистом в гектографированном подпольном сборнике под названием «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов» В.И. Ульянов решительно отверг заявление Михайловского насчет отсутствия у Маркса материалистического понимания истории, указав на «Капитал». В этом основном

<sup>10</sup> Михайловский Н.К. Полн. собр. соч. 116., 1909. Т. 7. Стлб. 326, 735, 754, 756 и др.



своем сочинения Маркс положил конец «воззрению на общество как на механический агрегат индивидов» и ввел в социологию «понятие общественно-экономической формации» как совокупности данных производственных отношений, установив, что «развитие таких формаций есть закономерный исторический процесс». Таковой не подчиняется произвольным желаниям той или иной личности; участвовать в нем личность могла только сообразуясь с исторической закономерностью, подчиняясь ей.

Ульянов доказывал, что в отличие от социологов-идеалистов Маркс не претендовал на изучение «общества вообще» — но зато он показал читателю в «Капитале», книге, имевшей «гигантский успех», «всю капиталистическую общественную формацию как живую — с ее бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов, с буржуазными идеями свободы, равенства и т. п., с буржуазными семейными отношениями». Понятно теперь, что сравнение Маркса с Дарвином точно (Михайловский отрицал его точность. — *Е.П.*): «Капитал» — это не что иное, как «несколько обобщающих, теснейшим образом между собой связанных идей, венчающих целый Монблан фактического материала»... Теперь — со времени появления «Капитала» — материалистическое понимание истории уже не гипотеза, а научно доказанное положение, «синоним общественной науки»<sup>11</sup>. «Материализм (исторический. — *Е.П.*) представляет из себя не «по преимуществу научное понимание истории», как думает г. Михайловский, а «единственное научное понимание»<sup>11</sup>.

С точки зрения философии истории XXI в. мы во многом можем «подправить» Ульянова. Формационное членение общества — не единственный плодотворный в науке подход. К нему надо добавить «подход цивилизационный», объясняющий многоцветье культур, наций, народов; «буржуазная политическая надстройка» не только защищает класс капиталистов, но и упорядочивает жизнь всего общества; буржуазные идеи «равенства, братства, свободы» не остались пустыми обещаниями — они воплощены ныне в развитых буржуазных странах в демократию «для всех», антагонизм классов сменился их относительным «социальным партнерством» и т. д. Претензии марксизма на «единственно научный подход» современная наука отвергает, хотя надо признать, что создать труд, равный Марксову «Капиталу», было никому не под силу. А формационный подход Маркса с успехом приме-

<sup>11</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 136–140.

няли не только марксисты, но и такие ученые, как Д. Гэлбрайт, У. Ростоу, А. Тоффлер — хотя они не всегда любили это подчеркивать...

Надо отметить, что противопоставляя народническим версиям «незначительности» элементов капитализма в России марксистскую версию, Ульянов далеко не точен. Так он пишет: «Социал-демократическое решение вопроса основывается, как известно, на том взгляде, что русские экономические порядки представляются буржуазным обществом, из которого может быть только один выход, необходимо вытекающий из самой сущности буржуазного строя — именно классовая борьба пролетариата против буржуазии»<sup>12</sup>. Это явное забегание вперед; феодализм с такими его громадными остатками, как самодержавие, класс помещиков, полицейский режим в стране еще не ушел в прошлое. Степень развития капиталистических отношений в стране завышается и в дальнейшем, в аргументации Ульянова против С.Н. Кривенко: «Россия представляет из себя буржуазное общество, выросшее из крепостного уклада», «деревня давно уже раскололась», «эксплуатация трудящегося в России повсюду является в сущности своей капиталистической» и т. п.

Правда, в конце концов Ульянов вспоминает об «остатках» крепостничества в стране: «В России остатки средневековых, полукрепостнических учреждений так бесконечно еще сильны (сравнительно с Западной Европой), они таким гнетущим ярмом лежат на пролетариате и на народе вообще (о крестьянстве Ульянов забывает! — Е. П.), задерживая рост политической мысли во всех сословиях и классах, — что нельзя не настаивать на громадной важности для рабочих борьбы против всяких крепостнических учреждений, против абсолютизма, сословности, бюрократии»<sup>13</sup>.

В целом ясно: Ульянов не обладает в момент написания работы точными данными о соотношении разных укладов в стране, он не видит антагонизма помещика—крестьянина как *главного* в крестьянской России. Видимо, отсюда возник его замысел, к осуществлению которого он приступил уже в 1894 г., — специально исследовать «развитие капитализма в России». Эту громадную задачу он завершит уже в ссылке и книга под таким заглавием выйдет в 1899 г. (под псевдонимом В.И. Ильин), так и не решив окончательно проблемы. Во всяком случае, Ульянову Россия в середине 90-х гг. XIX в. видится весьма развитой капиталистической страной. К тому же он считает, что здесь уже получил «громадное развитие» (!) антагонизм ПРОЛЕТАРИЯ и БУР-

<sup>12</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 159.

<sup>13</sup> Там же. С. 300–301.

ЖУА, он требует, чтобы «всякий, кто не хочет быть ВОЛЬНЫМ или НЕВОЛЬНЫМ приспешником буржуазии, становился на сторону пролетариата». Он призывает социалистов не отвлекать рабочих «от их прямой задачи — ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ»<sup>14</sup>.

Если народник считал «человеком будущего» в России «мужика», сбрасывая со счетов «рабочего», то обратного рода ошибку делает Ульянов в заключении книги: он объявляет «русского рабочего» «единственным и естественным представителем» всего трудящегося и эксплуатируемого населения, ибо эксплуатация трудящегося в России *«повсюду является по сущности своей капиталистической, если опустить вымирающие (?) остатки крепостнического хозяйства»*, к тому же в последнем случае «эксплуатация массы производителей мелка, раздроблена, неразвита, тогда как эксплуатация фабрично-заводского пролетариата крупна, обобществлена и концентрирована».

«На класс рабочих, — кончает Ульянов свой труд, — и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую борьбу в сознательную классовую борьбу, — тогда русский РАБОЧИЙ, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ (рядом с пролетариатом ВСЕХ СТРАН) прямой дорогой открытой политической борьбы к ПОБЕДОНОСНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»<sup>15</sup>.

Именно эту формулировку авторы первого тома многотомной «Истории КПСС» посчитали постановкой вопроса о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции, хотя здесь явно спрямлен путь грядущей «КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ», отсутствует идея союза пролетариата с крестьянством, «рабочий» противостоит «*пролетариату*», да и вообще не упомянут этап буржуазно-демократического развития революции<sup>16</sup>.

Первым произведением Ульянова в легальной печати была его работа «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», напечатанная в сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйства». Весь тираж издания (2000 экз.) правительство год дер-

<sup>14</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 304, 306.

<sup>15</sup> Там же. С. 306.

<sup>16</sup> История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1963. С. 208.

жало под запретом, затем конфисковало и сожгло, спасти удалось около сотни книг, которые тайно распространялись в Санкт-Петербурге и других городах.

Это произведение К. Тулина (он же Ульянов), на наш взгляд, удачным назвать нельзя. Оно начиналось с критики народнической статьи 1879 г., отношения к книге П.Б. Струве не имевшей, затем автор переходил к последовательно критическому изложению книги Струве, довольно рыхлой по своей композиции. Соответственно и книга Тулина не имеет цельной структуры, автор перескакивает от одной проблемы к другой, снова возвращается к сказанному.

Свой подзаголовок к книге «Отражение марксизма в буржуазной литературе» Тулин объясняет сочетанием у Струве марксистского анализа состояния России с апологетикой капитализма и рядом чисто буржуазных пожеланий правительству. Тулин пишет: «Автор вполне признает капитализм как основной фон, на котором совершаются все описываемые явления. Он совершенно ясно указал на быстрый рост товарного хозяйства, на разложение крестьянства, на распространение улучшенных орудий и т. п., с одной стороны, — на освобождение крестьян от земли, создание сельского пролетариата, с другой. Он сам, наконец, характеризовал это как создание новой силы — *капитала*, и отметил решающее значение «появления капиталиста между производителем и потребителем». Вместе с тем Тулину явно не нравятся рекомендации Струве государству — не гоняться за неосуществимым экономическим равенством в среде крестьянства, а вести политику создания «экономически крепкого, приспособленного к товарному производству крестьянского хозяйства»; далее, превратить «бедную капиталистическую страну» в «богатую», и так — вплоть до заключительной фразы: «пойдем на выучку к капитализму»<sup>17</sup>.

Струве с самого начала заявлял: «ортодоксией я не заражен», но попытки Тулина указать на ошибочность ряда его формулировок, на наш взгляд, не выдерживают критики. Так, Струве писал: «Мы не можем не признать, что *чисто философское обоснование* этого (марксистского. — Е.П.) учения еще не дано, и что оно еще не справилось с тем огромным материалом, который представляет всемирная история. Нужен, очевидно, пересмотр фактов с точки зрения новой теории; нужна критика теории на фактах. Быть может, многие односторонности и слишком поспешные обещания будут оставлены»<sup>18</sup>. Нам представляется, что эти высказывания не противоречат ряду поздних признаний Энгельса.

<sup>17</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. I. С. 511, 527.

<sup>18</sup> Там же. С. 437

Тулину не понравилось утверждение Струве: «Государство есть прежде всего *организация порядка*; организацией же господства (классового) оно является в обществе, в котором, подчинение одних групп другим обуславливается его экономической структурой». И здесь мы не видим ничего неправильного<sup>19</sup>.

Десятки раз Тулин указывает, что Струве не доводит свой анализ капитализма в России до конца, до признания его антагонистичности, прежде всего признания классовой борьбы. Но напомним, что классовые противоречия в стране находились в состоянии еще зародышевом, что, впрочем, вынужден признать и критик. Тулин пишет о российском земледелии: «На самом деле капитал, хотя уже и господствует (?), но в очень неразвитой сравнительно форме; до полного развития, до полного отделения производителя от средств производства еще много промежуточных ступеней, и каждый шаг земледельческого капитализма означает *рост* внутреннего рынка... который в России не сокращается, а, напротив, складывается и развивается». Далее признается Тулиным и наличие «крепостнических» черт вместе с капиталистическими в нашем «перенаселении»<sup>20</sup>.

Безусловно, центральной идеей книги Тулина является размежевание объективизма и материализма (читай — марксизма. — *Е.П.*). «Объективист, — пишет он, — говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические противоречия. Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения... Таким образом, материалист, с одной стороны, последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм... В данном случае, например, материалист не удовлетворился бы констатированием «непреодолимых исторических тенденций», а указал бы на существование известных классов, определяющих содержание данных порядков... С другой стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой (?) оценке событий прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»<sup>21</sup>. Но, к сожалению, Ленин в дальнейшем своем творчестве толковал «партийность» чересчур расширительно, записывая по разряду «реакции» и «поповщи-

<sup>19</sup> См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 438

<sup>20</sup> Там же. С. 490—491.

<sup>21</sup> Там же. С. 418—419.

ны» безобидных профессоров-естествоиспытателей Э. Маха и Р. Авенариуса. Советские философы, усугубляя ошибку Ленина, привязывали любого философа к какой-либо «классовой группе» [Не кажется нам верным объявление Тулиным народнической идеологии середины 90-х гг. XIX в. идеологией «мелкого буржуа». На наш взгляд, она отражала положение крестьянства.]?

Впрочем, степень расхождения «ортодоксов» и «легальных марксистов» не стоит преувеличивать, иногда и Струве становился вполне «марксистом». Так, к нему обратились в 1898 г. социал-демократы, участники I съезда РСДПР, заседавшего на окраине г. Минска, с просьбой написать Манифест РСДРП. Струве справился с задачей. Он подчеркнул в Манифесте необходимость борьбы с абсолютизмом: «Политическая свобода нужна русскому пролетариату, как чистый воздух для здорового человека». Он указывал, что «нужную ему политическую свободу русский пролетариат может завоевать только сам»; он отвергал надежды на революционность русской буржуазии: «Чем дальше на Восток Европы, тем в политическом отношении слабее, трусливее и подлее становится буржуазия и тем большие культурные и политические задачи выпадают на долю пролетариата. На своих крепких плечах русский рабочий класс должен вынести дело завоевания политической свободы». «Свержение самодержавия — необходимый, но лишь первый шаг к осуществлению великой исторической миссии пролетариата: созданию такого общественного строя, в котором не будет места эксплуатации человека человеком. Русский пролетариат сбросит с себя ярмо самодержавия, чтобы с большей энергией продолжать борьбу с капитализмом и буржуазией до полной победы социализма». Все это звучало совсем не плохо, звало пролетариат к борьбе и за демократию, и за социализм.

Отметим, что позже, будучи в белой эмиграции, Струве отрекся от своих юношеских «грехов»: «...Манифест, написанный мною... ни в коем случае не соответствовал моим более сложным взглядам того периода»<sup>22</sup>.

Кстати, касаясь этого периода, подчеркнем, что вывод авторов первого тома «Истории ВКП(б)» (Выпуск I. М.—Л., 1926. С. 145) «первый съезд имел колоссальное значение» был *преувеличением*. Первый съезд не выработал программу и устав партии, к тому же он был — что несомненно сказалось на уровне пролетарского движения — почти сразу разгромлен охранкой, как и «Рабочая газета», объявленная цен-

<sup>22</sup> *Struve P. My Contacts and Conflicts with Lenin // The Slavonic and East European Review. Vol. 137. 1934. April. P. 75.*

тральным органом партии. Пострадал и ряд местных организаций РСДПР. Аресты «расчистили» место в партии «экономизму», течению, чуждому сфере политики и занятому исключительно борьбой за экономические интересы пролетариата. Заканчивая рассказ о полемике Тулина со Струве, укажем, что Н.В. Валентинов подметил в «Недорисованном портрете» и такое: «Для сборника “Материалы, к характеристике нашего хозяйственного развития” (вышел в 1895 г.) Ленин написал статью “Экономическое содержание народничества” (это его первая работа, появившаяся в печати). В ней ясно проглядывало убеждение в возможности для России “перескочить через капиталистическое развитие”». С критическими замечаниями по этому поводу Струве и Потресова, вместе с ним редактировавшими сборник, Ульянов мало считался, но когда Федосеев, которому он послал статью, резко высказался против его мысли, что крушение буржуазного строя произойдет одновременно с падением самодержавия, тот «все отвергнутые Федосеевым места из своей книги выбросил...»<sup>23</sup>.

Однако от своего стремления всячески сократить период капитализации России, буржуазно-демократический этап ее развития, Ленин не откажется ни в 1905—1907 гг., когда возьмет курс на немедленный переход от первого, демократического этапа революции, ко второму — социалистическому, ни в 1917 г., когда воспользовавшись нарастанием антимилитаристских настроений в стране и развертывавшейся аграрной революцией, он возглавит вместе с Троцким октябрьский «социалистический» переворот и тем самым сократит до 7—8 месяцев тот этап буржуазно-демократического развития, который должен был занять 50—100 лет — настолько отсталой и некультурной была страна. Свою пагубную торопливость Ленин преодолеет только после Бреста в период нэпа и в последних работах, продиктованных во время болезни.

## Теоретические занятия Ульянова в ссылке

Отсидев 14 месяцев в тюрьме, Владимир Ульянов был затем сослан на три года в село Шушенское Минусинского уезда Красноярской губернии. Н. Валентинов назвал ссылку Ульянова в Шушенское «чудесной». Действительно, мать выхлопотала ему проезд без конвоя и «этапов», изнуравших ссыльных. Далее, дополнительно к 8 рублям, которые Ленин ежемесячно получал от властей на «прожитие» (солидная сумма при сибирской дешевизне), он имел постоянные переводы от

<sup>23</sup> Валентинов Н. Недорисованный портрет. С. 483—484.

родных. К нему приехала «невеста» Надежда Крупская, с которой они на самом деле поженились 22 июля 1898 г. Затем приехала и теща Надежда Васильевна — чтобы помогать Наде по хозяйству. Ленин мог спокойно работать над своими трудами и читать присылаемые ему книги, среди них «Agrarfrage» (Аграрный вопрос) К. Каутского, а также разумно отдыхать. Он избавился от болезней, которые мучили его в тюрьме.

Многокилометровые «охотничьи» походы и ловля рыбы летом, коньки зимой, редкие встречи с «соседней» ссыльной публикой — все вносило разнообразие в монотонные научные занятия. Вспоминает Н.П. Лепешинский, живший в селе Ермаковском (несколько десятков километров от «Шуши»).

«Квартирка, в которой скучивались “съездовцы”, наполнялась шумом и гамом. Ни дать, ни взять — пчелиный улей! Все спешили наговориться, наохотаться, наспориться, словом, насытить свои изголодавшиеся души счастьем общения с близкими по духу людьми. И Ильич не только не скучал в таком обществе, а, наоборот, был наиболее жизнерадостным членом его. У него за последние месяцы накопилось много вопросов, которые он хотел обсудить сообща... Когда я впервые встретился с Ильичом, все мои прежние представления о нем, как о «генерале», насмешливом, заносчивом и жестком человеке, рассеялись в прах после первых же минут знакомства с ним. Никто из нас не отличался таким естественно простым, милым, хорошим отношением к окружающим людям, такой чуткостью и таким уважением к свободе и человеческому достоинству каждого из нас, его товарищам и единомышленникам»<sup>24</sup>.

Слово «единомышленники» мы выделили не случайно. В «Шуше» Ульянов мог быть с ними милым и отзывчивым, поучаствовать и в хоровом пении, и в шахматном соревновании, и в веселой болтовне, и в тех дискуссиях, которые он использовал в педагогических целях. Не исключались и сложные вопросы, совместные политические действия: в литературе упоминается написанный Ульяновым знаменитый «протест 17», который был направлен против «экономического кредо» Е.Д. Кусковой, отрицавшей необходимость политической борьбы.

Через пяток лет, в женеvской эмиграции, в период партийных склок большевиков с меньшевиками, Ильич станет жестким, нетерпимым, категоричным — вплоть до разрыва всяких личных отношений со своими оппонентами.

<sup>24</sup> Лепешинский П.Н. На повороте. М., 1955. С.102—103.



И все же ссылка оставалась ссылкой. Глушь. Пустынный (хотя и расцвеченный летом цветами) ландшафт, почти полная невозможность открытой политической деятельности, долгое ожидание ответа на отправляемые родным письма — все это действовало угнетающе. Оставалось главное лекарство — работа...

Относительно либеральный режим содержания политзаключенных в ссылке позволял Ульянову продолжать свои теоретические изыскания и поддерживать связь с «волей». В Шушенском Ульянов получал литературу через родных (даже из библиотек). Он сумел проработать и отрецензировать книгу К. Каутского «Die Agrarfrage» («Аграрный вопрос», 1899), перевести и отрецензировать книгу К. Каутского «Bernstein und das sozial-demokratische Programm. Antikritik» («Бернштейн и социал-демократическая программа. Антикритика») — в печати перевод не появился. Как видим, на этом этапе Ленин был вполне солидарен с Каутским в критике ревизионизма.

А теперь уделим особое внимание законченному в ссылке В.И. Ульяновым труду «Развитие капитализма в России», изданному в 1899 г. (псевдоним В. Ильин). На наш взгляд, труд явно **завышал** число пролетариев в населении России (22 млн, 63 млн вместе с полупролетариями, в том числе *«около 10 млн наемных рабочих»*<sup>25</sup>). Автор явно преувеличивал и воздействие капитализма на деревню: «Старое крестьянство не только «дифференцируется», оно совершенно разрушается, перестает существовать, вытесняемое совершенно новыми типами сельского населения, типами, которые являются базисом общества с господствующим товарным хозяйством и капиталистическим производством»<sup>26</sup>. На одной из страниц находим характеристику того метода, который позволил автору преуменьшить остатки «стародавних структур».

«Говоря выше, что крестьянская буржуазия есть господин современной деревни, мы абстрагировали (?) эти задерживающие разложение факторы: кабалу, ростовщичество, отработки и прочее. В действительности (!) настоящими господами современной деревни являются зачастую не представители крестьянской буржуазии, а сельские ростовщики и соседние землевладельцы. Подобное обстоятельство представляется однако вполне законным (?), ибо иначе нельзя изучать внутренний строй экономических отношений в крестьянст-

<sup>25</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 505, 582; в Предисловии ко второму (1908) изданию Ленин сделает важное обобщение: сила пролетариата «в историческом движении неизмеримо более, чем его доля в общей массе населения» (Т. 3. С. 13).

<sup>26</sup> Там же. С. 166.

ве»<sup>27</sup>. Позволим себе не согласиться с подобным односторонним методом анализа, он явно *искажает* картину социальных отношений в России.

Не можем принять мы и вывод В. Ильина по поводу одной из главных таблиц своего труда в сводном подсчете «распределения всего населения России»:

Сельскохозяйственное население России ....	97,0 млн
Торгово-промышленное.....	21,7 млн
Непроизводительное .....	6, 9 млн
Всего.....	129,6 млн

Далее у Ильина сказано: «Из этой картины ясно видно, с одной стороны, что товарное обращение и, следовательно, товарное производство вполне прочной ногой стоят в России. Россия — страна капиталистическая. С другой стороны, отсюда видно, что Россия еще очень отстала, по сравнению с другими капиталистическими странами, в своем экономическом развитии»<sup>28</sup>.

Мы бы уточнили в этом выводе положение «Россия — страна капиталистическая». Как явствует из таблицы, она была «аграрно-капиталистической страной», страной, пока еще по преимуществу крестьянской. Ленин поймет это, специально обратившись после первой русской революции к аграрным порядкам России...

Любопытно, что к сравнительному анализу России с Западом Ленин прибегнет только в конце книги. Так он пишет: «Если сравнивать докапиталистическую эпоху России с капиталистической, то развитие общественного хозяйства при капитализме придется признать чрезвычайно быстрым. Если же сравнивать данную быстроту развития с той, которая была бы возможна при современном уровне техники и культуры вообще, то данное развитие капитализма придется признать медленным... ибо ни в одной капиталистической стране не уцелели в таком обилии учреждения старины, несовместимые с капитализмом, задерживающие его развитие, безмерно ухудшающие положение производителей, которые страдают и от капитализма, и от недостаточного развития капитализма»<sup>29</sup>.

<sup>27</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 179.

<sup>28</sup> Там же. С. 502.

<sup>29</sup> Там же. С. 601.

Из этого сравнения следовал вопрос: является ли сам темп быстрого развития России достаточно высоким, чтобы догнать передовые капиталистические страны? Ленин не ставит пока перед собой такого вопроса, но он выйдет к нему, изучая в дальнейшем специально «учреждения старины» в России. Они окажутся столь существенными, что догнать передовые страны, как сочтет Ленин, без революции будет невозможным. С этим, наверно, можно согласиться. Во всяком случае 15 лет спустя после написания «Развития капитализма в России» к 1914 г. Россия не достигла уровня, позволяющего выдержать испытания военного времени.

## Глава 3

### «Искровский» период

#### Ссылка заканчивается. Новые планы

Ленин в своей петербургской деятельности не отрывал теорию борьбы пролетариата от практики его борьбы. Но и к концу ссылки В.И. Ульянова начали особенно волновать практические вопросы — они отражены в так и не увидевших свет статьях «Наша программа», «Наши ближайшие задачи», «Насущный вопрос». Истинный социал-демократ, пишет он, должен стоять всецело на почве «теории Маркса». Она установила, что сущностью современного капиталистического хозяйства является купля рабочей силы наемного рабочего, прикрывающая порабощение миллионов неимущего народа кучкой капиталистов — владельцев земли, фабрик, рудников и пр. Она научила видеть под покровом укореившихся обычаев, политических интриг, мудреных законов, хитросплетения учений *классовую борьбу* между имущими и пролетариатом. В этом пункте Ульянов переходит в сферу политического действия<sup>1</sup>.

Ульянов дает примечательную формулу: «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которые социалисты *должны* двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни»<sup>2</sup>.

Но сам Ульянов пока не имеет возможности двигать вперед теорию Маркса, его позиция — это позиция социалиста, преодолевающего условия *отсталой* страны, в которой нет парламентаризма, нет того общественного устройства, которое уже в эпоху Ленина позволяло пролетариату передовых стран добиваться крупных уступок от буржуазных правительств, улучшать свое материальное положение, расширять свои права и свою свободу действий.

<sup>1</sup> См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 182—183.

<sup>2</sup> Там же. С. 184.

Чтобы добиться этих прав, настаивает Ульянов, «надо вести политическую борьбу», не ограничиваясь экономической. Все группы населения, взятые отдельно, утверждает он, не способны к упорной политической борьбе, «но когда рабочий класс поднимет знамя такой борьбы — ему отовсюду протянут руку помощи». «Русская социал-демократия встанет во главе всех борцов за права народа, всех борцов за демократию, и тогда она станет непобедимой»<sup>3</sup>. Вот это похоже на подход к идее гегемонии пролетариата в России на этапе буржуазной революции. Но для этого, продолжает автор, надо создать определенные предпосылки.

Преодоление кустарничества, при котором существовали разрозненные кружки, мешало рабочим проникнуться сознанием политической общности интересов во всей России. Ульянов считал осознание этой общности основным делом и указывал впервые на главный недостаток российского социал-демократического движения: «теоретические и практические вопросы *не обсуждаются открыто в центральном органе*, не служат для выработки общей программы партии и общей тактики», а теряются в «узкой кружковщине» или «ведут к непомерному *преувеличению* местных и случайных особенностей»<sup>4</sup>.

Пребывание в Западной Европе, ближайшее знакомство с деятельностью развитой социал-демократии способствовало поиску Ленина, сказалося его знание истории марксизма. Он фиксировал внимание на том, что у рабочих Германии, Франции и других стран есть кроме газет и масса других способов проявления и выражения своей деятельности: парламентской, выборной агитации, народных собраний, участия в общественных местных союзах и т. д. и т. п. «У нас *заменой всего этого*, но именно *всего* этого, должна служить — пока мы не завоевали политической свободы — революционная газета...»<sup>5</sup> Ленин обращал внимание на то, что о возможности задуманного говорит и пример чрезвычайно оживленной деятельности социалистов в Германии в период исключительного закона против социалистов (с 1878 по 1890 г.), когда даже министры восхищались «красной почтой». Достигнуть того, чтобы газета партии выходила не менее 12 раз в год и правильно доставлялась во все центры движения, можно, если направить на это все усилия.

Статьи не попали в руки читателей, но, конечно же, этот свой план, продуманный в «чудесной ссылке», Ульянов принялся выполнять после ее окончания...

<sup>3</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 186.

<sup>4</sup> Там же. С. 189 (курсив наш. — Е.П.).

<sup>5</sup> Там же. С. 192.

## «Искра»: ленинский план в действии

Приведенная выше программа будет обсуждаться после возвращения Ульянова из ссылки в Центральную Россию (Псков) в литературной группе — Ульянов, Мартов, Потресов — всем им отводилась главная роль в редколлегии газеты. Группа найдет ей блестящее название: «Искра» с декабристским эпиграфом: «Из искры возгорится пламя». Для этого всерешающего дела надо было связать между собой десятки городов, найти сотню-другую энтузиастов, которых впоследствии назовут агентами «Искры». За их сплочение взялся Ульянов, объезжая разные города России. Один пункт плана не вызывал споров: газету «Искра» и журнал «Заря» было решено издавать *вне России* — здесь охранка могла выследить центр печатанья, арестовать редколлегию.

Ульянов законспирировал место типографии за границей, в Германии, где вроде бы существовала свобода печати (сначала Штутгарт, затем Мюнхен). Здесь можно было обеспечить и относительную безопасность газеты и обеспечить ее регулярный выпуск — 1 номер в месяц. Печатать газету условились на тончайшей бумаге, чтобы транспорт не занимал много места и не привлекал внимания таможенников.

Марксистский кружок (в первых его совещаниях участвовали и «легальные марксисты» — Струве, Туган-Барановский) мыслил объединить свои усилия и с группой «Освобождение труда». Плеханову, Аксельроду, Вере Засулич были предложены места в редколлегии газеты и журнала.

Началось полулегальное проживание Ульянова в Германии, по подложным паспортам, были установлены 15 адресов, с которыми надлежало связываться российским корреспондентам. «А сверх того переписка шифром, с помощью «химии», пересылка материалов в переплетах журналов и книг, система псевдонимов и паролей при встречах — все было продумано во всех деталях и соблюдалось неукоснительно»<sup>6</sup>. За границей вся подготовительная работа легла на плечи Ленина — ибо пока ни Мартова, ни Потресова, ни Крупской, которая должна была возглавить редакционный аппарат, в Германии не было. Ульянов вынес «нечеловеческое напряжение». «Я временами изнемогаю и совсем отвыкаю от настоящей работы... нервы развинтились порядочно», — жаловался он в письмах того времени<sup>7</sup>.

Не без некоторых недоразумений, вызванных стремлением Плеханова **установить** свое «единоначалие»<sup>8</sup>, согласие все же было достигнуто —

<sup>6</sup> *Турновский К. Н.* Революционная мысль и революционное дело. М., 1983. С. 71.

<sup>7</sup> Там же.

<sup>8</sup> См.: Как чужь не потухла «Искра». Полн. собр. соч. Т. 4. С. 334—352.

назначены 6 редакторов «Искры» (Плеханов, Ульянов, Мартов, Потресов, Аксельрод, Вера Засулич) с правом решающего голоса по всем редакционным вопросам; на долю Г.В. Плеханова, П.Б. Аксельрода, В.И. Засулич досталось заведование изданием «Зари». Впрочем, до работы редколлегии «Искры» в избранном составе дело так и не дошло — всю тяжесть работы ввалили на себя Ульянов и Мартов, а также Крупская, ведавшая всей перепиской с Россией. В декабре 1900 г. первый номер «Искры» вышел в Штутгарте. Его открывала статья «Китайская война» — газета не ограничивалась публикацией российских материалов.

## Единоборство с охранкой

Рассылка газеты через границу и по российским каналам осуществлялась с огромным риском, далеко не все номера доходили до адресатов. С лета 1901 г. «Искра» оказалась в центре внимания департамента полиции; в начале 1902 г. на совещании высших чинов департамента и губернских жандармских управлений «Искра» и ее группы в России были объявлены главным объектом политической борьбы полиции.

Первый удар по «искровцам» полиция нанесла в сентябре 1901 г.; за «ликвидацией» центров в Петербурге и Одессе последовали аресты в Кишиневе, Екатеринославе, Иваново-Вознесенске, Николаеве, Ростове-на-Дону, Перми. Разгром казался полным.

Но осенью 1901 г. в Россию выехали с целью воссоздания порушенных связей Г.М. и З.П. Кржижановские; вместе с «генералом» С.И. Радченко и С.О. Цедербаумом они справились с задачей. В Москве кое-какие связи сохранил Н.Э. Бауман. В январе 1902 г. удалось избрать ЦК — Бюро Русской организации «Искры» во главе с Г.М. Кржижановским, каждый член ЦК возглавил определенный район в России. К марту 1902 г. сеть «Искры» была восстановлена. Из-за слежки полиции в Германии Ленин перенес типографию в Лондон.

Еще один удар по сети «Искры» был нанесен в Центральном промышленном районе весной 1902 г., затем последовали аресты в Воронеже, Ярославле, Костроме, Владимире; провокатор охранки сумел подвести под арест до 200 человек в Северном районе.

Но поступление «Искры» в Россию было снова налажено. В июне 1902 г. «Искра» познакомила местные организации социал-демократов с проектом программы РСДРП, выработанным редакцией. Тем же летом была выдвинута задача непосредственной подготовки — через наличные организации «Искры» в России — II съезда РСДРП на базе программных документов «Искры».

## Искровская пропаганда

Издание газеты пришлось на период крупнейшего промышленного кризиса во всем мире, захватившем и Россию. Здесь началось падение производства, увеличивалась безработица. Отсюда массовые стачки и демонстрации вроде ростовской, всеобщая стачка 1903 г. на юге России. В 1902 г. обозначились первые признаки аграрной революции в деревне. Неожиданно и для властей, и для революционеров по черноземной полосе Украины и России прокатилась волна крестьянских восстаний с захватом помещичьих земель, поджогами усадеб. Изменилась в тот же период и физиономия российского «общества». На политической арене появилось «неонародничество» — партия социалистов-революционеров (эсеров); прибегли к индивидуальному террору эсеры-максималисты. Произошло и самоопределение русской буржуазии. П.Б. Струве, завершив отход от марксизма к буржуазному либерализму, начал издавать за рубежом журнал «Освобождение». Обо всех этих событиях мог узнать читатель газеты. За границей издавались и органы экономистов: «Рабочая мысль» и «Рабочее дело», за дело их критики также взялась «Искра».

Газета вела пропаганду идей марксизма, освещала современный общественный строй России, борьбу различных политических сил. «Искра» не упускала из виду местных вопросов рабочего движения и в то же время воспитывала чувство солидарности во всем рабочем классе страны. Центральной задачей газеты стало обличение русского самодержавия во всех его проявлениях.

«По отношению к самодержавию, — отмечал П.Н. Лепешинский, — она стала самым смертельным, самым последовательным, самым непримиримым врагом этого проклятого наследия мрачной эпохи византийщины и крепостнического прошлого России... Не было такого уголка в России, откуда в «Искру» не шли бы конспиративным путем жалобы на новые факты произвола царской опричнины, на новые проявления бессмысленности, жесткости и безмерной наглости всякого рода самодержавцев — сверху донизу — начиная от царя и его министров и кончая любым урядником в деревне»<sup>9</sup>.

Нашло отражение в газете пробуждение революционных настроений в деревне. Статья «Рабочая партия и крестьянство» («Искра» № 3) ясно указала на двойной гнет, которому подвергались крестьяне: во-первых, помещичий, стародавний — в виде ли аренды, отработок за ссуду хлебом и т. д. И, во-вторых, новобуржуазный, который добавлялся к первому. Перед рабочим классом газета поставила задачу внесения в деревню политического сознания и семян классовой борьбы.

<sup>9</sup> Лепешинский П.Н. Как возникла ленинская партия. М., 1933. С. 80.



Газета «Искра» и журнал «Заря» разоблачали как революционный авантюризм эсеров-террористов, так и тщетные надежды либералов на легальный «миниатюрный» прогресс в самодержавном государстве, только ослабляющий «и без того бесконечно слабое в русском человеке сознание своей ответственности, как гражданина, за *все*, что делает правительство»<sup>10</sup>. Пока что проблем империализма газета не касалась — книга А. Гобсона «Империализм» попала в руки Ленина только в 1904 г., и он принялся ее переводить (рукопись не сохранилась).

## Книга «Что делать?»

Особую роль в идейных боях тех лет сыграла книга «Что делать?», вышедшая весной 1902 г. под псевдонимом Н. Ленин (он станет главным для Ульянова). В сущности книга покончила с популярностью экономизма в некоторых слоях пролетариата России. Ленин был согласен с мнением А. Бебеля, К. Каутского, что стихийное пролетарское движение может выработать только ограниченное тредюнионистское, но отнюдь не социалистическое сознание, которое вырабатывается интеллигенцией и привносится в пролетариат извне.

Важнейшей в книге была мысль Ленина о том, что российскому пролетариату для дальнейшей борьбы по преобразованию России нужна партия — «общерусская централизованная организация, объединяющая в один общий натиск все и всяческие проявления политической оппозиции, протеста и возмущения, организация, состоящая из революционеров по профессии и руководимая настоящими политическими вождями всего народа»<sup>11</sup>.

Ленин снова подчеркивает несходство политических условий стран Запада, где пролетариату была гарантирована политическая свобода, и России, где ее не было. В странах Запада возможен всеобщий контроль над политиками рабочего класса, здесь происходит их «естественный отбор» при полной гласности, выборности, всеобщем контроле, которые обеспечивают то, что каждый деятель оказывается в конце концов «на своей полочке», он показывает на глазах всех «свою способность сознавать ошибки и избегать их»<sup>12</sup>.

Однако это абсолютно неприменимо к России, «когда революционер обязан в интересах работы скрывать от девяти десятых, кто он такой». Откуда же берутся тогда — при строжайшей конспирации — руководители, кто контролирует их работу? Ленин, безусловно от Чернышевского, за-

<sup>10</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 58.

<sup>11</sup> Там же. Т. 6. С. 99.

<sup>12</sup> Там же. С. 139.

имствует идею терпеливой и упорной «самовыработки», «самовыделки» революционеров по профессии, которые собственно и составят законспирированный центр, руководящий всеми организациями более широкой массы рабочих. Для руководства массовым движением в России, настаивает Ленин, нужны люди, живущие на средства партии, «специально посвящающие себя целиком социал-демократической деятельности»<sup>13</sup>.

Ленин вводит такие понятия, как «полное товарищеское доверие между революционерами», «обязанности товарищества», и то и другое гарантирует пригодность руководителя и вождя, дает разоблачение «любой демагогии». «И было бы большой ошибкой думать, что невозможность действительно «демократического» контроля делает членов революционной организации бесконтрольными: им некогда думать об игрушечных формах демократизма (демократизма внутри тесного ядра пользующихся взаимным доверием товарищей), но свою *ответственность* чувствуют они очень живо, зная притом по опыту, что «для избавления от негодного члена организация настоящих революционеров не остановится ни перед какими средствами»<sup>14</sup>. Ленин ссылается при этом на положительный опыт российской «Народной воли» и приводит следующие слова Е. Серебрякова: «Мышкин, Рогачев, Желябов, Михайлов, Перовская, Фигнер и пр. никогда не считали себя вожаками, и никто их не выбирал и не назначал, хотя в действительности они были таковыми, ибо как в период пропаганды, так и в период борьбы с правительством они взяли на себя наибольшую тяжесть работы, шли в наиболее опасные места, и их деятельность была наиболее продуктивна. И главенство являлось не результатом их желаний, а доверия к их уму, к их энергии и преданности со стороны окружающих товарищей. Бояться же какого-то ареопага (а если не бояться, то зачем писать о нем), который может самовластно управлять движением, уже слишком наивно. Кто же его будет слушать»<sup>15</sup>.

В книге Ленина содержится броский лозунг: «Дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию!»<sup>16</sup> В отличие от большинства рабочих партий Западной Европы, где в повестке дня оказалась проблема социальных реформ, рабочая партия в России, пропагандируемая Лениным, была изначально нацелена на «совершение политической революции», включая подготовку, назначение и проведение всенародного вооруженного восстания, приуроченного к стихийному возмущению масс; она не забывала о «диктатуре пролетариата», чем часто страдали западные рабочие партии. В условиях российского

<sup>13</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 126—127, 132—133, 140 и др.

<sup>14</sup> Там же. С. 141—142.

<sup>15</sup> Там же. С. 140—141.

<sup>16</sup> Там же. С. 127.

самодержавного строя стремящаяся к его ликвидации политическая партия была обречена постоянно подвергаться преследованиям.

«Нам возразят, — писал Ленин, — такая могучая и строго тайная организация, концентрирующая в своих руках все нити конспиративной деятельности, организация по необходимости централистская, может слишком легко броситься в преждевременную атаку... может необдуманно обострить движение, раньше, чем это можно и нужно по росту политического недовольства, по силе брожения и озлобления в рабочем классе и проч. Мы ответим на это: абстрактно говоря, нельзя, конечно, отрицать, что боевая организация *может* повести на необдуманный бой, который *может* кончиться вовсе не необходимым при других условиях поражением. Но ограничиться абстрактными соображениями в таком вопросе невозможно, ибо всякое сражение включает в себя абстрактную возможность поражения, и нет другого средства *уменьшить* эту возможность, как организованная подготовка сражения... Только централизованная боевая организация, выдержанно проводящая социал-демократическую политику и удовлетворяющая, так сказать, все революционные инстинкты и стремления, в состоянии предохранить движение от необдуманной атаки и подготовить обещающую успех атаку»<sup>17</sup>.

При этом Ленин, выступая на II съезде партии, заявлял: «Не надо думать, что партийные организации должны быть только из профессиональных революционеров. Нам нужны самые разнообразные организации всех видов, рангов и оттенков, начиная от чрезвычайно узких и конспиративных и кончая весьма широкими, свободными, *lose Organisationen*».

В то же время Ленин оговаривался еще в «Что делать?», что революция — дело будущего, пока же испытанным революционерам предстоит продержаться в борьбе с жандармами несколько, по крайней мере, лет, потом им предстоит — здесь Ленин повторяет Чернышевского — поразительно быстро сойти «со сцены»<sup>18</sup>.

Ленин, ничего не ведавший об издании Чернышевским «Исторической библиотеки», пособий Ф.К. Шлоссера, не догадывался, что Чернышевский имел в виду уход «со сцены» политики деятелей поначалу *победоносной* революции 1793 г. во Франции, таких, как Робеспьер, Сен-Жюст, Кутон...

В 1902 г книгу Ленина в общем-то приняли на «ура», автора поздравляли с тем, как точно он отразил настроения российских социал-демократов и передовых рабочих. «Общее впечатление — превосходное. Не сомневаюсь, что книжка будет иметь большой успех и сыграет роль орга-

<sup>17</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 136—137.

<sup>18</sup> Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. С. 265; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 180.

низатора», — писал в 1902 г. будущий идейный противник В.И. Ленина А.Н. Потресов. Будущий меньшевик В.К. Иков писал о книге: «Впечатление от нее потрясающее, ее влияние неотразимо и ни с чем кроме Бельтова (Плеханова. — *Е.П.*) не сравнимо и не соизмеримо».

Лишь после раскола партии на II съезде РСДРП лидеры меньшевиков разглядают «централистско-революционное» жало книги Ленина и в один голос заговoryт о ее теоретических ошибках в трактовке соотношения стихийности и сознательности (Плеханов), о порочном взгляде Ленина на рабочую массу как на «неисторический элемент истории», как на «материю», движимую извне «духом» (он же), о том, что взгляды Ленина порождают сектантство, обособленность партийных «верхов» от «низов», вызывают у «вождей» чувство собственной непогрешимости и вседозволенности, «незаметно превращая социал-демократию в заговорщическую организацию» (Мартов).

Истину, видимо, отразил тот же Мартов в своей «Истории российской социал-демократии». Он признавал, что книга Ленина «явно шла навстречу настроениям наиболее активных организаторов и агитаторов партии, утомленных годами организационного топтания на месте и убожеством, как выразился Ленин, «кустарничества», «характеризовавшего работу комитетов и стеснявшего ее размах»<sup>19</sup>.

## Предсъездовские споры в «Искре»

Впрочем, противоречия между Лениным и Плехановым выявились еще до созыва в 1903 г. II съезда РСДРП — при выработке проекта программы партии.

Ленина решительно не устраивал плехановский проект программы, Плеханова — ленинский. В частности, в замечаниях на второй проект программы Плеханова его критик писал: «Самым общим и основным недостатком, который делает этот проект неприемлемым, я считаю *весь тип* программы, именно: это не программа практически борющейся партии, а *Prinzipienerklärung* (формулировка принципов. — *Е.П.*), это скорее программа *для учащихся* (особенно в самом главном отделе, посвященном характеристике капитализма), а еще не о русском капитализме»<sup>20</sup>.

Это была явная придирка: рабочему, только-только вступающему в партию, совсем не лишне было получить общее представление о ка-

<sup>19</sup> Подробнее об этом см.: Тютюкин С.В. Меньшевизм: страницы истории. М., 2002. С. 48—51. Любопытно, что последний отзыв Мартова автор поместил в досъездовские отзывы, явно припигивая значение этого *послесьездовского* обобщения.

<sup>20</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 212.

питализме, хотя бы на уровне «учащихся», после чего — уже знакомиться с особенностями российского капитализма.

После бурных объяснений на искровской комиссии плехановский текст был сохранен, но явно ухудшен при переходе к характеристике российского капитализма. «В России капитализм, — предлагал написать Плеханов, — все более и более становится преобладающим способом производства». И это было уже забеганием вперед. А вот ленинская поправка, принятая комиссией: «Этого безусловно мало: он уже стал преобладающим...»<sup>21</sup>

Как видим, Ленин заложил в программу партии присущую всем ранее рассмотренным его произведениям установку на преувеличение степени капитализации России.

Следует, видимо, согласиться с замечанием эмигрантского историка Л. Шапиро, который писал: «Суть этого различия заключается в том, что если капитализм не стал преобладающим, то по марксистской теории, совместные действия пролетариата и буржуазии против самодержавия становятся возможными и желательными. По ленинской формуле, которая и была принята в окончательном проекте, уже наступило время для борьбы на два фронта — против капитализма и против самодержавия. Логическим следствием принятия этой формулы был бы *отказ от буржуазной фазы развития*, несмотря на то, что в России еще не было гражданских политических свобод...»<sup>22</sup>

Мы вышли к тому основному противоречию, которое размежует большевизм и меньшевизм в судьбоносном 1917 г. Ленин и Троцкий сведут буржуазно-демократическую фазу к 7—6 месяцам, там, где Плеханову, Мартову, Аксельроду виделось столетие, если не более...

А теперь вернемся снова к рассказу об «Искре». Вот ее оценка К.Н. Тарновским, мы согласны с нею: «Общая линия “Искры” определялась Лениным»<sup>23</sup>.

Второго августа 1902 г. на совещании, проведенном Лениным в Лондоне, было образовано ядро Организационного Комитета по созыву II съезда РСДРП. «...ОК был *главным образом* комиссией по созыву съезда, — писал Ленин, — комиссией, составленной из представителей разных оттенков, вплоть до Бундовского; действительную же работу *создания* организационного единства партий всецело вынесла на своих плечах организация “Искры” ...»<sup>24</sup>

<sup>21</sup> Ленинский сборник II. С. 84.

<sup>22</sup> Шапиро Л. Коммунистическая партия Советского Союза. Лондон, 1990. С. 85 (курсив наш. — Е.П.).

<sup>23</sup> Тарновский К.Н. Революционная мысль и революционное дело. С. 243.

<sup>24</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 264.

## Глава 4

# II съезд РСДРП. Большевики и меньшевики

### Основное противоречие программы II съезда

Семнадцатого (тридцатого) июля 1903 г. в Брюсселе Г.В. Плеханов открыл II съезд РСДРП (через пару недель из-за слежки бельгийской полиции съезд переедет в Лондон). Оратор оптимистически оценивал перспективы социал-демократии в России: «Мы сильны, но наша сила создана благоприятным для нас положением, это стихийная сила положения (т. е. наличие потенциальных революционных сил в России? — *Е.П.*). Мы должны дать этой *стихийной* силе *сознательное* выражение в нашей программе, в нашей тактике, в нашей организации. Это и есть задача нашего съезда... Этот съезд составит эпоху в истории нашей партии...»<sup>1</sup>

Слова оратора оказались пророческими, но совсем в ином смысле, чем он предполагал: вместо единой в своих взглядах и действиях партии на съезде образовались две фракции, две партии: большевиков и меньшевиков. Судьба их была различной, но в свое время обеим придется «сойти со сцены».

Поначалу напомним некоторые ленинские положения. Россия в конце XIX — начала XX в. лежала на границе государств цивилизованных и втягиваемых в цивилизацию, была феодальной страной, где развивался по восходящей линии капитализм. Отсюда — две «разных и разнородных», по выражению Ленина, социальных войны в обществе: одна — война всего народа, в том числе крестьянства за «свободу» и «землю», и другая — война пролетариата с буржуазией за «социалистический переворот»<sup>2</sup>.

Содержание этих двух войн не было увязано в Программе, принятой на II съезде РСДРП в 1903 г. В ней перечислялись принципы «свободы», за которые пролетариату предстояло бороться на первом, буржуазно-демократическом этапе борьбы: всеобщее, равное и прямое избирательное

<sup>1</sup> Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. С. 6.

<sup>2</sup> См.: Денин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45 С. 379; т. 11. С. 282—283 и др.

право, неприкосновенность личности и жилища, свободы совести, слова, собраний, печати и т. п. Но еще ранее был вписан в Программу (с подачи Ленина) принцип «диктатуры пролетариата», «такой политической власти, которая позволяет ему подавить всякое сопротивление эксплуататоров».<sup>3</sup> Но тем самым «диктатура пролетариата» перечеркивала все принципы «свободы», что и произойдет в России 1917 г.: Февраль принесет стране «свободы», Октябрь тут же их задушит.

Противоречие это не было вскрыто *теоретически* на съезде. Правда, С.В. Тютюкин, фиксируя как само это противоречие, так и «смутность» его понимания на съезде, добавляет: «Считалось, однако, что предварительным условием установления диктатуры пролетариата является превращение его в большинство населения страны, как будто исключавшее противопоставление диктатуры демократии»<sup>4</sup>. Но это (каутскианское) представление никто на съезде не выставлял. Напротив, Г.В. Плеханов, поддерживая мнения В.Е. Посадовского о подчинении принципов демократии «выгодам нашей партий», заявил под шиканье ряда делегатов, что во имя блага революции пролетариат может за какие-нибудь две недели разогнать негодный ему парламент. Аргументацию Плеханова стоит привести полностью, на его авторитет Ленин будет ссылаться в 1918 г. ... «П л е х а н о в. Вполне присоединяюсь к словам т. Посадовского. Каждый данный демократический принцип должен быть рассматриваем не по себе в своей отвлеченности, а в его отношении к принципу, который должен быть назван основным принципом демократии, именно принципу гласящему, что *salus populi suprema lex* (благо народа — высший закон. — Е.П.). В переводе на язык революционера это значит, что успех революции — высший закон. И если бы ради успеха революции потребовалось временно ограничить действие того или другого демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы останавливаться. Как личное свое мнение, я скажу, что даже на принцип всеобщего избирательного права надо смотреть с точки зрения указанного мною основного принципа демократии. Гипотетически мыслим случай, когда мы, социал-демократы высказались бы против всеобщего избирательного права. Буржуазия итальянских республик лишала когда-то политических прав лиц, принадлежащих к дворянству. Революционный пролетариат мог бы ограничить политические права высших классов, подобно тому, как высшие классы ограничивали когда-то его политические права. О пригодности такой меры можно было бы судить лишь с точки зрения правила *salus revolutionis suprema lex* — (благо револю-

<sup>3</sup> Второй съезд РСДРП. Протоколы. С. 420—424.

<sup>4</sup> Тютюкин С.В. Меньшевизм: страницы истории. С. 54

ции — высший закон. — *Е.П.*). И на эту же точку зрения мы должны были бы встать и в вопросе о продолжительности парламентов. Если бы в порыве революционного энтузиазма народ выбрал очень хороший парламент — своего рода *chambre introuvable* («незаменимую палату». — *Е.П.*), то нам следовало бы сделать его *долгим парламентом*, а если бы выборы оказались неудачными, то нам нужно было бы стараться разогнать его не через два года, а если можно, то через две недели».

(Рукоплескания, на некоторых скамьях шиканье, голоса: «Вы не должны шикать!» Плеханов: «Почему же нет? я очень прошу товарищей не стесняться!» Егоров встает и говорит: «Раз такие речи вызывают рукоплескания, то я обязан шикать»).

Егоров. «Тов. Плеханов не принял во внимание, что законы войны одни, а законы конституции — другие. Мы пишем свою программу на случай конституции»»<sup>5</sup>.

У Плеханова оказались прекрасные ученики. В январе 1918 г. большевики и левые эсеры разгонят всенародно избранное Учредительное собрание, дав ему для «работы» всего одну ночь с 5 по 6 января...

## Оргвопросы на съезде

Но наибольший разлад в работу съезда внесли оргвопросы, §1 устава партии — о том, кого считать ее членом. Мартов предложил формулировку, явно перечеркивающую представления Ленина о партии как тайном союзе «профессиональных революционеров». Согласно Мартову членом партии мог считаться «всякий, принимающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций»<sup>6</sup>.

Ленинский текст §1 устава предлагал: «Членом РСДРП считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию, как материальными средствами, так и личным участием в одной из партийных организаций»<sup>7</sup>. Несмотря на поддержку Плеханова, ленинская формулировка была отвергнута 28 голосами против 22, при одном воздержавшемся. Но уход со съезда пятерых бундовцев и двух рабочедельцев изменил расклад голосов в пользу Ленина, при формировании центральных органов партии он уже опирался на большинство. Очутившись в меньшинстве — отсюда само название «большевики» и «меньшеви-

<sup>5</sup> Второй съезд РСДРП. Протоколы. С. 181—182.

<sup>6</sup> Там же. С. 425.

<sup>7</sup> Там же. С. 262.



ки» — Мартов начал политику самоотводов внеуставных кооптаций, анархического развала работы.

В своей «Истории российской социал-демократии» Мартов выдавал свои раскольнические действия за протест против посягательств Ленина на искровские традиции: он-де свел состав редколлегии ЦО к трем членам: Плеханов, Ленин, Мартов, оставив за ее бортом Аксельрода, Потресова, Веру Засулич<sup>8</sup>. Но Ленин вроде бы исходил из чисто деловых соображений: за все время издания «Искры» редколлегия никогда не собиралась в полном составе, всю работу тащили на себе Ленин и Мартов, имя Плеханова придавало газете необходимый авторитет.

Неожиданно в стан меньшевиков переместился Плеханов, объясняя свой переход в редакционной статье новой «Искры» № 52 от 7 ноября 1903 г. новыми условиями работы: теперь, когда ЦО будет влиять не на отдельные кружки, а на массы, понадобятся люди, отличающиеся «не только смелостью, решительностью и настойчивостью, но также и огромной осмотрительностью. Они должны быть, поистине, мудры как змии». Прямолинейность же грозит принести большой вред партии. Там, «где интересы нашей партий требуют мира», «центр» обязан быть «мирнолюбивым, мягким, уступчивым», «неуместная же резкость достойна скорее Собакевича»<sup>9</sup>.

Но плехановская «коса» нашла на ленинский «камень». Выйдя из редакции «Искры», он ответил страстным письмом, где изложил свое понимание принципов отбора руководителей партии:

«Автор трижды прав, когда он подчеркивает, что нашему центру многое будет дано и многое с него взыщется. Именно так. И именно поэтому необходимо, чтобы *вся партия* систематически, исподволь и неуклонно *воспитывала* себе подходящих людей в центре, чтобы она видела перед собой как на ладони, *всю деятельность* каждого кандидата на этот высокий пост... Ни один политический деятель не проходил своей карьеры без тех или иных поражений, и если мы серьезно говорим о влиянии на массы, о завоевании нами «доброй воли» масс, то мы должны всеми силами стремиться к тому, чтобы эти поражения не скрывались в затхлой атмосфере кружков и группок, чтобы они выносились на суд всех... Этим, и только этим, мы дадим возможность всей массе... влиятельных партийных работников узнать своих вождей и *поставить каждого из них на надлежащую полочку*...

Света, побольше света! Нам нужен громадный концерт; нам нужно выработать себе опыт, чтобы правильно распределить в нем роли, что-

<sup>8</sup> См. Мартов Ю. Избранное. М., 1990. С. 77—82.

<sup>9</sup> Плеханов Г.В. Соч. Т. 13. С. 3, 5—7.

бы одному дать сентиментальную скрипку, другому свирепый контрабас, третьему вручить дирижерскую палочку»<sup>10</sup>.

Увы! Пресловутая «дирижерская палочка» плюс заговорщический централизм и стали непосредственной причиной расхождений. «Меньшинство» вообще не хотело видеть Ленина и его когорту во главе партии и со злорадством травило представителей «большинства», занимаясь их изгнанием с руководящих «постов» и «полочек».

В этом смысле показательно письмо А.Н. Потресова П.Б. Аксельроду от 27 мая 1904 г. «Дорогой Павел Борисович, — писал Потресов. — *Primo* (во-первых. — *Е.П.*), спешу Вам сообщить, что я только что получил от Каутского письмо, разрешающее нам напечатать его ответ Лидину (М.Н. Лядову) в “Искре”. Итак, первая бомба отлита и — с божьей помощью — Ленин взлетит на воздух. Я придавал бы очень большое значение тому, чтобы был выработан план общей кампании против Ленина — взрывать его, так взрывать до конца, методически и планомерно...»<sup>11</sup>

Но сводить дело только к организационным распрям мы бы не стали. Самые глубокие корни расхождений лежали в разном понимании действующими лицами централизма и святая святых для Ленина — диктатуры пролетариата. Н. Валентинов, близкий к Ленину в дни написания им книги «Шаг вперед, два шага назад», показывает нам, как углублялось понимание Лениным существа расхождений.

## Углубление расхождений

Подготовку своей книги, свидетельствует Валентинов, Ленин начал несомненно ошупью. Он не мог тогда еще сказать, что «целый ров принципиальных разногласий» разделял большевиков и меньшевиков. Такое понимание пришло от детального изучения всех прений и голосований на съезде и тогда Ленин увидел, что за меньшинством шли самые отсталые, путанные, антиискровского духа люди, «всякое политическое дрянцо» («дрррянцо», как он выговаривал). От Ленина, жестоко поносившего Бунд, который отстаивал построение партии по принципам национального представительства, не единства, а федерации, Валентинов только и слышал, что принцип федерализма «абсолютно не совместим с принципом централизма», самым важным в его программе. И еще об одном пишет Валентинов — о правоте третируемого Лениным В.П. Акимова: на съезде партии он один голосовал против принятия программы, выработанной редакцией «Искры». В ней для него была

<sup>10</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 96.

<sup>11</sup> Социал-демократическое движение в России. М.; Л., 1928. Т. 1. С. 124—125.

особенно неприемлема идея, что для торжества социалистической революции необходима *«диктатура пролетариата»*, что по объяснению Плеханова, означало «подавление всех общественных движений, прямо или косвенно угрожающих интересам пролетариата».

От анализа «дрянца» Ленин скоро перешел к критике меньшевиков и здесь Валентинову пришлось быть наблюдателем невероятно крутого поворота всей позиции Ленина. Сначала он говорил, что между большинством и меньшинством нет серьезных, принципиальных разногласий. «Теперь такого рода разногласия стали сыпаться как из рога изобилия. В каждую новую прогулку число их прибавлялось».

Н. Валентинов описывает изменение психического состояния Ленина по мере того, как он отыскивал действительные и мнимые грехи меньшевиков. От презрительно-насмешливого тона, с которым Ленин приступил к анализу «дрянца», он скачками перешел к едкой злобе, а затем и к тому, что Валентинов называет «ражем». Он был возбужденный, красный, словно налитый кровью, «отношение Ленина к меньшевикам превратилось в жгучую безграничную дикуую ненависть».

Параграф первый Устава партии в моей формулировке, говорил Ленин, предупреждает от вторжения оппортунистических элементов в партию. Формулировка Мартова — это открытые двери для заполнения партий именно такими элементами. Сейчас сторонники меньшинства бунтуют против «самодержца» Ленина, на деле у них бунт против ортодоксального марксизма, пока бунт на коленях, но они встанут на ноги и «начав с организационного оппортунизма, кончат полной ревизией теории и программы партии».

На попытки Валентинова возражать, Ленин отвечал, что марксизм без соответствующих дел — нуль, а у меньшинства одни слова, слова, слова, они восстают против пролетарской дисциплины, против отчетливых организационных форм, против твердого устава, против централизма, против всего, в чем они могут увидеть обуздание их писка. Они не зря впали в истерику, когда Плеханов заговорил о разгоне неугодного парламента, их отход от революционного марксизма лучше всего определяется их криками по адресу «заговорщичества», «бланкизма», «якобинизма» большевиков.

И здесь Ленин приоткрыл *подлинную подкладку спора*; «Чем меня хочет опозорить Троцкий? Тем, что называет *якобинцем-Робеспьером*. Чем нас пугает Аксельрод? Тем, что наше движение может попасть под влияние *«якобинского клуба»*. Что о якобинцах на собрании меньшевиков недавно говорил Мартов? Что *между социал-демократизмом и якобинством* не может быть ничего общего. Я уже не говорю о Засулич и По-

тресове, их взгляды на *якобинизм* давно знаю. Они смотрят на *якобинизм* глазами либералов».

Обратим внимание на этот монолог — мы у самой сути раскола между большевизмом и меньшевизмом. Большевизм не выбрался из пелену *якобинизма* — об этом говорит то уточнение, которое Ленин тут же дал Валентинову:

«Что такое *якобинизм*, всем революционным социал-демократам давно известно. Возьмите историю французской революции, увидите, что такое *якобинизм*. Эта борьба за цель, не боящаяся никаких решительных плебейских мер, борьба не в белых перчатках, борьба без нежностей, не боящаяся прибегнуть к гильотине. Те, кто как Бернштейн и К° считают демократические принципы абсолютной ценностью, — *якобинцами*, разумеется, быть не могут. *Отрицание якобинских мер борьбы самым прямым логическим путем приводит к отрицанию диктатуры пролетариата*, т. е. того насилия, которое необходимо, обязательно, без которого нельзя обойтись, чтобы сломать, уничтожить врагов пролетариата и обеспечить победу социалистической революции. Без *якобинской чистки* нельзя произвести хорошую буржуазную революцию, а тем более социалистическую... Без *якобинского насилия* диктатура пролетариата — выхоленное от всякого содержания слово». Итак, благодаря памяти Валентинова, мы вышли к генеральной проблеме, поставленной расколом партии на ее II съезде: сочетать политический переворот с гильотиной или отвергнуть ее вместе с *якобинизмом*?

Не будем отрицать: Валентинов вышел к центральному пункту программы молодого Ленина; тот был почитателем «настоящего, всенародного, действительно обновляющего страну террора, которым прославила себя Великая французская революция». Таким почитателем террора он оставался и в годы Гражданской войны в Советской России (что в немалой степени содействовало победе «красных»). Напомним, что в статье «Уроки Коммуны» Ленин говорил о такой ошибке коммунаров, как «излишнее великодушие пролетариата: надо было истреблять своих врагов, а он старался морально повлиять на них, он пренебрег значением чисто военных действий и вместо того, чтобы решительным наступлением на Версаль увенчать свою победу в Париже, он медлил и дал время версальскому правительству собрать темные силы и подготовиться к кровавой майской неделе»<sup>12</sup>. Ленин в Гражданской войне будет опережать кровавые акции противника своим наступлением.

Во время следующей прогулки, рассказывает далее Валентинов, вся речь Ленина буквально без остановок вертелась около заявлений, что

<sup>12</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 441, 452—453.

«настоящий революционный социал-демократ должен быть *якобинцем*». Раньше я от него эту мысль не слышал<sup>13</sup>.

Добавим, что именно эта мысль нашла прямое отражение в работе «Шаг вперед, два шага назад»: «Неискусно же защищается т. Аксельрод от “ложного обвинения в оппортунизме”... Он перепевает «избитую бернштейнианскую мелодию о якобинстве, бланкизме и пр.». «Ровно ничего, кроме *оппортунизма*, не выражают эти “страшные словечки”»: якобинство и т. п. Якобинец, неразрывно связанный с *организацией* пролетариата, *сознавшего* свои классовые интересы, это и есть *революционный социал-демократ*. Жирондист, тоскующий о профессорах, гимназистах, боящийся диктатуры пролетариата, вздыхающий об абсолютной ценности демократических требований, это и есть *оппортунист*»<sup>14</sup>.

В полемику тех лет оригинальный вклад внес Плеханов.

## Г.В. Плеханов и будущая «сталинщина»

«Вообразите, — писал Плеханов, — что за Центральным Комитетом всеми нами признано еще спорное право “раскассирования”. Тогда происходит вот что. Ввиду приближения съезда, ЦК всюду “раскассирует” все недовольные им элементы, всюду сажает своих креатур и, наполнив этими креатурами все комитеты, без труда обеспечивает себе вполне покорное большинство на съезде. Съезд, составленный из креатур ЦК, дружно кричит ему: “Ура!”, одобряет все его удачные и неудачные действия и рукоплещет всем его планам и начинаниям. Тогда у нас, действительно, не будет в партии ни большинства, ни меньшинства, потому что тогда осуществится идеал персидского шаха. Щедрин говорит, что когда Мак-Магонша спросила у этого повелителя “твердых” магометан, издавна пользующегося правом “раскассирования”, какая из европейских стран нравится ему больше всех остальных, он, не колеблясь ответил “Россия” и тотчас же кратко пояснил свою мысль: “*Jamais politique, toujours Hourrah et puis* фюить” (Никакой политики, всегда Ура и затем фюить. — *Е. П.*). У нас тогда будет как раз это самое... это *бонапартизм* если не абсолютная монархия, старой дореволюционной манеры. С пролетарской борьбой это ничего не имеет общего, такой централизм, наверное, понравился бы покойному Сергею Нечаеву...»<sup>15</sup>.

На будущее Плеханов сулил такой партии незавидную перспективу: «Нет, если бы наша партия в самом деле наградила себя подобной организацией, то в ее рядах очень скоро не осталось бы места ни для умных

<sup>13</sup> Валентинов Н. Встречи с Лениным. С. 177—186. (курсив наш — *Е. П.*)

<sup>14</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 370.

<sup>15</sup> Плеханов Г. В. Соч. Т. 13. С. 90.

людей, ни для закаленных борцов, в ней осталась бы лягушки, получившие, наконец, желанного царя, да *Центральный журавль*, беспрепятственно глотающий этих лягушек одну за другой. *Jamais politique, toujours Hourrah et puis* фюить... Прощай, бедные, неразумные лягушки... И все это подпиралось бы *Monsieur le Plébiscite* (Господином Плебисцитом. — *Е. П.*), к которому так любил обращаться когда-то один из не весьма хорошо кончивших императоров»<sup>16</sup>.

Оценим это гениальное прозрение выдающегося русского революционера — он в 1904 г. смог заглянуть в эпоху сталинских «съездов партии» и нарисовать «Журавля» и «лягушек» той поры... К сожалению, к осознанию опасности сверхцентрализма Ленин выйдет только к концу жизни и мало что сможет сделать.

## Раскол партии становится реальностью

Закончим рассказ Валентинова о самочувствии Ленина во времена написания «Шагов», этот рассказ свидетельствует, сколь тяжело дался ему раскол партии:

«После указанной встречи и еще одной, во время которой Ленин с тем же ожесточением говорил о необходимости раскола партии, я, по ряду чисто личных причин, не видел его в течение более недели. Снова увидев его, я ахнул. Он был неузнаваем. Постепенное нервное изнашивание его организма, очевидно происходившее в течение многих недель, — теперь было явно. У него был вид тяжело больного человека. Лицо его стало желтое, с каким-то бурым оттенком. Взгляд тяжелый, мертвый, веки набухли, как то бывает при долгой бессоннице, на всей фигуре отпечаток крайней усталости. “Вы больны?” — спросил я. Ленин дернул плечом и ничего не ответил... Нарушая это довольно тягостное молчание, я спросил — как идет его работа, подвигается ли она к концу?

— Ни одну вещь я не писал в таком состоянии. Меня тошнит от того, что я пишу и выправляю. Мне приходится насиловать себя».

Слова эти показались Валентинову загадочными и он спросил: «Вы, действительно, решились идти на раскол?»... Глядя на Валентинова с каким-то раздражением, Ленин сказал:

«— Об этом не может быть и речи! Неужели вы думаете, что я стану вот на этот мост и буду кричать: да здравствует раскол!

Политический деятель, подготовлявший большую кампанию, должен помнить пословицу: не зная броду, не суйся в воду. Затевая войну,

<sup>16</sup> Плеханов Г. В. Соч. Т. 13. С. 92—93. Плеханов имеет в виду избиравшегося на плебисцита Луи Бонапарта.

нужно тщательно обдумать всю диспозицию, подсчитать силы у себя и у противника. Нужно принять меры, чтобы не зашли в ваш тыл и не обошли с бока. Нужно уметь нейтрализовать враждебные вам или непонимающие вас силы. Меньше всего надо задевать Плеханова, эта большая сила, в нем следует видеть человека, случайно плененного меньшевизмом. Аксельрода за все его выверты и статьи следовало бы крыть матерными словами, но, считаясь с тем, что это чучело пользуется еще авторитетом в партии, приходится сдерживать себя. Если раскол сейчас невозможен, приходится сожительствовать с меньшинством»<sup>17</sup>.

Кстати, возвращаясь в «Шагах» к раскалывавшему партию вопросу об ее членстве, Ленин подчеркивал: «По степени организованности вообще и конспиративности организации в частности можно различать такие, примерно, разряды: 1) организации революционеров; 2) организации рабочих, возможно более широкие и разнообразные (я ограничиваюсь одним рабочим классом, предполагая само собою разумеющимся, что известные элементы других классов тоже войдут сюда при известных условиях). Эти два разряда составляют партию. Далее, 3) организации рабочих, примыкающие к партии; 4) организации рабочих, не примыкающие к партии, но фактически подчиняющиеся ее контролю и руководству; 5) неорганизованные элементы рабочего класса, которые отчасти тоже подчиняются, по крайней мере в случаях крупных проявлений классовой борьбы, руководству социал-демократии. Вот как, приблизительно, представляется дело, с моей точки зрения»<sup>18</sup>.

Окончив «Шаги» и несколько придя в себя, Ленин все же пошел на раскол, приступил к организации в России «комитетов большинства» для проведения III съезда. Меньшевики были приглашены на съезд, но предпочли устроить свою отдельную конференцию. В революцию 1905—1907 гг. РСДРП вступила расколотой на две части, две партии, предпринимавшиеся в ходе революции их объединения (IV и V съезды) кончились безрезультатно.

Впоследствии раскол РСДРП в России приобретет **международное значение**. Он станет расколом мирового коммунизма с мировым социал-демократизмом. Первый сойдет на нет в Восточной Европе, второй преобразует лик западноевропейских стран. Правда коммунистическими остаются Китай, Вьетнам, Северная Корея и Куба... К международным аспектам раскола РСДРП мы еще вернемся на примере полемики Ленина с Каутским. А пока что продолжим нить нашего рассказа.

<sup>17</sup> *Валентинов Н.* Встречи с Лениным. С. 195—196.

<sup>18</sup> *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 8. С. 244, 251.

## Глава 5

# Спровоцированная царизмом революция 1905—1907 гг. в России

### Предпосылки первой российской революции

Мир на переломе XIX—XX вв. делился примерно (границы в обществе относительны) на три группы государств: вырвавшиеся вперед страны развитого капиталистического «первого эшелона»; группа стран догоняющего развития — «второго эшелона», шедшего вслед за первым; поработанные развитыми странами колониальные и зависимые страны — «третий эшелон». Ко «второму эшелону» принадлежала и Россия, переживавшая с времен «крестьянской реформы» 1861 г. процесс капитализации своей страны.

Добавим теперь к анализу этого процесса, данному выше, анализ положения трудящихся классов страны, а также правящих классов и интеллигенции.

Положение российского рабочего класса, еще не вполне порвавшего с деревней, было наихудшим в Европе. Открытая К. Марксом в «Капитале» тенденция к возрастанию массы нищеты, угнетения, рабства, вырождения, эксплуатации, свойственная капиталистическому способу производства, действовала беспрепятственно в обуржуазивавшейся царской России с ее феодально-полицейскими порядками, исключавшими возможность открытой борьбы рабочих за улучшение своего положения. Рабочий день длился 12—13 часов (в Европе — 10), заработная плата не позволяла сводить концы с концами. «Отходники» из деревни жили у своих станков, семейные рабочие ютились в кишевших насекомыми казармах, снимали «углы». Рабочих душили штрафами, чернорабочим приходилось прибегать к сверхурочным работам, закладам и займам.

Лишь в начале XX в. в связи с затяжным экономическим кризисом и ухудшением положения рабочих, стал наблюдаться рост рабочего дви-



жения. В 1901 г. рабочие поддержали студентов, выступивших против отдачи студентов-киевлян в солдаты за участие в студенческом движении. Первомайские митинги и стачки прошли в 1902 г. в Петербурге, Москве, Киеве, Саратове, Батуми, Сормове и других городах. 1903 г. ознаменовался «златоустовской бойней», когда по приказу губернатора Богдановича солдаты открыли стрельбу по рабочим, требовавшим освобождения уполномоченных, выбранных для переговоров с заводской администрацией; было убито 69 и ранено 250 человек, в том числе женщины и дети. Трехнедельная стачка бакинцев в июле 1903 г. перекинулась на весь Юг России, бастовали рабочие Тифлиса, Киева, Николаева, Ростова-на-Дону, Харькова, Донбасса; всего в стачках приняло участие до 200 тыс. рабочих. Характерно, что в России вообще отсутствовала так называемая «рабочая аристократия» — прослойка, свойственная европейскому пролетариату.

Численность буржуазии в России достигла к концу XIX столетия 1,5 млн человек. В период «первоначального капиталистического накопления» буржуазия пользовалась способами обмана, махинаций, уголовных преступлений. Цивилизованные формы эксплуатации рабочего класса приживались с трудом, только в третьем-четвертом поколениях династии Коноваловых, Морозовых, Прохоровых, Рябушинских, Путиловых приобрели «европейский лоск», появились буржуа-меценаты и благотворители. Все это сочеталось с полным политическим бесправием буржуазии, она так и не преодолела своего «комплекса неполноценности».

Чисто капиталистические отношения в деревне не сложились, аграрный строй страны носил еще полукрепостнический характер. Крупному помещицкому землевладению (к примеру, 155 земельных магнатов владели  $\frac{1}{5}$  всего земельного фонда) противостояло мелкое крестьянское землевладение с худшим качеством земель, перенаселением, уменьшением надела с 4,68 десятин в 1861 г. до 2,6 десятин к 1905 г., чересполосицей, нехваткой лугов и пастбищ, почти полным отсутствием лесов. Правительство тщательно сохраняло в деревне общину и круговую поруку, сохранились местные сословные суды и телесные наказания в деревне. Царизм охранял благополучие 300 тыс. помещиков, его мало заботило полуголодное существование миллионов. Правда, в отличие от Центра страны на Юге и Западе быстрее формировалась сельскохозяйственная буржуазия. В Прибалтике, на Правобережной Украине, в Литве и Белоруссии на путь капиталистического развития становилось помещицкое землевладение. В целом стоимость дворянских земель Европейской России в начале XX в. на 60% превышала общую массу акционированных капиталов.

[Товарность российской деревни к концу XIX в. была относительно высока. Исходя из принципа: «Недоедим, но вывезем», Россия вплоть до Первой мировой войны была крупнейшим экспортером хлеба — экспорт русской пшеницы составлял 36,9% общемирового экспорта. Министерство финансов увеличивало все время налоги на продаваемый крестьянам хлеб, одним из последствий этой политики стал голод в деревне 1891 г. С 1902 по 1917 г. (по данным В.П. Данилова) в стране развернулась, расширяясь, аграрная революция (поджоги усадеб, раздел помещичьих земель и т. п.).]

Лица умственного труда составляли в стране лишь 0,36% всего населения, но играли в жизни общества заметную роль.

Характерно, что сам термин «интеллигенция» появился вначале в России, к XX в. интеллигенция включала не только представителей высшего «общества», но и разночинские элементы, занятые в судебных органах, больницах, журналистике. К интеллигенции относили и чиновников, директоров и управляющих банков и довольно значительную прослойку «революционеров по профессии» — само понятие «интеллигент» станет в начале XX в. нарицательной кличкой в устах «черной сотни».

Поразительной в Российской империи была пестрота этнографического состава — здесь проживало более ста народов, не считая малых групп. За рубежом всех россиян называли «русскими», таковых было по переписи 1897 г. 125,6 млн человек. Плотность населения в разных регионах России была столь же пестрой, как и сам национальный состав населения.

Правительство в национальной политике проводило великодержавные принципы. Государственным языком был русский язык, православие считалось господствующей религией. Культивировалось в отсталых слоях населения пренебрежение к «инородцам», власти добивались «обрусения» окраин Империи; одна только Финляндия приобрела автономию, свою валюту и парламентское правление. Лица иудейского вероисповедания не должны были проживать за «чертой оседлости», был затруднен прием евреев в учебные заведения — что усиливало уход евреев за границу, приток евреев в революционное движение. Неравноправие толкало и другие национальные меньшинства на протест против великодержавной политики; последний подавлялся с помощью вооруженной силы.

Наиболее косным элементом, доставшимся от феодализма обуржуазивающейся России, было самодержавие, в сущности не поддающееся никакой «модернизации». Дом Романовых (великие князья и князья императорской крови) были владельцами 7 413 342 десятин земли, первыми помещиками России, капиталистического хозяйства они не вели,

заимствуя  $\frac{2}{3}$  своих доходов — сотни миллионов рублей из государственной казны. Россия «обходилась» без политических партий, без независимой прессы, парламента — словом, всего, что мешало бы безграничной власти императора, а также приближенной к нему камарильи. Именно такая «камарилья» — «безобразовская», состоявшая из придворных и ряда предпринимателей толкнула царизм на авантюристическую политику на Дальнем Востоке, приведшую к Русско-японской войне. Царь и придворная камарилья были вершиной самого большого в мире бюрократического аппарата, который к началу XX в. насчитывал 436 тыс. чиновников. Становым хребтом системы было Министерство внутренних дел, которому подчинялась вся российская администрация; одной из самых важных функций этого министерства была борьба с революционным движением. Непосредственно эту задачу выполнял Департамент полиции. Жалкие попытки реформировать эту систему при Александре II сменились после царевубийства контрреформами Александра III. После смерти Александр III, последовавшей в 1894 г., российское «общество» надеялось на изменение политики в связи с восшествием на престол Николая II. В адрес нового императора посылались куча земских петиций, просивших «увенчать» правительственное здание Империи органом, составленным из выборных представителей земств. Но Николай II, получивший в народе после происшедшей еще в ходе коронационных торжеств ходынской давки прозвище «Кровавый», отверг все притязания земств в своем первом же публичном выступлении 17 января 1895 г. Он просто зачитал подготовленный для него мракобесом К. П. Победоносцевым текст: «Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекшихся бессмысленными мечтами об участии представителей земств в делах внутреннего управления; пусть все знают, — Николай перешел на высокие ноты, — я буду охранять самодержавие так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель».

Человек недалекий, судя по его дневнику, интересовавшийся в основном дворцовыми происшествиями, Николай II, восхваляемый ныне в серии «Жизнь замечательных людей», отличался полной слепотой в отношении проблем, встававших перед обществом, полным отрицанием попыток его реформирования. Решение насущных задач страны пытались взять на себя две организованные в начале века партии: РСДРП (к сожалению, расколотая внутренними противоречиями) и партия социалистов-революционеров (эсеров), перешедшая к индивидуальному террору. Лозунгом обеих революционных партий было: «Долой самодержавие», обе выступали за «социализм» для России, понимая его по-разному и весьма утопически.

Помимо правительственного, реакционного, лагеря и лагеря анти-правительственного, революционного, существовал еще промежуточный, либеральный, выступавший как против революции, так и против самодержавного деспотизма. Его правое крыло во главе с председателем Московский земской управы Д.Н. Шиповым выдвинуло лозунг: «Народу мнение, царю — власть». Лишь некоторые из либералов выступали за конституционную монархию, не совещательный, а законодательный выборный орган и введение политических свобод; никто в этом лагере не выдвигал какой-либо социально-экономической программы.

В ответ на речь Николая II от 17 января 1895 г. либералы выпустили за границей несколько нелегальных изданий, в одном из них, написанном П.Б. Струве, говорилось: «Вы первый начали борьбу, а мы будем продолжать ее». В 1899 г. земцы организовали нелегальный кружок «Беседа» и приступили к изданию за границей нелегального журнала «Освобождение», первый номер которого вышел летом 1902 г. Сначала в журнале доминировали земцы, затем «либерально-демократическая» интеллигенция, выступавшая за построение в России буржуазного общества «европейского типа».

Заметно оживились земцы-либералы и просто либералы во второй половине 1904 г. после убийства министра внутренних дел В.К. Плеве эсером Е.С. Сазоновым и приходом в министерство князя П.Д. Святополка-Мирского. Начались кратковременные либеральные «ослабления»: был разрешен выпуск газеты «Новая жизнь», смягчена цензура и т. п. На нелегальном съезде, происходившем в Петербурге 20—22 октября 1904 г., его участники приняли план проведения так называемой «банкетной кампании» в честь сорокалетия принятия судебной реформы 20 ноября 1864 г. На банкетах, прошедших в 34 городах России и охвативших около 50 тыс. человек были приняты разнообразные петиции, начиная от частичных просьб и до дарования конституции. Но уже в конце 1904 г. царизм принял меры «к прекращению всяких сборищ». Близорукий и тупой самодержец, по выражению историка К.Ф. Шапило, буквально «вгонял» страну в революцию, отказываясь идти на малейшие уступки.

В ноябре и декабре редакция меньшевистской «Искры» выпустила рекомендации местным социал-демократическим организациям, констатируя ближайшее превращение России в конституционную страну и советуя рабочим противопоставлять умеренным либеральным требованиям лозунг созыва Учредительного собрания. Тексты резолюций предполагалось оглашать на либеральных собраниях, сопровождая их демонстрациями перед либеральными собраниями и банкетами. В.И. Ленин обрушился на этот план в своей брошюре «Земская кампа-

ния и план “Искры”», советуя рабочим предъявлять требования не либералам, а правительству и пропагандировать идею вооруженного восстания. «Дело рабочего класса, — писал он, — расширять и укреплять свою организацию, удешевлять агитацию в массах, пользуясь всяким шатанием правительства, пропагандируя идею восстания, разъясняя необходимость его на примере всех тех половинчатых и заранее осужденных на неуспех «шагов», о которых так много кричат теперь»<sup>1</sup>.

Ситуация в стране резко изменилась, когда к земским и либеральным петициям присоединился голос столичного пролетариата.

### «Кровавое воскресенье»

Еще в начале 1900-х гг., осуществляя «попечительную политику» властей в рабочем вопросе, полковник С.В. Зубатов создал в столице с помощью бойкого священника пересыльной тюрьмы Георгия Гапона «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга». Оно насчитывало свыше 10 тыс. человек и имело 11 отделений. «Собрание...» ставило целью «трезвое» и «разумное» препровождение рабочим свободного от работы времени; укрепление среди рабочих «русского национального самосознания»; насаждение среди рабочих «разумных взглядов» на свои права и обязанности и даже проявление их самостоятельности в деле «законного улучшения условий труда».

В самом начале января 1905 г. гапоновцы оказались втянутыми в забастовку на Путиловском и других заводах.

Видя нарастание недовольства рабочих, Гапон — вполне в духе недавних «либеральных» обращений к властям — предложил устроить шествие рабочих к царскому дворцу, чтобы вручить Государю петицию с перечнем своих нужд. В свое время Александр III, еще будучи наследником престола, счел возможным принять депутатов от рабочих. Николай Кровавый поступил по-иному — он решил проучить рабочих.

Акция была чисто военной и готовилась с широким размахом. В Санкт-Петербурге власти сосредоточили 43 батальона пехоты, 10 эскадронов кавалерии, 17 сотен казаков и все это — в помощь полицейским силам.

Всего на подступах к Зимнему дворцу было сконцентрировано властями войск до 40 000 человек, сам царь из Зимнего дворца на всякий случай уехал еще 6 января. Военным частям ставилась задача пресечь движение рабочих с окраин города к Дворцовой площади. Руководить боевой операцией Николай поручил своему дяде Владимиру Де-

<sup>1</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 96.

виз того был прост: «Лучшее лекарство от народных бедствий — это повесить сотню бунтовщиков».

Попытки петербургской интеллигенции (в делегацию вошел и Максим Горький) предотвратить побоище окончились ничем. Министр внутренних дел П.Д. Святополк-Мирский, на совещании у которого утверждалась военная диспозиция, вообще не вышел к делегации. Председатель Комитета Министров С.Ю. Витте, зная про распоряжения царя, отказался что-либо предпринимать.

Утром 9 января войска приступили к разгону 150-тысячного рабочего шествия, «вооруженного» трехцветными российскими флагами, хоругвями, иконами, портретами царя. Повсюду раздавались ружейные залпы, на колонны манифестантов ринулись пьяные казаки. Смехотворным данным правительства о жертвах — 98 убитых и 333 раненых, журналисты противопоставили 13 января и вручили Святополк-Мирскому свой подсчет — 4 000 убитых и раненых. Сам поп Гапон, несший петицию, при первых же залпах сбросил рясю и скрылся. Затем он бежал за границу и призвал народ к восстанию.

Залпы, прогремевшие в Петербурге, услышала вся страна. М. Горький, шедший в рядах рабочих, писал о результате бойни: «Настроение растет, престиж царя здесь убит — вот значение дня»<sup>2</sup>.

В.И. Ленин уже в эмиграции вспоминал по этому же поводу в 1916 г. в докладе о первой русской революции: «До 22 (по старому стилю 9) января 1905 г. революционная партия России состояла из небольшой кучки людей... Однако в течение нескольких месяцев картина совершенно изменилась. Сотни революционных социал-демократов «внезапно» выросли в тысячи, тысячи стали руководителями от двух до трех миллионов пролетариев»<sup>3</sup>. Революционные настроения народа усиливали поражения царизма в войне с Японией.

Попытка министра внутренних дел А.Г. Булыгина удержать страну от революции с помощью дарования ей законосовещательной Думы окончилась провалом.

Осенью 1905 г. своего апогея достигла Всеобщая политическая стачка, царь оказался заблокированным в Петергофе, вблизи держали яхту для возможного его бегства за границу. В критический для царизма момент Николай II призвал на помощь — для вывода страны из «революционного кошмара» — своего искусного сановника С.Ю. Витте.

Витте поставил царя и его окружение перед альтернативой: либо немедленно стать на путь неотложной реформы государственного

<sup>2</sup> Горький М. Собр. соч. М., 1984. Т. 23. С. 345–347.

<sup>3</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 310.

строю России, либо избрать путь диктатуры, «дабы с непоколебимой энергией подавить смуту во всех ее проявлениях». Предложенная военная диктатура была решительно отвергнута главнокомандующим великим князем Николаем Николаевичем «за недостатком войск» (их основной контингент находился на Дальнем Востоке). И Его Величеству «благоугодно» было подписать Манифест и утвердить всеподданнейший доклад Витте — также с его опубликованием.

Манифест 17 октября вроде бы подводил итог более чем столетней борьбе русских борцов за свободу — деятельности Радищева и Сперанского, декабристов, оппозиции 40—60-х гг. XIX в., стремлению российских земств к созыву Всероссийского Вече. Он вводил в России институты гражданского общества и среди них главный — Законодательную Думу, гарантировал свободу печати, разрешал существование оппозиционных партий. Витте так объяснял в своем докладе причины нововведений: «Россия переросла форму существующего строя и стремится к строю правовому на основе гражданской свободы». Вместе с тем Витте указывал на печальную несоразмерность «мыслящей части общества» с толщей «народных масс», которые — увы! — вообще не доросли до «свободы», что потребует от правительства особых мер. «Начала правового порядка воплощаются лишь поскольку население получает к ним привычку — гражданский навык. Сразу приготовить страну с 135-миллионным разнородным населением и обширнейшей администрацией, воспитанными на иных началах, к восприятию и усвоению норм правового порядка не под силу никакому правительству... Чтобы водворить в стране порядок нужны труд и неослабевающая последовательность».

Эта реалистическая позиция, требующая обучения народа *основам цивилизации*, признаваемым во всех «культурных странах» (будь она выполнена!), думаем, была бы трезвее ленинских призывов к скорейшему перерастанию первой в России демократической революции в революцию социалистическую. Что вообще знали русский пролетарий и крестьянин о социалистической революции? Да и сам Ленин не критично уверовал в постулаты Маркса и Энгельса о социализме. «Социализм, — писал он в 1905 г., — требует уничтожения власти денег, власти капитала, уничтожения всей частной собственности на средства производства, уничтожения товарного хозяйства. Социализм требует, чтобы и земля и фабрики перешли в руки всех трудящихся, организующих по общему плану крупное (а не разрозненное мелкое) производство»<sup>4</sup>. В этих догматических постулатах — зародыш коллизий эпохи «военного

<sup>4</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 81.

коммунизма» в России 1918—1920 гг. Но скажем в оправдание Ленина — только негодная практика могла опровергнуть ошибки теории...

Заканчивая раздел, отметим, что Витте проявил и стратегические способности в деле «успокоения страны». Узнав о всеобщем вооружении рабочих Москвы, он поторопился в начале декабря 1905 г. арестовать Петербургский Совет. Далее, он назначил на пост генерал-губернатора Москвы энергичного адмирала Ф.В. Дубасова. Преодолев возмущения великого князя Николая Николаевича, боявшегося ослабить петербургский гарнизон, Витте настоял на отправке в Москву Семёновского полка под командованием генерала Г.А. Мина, а также артиллерии. Именно прибытие этого подкрепления властям предопределило поражение Московского вооруженного восстания в декабре 1905 г. Чего Витте не предвидел, так это столыпинскую реакцию — она началась после подавления восстаний и перечеркнула почти все, добытое стараниями Витте...

## Ленин в революции 1905–1907 гг.

Ленин пребывает — вплоть до издания Манифеста 17 октября — за границей, он судит о российской революции по зарубежной прессе, издавая в Женеве большевистские газеты: сначала «Вперед», затем — «Пролетарий». С ноября 1905 г. по декабрь 1907 г. Ленин уже в России (с августа 1906 г. в отдаленной от полицейской слежки Финляндии). Новыми органами большевизма становятся газеты «Новая жизнь», «Эхо», «Партийные новости».

Все это время Ленин проявляет невероятную энергию, публикуя десятки статей, отстаивая — пока еще остается хоть одна крупница надежды — выдвинутый им после «Кровавого воскресенья» лозунг всенародного восстания. Определение: революция — «праздник угнетенных» присуще его работам и речам. Но не будем упрощать его позицию, сводить ее к одним восторгам... Он фиксирует «всю недостаточность организации социал-демократов» — при существовании «гигантского запаса революционной энергии масс». Он дает отповедь меньшевистскому пониманию революции как «тактики-процесса», полагающегося на «стихийное пробуждение революционного сознания»: «Не может быть назначена народная революция, — пишет он, — это справедливо... Но назначить восстание, если мы его действительно готовили и если народное восстание возможно... вещь вполне осуществимая»<sup>5</sup>. Он ратует за «совместную борьбу революционной социал-демократии

<sup>5</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 259 и др.



и революционных элементов демократии» в эпоху падения самодержавия, он настаивает на необходимости союза с революционным крестьянством, «безусловно» поддерживая его, при выделении и организации «сельского пролетариата» для борьбы за социализм<sup>6</sup>. После восстания на броненосце «Потемкин» он отмечает недостаточность социал-демократической борьбы за армию. Ленин решительно, в отличие от меньшевистских лидеров, отказывается от соглашения с партией «конституционной (на деле монархической) демократии — «кадеты не прочь проучить правительство, но боятся свержения реакционной власти народом». Отмечен им рядом статей «день 17 октября», но тут же подчеркнут чисто формальный характер обещаний царизма и сложившееся равновесие сил: «если царизм уже не в силах победить революцию, то и революция еще не в силах победить царизма»<sup>7</sup>. Анализ московского вооруженного восстания в декабре 1905 г. — этой высшей фазе борьбы пролетариата — Ленин посвящает статью «Уроки московского восстания», отмеченную явной героизацией пущенного на самотек восстания. На заявление Г.В. Плеханова: «Не нужно было братья за оружие» Ленин отвечает: «Напротив, нужно было более решительно, энергично и наступательно братья за оружие», впереди еще новые фазы «отчаянной, кровавой, истребительной войны»<sup>8</sup>.

В начале апреля 1905 г. Ленин выезжает из Женевы в Лондон для участия в III съезде РСДРП, который является уже чисто большевистским. Отказавшись принять в нем участие, меньшевики в конце апреля проводят в Женеве свою конференцию.

Тщательный сравнительный анализ резолюций Женевской конференции и III съезда РСДРП провел С.В. Тютюкин в упомянутой нами книге. Он справедливо указывает, что один день 9 января 1905 г., начавшийся мирным шествием верноподданных к своему властелину и кончившийся строительством первых баррикад на улицах Санкт-Петербурга, «остро поставил вопрос о восстании как средстве борьбы с самодержавным режимом на практическую почву» и от этого вопроса не ушла конференция. Возобладала в решениях ее линия Мартова и Мартынова, делавших акцент прежде всего на «агитационно-пропагандистской стороне дела» и «самовооружении народа»; в принятой резолюции в частности говорилось: «...Возможность приурочить одновременное и повсеместное восстание к заранее назначенному сроку и подготовить его конспиративно-организационными средствами исключается уже

<sup>6</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 341—346; т. 10. С. 215—244, 282—291; т. 12. С. 93—94 и др.

<sup>7</sup> Там же. Т. 10. С. 335—336; т. 11. С. 225—230; т. 12. С. 100 и др.

<sup>8</sup> Там же. Т. 13. С. 271—272.

одной слабой организованностью передовых сил пролетариата и неизбежно стихийным характером революционного движения тех именно народных масс, быстрое вовлечение которых в борьбу с царизмом является залогом нашей победы...»

Иначе говоря, характеризует эту резолюцию Тютюкин, меньшевики были уверены, что «решающее слово в данном вопросе будет за *революционной стихией*, тогда как большевики считали, что этой стихией нужно и можно *управлять* путем иницилирующих и целенаправленных действий специально обученных и достаточно подготовленных — для этого людей...». Но и меньшевики не забыли об организационной стороне дела, в их публикациях «О вооружении», «Об агитации в войсках» предписывался ряд мер самозащиты, приобретения оружия для боевых дружин, подготовки оружия для боевых отрядов, привлечение военных из сочувствующих на сторону революции и т. п. Автор кончает детальное сопоставление меньшевистской и большевистской тактики следующим резюме: «Сравнительный анализ решений Женевской конференции меньшевиков и III съезда РСДРП не подтверждает вывода о том, что у большевиков и меньшевиков были две различные стратегии и тактики демократической революции. Думается, что в такой постановке проблемы Лениным и последующими советскими историками была значительная доля преувеличения, хотя это не снимает вопроса о наличии достаточно серьезных (не кардинальных) расхождений между обеими фракциями РСДРП по вопросам стратегии и тактики партий. Во всяком случае решения большевистского и меньшевистского форумов, натолкнувшие Ленина на известную формулу «Два съезда — две партии» не стали преградой для параллельной, а часто и совместной работы членов обеих партийных фракций в местных организациях, действовавших в России. Вихрь революционных событий увлекал их практически в одном направлении — к всероссийской политической стачке и восстанию против самодержавного строя»<sup>9</sup>.

«Тактика эпохи “вихря”, — вспоминал и Ленин в статье «Победа кадетов и задачи рабочей партии» 28 марта 1906 г., — не отдалила, а сблизила оба крыла социал-демократии. Вместо былых разногласий получилось единство взглядов по вопросу о вооруженном восстании. Социал-демократы обеих фракций работали в Советах рабочих депутатов, этих своеобразных органах зачаточной революционной власти, привлекали солдат, крестьян к этим Советам, издавали революционные манифесты совместно с мелкобуржуазными партиями. Былые споры эпохи дореволюционной сменились солидарностью по практическим вопро-

<sup>9</sup> Тютюкин С. В. Меньшевизм: страницы истории. С. 119, 131 и др.

сам. Подъем революционной волны отодвинул разногласия: заставив признать боевую тактику, устранив вопрос о Думе, поставив на очередь дня вопрос о восстании, сблизив на непосредственной ближайшей работе социал-демократию и революционную буржуазную демократию»<sup>10</sup>.

Стремление обеих фракций (особенно на местах) к единству действий в революционных событиях отмечено Тютюкиным верно, его подчеркивал и Ленин, но вот расхождения в «верхах» партии по вопросам стратегии и тактики были скорее «кардинальными», чем просто «серьезными»...

Большевики, как показывают материалы III съезда РСДРП, книга Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции» и многочисленные его статьи, боролись за активнейшее *вторжение* РСДРП и пролетариата в революционный процесс. Отсюда идеи главенства, гегемонии пролетариата в буржуазной революции, его союза с крестьянством в создании Временного Революционного Правительства, воздействие на процесс не только «снизу», но и «сверху», использование ВРП и Советов как зародыша диктатуры пролетариата и крестьянства, быстро перерастающей в диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства в ходе «непрерывной революции». К этому добавлялось участие партии в вооружении народа, нейтрализация конституционно-демократической (на деле — монархической) партии кадетов. Всего этого не было у меньшевиков.

Правда, под давлением «снизу» и в интересах революции обе партии решили объединиться на IV (объединительном) съезде в апреле—мае 1906 г. Но его трибуна была превращена в арену теоретических схваток. Наибольшую активность проявляли Г.В. Плеханов и П.Б. Аксельрод.

«Тов. Ленин, — говорил Плеханов, — очень недоволен моим ироническим замечанием насчет его новых терминов. Я посмеялся над выражением “народное творчество”, назвав это выражение своим старым знакомым. Я упрекнул Ленина в том, что он *реставрирует* народовольческую идею захвата власти. Он ответил мне, что после 17 октября эта идея перестала быть утопией. Я понимаю все значение 17 октября, но я не понимаю, каким образом оно могло изменить нашу оценку старых логических ценностей... Никакое народное творчество не может изменить основного характера переживаемой нами буржуазной революции. Что такое демократическая республика, к которой мы стремимся? Это *буржуазная* республика... Захват власти обязателен для нас, но обязателен тогда, когда мы делаем пролетарскую революцию»<sup>11</sup>. Аксельрод счи-

<sup>10</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 326.

<sup>11</sup> Четвертый (объединительный) съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959 С. 241—242.

тал непосредственной задачей РСДРП «организацию пролетариата не для низвержения господства буржуазии, а, наоборот, для радикального разрушения того социально-политического строя, который стоит на пути к ее полному господству»<sup>12</sup>.

Говоря о методологии ленинского поиска, укажем на главное отличие его от концепций меньшевиков. И он, и они знали, что происходящая в России революция является буржуазной, именно поэтому обращались к опыту прежних буржуазных революций. Но если меньшевики исходили при этом из абстрактного понятия «буржуазная революция» вообще, ждали в России повторения неких «универсальных» образцов прошлого, то совсем другой, *конкретно-исторический* подход защищал Ленин. «Есть буржуазия и буржуазия, — подчеркнет он позже. — Буржуазные революции показывают нам громадное разнообразие комбинаций различных групп, слоев, элементов и самой буржуазии и рабочего класса. «Высасывать» ответ на конкретные задачи русской буржуазной революции первого десятилетия XX в. из «общего понятия» буржуазной революций в самом узком смысле слова значит опошлять марксизм до либерализма»<sup>13</sup>.

Конечно же, Плеханов никогда не отрицал, что начавшийся в России ход буржуазной революции в конце концов должен привести страну к социализму. Но, по его воззрениям, этот переход составит *целую эпоху*, с обязательным повторением тех этапов, которые прошла Франция в конце XVIII в. Там конституционалистов сменили жирондисты, а жирондистов — якобинцы. Такая же смена радикальных и революционных партий предстоит и России, страна должна еще «дозреть» до социализма. Любое «перескакивание» революции через ступеньки, будет означать ее гибель, неминуемый откат и лишь медленный подъем «со ступеньки на ступеньку» способен «совершить максимум полезной исторической работы»<sup>14</sup>.

Совершенно иное — идущее от тактики Маркса и Энгельса в 1849—1850 гг. — понимание «непрерывной революции» было присуще Ленину. С Плехановым его разделяло в сущности представление об интенсивности, сроках перехода революций от этапа к этапу. В отличие от Плеханова он стремился свести эти сроки к кратчайшему периоду, пройти весь период «перерастания» необычайно быстро.

«Нужно поистине школьническое представление об истории, — писал Ленин о плехановской схеме, — чтобы представить себе дело без

<sup>12</sup> Четвертый (объединительный) съезд РСДРП. С. 248, 281.

<sup>13</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 84.

<sup>14</sup> Плеханов Г.В. Соч. Т. 13. С. 285 и др.

«скачков», в виде какой-то медленно и равномерно восходящей линии; сначала будто бы очередь за либеральной крупной буржуазией — уступочки самодержавия, потом за революционной мелкой буржуазией — демократическая республика, наконец за пролетариатом — социалистический переворот. Эта картина верна в общем и целом, верна на «долгом», как говорят французы, на каком-нибудь протяжении столетия (например, для Франции с 1789 по 1905 год), но составлять себе по этой картине план собственной деятельности в революционную эпоху, — для этого надо быть виртуозом филистерства»<sup>15</sup>.

Соответственно, главным в опыте прошлого стало для Ленина *якобинство*, здесь в период 1793—1794 гг. с «чудесной» быстротой совершались глубинные социальные преобразования, наблюдалось вторжение народных масс на арену истории, крайний радикализм их вождей. «Пугать якобинством в момент революций, — отвечал Ленин меньшевикам, — величайшая пошлость». Ссылаясь на определение Маркса «террор 1793 г. есть не что иное, как плебейский способ разделаться с абсолютизмом и контрреволюцией», он прямо заявлял: «Мы тоже предпочитаем разделаться с русским самодержавием “плебейским” способом и представляем “Искре” способы жирондистские»<sup>16</sup>.

Идея «непрерывной революции» активно пропагандируется Лениным: «От революции демократической, — пишет он, — мы сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. Мы стоим за непрерывную революцию. Мы не остановимся на полпути»<sup>17</sup>.

«Один-единственный раз в сентябре 1905 года, — пишет в этой связи Л. Шапиро, — Ленин использовал эту традиционную формулу... Но это было изолированное высказывание (?)»<sup>18</sup>. Но такой вывод не соответствует позиции Ленина. Еще в начале 1905 г. он отмечал: «Рабочие должны бороться за свободу, *ни на минуту* не оставляя мысли о социализме и работы над его осуществлением, подготовки сил и организации для завоевания социализма». Обсуждать программу-«максимум» с точки зрения «возможного немедленного осуществления ее полностью»<sup>19</sup>, Ленин предлагал и III съезду. Несомненно, быть крайним радикалом в определении степени *близости социализма в России* помогало

<sup>15</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 26.

<sup>16</sup> Там же. С. 137, 138.

<sup>17</sup> Там же. Т. 11. С. 222.

<sup>18</sup> Шапиро Л. История Коммунистической партии Советского Союза. С. 129.

<sup>19</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 283, 382.

Ленину и преувеличение степени капитализации страны. Решить спор между большевиками и меньшевиками могла только победоносная буржуазно-демократическая революция, но она не дошла до победного конца — весь этот исторический спор был перенесен в эпоху революций 1917 г.

Вместе с тем отметим тот факт, что теорию «непрерывной революции» Ленин воспринял в 1905—1907 гг. *не безусловно*. Он уже в мае 1905 г. стал подходить к мысли о том, что таковая в России все же нуждается в *посторонней помощи*!

«Победив в предстоящей демократической революции, мы сделаем этим гигантский шаг вперед к своей социалистической цели, — писал Ленин в “Извещении о III съезде РСДПР”, — мы сбросим со всей Европы тяжелое ярмо реакционной военной державы и поможем быстрее, решительнее и смелее пойти к социализму нашим братьям... *А с помощью социалистического пролетариата Европы* мы сумеем не только отстоять демократическую республику, но и пойти к социализму семимильными шагами».

Последнюю мысль Ленин развил дальше в Заметках «для себя» от конца 1905 — начала 1906 г. (цитируем их с пункта 4 и далее):

«4) Рабочее движение побеждает в *демократической* революции при пассивном выжидании либералов и при активной поддержке *крестьянства*. Плюс радикальная, республиканская интеллигенция и соответствующие слои мелкой буржуазии в городах. Восстание крестьян побеждает, власть помещиков сломлена. (“Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства”).

5) Либеральная буржуазия, выжидательная в 3-м периоде, пассивная в 4-м, становится прямо контрреволюционной и организуется, чтобы отнять у пролетариата завоевания революции. В крестьянстве вся его зажиточная часть и изрядная доля среднего крестьянства тоже «умнеет», успокаивается, поворачивает на сторону контрреволюции, чтобы выбить власть из рук пролетариата и крестьянской бедноты, сочувствующей пролетариату.

6) На фоне отношений, сложившихся в период 5-й, растет и разгорается новый кризис и новая борьба, причем пролетариат борется уже за сохранение демократических завоеваний ради социалистического переворота. Эта борьба была бы почти безнадежна для одного российского пролетариата, и его поражение было бы так же неизбежно, как поражение немецкой революционной партий в 1849—1850 гг., или как поражение французского пролетариата в 1871 г., *если бы* на помощь российскому пролетариату не пришел *европейский социалистический пролетариат*...

При таких условиях российский пролетариат может одержать вторую победу. Дело уже не безнадежно. Вторая победа будет *социалистическим переворотом в Европе*.

Европейские рабочие покажут нам, «как это делается», и тогда мы вместе с ними делаем социалистический переворот»<sup>20</sup>.

Следует, на наш взгляд, сравнить позицию Ленина с позицией Энгельса 1895 г., когда он решительно отверг надежды 1849—1850 гг. на превращение революции «меньшинства» в Европе в революцию «большинства»<sup>21</sup>. У Ленина мы тоже не видим подобных надежд в отношении России 1905—1906 гг.

Но появляется надежда на «социалистический переворот в Европе», который *поможет* революции в России.

Таким образом, Ленин вводит в свою концепцию «непрерывной революции» в России (как до него Парвус—Троцкий в теории «перманентной революции»<sup>22</sup>) «*громадное неизвестное*» — социалистический переворот в Западной Европе. Это «неизвестное» он широко использует в своих статьях и речах и во время второй эмиграции 1908—1917 гг., и в дни Февральской и Октябрьской революций 1917 г., и в годы Гражданской войны вместе с другими вождями большевизма. Но социалистическое революционное движение в Европе не придет большевикам на помощь. Пролетарский элемент в революциях в Германии в 1918—1919 гг. и в 1923 г., в Венгрии 1919 г., в Финляндии 1918 г. будет легко раздавлен реакцией...

<sup>20</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 209; т. 12. С. 154—157.

<sup>21</sup> См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 533—535

<sup>22</sup> Ленин размежевывал обе эти концепции. Так в 1917 г. он подчеркивал: «троцкизм — без царя, а правительство рабочее». Это неверно, мелкая буржуазия есть, ее не выкинешь. Беднейшая ее часть идет с рабочим классом. См.: Седьмая (апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (б). Протоколы. М., 1958. С. 22.

## Глава 6

# Уроки первой российской революции

### Откат революции

Революции далеко не всегда оканчиваются победой революционных партий и народа, они нередко терпят поражение, принимая — в силу нерешенности задач общественного развития — циклический характер: подъем революционных настроений, открытая революционная борьба сменяются жестокой реакцией, реакция в свою очередь готовит новый тур революций, новые попытки народа свалить правительство. «Все те победы, — или полупобеды, четверть-победы, вернее сказать, — писал Ленин в апреле 1908 г., — которые одержала наша революция, одержаны всецело и исключительно благодаря непосредственно-революционному натиску пролетариата, шедшего во главе непролетарских элементов трудящегося населения. Все поражения вызваны ослаблением такого натиска, связаны с тактикой, сторонящейся от него, а иногда (у кадетов) направленной даже прямо на его устранение.

И теперь, в период разгула контрреволюционных репрессий, мещанство трусливо приспособляется к новым владыкам жизни, пристраивается к новым калифам на час, отрекается от старого, старается забыть его, уверяет себя и других, что никто не думает теперь в России делать революцию по Марксу, никто не помышляет о «диктатуре пролетариата» и так далее»<sup>1</sup>.

С начала 1906 г. в России наблюдается разгул реакции, в которой был сильный мотив личной мести премьер-министра.

Двенадцатого августа 1906 г. три эсера-максималиста взорвали дачу П.А. Столыпина. Всего было убито 27 человек (в том числе и сами террористы), легко ранен трехлетний сын Столыпина и тяжело — его пят-

<sup>1</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 37—38.



надцатилетняя дочь Наташа, которой раздробило ноги. 19 августа 1906 г. Столыпин принял в чрезвычайном порядке согласно 87 статье «Основных законов», которая гласила, что в случае чрезвычайных обстоятельств во время перерыва сессий Думы правительство имеет право издавать указы, не ожидая созыва Думы, *указ о военно-полевых судах*. Они уничтожали «преступников» безо всякого судопроизводства в пределах 48 часов; приговор по распоряжению командующего округом исполнялся в 24 часа. Если в 1906 г. было казнено 144 человека, то в 1907 — уже 1139, в 1908 — 825, в 1909 — 717, «итого в среднем ежемесячно по 58—59 казней»<sup>2</sup>; казни, по выражению В. Г. Короленко, стали «бытовым явлением». Репрессии в целом затронули десятки, сотни тысяч человек.

Как правило, периоды поражения революции, реакции сопровождаются резким поправением «средних» либеральных партий, заигрывавших в период подъема революций с лозунгом «свободы», они выявляют — что произошло в России особенно быстро — свою «имманентную контрреволюционность». «Последний кадетский съезд, — отмечал на IV конференции РСДРП в ноябре 1907 г. Ленин, — окончательно сорвал все фиговые листочки, которыми прикрывались господа Миллюковы, и является крупным политическим событием, ибо кадеты с циничной откровенностью заявляли, что... “с врагами слева” станут бороться». А вот еще одно наблюдение Ленина за эволюцией российского либерализма в годы революции: «Русский либерализм за три года пережил ту эволюцию, которая потребовала в Германии свыше тридцати лет, а во Франции даже свыше ста лет, эволюцию от сторонника свободы к безвольному и подлому пособнику абсолютизма»<sup>3</sup>.

В идеологической борьбе в России кредо отшатнувшихся от революции партий лучше всего выразил знаменитый сборник «Вехи», изданный в 1909 г. в Москве Н. Бердяевым, С. Булгаковым, М. Гершензоном, Б. Кистяковским, П. Струве, А. Изгоевым. Ленин неоднократно употреблял термин «веховство» для характеристики позиции всего контрреволюционного русского буржуазно-помещичьего либерализма. Основные политические лозунги веховства — «враг слева», «лучше реакция, чем революция».

Из поражения революции 1905—1907 гг. веховцы сделали вывод о ненужности и «греховности» революций вообще. Их давний диагноз «болезни» гласил: «...легион бесов вошел в гигантское тело России», ее надо лечить религией, мистикой. «Историческую нетерпеливость» революционеров веховцы предлагали сменить на «дисциплину послу-

<sup>2</sup> Зырянов П. Н. Столыпин. Политический портрет. М., 1992. С. 34—36.

<sup>3</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 170, 459.

шания», героизм на «спасительное покаяние» и «здоровое христианское смирение». Они призывали вообще отказаться от «объяснения зла внешним устройством человеческого общежития», лозунгу классовой борьбы за социальную справедливость веховцы противопоставили принцип «защиты личности», ее спасение «в своем внутреннем духовном мире». И одновременно они сделали признание, редкое по откровенности: «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной»<sup>4</sup>.

«Вехи» вызвали восторг в лагере реакции (архиепископ Волынский назвал их выход «праздником») и возмущение в лагере демократов. От авторов «Вех» поспешили отмежеваться даже кадеты (сб. «Интеллигенция в России», 1910). Ленин, показывая действительную сущность «Вех» как «энциклопедии либерального ренегатства», разоблачал лицемерный характер полемики кадетов с веховцами. Он писал, что «*“Вехи” выразили несомненную суть современного кадетизма*»<sup>5</sup>.

Лагерь социал-демократии в период реакции понес существенные потери в кадрах (отлив «неустойчивых» революционеров) и испытал попытки политико-идеологической ревизии марксизма: на сцену выступили меньшевики-ликвидаторы и небольшая часть большевиков-отзовистов. Первые пошли походом против подпольной деятельности партии и защищали идею «конституционного характера» наступившего кризиса, якобы позволяющего создать в России легальную партию социал-демократии западного типа. Вторые продолжали выдвигать в качестве лозунга дня бойкот Государственной Думы, добивались отрыва из нее социал-демократической фракции. В.И. Ленин характеризовал «отзовизм» как «идейное ликвидаторство слева», как «*меньшевизм наизнанку*»<sup>6</sup>.

Отметим и такой парадоксальный факт: революция 1905—1907 гг., несмотря на ее поражение, заставила царизм пойти все же по пути развития политического строя России в буржуазном направлении к конституционной монархии и буржуазным аграрным преобразованиям. В.И. Ленин тщательнейшим образом проанализировал эти сдвиги, достигнутые также благодаря «полупобедам» и «четверть-победам» пролетариата в революции. Обратимся к этой части его наследия.

<sup>4</sup> Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 2, 8, 9, 36, 39, 53, 55, 68, 75, 89, 95 и др.

<sup>5</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 167—168.

<sup>6</sup> Там же. Т. 17. С. 367. Т. 19. С. 48.

## Ленин о Думе и аграрной реформе Столыпина

Среди исторической литературы «постперестроечного периода» наше внимание привлекла книга А.Ф. Смирнова «Государственная Дума Российской Империи 1906—1917». М., 1998.

Автор прослеживает в числе других сюжетов отношение Ленина к первой (виттевской) и второй, и третьей (столыпинским) Думам. В отношении первой В.И. Ленин был поначалу одним из самых энергичных сторонников полного ее бойкота, «он считал, что революционное движение даже после кровавой Пресни, скорее находится на стадии подъема, нежели упадка». Но вскоре наступило прозрение — столыпинская реакция перечеркнула революционную перспективу.

«Программа Столыпина, — пишет автор, — имела для России огромное значение. Но в мутных волнах политических раздоров оппоненты Столыпина не сумели оценить ее истинное значение. Во многом благодаря его твердой политике осенью 1906 г. наступило умиротворение и продолжение тактики бойкота Думы могло лишь дезорганизовать ряды революционеров.

Одним из первых это понял Ленин. В октябре 1906 г. ему стало ясно; революция находится на спаде. Поняв это, он немедленно сделал вывод и совершил крутой поворот в своей политике. Еще в конце сентября 1906 г., после неудачи Свеаборгского и Кронштадтского восстаний, он писал, что «мы стоим» «перед бурей» и «накануне великой борьбы» твердо веря, что восстание неминуемо; он исключал Думу из своих политических расчетов. Но уже в октябре Ленин написал статью по поводу бойкота выборов в Думу, в которой объявил, что левое крыло социал-демократов должно пересмотреть вопрос о бойкоте. Его заключение состояло в том, что теперь как раз настало время, когда революционные социал-демократы должны перестать быть бойкотистами»...

«Пересмотр политики бойкота Думы ясно доказывал, что в Ленине наряду с его лево-радикальными убеждениями, уживался трезвый реализм, поразительное умение немедленно оценивать быстро изменившуюся ситуацию и уточнять в соответствии с нею тактику и стратегию... Он решил использовать Думу как платформу для пропаганды, как своего рода политический рупор. С думской трибуны делегаты произносили речи, за которые вне Таврического дворца сурово наказывали»<sup>7</sup>.

Верно оценив «трезвый реализм» Ленина, автор вместе с тем сделал ошибки хронологического порядка и явно упростил ленинскую позицию.

<sup>7</sup> Смирнов А.Ф. Государственная Дума Российской Империи 1906—1917. М., 1998. С. 177, 260.

Свою первую статью об отказе от бойкота Ленин написал не в октябре, а в середине августа 1906 г. «История показала, — писал он, — что, когда собирается Дума (речь шла о выборах во вторую столыпинскую думу. — *Е.П.*), то является возможность полезной агитации: изнутри ее и около нее; — что тактика сближения с революционным крестьянством против кадетов возможна внутри Думы. Это кажется парадоксом, но такова, несомненно, ирония истории: именно кадетская (разогнанная правительством первая виттевская. — *Е.П.*) Дума особенно наглядно показала массам правильность “антикадетской”, скажем для краткости тактики (ее вела небольшая группа социал-демократических депутатов, все же попавшая в первую Думу. — *Е.П.*). История беспощадно опровергла все конституционные иллюзии и всю “веру в Думу”, но история безусловно показала известную, хотя и скромную пользу такого учреждения для революции, как трибуны для агитации, для разоблачения истинного “нутра” политических партий и т. д.»<sup>8</sup>.

К тому же, признаки усиления реакции и возможность спада революционной волны Ленин заметил еще в июне—июле 1906 г. (см. его статью «Реакция начинает вооруженную борьбу».) «Пока держится старая власть и держит в своих руках всю громадную машину государственного управления, — писал он, — до тех пор нельзя и говорить серьезно о значении народного представительства, о возможности удовлетворить наболевшие нужды людей. Начались заседания Госдумы, полились особенно бурным потоком либерально-буржуазные речи о мирном и конституционном пути — начались и стали все усиливаться организуемые агентами правительства избиения мирных демонстрантов, поджоги домов с народными собраниями, наконец, прямые погромы.

А крестьянское движение растет. Забастовки становятся все острее, все чаще и шире. Самые отсталые военные части, пехота в провинции, казачество приходят в волнение.

Слишком много горячего в русской жизни»<sup>9</sup>.

Из этой ситуации схватки реакции с восставшим народом было два выхода: либо подавление народного протеста, либо победоносное народное восстание. И пока для последнего оставался хоть один шанс, Ленин не отбрасывает призывов к народной революции. Он писал еще в женеvской газете «Вперед» (январь—март 1905 г.) и затем в статье «Кризис меньшевизма» от 7 декабря 1906 г.: «возможно, что револю-

<sup>8</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 343.

<sup>9</sup> Там же. С. 198.

ция кончится конституционным выкидышем. Как сторонники и идеологи революционного пролетариата, мы выполним свой долг до конца, — мы через все измены и подлости либералов, через все шатания, через всю робость мелких буржуа пронесем наши революционные лозунги, — мы исчерпаем действительно до конца *все* революционные возможности, мы будем гордиться тем, что *первые* вступили на путь восстания и *последние* покинули этот путь, если он на самом деле стал невозможен»<sup>10</sup>.

Именно поэтому, что мы видим у Ленина ставку на подготовку к народному восстанию даже в мае 1907 г. — как раз накануне третьиуньского контрреволюционного переворота, — он ставил задачей «доведение до конца демократической революции в России»(!)<sup>11</sup>.

Далее, мы бы не согласились с тезисом А.Ф. Смирнова, что Ленин сразу, чуть ли не в октябре 1906 г., понял суть столыпинской реформы. В марте 1907 г. Ленин сообщал в газете «Пролетарий» о событиях в России: «В деревне нет налицо ярких, сразу бросающихся в глаза событий, вроде локаутов, но уже такие меры правительства, как ноябрьские аграрные законы («подкуп крестьянской буржуазии»), свидетельствуют, что борьба обостряется, что помещики вынуждены направлять все усилия на раскол крестьянства для ослабления общекрестьянского натиска» В той же статье «Платформа революционной социал-демократии» мы находим такой броский образ: «Столыпинская военно-полевая репрессия и кадетские «реформы», это — две руки одного угнетателя»<sup>12</sup>.

Здесь еще много неточностей; о происходившем в деревне Ленин информирован пока что плохо. 9 ноября 1906 г. по 87-й статье Основного закона, не ожидая созыва Думы, Столыпин издал носивший — судя по сугубо бюрократическому названию — вроде бы второстепенный указ «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования» (после прохождения его через Государственную Думу и Государственный Совет он будет называться законом 14 июня 1910 г.), а также указ 15(28) ноября 1906 г. «О выдаче Крестьянским поземельным банком ссуд под залог наделных земель». Эти законы предоставляли крестьянам право закрепления их наделов в личную собственность и право выхода из общины на отруба и хутора при получении через Крестьянский банк субсидий на приобретение земли. Таким образом, в де-

<sup>10</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 169.

<sup>11</sup> Там же. Т. 15. С. 367.

<sup>12</sup> Там же. С. 81, 83.

ревне *при сохранении в целости* помещичьей собственности на землю насильственно *разрушалась* крестьянская община и создавались условия для появления кулачества среди «крепких крестьян» и для разорения массы владельцев наделов-бедняков, появления «свободных» рабочих рук.

«Отсрочка» старому порядку и старому крепостническому земледелию, данная Столыпиным, — подытожил позднее эти акции Ленин, — состоит в том, что открыт еще один и притом *последний* клапан, который можно было открыть, не экспроприировав всего помещичьего землевладения. Открыт клапан и выпущен несколько пар — тем, что часть совершенно обнищавших крестьян «укрепили» свои наделы в личную собственность и продали их, превратившись из пролетариев с наделом в чистых пролетариев, — далее, тем, что часть зажиточных крестьян, укрепив свои наделы и иногда устроившись на отрубках, поставили еще более прочное капиталистическое хозяйство, чем прежде»<sup>13</sup>.

Если учесть, что на общинном праве в Европейской части России землей владели 9,5 млн дворов и что за 9 лет — с 1907 по 1915 г. — вышло из общины около 2 1/2 млн крестьянских дворов, то можно сделать вывод, что реформы охватили почти 1/4 часть крестьянства.

Тем временем произошли и кардинальные изменения в надстройке страны: «непослушные» Думы были заменены послушной. К началу 1907 г. и II Дума доживала свои последние дни. Убедившись, что в ее рамках примирение крестьян с помещиками не состоится, охранка прибегла к прямой провокации. Был сфабрикован «военный заговор» в рядах социал-демократической фракции, жандармы потребовали немедленного ареста 16 из ее депутатов. Государственная Дума создала комиссию — с поручением срочно разобраться с обвинением. Не дожидаясь окончания ее работы, правительство в ночь на 3 июня 1907 г. арестовало и предало суду социал-демократическую фракцию, а саму Думу — распустило. В нарушение «Основных законов» был опубликован новый избирательный закон. Из трех представленных царю проектов закона царь выбрал тот, который получил прозвище «бесстыжего». Согласно ему в III Думу прошли в основном консервативные «октябристы», которые в зависимости от блока с «правыми» или с «кадетами» давали правительству вполне послушное то «правое», то «левое» большинство.

Ленин, ушедший в декабре 1907 г. в свою вторую эмиграцию, оценил этот особый период развития царизма как этап по пути превраще-

<sup>13</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 18—19.

ния его в буржуазную монархию, как этап буржуазно-черносотенного парламентаризма, как этап буржуазной политики царизма в деревне.

Сочетание самой оголтелой реакции с политикой «реформ» было характерной чертой момента. «В Думе правительство, стоящее за октябристами, — писал Ленин в статье «Третья Государственная Дума и социал-демократия», — хотят вести двойную игру. Правительство, усиливая свои преследования, завоевывая Россию штыком, виселицей, тюрьмой, ссылкой, хочет изобразить из себя сторонника реформ. Кадеты, на деле обнявшись с октябристами, стараются показать, что они действительные защитники свободы. И те и другие хотят обмануть народ и задушить революцию»<sup>14</sup>.

В статье «Новая аграрная политика» (февраль 1908 г.) Ленин принципиально оценил вступление помещичьей монархии на *новый* путь аграрной политики.

«Знаменитые внедумские указы по 87-й статье — 9 ноября 1906 г. и следующие за ним — открыли эру новой аграрной политики царского правительства. Во II Думе Столыпин подтвердил ее, правые и октябристские депутаты одобрили ее, кадеты (запуганные собранными в передних камарильи слухами о разгоне Думы) отказались от открытого обсуждения ее. Теперь в III Думе земельная комиссия приняла на днях основное положение закона 9 ноября 1906 г. и пошла дальше, признала частной собственностью крестьян их участки во всех общинах, не производивших передела в течение 24 лет. На приеме (депутатов III Думы. — *Е.П.*) 13 февраля глава крепостнически-помещичьей России громко одобрил эту политику, прикрикнув, — явно для сведения беспартийных крестьян, — что он не утвердит никогда никакого закона о принудительном отчуждении в пользу крестьянства.

Окончательный переход правительства царя, помещиков и крупной буржуазии (октябристов) на сторону новой аграрной политики имел огромное историческое значение. Судьбы буржуазной революции в России, — не только настоящей революции, но и возможных в дальнейшем демократических революций, — зависят *больше всего* от успеха или неуспеха этой политики», — писал Ленин<sup>15</sup>.

Ленин так разъяснял «сущность поворота». В течение всего XIX в. крепостники-помещики, главенствующий класс в обществе, вел в общем и целом политику «охранения» старых общинных порядков крестьянского землевладения. К XX в. развитие капитализма подтолкнуло эти порядки. «Диалектика истории сделала то, что крестьянст-

<sup>14</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 180.

<sup>15</sup> Там же. С. 422—423.

во, — которое в других странах при сколько-нибудь упорядоченном (с точки зрения требований капитализма) земельном строе является опорой порядка, — в России выступило во время революции с самыми разрушительными требованиями вплоть до конфискации помещичьих земель и национализации земли (трудовики I и II Думы)»<sup>16</sup>.

Капитализм в России не может развиваться дальше, не ломая полукрепостнического аграрного строя в деревне, «и он сломит его неминуемо и неизбежно; нет такой силы на земле, которая могла бы помешать этому». Но этот строй может быть сломан двояко: «по-помещичьи или по-крестьянски», расчистив путь «помещичьему или крестьянскому капитализму».

И вот правительство контрреволюции поняло это положение. Столыпин правильно понял дело: без ломки старого землевладения нельзя обеспечить хозяйственное развитие России. Столыпин и помещики смело вступили на революционный путь, ломая самым беспощадным образом старые порядки, отдавая всецело на поток и разграбление помещикам и кулакам крестьянские массы<sup>17</sup>.

В других работах 1908—1909 гг. Ленин подчеркнет «громадную разницу» двух путей — помещичьей и крестьянской ломки «с точки зрения быстроты общественного развития, роста производительных сил и наибольшего соблюдения интересов массы» и назовет первый путь — «прусским», второй — «американским».

Вопрос о том, какой класс и в какой форме произведет «необходимую для нас ломку», отмечал Ленин, еще не решен в России, он только поставлен борьбой классов. «И эта же борьба классов определит, каким образом будет решена эта задача»<sup>18</sup>.

Второй, американский путь развития Ленин связывал с национализацией земли. «Если смотреть объективно, — писал он, полемизируя с меньшевистской программой муниципализации земли, — вопрос поставлен таким и только таким образом: будет ли Столыпин (т. е. помещики и самодержавие) приспособлять старую собственность на землю к капитализму, или же это будут делать сами крестьянские массы, свергнув власть помещиков и царя... Мыслимо ли это революционное уничтожение помещичьей собственности при сохранении старой наделной собственности крестьян? Нет, это немыслимо, и крестьянские депутаты в обеих Думах доказали, что это невозможно. Они доказали это тем, что создали политический тип крестьянства всей России во

<sup>16</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 16. С.423.

<sup>17</sup> См.: Там же. С.423—424.

<sup>18</sup> Там же. Т. 17. С.119, 129, 137, 150 и др.



время буржуазной революции: тип *трудолика*, требующего *национализации* земель... желающего смести и помещичью и надельную собственность на землю»<sup>19</sup>.

## Ленинская оценка текущего момента

Для выявления тех объективных перемен, которые произошли в классовой группировке и в политическом соотношении сил России с 1904 по 1908 г. особенно важна статья Ленина «Об оценке текущего момента», подготовленная для предстоящей Всероссийской конференции РСДПР. Основные перемены можно свести, по его мнению, к пяти:

1) Аграрная политика самодержавия в крестьянском вопросе принципиально сильно передвинулась: поддержка и укрепление старой общины сменилась политикой ускоренного полицейского разрушения и ограбления ее.

2) Представительство черносотенного дворянства и крупной буржуазии сделало громадный шаг вперед: вместо прежних местных выборных комитетов дворян и купцов и разрозненных попыток создания их всероссийского объединения, имеется единый представительный орган — Государственная Дума, в которой указанным классам обеспечено полнейшее преобладание, при сведении на роль придатка и привеска в этом якобы «конституционном» учреждении, призванном укрепить самодержавие, представительства либеральных профессий, не говоря уже о крестьянстве и пролетариате.

3) Классы в открытой политической борьбе впервые размежевались и определились в России за это время: политические партии открыто или наполовину тайно существуют теперь, выражают с невиданной точностью интересы и точки зрения классов, которые за три года созрели во сто раз больше, чем за предыдущие полвека; все закончили «утробный» период своего развития и на много-много лет вперед определяли — не словами, а фактами и действиями масс — свою натуру (черносотенное дворянство, национал-«либеральная» буржуазия, мелкобуржуазная демократия — *трудолики* с их левым небольшим крылом эсеров, пролетарская социал-демократия ).

4) То, что до революции именовалось либеральным и либерально-народническим «обществом», «просвещенной» частью нации, интеллигентской «оппозицией» — все это заняло по отношению к массовой борьбе социалистического пролетариата и демократического крестьян-

<sup>19</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 266, 267, 268.

ства *контрреволюционную* позицию, что не замечают и замалчивают наши меньшевики.

5) Миллионы населения приобрели практический *опыт* в самых разнообразных акциях массовой непосредственно революционной борьбы, вплоть до «всеобщей стачки», изгнания помещиков, сожжения их усадеб, открытого вооруженного восстания. Учет этого опыта массами, диалектики творимой ими истории — невидный, тяжелый и медленный процесс, играющий гораздо более важную роль, чем многие явления на поверхности политической жизни государства, «соблазняющие младенцев не только младенческого в политике, но иногда и очень изрядного возраста». Выступила воочию руководящая роль пролетариата во всей революции и на всех поприщах борьбы.

«Таковы объективные перемены, вырывшие пропасть между дооктябрьской (имеется в виду Россия октября 1905 г. — *Е. П.*) и современной Россией. Таковы *итоги* трех лет богатейшего по своему содержанию периода нашей истории, — разумеется итоги, так сказать суммарные, поскольку можно в нескольких словах наметить самое главное и наиболее существенное»<sup>20</sup>.

К чему обязывают нас эти итоги в области тактики? — ставит Ленин следующий вопрос.

Перемена аграрной политики самодержавия имеет «чрезвычайно большое значение» для такой «крестьянской» страны, как Россия. Эта перемена не случайность, не колебание курса министерств, не измышление бюрократии. Это глубочайший «сдвиг» в сторону *аграрного бонапартизма*, в сторону либеральной (в экономическом смысле слова, т. е. буржуазной) политики в области крестьянских поземельных отношений. «Бонапартизм есть лавирование монархии, потерявшей свою старую, патриархальную или феодальную, простую и сплошную, опору, — монархии, которая принуждена эквилибрировать, чтобы не упасть, — заигрывать, чтобы управлять, — подкупать, чтобы нравиться, — браться с подонками общества, с прямыми ворами и жуликами, чтобы держаться не только на штыке. Бонапартизм есть объективно-неизбежная, прослеженная Марксом и Энгельсом на целом ряде фактов новейшей истории Европы, эволюция монархии во всякой буржуазной стране...»<sup>21</sup> Аграрный бонапартизм Столыпина не мог бы даже родиться, а не то что продержаться вот уже два года, если бы внутри общины не складывались капиталистические элементы, с которыми можно начать заигрывать, которым можно сказать: «обогащай-

<sup>20</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 271—273.

<sup>21</sup> Там же. С. 273—274.

тесь!», «грабь общину, но поддержи меня!». Поэтому ошибкой была бы любая оценка столыпинской политики, не учитывающая ее бонапартистских приемов с одной стороны, и ее буржуазной (либеральной) сущности, с другой.

Поэтому ничего не стоит плач кадетов по поводу насильственной ломки «исконных устоев» нашего деревенского быта. «Борьба идет, — хотя этого не сознают очень и очень многие из ее участников, — *только* из-за того, будет ли это насилие насилием помещичьей монархии над крестьянами или крестьянской республики над помещиками. В обоих случаях *неизбежна* буржуазная, а не иная какая-либо, аграрная революция в России, но в первом случае медленная и мучительная, во втором быстрая, широкая и свободная».

Второму типу буржуазной эволюции соответствует аграрная программа социал-демократов, не там, где говорятся о неслучайной «муниципализации», а о «конфискации всех помещичьих земель». После опыта трех лет только разве среди меньшевиков могут найтись люди, не видящие связь борьбы за эту конфискацию с борьбой за республику<sup>22</sup>.

Что касается Думы, то это черносотенно-«конституционное» учреждение также представляет из себя развитие абсолютной монархии по пути бонапартизма. Это отражается и на современном избирательном законе, нарушившем «Основные законы», и на подделанном большинстве черносотенцев и октябристов, и на игре в подражание Европе, и на погоне за займами, расход которых лежит вне контроля Думы и «на полном игнорировании самодержавием в его деловой политике всех прений и решений Думы... Самодержавие хотели прикрыть, приодеть, принарядить посредством Думы; на деле черносотенно-октябристская Дума с каждым днем своего существования все более раскрывает, разоблачает, обнажает истинный характер нашей государственной власти, ее настоящие классовые опоры и ее бонапартизм»<sup>23</sup>. Ныне самодержавие своей III Думой показывает народу на опыте, с какой «конституцией» может оно примириться, приближая этим более широкую борьбу *против самодержавия*. Поэтому лозунг «Долой Думу» означал бы сосредоточение главной борьбы на учреждении несамостоятельном, не решающем, не играющем самой главной роли. Такой лозунг неверен, верны старые лозунги «долой самодержавие» и «да здравствует Учредительное собрание», ибо именно самодержавие продолжает оставаться действительно властью, действительной опорой и оплотом реакции.

<sup>22</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 274—275.

<sup>23</sup> Там же. С. 276.

Ленин недаром выступил и против участия социал-демократической фракции в голосовании за расширение бюджетных прав в Думе: «Практическое реформаторство *не* могло быть в данное время и при данной обстановке целью *демократа*, ибо, во-1-х, ясна невозможность реформ на почве данных основных законов о бюджетных правах Думы, во-2-х, нелепо было бы предлагать для Думы черносотенных зубров и московских купцов расширение ее прав, прав такой Думы... Мы не отрицаем, конечно, возможности и необходимости иногда для демократа и для социал-демократа возбуждать вопрос именно о частичной реформе. Но, в такой Думе, как III, в такой момент, как настоящий, по такому вопросу, как бюджетные права, изуродованные до смешного *неприкосновенными* основными законами это было бы нелепо»<sup>24</sup>.

Далее, считал Ленин, во всех рассуждениях о современном отношении политических сил, о его направлении и изменении надо считаться с конкретными данными накопившегося исторического опыта, а не с абстрактными «общими рассуждениями». «Отдельные партии могут прятаться в подполье, не давать о себе знать, исчезать с политической авансцены, но при малейшем оживлении основные силы вновь проявят себя, может быть в измененной форме, но непременно с тем же самым характером и направлением деятельности, пока не решены объективные задачи потерпевшей то или иное поражение революции»<sup>25</sup>.

Наша задача, утверждает Ленин, теперь не в том, чтобы сочинять какие-то новые лозунги, а в укреплении нелегальной партийной организации (вопреки вою меньшевиков, хоронящих ее) и в развитии широкой революционно-социал-демократической агитации, которая сплотит партию с массами пролетариата и мобилизует эти массы.

## О большевистском и меньшевистском подходе к политическим партиям в царской Думе

В период столыпинской реакции Ленин в целом ряде своих выступлений, статей, набросков ставит в связи с крупным сдвигом в политике царизма проблему подхода к политическим партиям вообще и в царской Думе в частности<sup>26</sup>. В ответ меньшевики издают работу Л. Марто-

<sup>24</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 445.

<sup>25</sup> Там же. Т. 17. С. 279.

<sup>26</sup> См.: Опыт классификации русских политических партий // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 21–27; Об отношении к буржуазным партиям // Там же. Т. 15. С. 4–6; Доклад об отношении к буржуазным партиям 12(25) мая 1907 г. на V съезде РСДРП // Там же. С. 330–334; Аграрные прения в III Думе // Там же. Т. 17. С. 308–322.

ва «Политические партии в России» (1906) и печатают специальную резолюцию по данной проблеме в №12 «Народной Думы» от 24 марта 1907 г.

Основа ленинского отношения ко всем событиям революции 1905—1907 гг. в России и столыпинской реакции, к «раскладу» всех политических партий в России этого периода — сугубо классовый подход. Он кажется на первый взгляд «огрубляющим» процессы возникновения и умирания тех или иных партий, фракций и расхождений. Скажем, все многообразие партий и фракций в I, II и III Думах Ленин сводит к *пяти* типам, не обращая внимания на мелкие партии и оттенки: *черносотенцы* («Союз русского народа», монархисты и пр.); *октябристы* (собственно октябристы, мирнообновленцы, партия демократических реформ); *кадеты* (собственно кадеты, свободомыслящие, радикалы); *трудовики* (трудовые народные социалисты, максималисты, эсеры); *социал-демократы* (большевики и меньшевики). Казалось бы, ближе к истине мартовская классификация партий, защищаемая в брошюре «Политические партии России» (1906).

«В отличие от Ленина, — пишет С.В. Тютюкин, — для которого главным критерием в этом вопросе было отражение той или иной партией интересов определенного общественного класса, для Мартова этот признак не являлся главным, поскольку были партии, служившие сразу нескольким социальным слоям или претендовавшие на выражение интересов всей нации в целом. Сплошь и рядом политические партии сознательно затушевывали свою связь с тем или иным классом, отреклись от нее, считая ее атавизмом. Поэтому Мартов, не сбрасывая полностью со счетов фактор классового интереса, предпочитал систематизировать партии, исходя из их отношения к самодержавной системе». Соответственно меньшевики поддерживали партии, выступавшие против самодержавия, не исключая, а предполагая союз с кадетами<sup>27</sup>.

Этот подход меньшевики подтвердили в резолюции, напечатанной в №12 «Народной Думы» от 24 марта 1907 г. В мотивировочной части указывался «ряд задач общих у пролетариата с буржуазной демократией». Далее говорилось о необходимости для пролетариата «комбинировать свои действия с действиями других общественных классов и групп», двигать вперед «всю буржуазную демократию страны», придерживаясь «реализма» и отбрасывая «крестьянские иллюзии мелкобуржуазного революционаризма и аграрных утопий».

«Это, — говорил Ленин на V съезде, — резолюция о партиях без партий. Это резолюция для определения нашего отношения — ровно

<sup>27</sup> Тютюкин С.В. Меньшевизм: страницы истории. С. 201.

ничем не определяющая нашего отношения к различным партиям. Руководствоваться такой резолюцией нельзя, ибо она оставляет полнейший простор “комбинировать” что угодно и как угодно. Эта резолюция никого не стесняет; она — самая “либеральная” резолюция в полном смысле этого слова. Ее можно толковать и вкось и вкривь. Но марксизма в ней нет ни грана. Основные положения марксизма забыты здесь настолько основательно, что любой левый кадет подписал бы такую резолюцию. Возьмите ее главные пункты: “общие задачи” пролетариата и буржуазной демократии... Разве не об этом кричит вся либеральная печать?... — Необходимость “комбинирования” — этого как раз требуют кадеты...”<sup>28</sup>

«По взгляду большевиков, — дополнял эту аргументацию Ленин в статье «Отношение к буржуазным партиям», — на пролетариат ложится активная задача довести до конца буржуазно-демократическую революцию, быть вождем ее. Возможно это лишь при том условии, если пролетариату удастся повести за собой массы демократической мелкой буржуазии, особенно крестьянства в борьбе с самодержавием и с предательской либеральной буржуазией...

Меньшевики склонялись к взгляду, что в буржуазной революции двигателем и определителем ее должна быть буржуазия. Пролетариат руководить буржуазной революцией не может, он должен выполнять лишь роль крайней оппозиции, не стремясь к завоеванию власти. Идею революционной демократической диктатуры пролетариата и крестьянства меньшевики самым решительным образом отвергали»<sup>29</sup>.

Наглядный классовый анализ партий, заседающих в III Думе, дает статья Ленина «Аграрные прения в III Думе» от 1(14) декабря 1908 г. Приведем из нее несколько выдержек.

«Простоватый г. Балаклеев наивно выразил... общий дух всех правых речей. Сказавши, что, конечно, указ 9 ноября нельзя отвергнуть, ибо он выражает высочайшую волю, он вместе с тем заявил: “Гг. члены Государственной Думы! Мы живем во время революции, которая, по моему глубокому убеждению, далеко еще не закончилась... Воображение рисует самые мрачные картины, но наш долг в том, чтобы не поддерживать в народе смуту и раздор”».

Речи кадетов отличало стремление «примирить непримиримое, усесться между двух стульев». Красной нитью чрез все кадетские речи проходит спор против закона 9 ноября с точки зрения «осторожности»... Нападать на Столыпина за «неосторожность» его аграрной по-

<sup>28</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 335.

<sup>29</sup> Там же. С. 369—370.

литики, — пишет Ленин, — значит prostituiроваться, предлагаться на должность *таких* исполнителей этой самой политики, которые сумели бы «осторожно» выполнить *то же самое дело*, т. е. провести ту же помещичью сущность под ложным флагом «конституционного демократизма», провести не путем одного насилия, а также и путем обмана крестьян» (не надо возмущаться предлагаемым нами «принудительным отчуждением» помещичьих земель, ведь определять, какие земли подлежат отчуждению будут комиссии, состоящие наполовину из крестьян, наполовину из помещиков плюс «нейтральный» представитель — председатель комиссии, назначаемый правительством. Затем все это прошло бы через Государственную Думу и Государственный совет (именно!) «и после их переработки» (т. е. после повторной урезки «реформы») дошло бы до «высочайшей санкции» — «вспомните последовательное сокращение размеров надела подобными же высшими инстанциями в 1861 г.» — напоминает Ленин. «Результатом этой планомерной работы, — уверяет кадет, — было бы истинное удовлетворение настоящих нужд населения и связанное с ним успокоение и сохранение культурных хозяйств, которые партия народной свободы никогда без крайней необходимости не желала разрушать».

Типичный правый крестьянин Сторчак начинает свою речь с воспроизведения слов Николая II о «священных правах собственности», недопустимости их «нарушения» и т. д. Сторчак продолжает: «дай бог государю здоровья. Он хорошо сказал для всего народа» и кончает так: «А если сказал государь, чтобы была правда и порядок, то, конечно, если я сижу на 3 десятинах земли, а рядом 30 000 десятин, то это не есть порядок и правда!!» Если Сторчак и некоторые другие его сторонники выступают бессознательно, стихийно, сами боясь не только договорить до конца, но даже и додумать то, что из их слов и предложений следует, то «трудовики в III Думе выражают дух массовой борьбы крестьян прямо и открыто».

«Вот Кропотков, депутат от Вятской губ. “Мои избиратели мне говорили о том, что закон 9 ноября — помещичий закон... Мои избиратели задавали такие вот вопросы: отчего это делается насильственно? Наказывали мне избиратели: скажи ты в Госдуме, что так жить больше нельзя... И только начинают его (закон 9/XI) применять в нашей местности, как у новых помещиков, как говорят наши крестьяне, горят дома...” Все дело в том, чтобы вознаградить помещиков... Чтобы быть справедливым, нужно обложить единственным налогом землю, и тогда она окажется у трудящихся масс, и тогда будет незавидно: кто не хочет работать, тот не будет платить...»

«Сколько неиспытанных еще в борьбе сил, сколько стремления к борьбе в этой наивной речи! Желая избежать “принудительного отчуждения” Кропотков *на деле* предлагает меру, которая равняется *конфискации* помещичьих земель и национализации *всей* земли!»<sup>30</sup>.

## Пересмотр Лениным некоторых прежних своих оценок

Начиная с времен столыпинской реформы аграрный вопрос становится в центр исследований Ленина. Но именно статьи по аграрному вопросу задерживаются цензурой. Ленин все же находит выход — как информировать о своих выводах читателя. Под странными псевдонимами: Силин, Р.С., он печатает крохотные заметки «Землевладение в Европейской России», «Сущность аграрного вопроса в России» и др., где приводятся следующие статистические данные и следующие выводы: «Земля в Европейской России распределяется так, что крупнейшие помещики, имеющие свыше 500 дес., владеют 70-ю миллионами десятин, причем число этих помещиков не достигает и 30-ти тысяч.

Громадное же большинство крестьян, именно десять с половиной миллионов семей, из всего числа 13 миллионов крестьянских семей, имеют 75 миллионов десятин земли.

Средний размер крупнейшего помещичьего имения — 2 200 десятин. Средний размер мелкого крестьянского участка — семь десятин.

Если бы земли тридцати тысяч крупнейших владельцев перешли к десяти миллионам крестьянских дворов, то землевладение этих дворов *почти удвоилось бы*.

Какие отношения по хозяйству между помещиками и крестьянами вытекают из такого распределения земли, об этом в следующий раз». В следующий раз Р.С. делает вывод, что свои латифундии помещики не могли обрабатывать за счет найма свободных рабочих рук, они в массе прибегали к отработкам — по сути своей к барщинным отношениям. Следует такое заключение: «Но чисто капиталистические отношения придавлены у нас в *громадных* размерах отношениями *крепостническими*», независимо от судеб общины. И еще: «Крепостническим является не только помещичье, но и крестьянское землевладение». «Из цивилизованных стран только в России наблюдается борьба крестьян за переход к ним земель крупного землевладения»<sup>31</sup>. ...

Обозначим следующий пункт ревизии Лениным своих прежних представлений о чуть ли не завершенности капиталистического разви-

<sup>30</sup> См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 317.

<sup>31</sup> Там же. С. 266, 306—310.



тия в России. Хорошо известны в литературе такие, мы бы сказали, «промежуточные» формулы Ленина, которые касаются экономики России: «сравнительно развитый капитализм в промышленности и чудовищная отсталость в деревне», или «самое отсталое землевладение, самая дикая деревня — самый передовой промышленный и финансовый капитализм»<sup>32</sup>. А вот оценки более поздних работ: промышленный капитализм оценивается уже куда как скромнее. Ленин обобщает данные статистики: «...Россия остается невероятно, невиданно отсталой страной, нищей и полудикой, оборудованной современными орудиями производства вчетверо хуже Англии, впятеро хуже Германии, вдесятеро хуже Америки»<sup>33</sup>. В годы Первой мировой войны Ленин сочтет Россию страной «средне-слабого развития капитализма»<sup>34</sup>.

Тем большие надежды в период второй эмиграции (1908—1917) Ленин связывает с грядущим, как ему кажется, «социализмом» Запада. Рассмотрим детально политическую деятельность Ленина в этот период, его теоретические работы, новые планы...

---

<sup>32</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 301, 417.

<sup>33</sup> Там же. Т. 23. С. 20, 360.

<sup>34</sup> Ленинский сборник. XV. С. 425.

## Глава 7

# Проблемы российского и международного рабочего движения в период второй эмиграции Ленина

Поначалу одна существенная оговорка. Вторая эмиграция Ленина длилась с 1908 по 1917 г. В этом отрезке времени четко выделяются два *разных* по значению периода: период довоенный (1908—1914) и период мировой войны (с 1914 г.), резко изменивший всю ситуацию в воюющей Европе, задачи международного рабочего движения. Учитывая *новую направленность* работ Ленина, мы вынесли их содержание в дальнейшие специальные разделы: «Война войне. Крах Интернационала», «Империализм как высшая стадия капитализма» и «Империализм и раскол социализма».

Но все же грани в ленинском анализе эпохи 1908—1917 гг. относительны. Часть работ, это касается незавершенной статьи «Под чужим флагом», как мы увидим, носят *переходный* характер. Об угрозе милитаризма Ленин неоднократно говорил в 1908—1914 гг. и предпринял ряд важных акций именно в этот период. Но нам казалось целесообразным сосредоточить весь материал об антимилитаризме Ленина в разделе, касающемся 1914—1917 гг. С другой стороны, Ленину было присуще в обоих периодах завышение потенций революционного движения в Европе и Америке — почти весь этот материал ушел в данный, седьмой раздел. Наконец, разрыв рассказа о российском революционном движении и о роли Ленина в его упрочении за периоды 1908—1914 и 1914—1917 (до февраля) был бы попросту нецелесообразен, о втором периоде в отличие от первого и говорить почти нечего — в России царил жесточайшая реакция, прервавшая почти намертво дореволюционный подъем.

Именно поэтому мы не делим в разделе седьмом эмиграцию Ленина на два периода, но просим читателей быть готовыми к тому, что основной разговор о периоде мировой войны — впереди.

## Борьба Ленина за сохранение рабочей партии в России

Столыпинская реакция нанесла трудновосполнимый урон революционному движению в России. Тысячи революционеров были казнены, десятки тысяч — арестованы, отправлены в ссылку. Были разгромлены почти все легальные органы рабочего движения, рабочая печать. С июня 1907 г. по 1910 г. было проведено 15 массовых арестов партийного актива в Петербурге, катастрофически упало число членов партии: с 7 300 до 600 в Петербурге, с 7 500 до 270 в Москве<sup>1</sup>. Местные органы были оторваны от центра, да и ЦК временами не функционировал. Провокации разъедали партийные организации, в их рядах началась массовая засылка агентов охраны, некоторые проникли в ЦК РСДРП (б).

Ленину пришлось в январе 1908 г. уйти через Финляндию в Швецию от агентов охраны по хрупкому льду залива Балтийского моря до Або, где его должен был принять на борт пароход. В одном месте лед стал уходить у него из-под ног. «Эх, как глупо приходится погибать», — подумал в тот момент Ильич. Так, с огромным риском, Ленину удалось добраться до Стокгольма, где его ждала Крупская. Через Берлин они отправились в Женеву в свою вторую эмиграцию.

«У меня такое чувство, точно в гроб ложиться приехал сюда», — признавался позднее Владимир Ильич. Но лежать в гробу не пришлось — надо было браться за партийные дела, издание партийной газеты «Пролетарий». «Я убежден, что *партии* нужен теперь правильно выходящий *партийный* орган, выдержанно и сильно ведущий линию борьбы с распадом и унынием — партийный орган, политическая газета, — писал Ленин А.М. Горькому 7 февраля 1908 г. — Многие россияне не верят в заграничный орган. Но это ошибка, и наша коллегия недаром постановила перенести “Пролетарий” сюда. Трудно его наладить, поставить, оживить, — слов нет. Но это *надо* сделать, и это будет сделано»<sup>2</sup>.

Через пару месяцев очередной 21 номер газеты увидел свет.

Упадочничество и неверие в революцию, в марксистскую теорию проявилось у части партийных интеллигентов. Некоторые меньшевики (П. Юшкевич, Н. Валентинов, другие), ряд большевиков (А. Богданов, А. Базаров, А. Луначарский) развернули поход против теоретических основ марксизма, часть из них занялась «богостроительством», соединением социализма с религией. Ленин с головой уходит в теоретические занятия, просиживая целыми днями в библиотеках Женевы,

<sup>1</sup> См.: Горелов И.В. Большевики в период реакции (1907—1910 гг.). М., 1975. С. 35—37.

<sup>2</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 133.

затем Парижа, затем Лондона. Его книга «Материализм и эмпириокритицизм», посвященная защите основ диалектического материализма, развитию философии в свете новейших достижений естествознания начала XX в., была быстро написана в 1908 г.

Но главным его делом оставалась борьба за сохранение пролетарской партии. Статьи Ленина «На прямую дорогу» от 19 марта 1908 г., «На дорогу» от 28 января 1909 г. мы бы назвали забеганием Ленина «вперед» — он еще не представлял степень развала партийных организаций, того, что партии предстояли годы борьбы с ликвидаторством и отзовизмом. «Партия выходит на дорогу» — будет записано и в партийных документах декабря 1911 г. ...

Впрочем, уже в 1910 г. Ленин отмечал, что к руководству партийными организациями пришли в большинстве своем новые кадры — из рядов рабочих, которые были сильны живой связью с пролетарской массой: «Растет новый тип социал-демократического рабочего партийца, самостоятельно ведущего *все* дела партии и способного сплотить, объединить, организовать вдесятеро и во сто раз большие, по сравнению с прежним, пролетарские массы»<sup>3</sup>.

Самодержавие оказалось не в силах уничтожить все завоевания революции, в том числе право рабочих издавать легальные газеты и журналы, объединяться в пределах одного города, района в профсоюзы, появились клубы, кооперативы, культурно-просветительные органы в важнейших городах. С июня 1907 г. до конца 1910 г. РСДПР сумела выпустить около 40 легальных и нелегальных газет и журналов, в 1910—1914 гг. было выпущено около 800 разных листовок. Была налажена связь нелегальной работы с легальной, которая затрудняла деятельность охранки. В 1910 г. петербургская охранка признавала: «Вся текущая партийная работа местных организаций РСДПР гнездится в клубах и просветительных обществах... В настоящее время большая часть членов подрайонных и районных комитетов состоит одновременно и членами правлений клубов и просветительных обществ, вследствие чего все совещания названных комитетов проходят под флагом собраний правлений и изобличить их преступную работу трудно»<sup>4</sup>.

Немало лет заняла у Ленина борьба на два фронта: с ликвидаторами и отзовистами.

Расценивая третьеиюньский режим как буржуазный, делающий ненужной «новую» буржуазную революцию ликвидаторы отрицали идеи

<sup>3</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 19. С. 411.

<sup>4</sup> Цит. по кн.: Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. М., 1978. Т. 3. С. 190.

революционной социал-демократии в области программы, тактики и существования самой РСДПР, как она сложилась за предреволюционные и революционные годы. Они предлагали заменить РСДПР легальной, «широкой рабочей партий», которая довольствовалась бы якобы «конституционным» режимом, дозволенным столыпинщиной, приспособлялась бы к нему.

С другой стороны, отзовисты отрицали возможность использования легальных возможностей в условиях реакции, требовали отзыва рабочих депутатов из Государственной Думы, признавали только нелегальные способы борьбы. Отзовисты предлагали уничтожить легальные рабочие организации, пытались подменить их «инструкторскими школами» по подготовке боевых дружин. Таким образом, отзовизм иногда смыкался с эсеровским терроризмом, грозил выродиться в бандитизм.

Этапным событием в борьбе с ликвидаторством и отзовизмом-ультиматизмом, этим ликвидаторством «слева», стала V Всероссийская конференция РСДПР (Париж, декабрь 1908 г.), где В. И. Ленин выступил с докладом «О современном моменте и задачах партии», после чего была принята с незначительными поправками ленинская резолюция. В резолюции, в частности, говорилось: «Констатируя, что в ряде мест замечаются со стороны некоторой части партийной интеллигенции попытки ликвидировать РСДПР и заменить ее бесформенным объединением в рамках легальности во что бы то ни стало, хотя бы последняя покупалась ценою явного отказа от программы, тактики и традиций партии, — конференция находит необходимым самую решительную идейную и организационную борьбу с ликвидаторскими попытками и призывает всех истинно партийных работников без различия фракций и направлений к самому энергичному сопротивлению этим попыткам»<sup>5</sup>.

Специальный пункт резолюции предусматривал «использование Думы и думской трибуны для революционной социал-демократической пропаганды и агитации» (хотя были отмечены многие недостатки в ее работе)<sup>6</sup>.

Особенно подчеркивалась необходимость использования и учреждения новых нелегальных, полуполигальных и, по возможности, легальных организаций, которые могли бы служить опорными пунктами дня агитационной, пропагандистской и практически-организационной

<sup>5</sup> КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 1. С. 249.

<sup>6</sup> Там же. С. 251, 252—255.

работы среди масс — под руководством партийных рабочих комитетов, под руководством нелегальной партийной организации<sup>7</sup>.

Часть меньшевиков-партийцев, в том числе Г.В. Плеханов, выступили против ликвидаторства, большевики пошли на блок с ними.

Вместе с тем Ленин решительно отмежевался от антипартийного Августовского блока, сколоченного Троцким в августе 1912 г. из заграничных меньшевиков, кавказских ликвидаторов, бундовцев, латышских социал-демократов и троцкистов.

Борьба против «центристского» курса затруднялась появлением примиренцев в среде большевиков. Примиренцы добились роспуска Большевицкого центра, прекращения издания большевистской газеты «Пролетарий», в то время как меньшевики-ликвидаторы продолжали издавать фракционную газету «Голос социал-демократа».

В условиях оживления революционного движения в России большевики еще в декабре 1911 г. создали Заграничную организацию РСДРП, которая своей главной задачей поставила созыв очередной партийной конференции. Посланные в Россию большевики — выпускники партийной школы большевиков в деревне Лонжюмо под Парижем под руководством Г.К. Орджоникидзе — объехали крупнейшие пролетарские районы страны, помогли восстановлению в них партийных комитетов, последние создали в России Российскую Организационную комиссию, которая взяла на себя подготовку конференции и руководство всей партийной работой в России. Работу затрудняли постоянные репрессии — из посланцев Ленина 8 были арестованы.

5—17 января 1912 г. собралась и работала VI Всероссийская Пражская конференция РСДРП, фактически имевшая значение съезда, на ней были представлены парторганизации Петербурга, Москвы, Центрального промышленного района, Поволжья, Юга и Закавказья. Конференция по докладу Ленина о современном положении и задачах партии подтвердила ее стратегический курс на неизбежность новой буржуазно-демократической революции, тактику сочетания нелегальной работы с легальной. Было принято постановление об укреплении в каждом городе нелегальных комитетов РСДРП, организации пропаганды с помощью партийных собраний и «партийных бирж». Внутри легальных организаций создавались нелегальные ячейки для руководства забастовочным движением пролетариата и активном участии в предстоящих выборах в IV Думу. Было решено начать издание легальной ежедневной газеты, рассчитанной на массового читателя.

<sup>7</sup> КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 1. С. 256—257.

Пражская конференция добилась восстановления идейного и организационного единства РСДРП на основе освобождения от оппортунистических групп — ликвидаторы, троцкисты, примиренцы окончательно ставились вне рамок партии. Была принята ленинская резолюция об укреплении единства рабочих всех национальностей России, избран новый состав ЦК РСДРП во главе с В.И. Лениным.

Для укрепления регулярных связей с Россией в июне 1912 г. Заграничное бюро ЦК во главе с Лениным переехало в Краков ближе к русской границе. Здесь было проведено Краковское совещание (26 декабря — 1 января 1913 г.), затем Поронинское (25 октября — 1 октября 1913 г.).

За это время в условиях нового революционного подъема большевики восстановили в России нелегальную партийную организацию, опиравшуюся на сеть фабрично-заводских партийных ячеек. ЦК поддерживал связи с партийными организациями примерно 100 населенных пунктов страны. Работа комитетов РСДРП строилась на основе сочетания выборности и кооптации, система доверенных лиц обеспечивала связь организаций с ЦК и между собой. В.И. Ленин отмечал, что в политических условиях тогдашней России «число членов организаций не должно подниматься свыше определенного минимума *для того*, чтобы влияние ее на массу было широко и *устойчиво*»<sup>8</sup>.

5 мая 1912 г. стала выходить ежедневная газета «Правда», куда Ленин почти ежедневно посылал свои корреспонденции из Кракова. С помощью легальной газеты удавалось информировать рабочих о деятельности всей партии, проводить среди них опросы. По инициативе «Правды» была создана в России сеть легальных печатных органов партии, в том числе ряд газет на национальных языках.

В 1912 г. большевики провели избирательную кампанию по выборам в IV Государственную Думу. Через депутатов Думы (большевики составили в ней особую фракцию в 6 человек) шла легальная система связей большевистского ЦК с партией.

Сочетание нелегальной и легальной работы позволяло к 1913 г. воссоздать партию с численностью 30—50 тыс. членов с активом в 300—500 тыс. человек, голосовавших за партию. Этот слой обеспечивал связь с миллионами трудящихся.

Произошла почти полная изоляция ликвидаторов, отзовистов, и троцкистов (Августовский блок распался сразу же после его конституирования). МСБ в июле 1914 г. пыталось навязать большевикам единство с оппортунистами, но эта попытка провалилась. «Единство, — писал Ленин, — великое дело и великий лозунг! Но рабочему делу нуж-

<sup>8</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 210.

но *единство марксистов*, а не единство марксистов с противниками и извратителями марксизма»<sup>9</sup>.

Мировая война 1914—1918 гг. во многом парализовала (до февраля 1917 г.) деятельность РСДРП, сохранились лишь осколки прежних организаций, новые репрессии нанесли громадный урон партийным рядам, почти прервались связи заграничного ЦК и Ленина с российскими организациями. Правда, Манифест ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия» члены партии попытались обсуждать в России в Озерках (под Петроградом). Присутствовали представители ЦК, делегаты ряда городов, большевики—депутаты IV Государственной Думы. Во время этого обсуждения участники конференции были арестованы.

За первые пять месяцев войны в стране произошло всего 70 стачек с числом участников 40 000. Но уже в феврале—марте 1915 г. началось некоторое оживление рабочего движения, оно нарастало, несмотря на расстрелы в ряде мест (Кострома, Иваново-Вознесенск) рабочих. Во всяком случае, царизму не удалось уничтожить влияния слоя рабочих, воспитанного «Правдой», — он проявлял себя и во время войны. В.И. Ленин писал: «Правдивистские газеты и работа “мурановского типа” (членов думской фракции. — *Е.П.*) создали единство  $\frac{4}{5}$  сознательных рабочих России... Пусть даже впятеро и вдесятеро разобьет их война, тюрьма, Сибирь, каторга. Уничтожить этого слоя *нельзя*. Он проникнут революционностью и антишовинизмом... Он один ведет полупролетарские слои *от* социал-шовинизма кадетов, трудовиков, Плеханова, “Нашей Зари” к социализму. Его существование, его идеи, его работу, его обращение “к братству наемных рабов других стран” показал всей России суд над РСДР Фракцией»<sup>10</sup>.

Эти слова подтверждают события Февраля 1917 г. и Октября 1917 г. в России.

## Ленин о международном рабочем движении 1908—1917 гг.

Пребывая в эмиграции, Ленин огромное внимание уделял состоянию международного рабочего движения. Но, говоря о его работе в довоенную часть взятого нами периода, авторы 3-го тома «Международного рабочего движения» мало писали о том, что Ленин делал ставку на *близкую победу социализма в Европе и Америке*, на предстоящую борьбу пролетариата «за власть», которая и осуществит этот переход<sup>11</sup>.

<sup>9</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 79.

<sup>10</sup> Там же. Т. 26. С. 175—176.

<sup>11</sup> Международное рабочее движение. Т. 3. С. 250.



Вот ленинское «указание» на современное положение в 1912 г., на задачи пролетариата «во всем мире», которое было адресовано депутатам III Думы для произнесения речей:

«Чем характеризуется это положение? а) Крайним обострением борьбы рабочего класса с буржуазией (дороговизна жизни — массовые стачки — *империализм* держав, их бешеная конкуренция из-за рынков, их близость к войне) и б) *близостью осуществления социализма*. Рабочий класс всего мира борется не за признание своих прав на социалистическую партию, а за *власть*, за *новое* устройство общества. Крайне важно сказать об этом с трибуны думской фракции, поведать рабочим России о начале *великих битв за социализм* в Европе и Америке, о *близости торжества (неминуемого торжества) социализма* в цивилизованном мире»<sup>12</sup>.

В «указании» Ленина вместе с реалистическими положениями присутствует бездоказательность. «Империализм держав, их бешеная конкуренция из-за рынков, их близость к войне» указаны Лениным совершенно точно. Но никакого «крайнего обострения борьбы рабочего класса с буржуазией» нигде не наблюдалось — ни в Европе, ни в Америке. Из-за «дороговизны жизни» и против внедрения новых технологий, вредных для рабочих, шли *экономические стачки*, но абсолютно никто бороться «за власть» не собирался, Ленин скорее всего взял «борьбу за власть» из известной брошюры К. Каутского «Путь к власти», вышедшей в 1909 г. «Неминуемого торжества социализма» в «цивилизованном мире» не последовало даже после развязанной империализмом мировой бойни, «империализм» обладал громадными военными силами, чтобы справиться в конце войны с разрозненными социалистическими выступлениями германских, финских, венгерских рабочих (кроме революционной России).

О том, что Ленин считал зарубежный *экономизм* признаком некой революционности, говорит и такой пример от декабря 1912 г. В статье «В Америке» Ленин говорит о расколе «между *буржуазной и рабочей политикой*» и «социалистической» с *преобладанием* первой в США и Англии и пишет: «Ибо, как ни странно звучат эти слова, а в капиталистическом обществе буржуазную политику может вести и рабочий класс, если он забывает о своих освободительных целях, мирится с наемным рабством и ограничивается заботами о союзах то с одной, то с другой буржуазной партией ради мнимых (?) «улучшений» своего рабского положения»<sup>13</sup>. Далее автор формулирует весьма важное положение:

<sup>12</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 198 (курсив наш. — Е. П.).

<sup>13</sup> Там же. С. 232.

«В XX в. эта особенность Англии и Америки быстро исчезает: другие страны догоняют англосаксонский капитализм...» Ожидаешь, что за этим последует анализ того или иного типа «реформаторства» в развитых странах капитала или громадных трудностей предстоящей здесь борьбы за социализм, но автор просто пишет: «...и рабочие массы учатся социализму (?). Чем быстрее будет рост мирового капитализма, тем скорее наступит победа социализма в Америке и в Англии (?)»<sup>14</sup>.

Автор, к счастью, не опубликовал эту статью при жизни — она не принесла бы ему лавров.

О том, что мир переживает «канун» социалистической революции, Ленин пишет и после начала Первой мировой войны: «Мы стоим, несомненно, накануне социалистической революции. Это признавали и «осторожнейшие» теоретики еще в 1909 г. («Путь к власти»), это признавал и единогласно принятый Базельский манифест... Вся соль теперешнего политического положения состоит всецело в том, чтобы использовать революционную ситуацию, которая уже есть налицо, поддержкой и развитием *революционных движений*». Очевидно, вспомнив опыт 1905—1907 гг. в России, Ленин пишет: «Революция может состоять и вероятно будет состоять из долголетних битв, из нескольких периодов натиска, с промежутками контрреволюционных судорог буржуазных стран»<sup>15</sup>. Но увы! Никаких революционных ситуаций в *первые годы* войны Европа вообще не переживала и рекомендации насчет «соли» делались впустую.

Быть может, кто-то сочтет наше рассуждение не бесспорным — обратимся к более детальному анализу текстов. С положением Ленина о новой ситуации в Европе мы согласны «Политический кризис налицо, — писал он, — ни одно из правительств не уверено в завтрашнем дне, ни одно не свободно от опасности финансового краха, отнятия территории, изгнания из своей страны (как изгнали правительство из Бельгии). Все правительства живут на вулкане, все апеллируют *сами* к самодеятельности и героизму масс. Политический режим Европы весь потрясен, и никто наверное не станет отрицать, что мы вошли (и входим все глубже — я пишу это в день объявления войны Италией) в эпоху величайших революционных потрясений»<sup>16</sup>.

Но вот тут же сформулированное Лениным положение о том, что Европа уже вошла в период «революционной ситуации», мы принять никак не можем. На апелляции к «низам» массы отвечали пока что

<sup>14</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 22.

<sup>15</sup> Там же. Т. 27. С. 57.

<sup>16</sup> Там же. Т. 26. С. 219.

патриотическими манифестациями, они *повсюду* поддались уверениям со стороны своих правительств, что война носит сугубо оборонительный характер, что на их страны «напал» враг. Так что если исходить из формулировавшихся Лениным в статье «Крах II Интернационала» трех признаках революционной ситуации в Европе<sup>17</sup>, то их просто не было — «низы всюду следовали за верхами»<sup>18</sup>. Должно было пройти несколько лет для того, чтобы патриотический дурман шовинистической пропаганды рассеялся и нечто вроде «революционных ситуаций» возникло в некоторых странах Западной Европы — мы их указывали выше.

Особо интересно посмотреть на ленинский анализ в наброске «переходной статьи» «Под чужим флагом». Правда, набросок опубликован только в 1917 г. в России. Но, вообще-то говоря, мы бы отнесли его к ситуации до мировой войны 1914 г.

Прежде всего набросок приметен анализом трех эпох, выделенных еще К. Каутским до мировой войны: 1) 1789—1871; 2) 1871—1914; 3) 1914—? Иными словами, Ленин всю третью эпоху не анализирует, он ставит ее под большим знаком?..

Интересен методологический ключ к данной работе, с ним можно согласиться: «Метод Маркса состоит прежде всего в том, чтобы учесть *объективное* содержание исторического процесса в данный конкретный момент, в данной конкретной обстановке, чтобы прежде всего понять, движение *какого* класса является главной пружиной возможного прогресса в этой конкретной обстановке».

Дальше Ленин развивает положение Маркса вроде бы применительно к эпохе начавшейся мировой войны: «Бесспорно, мы живем на рубеже двух эпох, и происходящие перед нами величайшей важности исторические события могут быть поняты лишь при анализе, в первую очередь, объективных условий перехода от одной эпохи к другой. Речь идет о больших исторических эпохах; в каждой эпохе бывают и будут... различные отклонения от среднего типа и среднего темпа движений. Мы не можем знать, с какой быстротой и с каким успехом разовьются отдельные исторические движения данной эпохи. Но мы можем знать и мы знаем, *какой класс* стоит в центре той или иной эпохи, определяя главное ее содержание, главное направление ее развития, главные особенности исторической обстановки данной эпохи и т. д.».

Наконец, следует конкретно-исторический анализ всех трех эпох, обозначенных Каутским. Указав на подвижность всех граней, Ленин

<sup>17</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 218.

<sup>18</sup> Ни одна из воюющих стран не стала исключением.

именует первую эпоху (1789—1871) эпохой «восходящей линии буржуазии». Эпоху вторую (1871—1914) Ленин именует эпохой «полного господства и упадка (?) буржуазии», так и не объясняя в чем этот упадок в период господства состоял. Третью эпоху он именует эпохой «реакционного империализма и империалистических потрясений». Эта эпоха, «только начинающаяся, — пишет Ленин, — ставит буржуазию в такое “положение”, в каком были феодалы в течение первой эпохи». Но где Ленин увидел пролетариат, борющийся за власть, — разве что в брошюре Каутского «Путь к власти», на которую он ссылается? Пролетариат не стоит в «центре» эпохи, ибо идет его *сближение* с империалистической буржуазией, факты которого Ленин сам же и приводит. То пользование привилегиями от колоний и монопольного положения на мировом рынке, которое использовала для подпитки «рабочей аристократии» английская буржуазия, стало явлением «общим для всех крупных капиталистических стран Европы по мере того, как все эти страны переходили к владению колониями в больших размерах, и вообще по мере того, как развивался (?) и рос (?) империалистический период капитализма». Но если он «развивался» и «рос», то почему он стоит перед своей гибелью? Чем дальше, тем больше вопросов к автору. Новая эпоха, пишет он, «создала целое оппортунистическое *направление*, опирающееся на определенный слой внутри современной демократии, связанный с буржуазией своего национального “цвета” многочисленными нитями общих экономических, социальных и политических интересов, — направление», прямо, открыто и систематически и сознательно «враждебное всякой идее о “нарушениях постепенности” (т. е. идее революции. — *Е.П.*)». Но почему этот слой, столь связанный с империалистической буржуазией всеми своими интересами, будет ее свергать? «Известные элементы современной демократии, — признает автор, — перешли на деле (т. е. — хотя бы они и не сознавали этого) на сторону буржуазии по целому ряду отдельных вопросов». Так, если идет сближение буржуазии и ее антипода, то почему последний должен стать в центр эпохи и возглавить против буржуазии борьбу?

Явно не справившись с темой, автор статью так и не закончил и опубликовал набросок два года спустя, когда в Европе и в России появились признаки революционного движения пролетариата и солдатско-матросских масс (в Германии). Кстати, в статье есть и такое утверждение:

«Современная демократия останется верна себе лишь в том случае, если не присоединится ни к одной империалистической буржуазии, если скажет, что “обе хуже”, если в каждой стране будет желать неуспеха империалистической буржуазии. Всякое иное решение будет на деле

национально-либеральным, не имеющим ничего общего с истинной международнойностью»<sup>19</sup>.

Но разве «современная демократия» выполнила к 1915 г. это требование, это условие? И не потому ли Ленин так и не поставил ее в центр «третьей эпохи» 1914 г., которая вся оказалась под знаком ?.. Мало изменилась ситуация и к 1917 г. — главной силой, правившей в мире бал, оставался *империализм*.

Таким образом, обращаясь к ленинскому наследию эпохи второй эмиграции, мы можем сказать: перед нами самые разнообразные работы: пропагандистские и научные, завершённые к недоконченные, но все они констатируют близкое наступление социалистической эпохи в мире и как таковые являются явно *нереалистичными*...

Сравним, наконец, две работы, считавшиеся ленинской «классикой» в советские времена: «Марксизм и ревизионизм» и «Горячий материал в мировой политике». Это удивительно разные работы!

Т.И. Ойзерман в недавно вышедшей книге «Марксизм и утопизм» (мы еще вернемся к ней в связи с анализом темы «Советы — государственная форма диктатуры пролетариата»?) определил работу «Марксизм и ревизионизм» как «пренебрежительно-легкомысленное определение ревизионизма» — мы с этой оценкой полностью согласны. Цитирует Ойзерман ленинское определение ревизионизма: «“Конечная цель — ничто, движение — все”, это крылатое словечко Бернштейна выражает сущность ревизионизма лучше многих длинных рассуждений. От случая к случаю определять свое поведение, приспособляться к событиям дня, к поворотам политических мелочей, забывать коренные интересы пролетариата и основные черты всего капиталистического строя, всей капиталистической эволюции, жертвовать этими коренными интересами ради действительных или предполагаемых выгод минуты — такая ревизионистская политика».

Почему, спрашивает Ойзерман, Ленин «игнорирует тот факт, что фраза Бернштейна «Конечная цель — ничто, движение — все» не отличается в принципе от ряда высказываний позднего Энгельса... Энгельс на вопрос: «Какую вы, немецкие социал-демократы, ставите себе конечную цель?» со всей определенностью отвечает: «У нас нет конечной цели. Мы *сторонники постоянного непрерывного развития*, и мы не намерены диктовать человечеству какие-то окончательные законы»<sup>20</sup>. Если Ленин не знал этих слов Энгельса из интервью газете «Фигаро», то он должен был быть хорошо знаком, — продолжает Ойзер-

<sup>19</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 139—140, 141—143, 149—150.

<sup>20</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 563.

ман, — с его работой «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», где черным по белому написано: «История также как и познание, не может получить завершения в каком-то совершенном, идеальном состоянии человечества; совершенное общество, совершенное “государство” это — вещи, которые могут существовать только в фантазии»<sup>21</sup>. «Можно, следовательно, сказать, что обличаемая Лениным формула Бернштейна в принципе не отличается от высказываний Энгельса, если, конечно, отвлечься от ее парадоксально-философского словесного выражения»<sup>22</sup>.

Несколько «подправим» аргументы Т.И. Ойзермана. Можно заметить, что в ленинском определении бернштейнианства последнему приписано приспособление к «*событиям дня*», к поворотам «*политических мелочей*», использование «*выгод минуты*». И это говорится о теории, которая обобщила вслед за Марксом и Энгельсом *тенденции десятилетий*: уменьшение рабочего дня при капитализме, эволюцию к всеобщему избирательному праву, позволяющему без бланкистских революций навязывать буржуазному обществу социальные реформы, отрицание идеи диктатуры пролетариата как несовместимой с демократией, ущербность принципа превращения средств производства в государственную собственность и прочее.

Добавим, что Ленин игнорирует не только указанные Ойзерманом работы — он не цитирует речь Маркса на заседании Международного Товарищества Рабочих, где Маркс назвал билль о десятичасовом рабочем дне победой принципа политэкономии пролетариата, добытой легальным путем. В Предисловии к первому тому «Капитала» Маркс писал, что «радикальное изменение в существующих отношениях между капиталом и трудом» неизбежно на всем «европейском континенте», что «уже сами господствующие классы начинают смутно чувствовать, что теперешнее общество не твердый кристалл, а организм, способный к превращениям и находящийся в постоянном процессе превращения». Не «заметил» Ленин и поздних сочинений Энгельса, где тот прощался с тактикой 1849—1850 гг. и предпочитал революционному вспышкостству легальные формы борьбы<sup>23</sup>.

В довершение всего Ленин перенимает от сокрушителей марксизма термин «теория краха». Сначала он пишет: говорили, что «теория краха», к которому идет капитализм, несостоятельна ввиду тенденции

<sup>21</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 275.

<sup>22</sup> Ойзерман Т.И. Марксизм и утопизм. М., 2003. С. 448—449; см. также: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 4.

<sup>23</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 9; т. 23. С. 10, 11; т. 22. С. 546 и др.

к притуплению и смягчению классовых противоречий. Замечать последние тенденции Ленин не желает и начинает уже сам развивать теорию краха: «Что капитализм идет к краху — и в смысле отдельных политических и экономических кризисов и в смысле полного крушения капиталистического строя, — это с особенной наглядностью и в широких размерах показали как раз новейшие гигантские тресты». Доказательств — пока никаких, они появятся в трудах 1916 г., причем работа «Империализм и раскол социализма» покажет, что «крах» упрежден формированием «буржуазной рабочей партии» во всех развитых государствах — об этом мы еще поговорим. Далее Ленин открывает некую «неизбежную внутреннюю диалектику парламентаризма и буржуазного демократизма, приводящую к еще более резкому, чем в прежние времена (?), решению спора массовым насилием»<sup>24</sup>. Пониманием диалектики западного предвоенного парламентаризма это никак не назовешь. И наконец Ленин объявляет идейную борьбу с ревизионизмом преддверием к «полной победе» пролетариата, которая, как ныне известно, кончилась уничтожением коммунизма в конце XX в. на громадной территории России. Пока остаются преуспевающая КНР, Вьетнам, Куба, Северная Корея, о гибели коммунизма говорить преждевременно. Но что он потерял почти все позиции в Европе — несомненно. Победили ревизионистские тенденции, с которыми яростно, но безрезультатно боролся Ленин...

Обратимся теперь к работе «Горячий материал в мировой политике», где Ленин выявил рождение нового революционного очага в Восточной Европе и, главное, в колониальных и зависимых государствах Азии с населением в сотни миллионов человек.

Ленин начинает статью с вполне реалистической констатации, схватывающей мировую ситуацию 1908 г.:

«Революционное движение в разных государствах Европы и Азии дало знать о себе за самое последнее время так внушительно, что перед нами обрисовывается довольно ясно новый и несравненно более высокий, чем прежде, этап международной борьбы пролетариата».

В Персии произошла контрреволюция, пишет автор, своеобразно соединившая российский разгон I Думы с российским восстанием конца 1905 г. Констатируется контрреволюционное вмешательство царизма в события: «Войска русского царя, позорно разбитые японцами, берут реванш, усердствуя на службе контрреволюции». Далее Ленин переходит к позиции Англии, явно двусмысленной: «Что Англия, фари-сейски умывая руки, держит явный дружеский нейтралитет по отношению к персидским реакционерам и сторонникам абсолютизма, — это

<sup>24</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 22, 23.

явление несколько иного рода. Либеральные английские буржуа, раздраженные ростом рабочего движения у себя дома, испуганные подъемом революционной борьбы в Индии, все чаще, все откровеннее, все резче показывают, какими *зверями* становятся самые “цивилизованные”, прошедшие самую высшую школу конституционализма европейские политические “деятели”, когда дело доходит до пробуждения борьбы масс против капитала, против колониальной системы, т. е. системы порабощения, грабежа и насилия». Читая эти строки, мы понимаем факт появления английских империалистов в революционной России 1918 г. и более поздний девиз Черчилля о походе «14 государств» против страны Советов...

Далее Ленин предрекает, что триумф персидской реакции будет лишь преддверием новых народных возмущений и переходит к победам революционного движения младотурков в Турции. Правда пока турецкий Николай Второй отделался «обещаниями восстановить знаменитую турецкую конституцию», но Ленин считает, что «школа гражданской войны не проходит для народов даром» — из рабов они становятся сознательными борцами, проходя школу полупобед, и даже победы контрреволюции учат «победоносной революции».

О движении в Индии, несколько забегаая вперед, Ленин пишет, что «пролетариат Индии дорос уже до сознательной политической массовой борьбы», и что песенка «английско-русских порядков» в Индии спета! «У европейского сознательного рабочего, — пишет Ленин, — уже есть азиатские товарищи, и число этих товарищей будет расти не по дням, а по часам».

К движению в Индии добавляется дающее о себе знать революционное движение против средневековья в Китае, «переход старых китайских бунтов в сознательное демократическое движение» неизбежен, констатирует Ленин. Далее следует точное наблюдение над поведением французских колонизаторов: «на этот раз некоторые участники колониального грабежа почувствовали себя обеспокоенными, это видно из поведения французов в Индокитае: они *помогали* китайской “исторической власти” расправляться с революционерами». Но французская буржуазия обеспокоена не только делами в Китае, но и положением у себя дома, в Европе...

Цитирует Ленин описание дня 30 июля 1908 г. (забастовка французских рабочих песчаных карьеров в Вильнев-Сен-Жорж): «Это было не простое избиение, — пишет “Юманите” про день 30 июля, — это был кусочек сражения». Генералы и полицейские во что бы то ни стало хотели провоцировать рабочих и превратить мирную, невооруженную демонстрацию в побоище, но, окружив со всех сторон стачечников



и манифестантов, нападая на безоружных, войска встретили отпор, вызвали немедленную постройку баррикад и довели дело до событий, волнующих всю Францию. Эти баррикады из досечек были до смешного плохи, пишет та же газета, но важно не это. Важно то, что Третья республика вывела из обычая баррикады. Теперь «Клемансо снова вводит их в обычай» — и он рассуждает при этом с той же откровенностью, с какой говорили о гражданской войне «палачи июня 1848 г., Галифе в 1871 г.». Разве непонятно из этой картинки, какой класс стоял в центре эпохи империализма?

У русской революции, — пишет Ленин, — есть великий международный союзник и в Европе и в Азии, но вместе с тем и *именно вследствие этого* у нее есть не только национальный, не только российский, но и международный враг. Разве не было делом рук этого врага появление иностранных военных кораблей в иностранных портах революционной России 1918—1922 гг.?

Но не будем забегать вперед. Как видно из приведенных нами примеров работы Ленина периода эмиграции требуют тщательной разборки. Так, в анализируемой нами работе мы находим такое важнейшее обобщение:

«Международное революционное движение пролетариата не идет и не может идти равномерно в одинаковых формах в разных странах, Полное и всестороннее использование всех возможностей на всех поприщах деятельности складывается лишь в итоге классовой борьбы рабочих разных стран. Каждая страна вносит свои ценные, оригинальные черты в общий поток, но в каждой отдельной стране движение страдает той или иной односторонностью, теми или иными теоретическими и практическими недостатками отдельных социалистических партий. В общем и целом мы видим громадный шаг вперед международного социализма, сплочение миллионных армий пролетариата в целом ряде конкретных столкновений с врагом, приближение решительной борьбы с буржуазией... Поменьше иллюзий насчет либерализма контрреволюционной (и в России и во всем мире) буржуазии. Побольше внимания к росту международного революционного пролетариата!»<sup>25</sup>. «Громадный шаг вперед международного социализма» — это явное преувеличение Ленина, что будет видно из следующего раздела. Но не весь мир был одинаков...

Первой внесет существенный вклад в международное революционное движение воевавшая Россия. Но об этом — чуть позже, нам еще надо выйти к решающим в пролетарском лагере событиям 1914 г.

<sup>25</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 174—183.

## Глава 8

# Война войне. Ленин об империализме и расколе социализма

### Идеи Штутгарта и Базеля. Крах II Интернационала

На переломе XIX—XX вв. мир капитализма вошел в новую империалистическую стадию своего развития. В экономике развитых государств Европы и США главенствующую роль стали играть монополии; образовавшийся финансовый капитал господствовал во всем мире. Резко возросла неравномерность развития империалистических государств, «молодые» державы (США, Германия) обгоняли «старые» государства (Англия, Франция, Испания). В условиях уже «поделенного» мира возникли тенденции к его переделу.

Полоса первых «окраинных войн» прошла в самом конце XIX — начале XX в. (Американо-испанская, 1898 г.; Англо-бурская, 1899—1901 гг.; Русско-японская, 1904—1905 гг.). Резко обострилась ситуация в Европе. Началось военно-морское соперничество Германии с Англией. Ряд кризисов был связан со столкновениями интересов Германии и Франции в Марокко. Обострилась ситуация на Балканах в связи с ростом антитурецкого национально-освободительного движения; прошли две балканские войны. В Европе в первом десятилетии XX в. сформировались противостоящие друг другу военно-политические блоки: Тройственное согласие Антанты (Франция, Англия, Россия) против Тройственного союза (Германия, Австро-Венгрия, Италия). Росли военные бюджеты и армии ведущих европейских стран, генеральные штабы противостоящих держав разрабатывали планы предстоящих операций.

В связи со всем этим первоочередной задачей рабочего класса Европы, конгрессов II Интернационала стала борьба с милитаризмом и опасностью войны.

На Парижском конгрессе Интернационала, который происходил во время Англо-бурской войны была принята единогласно по докладу Р. Люксембург резолюция, в которой говорилось о необходимости «перейти от более или менее платонических демонстраций интерна-

циональной солидарности в политической области к энергичному международному действию, к совместной борьбе против милитаризма и мировой политики». Давались рекомендации вести систематическую антимилитаристскую пропаганду среди молодежи. От социалистов-парламентариев требовалось голосовать против любых расходов на военные нужды.

На Амстердамском конгрессе, происходившем во время Русско-японской войны, она была осуждена как война правительств, а не народов этих стран. Вице-председателями конгресса были избраны Г.В. Плеханов и японский социал-демократ Сен Катаяма, их рукопожатие было встречено овацией делегатов Конгресса.

На Штутгартском конгрессе 1907 г., вопросы борьбы с милитаризмом и военной опасностью заняли главное место. Присутствие Ленина на Конгрессе Социалистического Интернационала безусловно повлияло на выработку постановления Конгресса о борьбе с милитаризмом — по докладу Бебеля.

Сформулировать резолюцию на самом конгрессе было сложно, тем более что в ходе обсуждения проблемы столкнулись разные точки зрения. Большинство участников Конгресса склонялось в пользу резолюции Бебеля. Была достигнута договоренность о создании подкомиссии, которая выработала окончательный текст.

В эту подкомиссию В.И. Ленин предложил ввести Р. Люксембург. Затем в подкомиссию была представлена Лениным, Мартовым, Люксембург поправка, которая увенчала резолюцию Конгресса. В ней говорилось: «Если грозит объявление войны, рабочие заинтересованных стран и их представители в парламентах обязаны приложить все усилия к тому, чтобы помешать возникновению войны... Если война все же будет объявлена, они обязаны выступать за быстрое ее окончание и всеми силами стремиться использовать порожденный войной экономический и политический кризис для того, чтобы пробудить политическое сознание народных масс и ускорить крушение господства класса капиталистов»<sup>1</sup>.

Революционный дух Штутгартской резолюции, приданный ей интернационалистами, повлиял на документы следующих конгрессов Интернационала — в Копенгагене в 1910 г. и в Базеле в конце ноября 1912 г. Базельский манифест провозглашал: социалисты «должны всеми силами стремиться использовать вызванный войной экономический кризис, чтобы поднять народ и тем самым ускорить падение капиталистического классового господства»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> История Второго Интернационала. М., 1966. Т. 2. С. 211.

<sup>2</sup> Там же. С. 347.

Но когда в августе 1914 г. разразилась Первая мировая империалистическая война, подавляющее большинство социалистических партий, раздувая чувства патриотизма и шовинизма, изменило своим обещаниям. После того как кайзер провозгласил политику «бургфридена» («гражданского мира») в стране, социал-демократическая фракция ведущей партий II Интернационала — СДПГ в германском парламенте проголосовала вместе с депутатами юнкерства и буржуазии за военные кредиты. «Голосование кредитов» — «измена», — писал Ленин.

На позиции «обороны своей страны» перешли в России меньшевики, во Франции — руководители социалистов, лидеры бельгийских и британских социал-демократов, а также британского лейборизма, чешских, австрийских, венгерских, нидерландских социал-демократов. Произошел крах II Интернационала, считал Ленин. Он «выразился всего рельефнее в вопиющей измене большинства официальных социал-демократических партий Европы своим же собственным торжественным резолюциям в Штутгарте и Базеле»<sup>3</sup>.

Возник и так называемый «центризм», вождем которого К. Каутский провозглашал, что ничего страшного в социал-демократии не произошло, поскольку II Интернационал «не является действующим орудием во время войны»; он легко возродится после ее окончания. Каутский сегодня «вреднее всех», — писал В.И. Ленин А.Г. Шляпникову<sup>4</sup>.

В самом начале войны Ленин жил в Галиции (Австро-Венгрия) в местечке Поронино, близ Кракова, — чтобы быть ближе к России. 8 августа его обыскали австрийские жандармы, нашли браунинг. Ленин был заключен в тюрьму. Заступничество австрийских и польских социал-демократов побудило австрийские власти освободить Ленина из-под ареста и разрешить ему выезд в нейтральную Швейцарию; он прибыл в Берн в сентябре 1914 г.

Шестого—восьмого сентября в лесу под Берном состоялось совещание большевиков-эмигрантов, на котором Ленин огласил тезисы «Задачи социал-демократии в европейской войне». «Оппортунисты давно готовили крах II Интернационала, — говорил он, — отрицая социалистическую революцию и подменяя ее буржуазным реформизмом, отрицая классовую борьбу с ее необходимым превращением, в известные моменты, в гражданскую войну, и проповедуя сотрудничество классов; проповедуя буржуазный шовинизм под видом патриотизма и защиты отечества, ...превращая необходимое использование буржуазного парламентаризма и буржуазной легальности в фетишизирование этой легальности

<sup>3</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 262.

<sup>4</sup> Там же. Т. 49. С. 13.

и забвение нелегальных форм организации и агитации в эпохи кризисов... Задачей будущего Интернационала должно быть бесповоротное и решительное избавление от этого буржуазного течения в социализме»<sup>5</sup>.

Лозунгами европейской социал-демократии Ленин провозглашал пропаганду (в том числе и в войсках, и на театре военных действий) идей социалистической революции; далее, пропаганду превращения Европы в республиканские Соединенные Штаты Европы; далее, для России — проповедь революции на основе программы-минимум РСДРП (б) и ее антивоенной программы.

Эти идеи Ленин переработал в Манифест «Война и российская социал-демократия», он был напечатан в газете «Социал-демократ» №33 от 1 ноября 1914 г., особенно важной здесь была формулировка лозунга превращения империалистической войны в гражданскую: «Превращение современной империалистической войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный Базельской (1912 г.) резолюцией и вытекающий из всех условий империалистической войны между высоко развитыми буржуазными странами...

Только на этом пути пролетариат сможет вырваться из своей зависимости от шовинистической буржуазии и, в той или иной форме, более или менее быстро, сделать решительные шаги по пути к действительной свободе народов и по пути к социализму»<sup>6</sup>.

Надо сказать, что этот «единственно правильный» лозунг не был воспринят европейской социал-демократией — она встала на почву защиты отечества, чтобы продолжить — после войны — свою деятельность на почве формальной демократии.

## Проблема самого грандиозного исторического перехода

Отметим, что русские сюжеты присутствуют в статьях Ленина и этого периода, но они отходят на второй план перед сюжетами, посвященными проблемам мирового развития в годы Первой мировой войны. Вырисовывается *самый грандиозный в жизни Ленина переход* — переход от капиталистического к социалистическому строю *в мировом масштабе*, поставленный перед социал-демократией *мировой войной*, вырисовывается как *проблема*.

В работе «Империализм как высшая стадия капитализма» доказано, писал Ленин, что «война 1914—1918 гг. была с обеих сторон импе-

<sup>5</sup> См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 2—3.

<sup>6</sup> Там же. С. 22—23.

риалистической (т. е. захватной, грабительской, разбойнической) войной, войной из-за дележа мира, из-за раздела и передела колоний, "сфер влияния" финансового капитала и т. д.»<sup>7</sup>. «Само собою разумеется, — уточняет он, — что о конкретно-исторической оценке теперешней войны не может быть и речи, если в основу этой оценки не положено полное выяснение сущности империализма, как с его экономической стороны, так и с политической»<sup>8</sup>. Следует «разобраться в основном экономическом вопросе, без изучения которого нельзя ничего понять в оценке современной войны и современной политики; именно: в вопросе об экономической сущности империализма», — писал он в Предисловии. Она, эта сущность — в первую очередь, а не война готовит почву для «перехода к социализму»; война создает условия лишь по линии особенностей развития империализма.

«Брошюра, — отмечает Ленин, — писана для царской цензуры». Относительно политики приходилось говорить с «громаднейшей осторожностью»<sup>9</sup>.

«Империализм как высшая стадия капитализма» считается у нас главным из теоретических трудов Ленина эпохи Первой мировой войны. Думаем, что такая характеристика недостаточна. По цензурным соображениям Ленин почти ничего не мог сказать по особо мучившему его вопросу: «Империализм и раскол социализма». Работа под таким названием появилась за границей в октябре 1916 г., в то время как «Империализм как высшая стадия капитализма» был написан до этого в январе — июне 1916 г. и издан в России. Преемственная органическая связь между двумя работами несомненна, для нас важны обе.

«Начать приходится с возможно более точного и полного определения империализма», — начинает Ленин вторую из работ. «Империализм есть особая историческая стадия капитализма. Особенность эта троякая: империализм есть (1) — монополистический капитализм; (2) — паразитический или загнивающий капитализм; (3) — умирающий капитализм. Смена свободной конкуренции монополией есть коренная экономическая черта, *суть* империализма»<sup>10</sup>.

Отметим, что Ленин употреблял понятие империализм и как политическое, но в данном случае говорилось не о политике, а о стадии, против чего в принципе возражал тот же К. Каутский<sup>11</sup>.

<sup>7</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 303—304.

<sup>8</sup> Там же. С. 93.

<sup>9</sup> Там же. С. 1, 302.

<sup>10</sup> Там же. Т. 30. С. 103.

<sup>11</sup> См.: Там же. Т. 27. С. 387—388.

Выявляя суть империализма, Ленин исходит из империализма как целого, как «определенной ступени развития наиболее высокоразвитого капитализма», как «изменяющихся общественных отношений производства». Выявляя *основные экономические (производственные) черты империализма* он пишет:

- б) Концентрация и монополия.
- в) Вывоз капитала.
- г) Банковый капитал и его «нити».
- д) Раздел мира монополистами производства.
- е) *Idem* — колонии<sup>12</sup>.

Таким образом: смена свободной конкуренции монополией как суть империализма приводит, считает Ленин, к смене отношений свободной конкуренции отношениями монополизма. В свою очередь «монополизм проявляется в 5 главных видах: 1) картели, синдикаты и тресты... 2) монопольное положение крупных банков... 3) захват источников *сырья* трестами и финансовой олигархией... 4) раздел мира (экономический) международными картелями *начался*... 5) раздел мира (территориальный) *закончился*; колониальная политика обладания территорией земли, поделенной до конца». Но при этом «чистого империализма, монопольного капитализма» нет: «монополия, вырастая из свободной конкуренции, не устраняет ее, а существует над ней и рядом с ней, порождая этим ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов»<sup>13</sup>.

Исходя из всего этого, Ленин подчеркнул «условное, относительное значение всех определений вообще» (они «не могут схватить всесторонних связей явления в его полном развитии»), но он определил империализм прежде всего как «монополистическую стадию развития».

Монополистические отношения при империализме, то, что капитализм стал монополистическим капитализмом обуславливает и его черты, которые Ленин во многом следуя за Гобсоном, считал возможным называть «паразитическим или загнивающим капитализм». «Что империализм есть паразитический или загнивающий капитализм, это проявляется прежде всего в тенденции к загниванию, отличающей *всякую* монополию при частной собственности на средства производства... (чем несколько не устраняется поразительно быстрое развитие капитализма в отдельных отраслях промышленности, в отдельных странах, в отдельные периоды)». Во 2-х, загнивание капитализма проявляется в создании громадного слоя *рантье*: капиталистов, живущих «стрижкой купонов». В 3-х, вывоз капитала есть паразитизм в квадрате. В 4-х, «финансовый

<sup>12</sup> См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 94, 425; т. 28. С. 212—213.

<sup>13</sup> Там же. Т. 30. С. 163, 164; т. 27. С. 386.

капитал стремится к господству, а не к свободе». «Политическая реакция по *всей* линии — свойство империализма. Продажность, подкупы в гигантских размерах, панамы всех видов». «В 5-х, эксплуатация угнетенных наций... горсткой “великих” держав все больше превращает “цивилизованный мир” в паразита на теле сотен миллионов нецивилизованных народов... Привилегированная прослойка пролетариата империалистических держав живет отчасти за счет сотен миллионов нецивилизованных народов».

Монополизм, паразитизм, загнивание обусловливают, как считал Ленин (этого опасался и Гобсон), умирание капитализма при империализме. В ленинской трактовке — это его *переходный характер*, что придает особую значимость для нашего рассмотрения проблемы.

Понятно, почему империализм есть *умирающий* капитализм, *переходный* к социализму: «Монополия, вырастающая из капитализма есть уже умирание капитализма, начало перехода его в социализм. Гигантское *обобществление* труда империализмом... означает то же самое»<sup>14</sup>.

В этой связи Ленин определял империализм как особую стадию капитализма, выясняя «историческое место данной стадии капитализма по отношению к капитализму вообще»<sup>15</sup>.

Основываясь на конкретных исследованиях современных ему многих экономистов, Ленин фиксировал процесс совершаемой гигантскими предприятиями «планово, на основании точного учета массовых данных» организации производства, распределения для потребления продукции «по одному плану между десятками и сотнями миллионов потребителей», как «обобществление производства»<sup>16</sup>. Он писал: «Капитализм в его империалистической стадии вплотную подводит к самому всестороннему обобществлению производства, он вталкивает, так сказать, капиталистов, вопреки их воли и сознания, в какой-то новый общественный порядок, переходный от полной свободы конкуренции к полному обобществлению»<sup>17</sup>.

Одновременно подчеркивая: но по содержанию своему... обобществление капиталистического хозяйства... совсем не «общее», а «частное, т. е. сообразованное с интересами крупного — и в первую очередь крупнейшего, монополистического — капитала», Ленин делал в духе Марксовой теории взаимозависимости производительных сил и производственных отношений вывод: «Частнохозяйственные и частнособственнические отношения составляют оболочку, которая уже не соответ-

<sup>14</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 163, 164, 165.

<sup>15</sup> Там же. Т. 27. С. 387.

<sup>16</sup> Там же. С. 425.

<sup>17</sup> Там же. С. 320—321.



ствует содержанию, которая неизбежно должна загнить... но которая все же неизбежно будет устранена»<sup>18</sup>.

Вводя дополнительные ограничения, Ленин считал, что «социализм осуществят объединенными действиями пролетарии не всех, а меньшинства стран, дошедших до ступени развития *передового* капитализма»<sup>19</sup>.

Одних материальных предпосылок для перехода к социализму недостаточно, считал Ленин, нужно чтобы сработала «двигательная сила» — обострение всех противоречий капитализма. Он анализировал разные их группы в экономике, политике, социальных отношениях — и противоречия «нового» и «старого» капитализма и хаотичность, свойственную всему капиталистическому производству в целом, ведущую к кризисам, и противоречия финансового капитала с угнетенным им, обираемым обществом — у себя в стране, в мировом масштабе, и политические конфликты и разные потрясения. В Предисловии к брошюре Н. Бухарина «Мировое хозяйство и империализм» Ленин писал: «Не подлежит сомнению, что развитие идет в *направлении* к одному-единственному тресту всемирному, поглощающему все без исключения предприятия и все государства. Но развитие идет к этому при таких обстоятельствах, таким темпом, при таких противоречиях, конфликтах и потрясениях, — отнюдь не только экономических, но и политических, национальных и пр., и пр., что непременно *раньше*, чем дело дойдет до одного всемирного треста, до “ультра-империалистического” всемирного объединения национальных финансовых капиталов, империализм неизбежно должен будет лопнуть, капитализм превратится в свою противоположность»<sup>20</sup>.

Это ожидание не подтвердилось в 1914—1918 гг., но заметим, говоря о методологической стороне проблемы «умирания» капитализма, превращения его в какой-то «новый строй», что Ленин не всегда связывал этот процесс с каким-либо конкретным сроком или с одной определенной формой преобразования: революция, а не реформа. Так, в плане брошюры «Европейская война и европейский социализм» у Ленина промелькнула вполне здравая мысль: «Может быть и еще полвека порабощения до социалистической революции, но что оставит *наша* эпоха, что мы внесем?»<sup>21</sup>. А в набросках к статье «Первое мая и война» есть и такой пункт: «Эпоха реформ, *отсутствие* революционной ситуации. В этом гвоздь»<sup>22</sup>.

<sup>18</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 425.

<sup>19</sup> Там же. Т. 30. С. 111

<sup>20</sup> Там же. Т. 27. С. 98

<sup>21</sup> Там же. Т. 26. С. 370

<sup>22</sup> Там же. С. 379.

Что касается последнего пункта, то причина победы «реформизма» лежала в неготовности к революционному преобразованию субъективного фактора. Собственно говоря, Ленин записал уже в «Империализме как высшей стадии капитализма» важнейшее место о своей главной задаче: необходимо «определить... отношение империализма и двух основных направлений в рабочем движении».

Эту задачу он решил в своих бесцензурных работах, прежде всего в статье «Империализм и раскол в социализме». В первом же разделе этой работы Ленин спрашивает: «Есть ли связь между империализмом и той *чудовищно-отвратительной победой*, которую одержал оппортунизм (в виде социал-шовинизма) над рабочим движением в Европе?». «Это основной вопрос современного социализма»<sup>23</sup>.

Ответ на этот вопрос выявлен в сущности политэкономически-исторически. Энгельс, пишет Ленин, еще в XIX в. заметил и объяснил рождение «буржуазной рабочей партии» в Англии, где ее создала английская монополия как торгово-промышленная, так и колониальная. Переходя затем к эпохе империализма, Ленин выделил четыре передовых империалистических державы (США, Англия, Германия, Франция), где та же сверхприбыль, полученная как от монополизма в экономике, так и от владения колониями дала возможность создать ту же «буржуазную рабочую партию» в недрах II Интернационала.

Но дальше у Ленина начинаются противоречия как в самом тексте работы, так и между работой и ее планом. Ленин никак не может точно определить *значительность* этого исторического образования, давая уклончивые формулировки: «некоторые слои рабочего класса», «известные прослойки рабочих»; он пишет: «Из этой сверхприбыли капиталисты могут выбросить частичку (и даже не малую!), чтобы подкупать своих рабочих». Сверхприбыль монополий четырех передовых держав он определяет «в количестве миллионов если не миллиардов»; в другом же месте он пишет, что буржуазия «великой» империалистической державы «экономически может покупать верхние прослойки своих рабочих, бросая на это сотенку-другую миллионов франков в год, ибо ее сверхприбыль составляет вероятно около миллиарда».

Завершает статью он двусмысленной формулировкой:

«Мы не можем — и никто не может — усчитать, какая именно часть пролетариата идет и пойдет за социал-шовинистами и оппортунистами. Это покажет только борьба, это решит окончательно только социалистическая революция. Но мы знаем с достоверностью (?), что защитники отечества в империалистической войне *представляют* лишь мень-

<sup>23</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 163 (курсив наш. — Е.П.).

шинство. И наш долг поэтому, если мы хотим остаться социалистами, идти *ниже и глубже*, к настоящим массам: в этом все значение борьбы с оппортунизмом и все содержание этой борьбы»<sup>24</sup>.

Но план статей «Империализм и раскол социализма» и «Империализм и отношение к нему» (ненаписанной) показывает, что дело с подсчетами обстоит не так просто.

Ленин дает здесь определение: «финансовая олигархия» (>100 миллиардов Effektenkapital — эффективного капитала. — *Е.П.*). Далее он формулирует ряд положений и вопросов: «тогда 1 страна, теперь раскол везде». «Буржуазная рабочая партия»: «продались»... «Масса». Quid est? (Что это такое? — *Е.П.*). «Ниже идти. Кто представляет массу? Массовые действия». Отталкиваясь от ряда формулировок Энгельса 1852—1892 гг., он пишет: «особенно NB: спускаться *ниже к неквалифицированным рабочим, к массе*»<sup>25</sup>. Но спросим: какую социалистическую революцию можно провести и какой социализм можно построить с неквалифицированным рабочим классом? История ответит на эти вопросы: лишь регион явно отстающих стран, таких, как Россия, затем Китай, Вьетнам, отчасти Индия, где существовал массовый *горючий неквалифицированный потенциал* пойдут по пути, нащупанному Лениным, пойдут с разными результатами...

Отметим наконец, что в работе «Империализм как высшая стадия капитализма» Ленин зафиксировал переплетение «воедино» в эпоху финансового капитала «частных и государственных монополий», т. е. вышел по существу к проблемам государственно-монополистического капитала<sup>26</sup>. Ленин особо тщательно разработал тему ГМК на подходе к Октябрю в 1917 г. в статье «Грозящая катастрофа и как с ней бороться». «Государственно-монополистический капитализм, — писал он, — есть полнейшая *материальная* подготовка социализма, есть *преддверие* его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, *никаких промежуточных ступеней нет*»<sup>27</sup>.

## О военной программе пролетарской революции

Рассмотрим две небольшие, но очень важные статьи Ленина, касающиеся «военной программы пролетарской революции», которые, на наш взгляд, не получили адекватной оценки в советской историко-пар-

<sup>24</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 179.

<sup>25</sup> Там же. С. 370—375.

<sup>26</sup> Там же. С. 334, 370 и др.

<sup>27</sup> Там же. С. 193.

тийной литературе, хотя они рекомендовались как обязательные для изучения в сети партийной пропаганды.

В первой работе «О лозунге Соединенных Штатов Европы» не анализировалось начало рассуждения, делающее акцент на «мировом социализме»: «Соединенные штаты мира (а не Европы) являются той государственной формой объединения и свободы наций, которую мы связывает с социализмом, — пока полная победа коммунизма не приведет к исчезновению всякого (?), в том числе и демократического, государства». Обычно приводилась «приемлемая» часть рассуждения: «Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма в немногих и даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране». Этому «гениальному открытию» давались восторженные оценки, но при этом не учитывался тот факт, что данное открытие сделал Г. фон Фольмар, написавший в пору своего радикализма, отбывая тюремное заключение, работу «Изолированное социалистическое государство. Социально-экономическое исследование» (опубликовано в 1879 г.). Фольмар предвосхитил ряд ленинских, действительно важных идей, но затем был благополучно забыт и до 1977 г. у нас не издавался. В своей книге он, в противовес основоположникам марксизма, ссылаясь на невозможность найти достаточное обоснование «необходимости того, чтобы социалистическое преобразование обществ происходило одновременно во всех основных странах цивилизованного мира» и считал, что «окончательная победа социализма первоначально в одной отдельно взятой стране не только исторически вероятна, но и... ничего не будет препятствовать существованию и процветанию такого изолированного социалистического государства». Далее Фольмар подробно анализировал меры в хозяйственной сфере в период «переходного состояния» этого государства и утверждал, что его достижения могут явиться «для народов живым примером того, чего они могут достичь, если всерьез захотят».

Одновременно делался вывод, что между социалистическим государством и государствами несоциалистическими неизбежна борьба, правда, с учетом того, что войну социалистическое государство признает лишь для обороны, «если же власть имущие... еще раз попытаются встать на пути неудержимо катящегося вперед колеса истории, то бой будет коротким и исход его однозначным»<sup>28</sup>.

Ленин по сравнению с Фольмаром выглядел куда более агрессивным: «Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капи-

<sup>28</sup> См.: *Фольмар Г. фон. Проблемы общественного прогресса и социалистического идеала в общественной мысли конца XIX и XX столетия. Хрестоматия. М., 1990. С. 4—29.*

талистов и организовавший у себя социалистическое производство встал бы *против* остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, *поднимая* в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с *военной силой* против эксплуататорских классов и их государств. Политической формой общества, в котором побеждает пролетариат, свержая буржуазию, будет демократическая республика, все более централизующая силы пролетариата данной нации или данных наций в борьбе против государств, еще не перешедших к *социализму*. Невозможно уничтожение классов без диктатуры угнетенного класса, пролетариата. Невозможно свободное (?) объединение наций в социализме без более или менее долгой, упорной борьбы социалистических республик с отсталыми государствами»<sup>29</sup>.

Слово «отсталыми» здесь употреблено неточно — речь идет о государствах, не перешедших к социализму. Таковым Ленин, как видим, обещает... не более и не менее как вооруженный конфликт, организуемый страной или странами победившего социализма!

Отметим, забегая несколько вперед, что такая «наступательная акция» была предпринята Советской Россией в советско-польской войне: «Даешь Варшаву!», «Дай Берлин!», но все дело кончилось военным поражением Красной Армии...

Итак, мы стоим у истоков *революционного империализма*, который прокламировался Лениным еще в годы Первой мировой войны и осуществлялся после ее окончания<sup>30</sup>.

Правда надо сказать, что в статье «Военная программа пролетарской революции» эта позиция революционного империализма подвергается некоторому изменению — ответственность за будущий конфликт переносится на буржуазную сторону: «...Победивший в одной стране социализм отнюдь не исключает разом вообще все войны. Наоборот он их предполагает. Развитие капитализма совершается в высшей степени неравномерно в различных странах... Отсюда непреложный вывод: социализм не может победить одновременно *во всех* странах. Он победит первоначально в одной или нескольких странах, а остальные в течение некоторого времени останутся буржуазными или добуржуазными. Это должно вызвать не только трения, но и прямое стремление буржуазии других стран к разгрому победоносного социалистического государства. В этих случаях война с нашей стороны была бы законной и справедливой». Но все же и здесь остается положение о переносе вой-

<sup>29</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 354—355 (курсив наш. — Е.П.).

<sup>30</sup> См.: Ленин В.И. Политический отчет ЦК РКП(б) на IX Всероссийской конференции РКП(б) и заключительное слово по итогам обсуждения отчета // Неизвестные документы. 1891—1922. М., 1999. С. 370—395.

ны на почву антисоциалистических государств; «Это была бы война за социализм, за освобождение *других народов* от буржуазии»<sup>31</sup>. Мы можем, таким образом, фиксировать определенное смещение акцентов в аргументации Ленина, но изменение весьма относительное...

## Разработка Лениным национально-колониального вопроса

В 1914—1917 гг. Ленин сопровождал исследование высшей стадии капитализма систематическим изучением национально-колониального вопроса при империализме, в немалой степени запутанного шовинистами, да и некоторыми интернационалистами; так разбирая недостатки и ошибки Юниуса (Р. Люксембург), Ленин писал: «Мы делаем это ради необходимой для марксистов самокритики и всесторонней проверки взглядов, которые должны послужить идейной базой III Интернационала»<sup>32</sup>.

Несколько фундаментальных особенностей было присуще ленинскому анализу: классовый подход — различие наций угнетающих и угнетенных; нахождение интересов пролетариата в любых национальных конфликтах; принцип конкретно-исторического анализа, различающий разные эпохи и разные страны в их своеобразных ситуациях; безусловное признание демократического содержания в национально-освободительных движениях, конкретное, а не абстрактное понимание лозунга «защиты отечества». Ленин часто привлекает диалектику Маркса—Гегеля к решению запутанных проблем.

Ленин парировал аргументы, которые приводила Р. Люксембург против пункта 9 программы, принятой еще на II съезде РСДПР: «Право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства». Прежде всего, он указывал на широкое понимание этого права российскими социал-демократами еще в 1903 г.: «Под самоопределением наций разумеется государственное отделение их от чуженациональных коллективов, разумеется образование самостоятельного национально-государства»<sup>33</sup>.

Такого принципа действительно не было в программах социал-демократии развитых государств (чем аргументировала Р. Люксембург) по одной простой причине: все они прошли, завершили этап образования национального государства, который был присущ эпохе краха феодализма и абсолютизма (примерно с 1789 по 1871 г.), когда пробуждались массовые национальные (в основном крестьянские) движения, склады-

<sup>31</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 133 (курсив наш. — Е.П.).

<sup>32</sup> Там же. С. 2.

<sup>33</sup> Там же. Т. 25. С. 259.

вались в результате революционной борьбы буржуазно-демократические общества и государства. Теперь это были государства с развитым конституционным строем, развитым антагонизмом пролетария и буржуа.

Но принцип самоопределения был безусловно необходим для многонациональной, отягощенной остатками феодализма России, где еще только предстояла массовая борьба за демократию. «Право на самоопределение», провозглашенное российской социал-демократией, обеспечивало ее союз с угнетенными нациями, звало их к единству действий, этот принцип противостоял национализму господствующих классов.

Но этот принцип не надо смешивать с вопросом о целесообразности такого отделения, который социал-демократия решала конкретно-исторически. «Безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса, — писал Ленин, — является его постановка в *определенные* исторические рамки, а затем, если речь идет об одной стране (например, о национальной программе для данной страны), учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи»<sup>34</sup>.

Из главных ошибочных положений Юниуса Ленин приводил следующее: «...В эпоху (эру) этого разнузданного империализма не может быть никаких национальных войн. Национальные интересы служат только орудием обмана, чтобы отдать трудящиеся массы на службу их смертельному врагу: империализму...» Все сказанное Юниусом бесспорно по отношению к данной мировой войне. Но было бы ошибкой преувеличение этой истины, писал Ленин, отступлением от конкретности истины, «перенесение оценки данной войны на все возможные при империализме войны: забвение национальных движений *против* империализма»<sup>35</sup>.

«В Восточной Европе и в Азии, — констатировал Ленин, — эпоха буржуазно-демократических революций только началась в 1905 г. Революции в России, Персии, Турции, Китае, войны на Балканах — вот цепь мировых событий *нашей* эпохи нашего “востока”. И в этой цепи только слепой может не видеть пробуждение *целого ряда* буржуазно-демократических движений, стремлений к созданию национально-независимых и национально-единых государств»<sup>36</sup>. И он добавлял: именно потому и только потому, что Россия переживает эту эпоху, нам (как и им) нужен пункт о самоопределении в программах.

<sup>34</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 263—264.

<sup>35</sup> Там же. Т. 30. С. 4, 5.

<sup>36</sup> Там же. Т. 25. С. 269.

Р. Люксембург полагала, что раз мир поделен между империалистами, всякая вначале национальная война должна была превратиться в войну империалистическую.

Все грани в природе и обществе, возражал Ленин, подвижны, любое явление может превратиться в противоположность. «Национальная война *может* превратиться в империалистическую и обратно»<sup>37</sup>. Но только софист мог бы стирать разницу между империалистической и национальной войной на этом основании. Нужен конкретный анализ *данного* в его обстановке и развитии. В высшей степени невероятно, чтобы данная империалистическая война превратилась в национальную, «но *невозможным* такое превращение объявить нельзя... *если бы* пролетариат Европы оказался на 20 лет бессильным; *если бы* данная война *кончилась*... поработением жизнеспособных национальных государств, ...тогда возможна была бы великая национальная война в Европе. Это было бы развитием Европы *назад* на несколько десятилетий. Это невероятно. Но это *не* невозможно: ибо представлять себе всемирную историю идущую гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недиалектично, ненаучно, теоретически неверно».

У Ленина есть и такое поразительное предвидение: в империалистической Европе возможны национальные войны. При условии сильного истощения «великих» держав в войне или при условии победы революции в России «вполне возможны национальные войны, даже победоносные»<sup>38</sup>.

С другой стороны, писал Ленин, не только вероятны, но и неизбежны в эпоху империализма национальные войны со стороны колоний и полуколоний, где проживает 1 000 млн человек, т. е. больше половины населения земли. Эти движения растут и назревают. Такие войны *могут* повести к империалистической войне теперешних «великих» империалистических держав, но могут и не повести, «это зависит от многих обстоятельств». В другом месте он так оценивал шансы освободительных движений великих колониальных стран: «Национальные войны *против* империалистических держав не только возможны и вероятны, они неизбежны и *прогрессивны, революционны*, хотя, конечно, для *успеха* их требуется либо соединение усилий громадного числа жителей угнетенных стран (сотни миллионов во взятом нами примере Индии и Китая), либо *особо* благоприятное сочетание условий интернационального положения (например, парализованность вмешательства великих держав их обессиливанием, их войной, их антагонизмом и т. п.), либо *одновременное* восста-

<sup>37</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 385.

<sup>38</sup> Там же. С. 6, 8.



ние пролетариата одной из крупных держав против буржуазии (этот последний в нашем перечне случай является первым с точки зрения желательного и выгодного для победы пролетариата)»<sup>39</sup>. Вспомним в связи с этим факт образования СССР и его влияние на пробуждение национально-революционных движений в колониальном и полуколониальном мире — мы до сих пор переживаем последствия этого факта!

У Ленина есть чрезвычайно краткое и чрезвычайно емкое определение ситуации 1914—1918 гг.: надо различать, чтобы быть конкретным, полемизировал он с П. Киевским (Г.Л. Пятковым), «не менее *трех* разных типов стран по вопросу о самоопределении». 1-й тип — «те передовые страны запада Европы (и Америки), где национальное движение — *прошрое*»; 2-й тип — «восток Европы, где оно — *настоящее*»; 3-й — «полуколонии и колонии, где оно — в значительной степени — *будущее*»<sup>40</sup>.

В полемике с Киевским Ленин подверг диалектическому рассмотрению лозунг «защиты отечества». Киевский писал: мы никак не можем понять «как можно быть *одновременно* против защиты отчества и самоопределения, против отчества и за него».

В теперешней империалистической войне, писал Ленин, «фразы о защите отчества суть обман народа, ибо это война не национальная. В *действительно*-национальной войне слова “защита отчества” *вовсе* не обман и *мы вовсе не против нее*»<sup>41</sup>. «“Отечество” здесь *еще* не спело всей своей исторической песни, — развивал он свою аргументацию. — “Защита отчества” *еще* может быть здесь защитой демократии, родного языка, политической свободы против угнетающих наций, против средневековья, тогда как англичане, французы, немцы, итальянцы лгут теперь, говоря о защите своего отчества в данной войне, ибо *не* родной язык, *не* свободу своего национального развития защищают они на деле, а свои рабовладельческие права, свои колонии, “сферы влияния” своего финансового капитала в чужих странах и пр.»<sup>42</sup>

Экономическая зависимость от империализма полуколоний и колоний, считал Ленин, затрудняла их освобождение, но он не считал эту причину определяющей. «Капиталистическое производство все более и более усиленно пересаживается в колонии, — писал он. — Вырвать их из зависимости от европейского финансового капитала нельзя. С военной точки зрения, как и точки зрения экспансии (расширения), отделение колоний осуществимо, по общему правилу, лишь с социализмом, а при капитализме или в виде исключения или ценой ряда революций

<sup>39</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 7, 9.

<sup>40</sup> Там же. С. 88.

<sup>41</sup> Там же. С. 79, 80.

<sup>42</sup> Там же. С. 90.

и восстаний как в колонии, так и в метрополии»<sup>43</sup>. «Экономическая “аннексия” вполне осуществима без политической и постоянно встречается», — пояснял он в другом месте<sup>44</sup>.

В статье «О рождающемся направлении «империалистического экономизма» Ленин так представил различие установок пролетариата угнетающих и угнетенных наций:

«Если я скажу, что к цели *а* надо

(*в*) —————→ *а* ←————— (*б*)

идти от пункта (*б*) влево, а от пункта (*в*) вправо, будет ли это “дуализм”?

Одинаково ли положение пролетариата, угнетающих и угнетенных наций в отношении к национальному гнету? Нет, неодинаково, неодинаково и экономически, и политически, и идейно, и духовно и т. п. Значит? Значит к единой цели (слияние наций) из разных исходных пунктов одни пойдут *т а к*, другие *и н а ч е*»<sup>45</sup>.

Свой ответ на обвинения в национальном «нигилизме», измене «своему отечеству» Ленин дал в замечательной статье «О национальной гордости великороссов», органически связав свой патриотизм с пробуждавшейся российской революционностью. «Мы помним, как полвека тому назад великорусский демократ Чернышевский, отдавая свою жизнь делу революции, сказал: “жалкая нация, нация рабов, сверху донизу — все рабы”. Откровенные и прикровенные рабы-великороссы (рабы по отношению к царской монархии) не любят вспоминать об этих словах. А, по-нашему, это были слова настоящей любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения. Тогда ее не было. Теперь ее мало, но она уже есть. Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация *тоже* создала революционный класс, *тоже* доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм, а не только великие погромы, ряды виселиц, застенки, великие голодовки и великое раболепство перед попами, царями, помещиками и капиталистами»<sup>46</sup>.

## Прошлое и настоящее империализма

Рассматривая все ленинские определения империализма в свете дальнейшего развития Европы (да и всего мира), можно отметить и такой их недостаток: Ленин становится на путь абсолютизации *одной* фра-

<sup>43</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 35.

<sup>44</sup> Там же. С. 95.

<sup>45</sup> Там же. С. 65.

<sup>46</sup> Там же. Т. 6. С. 107—108.

зы развитая империализма, фазы мировой войны, что не позволяет ему предвидеть ряд процессов послевоенного периода. Так, империализм (если оставлять это понятие) мог быть и сочетанием «империализма» со «свободой» (в демократических странах капитала).

Послевоенный империализм есть такое выделение «горстки богатейших стран», которое позволило использовать часть «богатства» нации для улучшения материального положения *значительной* части населения, а не только для «подпитки» и подкупа «верхних прослоек пролетариата» и «оппортунистов». Это Ленин признал в заметках «для себя», но не внес в публикуемые работы, сравним: «Капитализм *может* давать десятки миллиардов (!) не на войну, а на помощь пауперам и рабочим, увековечивая этим господство класса капиталистов!»<sup>47</sup>. В Европе во время мировой войны 1914—1918 гг. погибли в результате тех или иных революционных действий только реакционнейшие европейские монархии: российская, германская, австро-венгерская, но «демократический» империализм в целом устоял. Уже после смерти Ленина произошло углубление ряда противоречий империализма: кризис «Версальской системы», Великая депрессия 1929—1933 гг. (с двояким выходом из нее: «новым курсом» Рузвельта и — фашистским «планированием» в Германии), Вторая мировая война, в ходе которых СССР в союзе с западными «демократиями» сломил фашизм, обострение противоречий стран блока НАТО со странами Варшавского договора. Но прогресс западного империализма продолжался — он вышел за пределы индустриализма к информационному обществу, хотя получили дальнейшее развитие и отмеченные еще Гобсоном признаки загнивания капитализма.

В специальной литературе отмечено порабощение ныне капитала промышленного капиталом финансовым, ставшего «самодостаточным», получившим возможность к воспроизведению и росту, вообще минуя товарно-производственную стадию. Отмечен рост влияния в мире транснациональных корпораций и финансово-промышленных групп, претендующих ныне на наднациональный суверенитет и международную правосубъектность. Наблюдается в связи с этим посягательство на суверенитет национальных правительств. Отмечается в развитых странах рост «потребительства» и его пагубное влияние на экологическое состояние планеты. Усилилась общая хаотичность, присущая системе мирового хозяйства. Продолжается экспансия США в современном мире. Мир стоит перед угрозой «мегарисков».

Все это вносит громадный дополнительный элемент дестабилизации в состояние «всеобщего кризиса человеческой цивилизации», как

<sup>47</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 378.

его определяли Эйнштейн и Рассел, Печчеи и Моисеев, и ставит на повестку дня поиск путей выхода из кризисного состояния человечества. Именно в этом направлении идут в мире интеграционные процессы, создаются союзы государств, мировые организации.

В связи с этим можно спросить: не видим ли мы в современном мире реализации «теории ультраимпериализма» Каутского? В свое время он разумел под «ультраимпериализмом» «замену борьбы национальных финансовых капиталов между собой общей эксплуатацией мира интернационально объединенным финансовым капиталом». В известном смысле можно утверждать, что Каутский предвидел направление прогресса. Но прогресс шел через разрешение противоречий и их повторное накопление и углубление, фиксируемое ныне в движении «антиглобалистов».

Но вернемся к временам Ленина. Он очень четко выразил суть идеологического раскола внутри тогдашнего Интернационала: «Вопросы о том, возможно ли реформистское изменение основ капитализма, вперед ли идти, к дальнейшему обострению и углублению противоречий, или назад к притуплению их, являются коренными вопросами критики капитализма»<sup>48</sup>.

Но, при появлении в современном мире многих новых проблем, мы уже не можем принять движение «вперед» или «назад» в его ленинском понимании.

Ленин стоял за *обострение* противоречий империализма и его *уничтожение* на пути гражданских войн, пути всемирной революции. Методологически это звучало так (мы снова цитируем его заметки «для себя»):

«Война — величайший кризис. *Всякий* кризис обозначает (при возможности *временной* задержки и регресса)

(б) ускорение развитая

(г) (в) обострение противоречий

(в) (г) обнаружение их

(д) крах всего *гнилого*» и т. д.<sup>49</sup>

«Гнилым» оказалось российское самодержавие, да и режим «керенщины». Но мировая гражданская война (или войны) как средство уничтожения «гнилого» империализма отпугивала большинство социалистов, их сковывал не столько «оппортунизм» или «шовинизм», сколько *страх* перед развязыванием новой классовой бойни, еще более масштабной и кровавой — отсюда попытки пацифистов добиться заключения мира, — отсюда стремление к притуплению коренных противоречий

<sup>48</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 408.

<sup>49</sup> Там же. Т. 26. С. 372.

капитализма, которое особенно наглядно демонстрировал Каутский — эта постоянная мишень нападок Ленина.

Но, думается, ныне мы должны совершенно по-иному, чем Ленин, рассматривать теорию «ультраимпериализма» Каутского, видевшего в будущем «фазу объединения империализмов всего мира, а не борьбу их», «фазу прекращения войн при империализме», «фазу общей эксплуатации мира интернационально объединенным капиталом». Все это были вроде бы совершенно оторванные от реальностей воюющей Европы 1914—1918 гг., да и многих последующих десятилетий, но поразительные для первой четверти XX в. предвидения. Мы должны по-иному, чем Ленин, оценивать намечаемый Гильфердингом путь к социализму через «социализацию» сферы обращения. Это вовсе не шаг «назад», а поразительное предвидение будущего.

Процессы, которые с необходимостью подвели человечество к новому рубежу и вообще к новому миропониманию, доступны разумению любого человека. В условиях бывшей конфронтации Запада и Востока в мире накоплено такое количество ядерного и иного оружия массового уничтожения, что его применение в возможном конфликте будет означать не просто самоубийство воюющих сторон, но и гибель жизни на земле. В мире постоянно ухудшается экологическая ситуация; неконтролируемый бурный рост производительных сил, неумеренное потребительство развитых государств наносят непоправимый ущерб окружающей среде; под вопросом находится само существование человечества и среды его обитания. Крайне обострены противоречия Севера и Юга, проблемы голода и демографии в «третьем мире» могут потрясти и остальной мир.

Ленин безусловно подходил к понятию «общечеловеческого кризиса цивилизации», когда указывал, что конфликты типа Первой мировой войны могут подвести «к подрыву самих условий существования человеческого общества»<sup>50</sup>. Но Ленин ввиду этого не отказывался от лозунга мировой гражданской войны, он не понял, что новая угроза поменяла значение движения «вперед» и «назад», что она требует не обострения, а *притупления* противоречий. Именно поэтому мы должны рассматривать ныне проблемы революционной стратегии и тактики, как они виделись Ленину, как уже пройденный человечеством этап его исторического развития. Сыграли свою роль ленинские установки в отсталой России, где в феврале (марте по н. ст.) 1917 г. разразился революционный процесс, в конце концов унесший жизни 12—13 млн человек.

<sup>50</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 396.

## Глава 9

# Россия, год 1917-й: от Февраля к Октябрю

### Февральская революция 1917 г. в России и Ленин

Большинство историков относит Февральскую революцию 1917 г. к чисто стихийным возмущениям народа, особенно детально эта концепция разработана, пожалуй, Л.Д. Троцким в первом томе его «Истории русской революции». «План и централизованное руководство», доказывает он, занимали в этой революции «ничтожное место»<sup>1</sup>.

Действительно, никакие революционные партии, кружки, группы эту революцию не готовили — все они была запрещены, лидеры партий находились в эмиграции, менее именитые деятели — в ссылке и тюрьмах. С 1915 г., правда, действовал Прогрессивный блок в Думе, ставивший целью создание ответственного перед Думой правительства «народного доверия» с целью привести «отечество к победе». Резкие антиправительственные речи членов блока, конечно, подрывали престиж власти, однако революционные замыслы и действия были совершенно чужды этой — используем выражение П.Н. Милюкова — «оппозиции его Величества».

Во второй половине февраля в Петрограде — из-за развала транспорта — ухудшалось снабжение хлебом, в очередях возмущались женщины. Вскоре к ним присоединились рабочие — 16 февраля они начали стачку на Путиловском заводе, некоторые цеха были закрыты, рабочих выбросили на улицу. Однако пострадавших от локаута поддерживали рабочие других предприятий. Двадцать третьего февраля (ст. ст., 8 марта по н. ст.) при проведении международного женского дня развернулись митинги и стачки на других заводах, рабочие вышли на демонстрацию. Двадцать

---

<sup>1</sup> Троцкий Л.Д. История русской революции. М., 1997. Т. 1. Февральская революция. С. 262, 265 и др.

четвертого февраля митинги и демонстрации стали еще более многоялюдными, начались столкновения с полицией. Двадцать пятого февраля началась всеобщая забастовка, продолжались и демонстрации. Двадцать шестого февраля власти начали разгон демонстраций, а 27 решили применить против рабочих силы Петроградского гарнизона, что сыграло для властей роковую роль — солдаты Петроградского гарнизона стали переходить на сторону рабочих. У рабочих появились вооруженные силы, восстание ширилось, к концу дня 27 февраля власти потеряли контроль над городом. Восстание в Петрограде поддерживали другие города.

Двадцать седьмого февраля среди некоторых групп рабочих возникла идея созыва (по образцу 1905 г.) Совета рабочих депутатов. Созданный ими вместе с группой социал-демократических депутатов Думы и с представителями левой интеллигенции Временный исполнительный комитет Петроградского Совета рабочих депутатов обратился к заводам с призывом выбирать в Совет по одному депутату из 1000, вскоре Совет насчитывая уже 250 депутатов, он выбрал официальный Исполком Совета. Большинство в Совете и его Исполкоме досталось меньшевикам и эсерам, которых привела к власти огромная мелкобуржуазная волна. Председателем Исполкома Совета стал лидер социал-демократической фракции в Думе Н. Чхеидзе, его заместителями — трудовик А. Керенский, меньшевик М. Скобелев. Большевики особой роли в революции не играли, от них вошли в Исполком А. Шляпников и Н. Залуцкий.

Петроградский совет, возникший в дни Февраля, стал органом революции, речами он не ограничивался. И хотя в нем не было «знаменитостей», в Исполкоме Совета нашлись люди, способные в первые же дни и недели революции «развязать» сложнейшие узлы борьбы, нашлись творцы известного «двоевластия». В первую очередь назовем Н. Суханова и поддержавших его замысел Н. Чхеидзе, Н. Соколова, М. Скобелева, А. Керенского, В. Громана (часть их была депутатами Думы, известными своими антиправительственными речами). Много сил у этих политиков отняли технические вопросы, внесение в бурлящий Петросовет хотя бы начатков организации, налаживание снабжения столицы, формирование народной милиции, организация свободной прессы, прием делегаций и т. п.

Но, безусловно, основной задачей Суханова и его сподвижников стало установление контактов с представителями буржуазии, с ее думской верхушкой, которая после некоторых колебаний конституировалась в группу под громоздким названием «Временный комитет членов Государственной Думы для водворения порядка в столице и для сношения с лицами и организациями».

Суханов понимал главное: в буржуазной революции, начавшейся в воюющей самодержавной стране, лидерам демократии предстояло прежде всего наладить контакты с лидерами буржуазного и «империалистического» толка, попытаться войти с ними в своеобразный союз, дабы *оторвать их от монархии*, с тем чтобы бурно нарождающейся демократии противостоял не сплоченный монархически-буржуазный блок, а *изолированное* от буржуазии самодержавие. И сделать это (после некоторого торга с Временным комитетом Думы) удалось. Членам Временного комитета было предложено создать Временное правительство. На это думцы М. Родзянко, П. Милюков, А. Гучков и другие шли с опаской, но все же 1—2 марта 1917 г. было создано Временное (буржуазное) правительство кн. Г.Е. Львова; в него поспешил войти в качестве министра юстиции член Исполкома Петросовета эсер Керенский.

Последние дни февраля и первые дни марта (по ст. ст.) думцы занимались еще спасением монархии, трансформацией самодержавия Николая II в конституционную монархию. Но эти поползновения Исполкому Петросовета удалось пресечь. Поначалу отрекся от престола под влиянием событий в Петрограде в пользу брата Михаила Николай II, затем отрекся и Михаил. Царская семья была арестована. В остальном усилиями Исполкома состоялось оформление в стране *двоевластия*. Совет был реальной силой не только в столице, но и по всей России. И он передавал власть кн. Львову и членам Временного правительства на строго оговоренных условиях;

- обеспечение полной политической свободы в стране;
- амнистия политзаключенным;
- Созыв Учредительного собрания — для установления формы правления в России и проведения неотложных реформ;
- демократизация порядков в армии (она шла и без Временного правительства — вспомним знаменитый приказ № 1, сотворенный в стенах Таврического дворца самими солдатами);
- организация народной милиции;
- отмена сословных, национальных, религиозных привилегий;
- неразоружение Петроградского гарнизона и невывод его из столицы.

Как известно, Ленин в «Апрельских тезисах» (о них ниже), статьях и речах объявит создание двоевластия сугубой ошибкой Советов, его оценки были аксиомой в советские времена. Но мы полагаем, что вождь Октября глубоко ошибался, именно двоевластие помешало создать *буржуазно-монархический* блок. Благодаря двоевластию командующие фронтами не оказали решающей поддержки Николаю и высказались за его отречение в критические дни февраля—марта. Весь



генералитет и все офицерство беспрекословно присягнули Временному правительству. Присягать Петросовету они бы не стали и страна увидела бы «корниловщину» (причем в куда более грозных масштабах) уже где-то в апреле—мае, а не в августе 1917-го. Временному правительству беспрекословно подчинился весь госаппарат. Осталась в сущности незатронутой экономика страны. Одним словом, двоевластием, о чем справедливо писал Суханов, была обеспечена «легкая и безболезненная ликвидация старого строя на всем необъятном пространстве страны»<sup>2</sup>.

Единственным упущением Исполкома Совета было, наверно, то, что Совет оставил в руках Временного правительства, никак не оговорив, вопросы внешней политики, т. е. выхода или невыхода России из мировой войны. В апреле именно по этому вопросу в Петрограде разразится первый серьезный кризис, свидетелем которого был уже Ленин, вернувшийся к этому времени в Россию. Этому возвращению стоит посвятить несколько страниц — оно было делом не только чрезвычайной важности, но и трудности.

Но до этого скажем несколько слов о непосредственной реакции Ленина на события Февраля. Ленин в феврале—марте был полностью оторван от событий в России, пользовался только сообщениями прессы. Двадцать восьмого февраля (13 марта) 1917 г. он писал Инессе Арманд, что не имеет из России даже писем. Тем не менее он принялся писать «Письма из далека», в которых пытался осветить произошедшие на родине события, свои «Письма...» он отправлял в «Правду».

Первая революция и следующая за ней контрреволюционная эпоха (1907—1914), напоминал он, обнажила всю суть царской монархии, раскрыла всю ее гнусность, весь цинизм и разврат царской шайки с чудовищным Распутиным, все зверство семьи Романовых, заливших Россию кровью. Без революции 1905—1907 гг., без контрреволюции 1907—1914 гг. невозможно было бы такое точное «самоопределение» классов в России друг к другу и к царской монархии, которое проявило себя в 8 дней февральско-мартовской революции 1917 г. К тому же всемирным режиссером, могучим ускорителем событий в России явилась мировая империалистическая война. Мы сказали еще в № 47 «Социал-Демократа» от 13 октября 1915 г., что если в России победит революция, продолжал Ленин, и у власти окажется республиканское правительство, желающее продолжать империалистическую войну, то мы будем решительными противниками такого правительства, против «защиты отечества» в такой войне.

<sup>2</sup> Суханов Н. Н. Записки о революции. М., 1991. Т. I. Кн. 1—2. С. 97.

Русский пролетариат, считал Ленин, может в известном смысле *начать* в мировом масштабе социалистическую революцию: облегчить вступление в решительные битвы европейского и американского «социалистического» пролетариата.

Надо сказать, что редакция «Правды», в которой руководящую роль заняли Л.Б. Каменев и И.В. Сталин, напечатала ленинское первое «Письмо из далека» со значительными сокращениями и изменениями, а от печатанья трех последующих писем вообще отказалась. Л.Б. Каменев занимал в то время променьшевистскую позицию, защищая условную поддержку Временного правительства, а в оценке войны скатывался к оборончеству. Ошибочную позицию давления Советов на Временное правительство и в вопросах мира занимал тогда и И.В. Сталин. Только приезд Ленина в Россию резко изменит ориентировку большевистской партии. Перейдем к этому событию.

## Возвращение домой. «Апрельские тезисы»

Февраль 1917 г. в России даст первый относительный ответ на поставленные мировой войной вопросы. Вот как обрисует Ленин в своем прощальном письме швейцарским (фактически — европейским. — *Е.П.*) рабочим ситуацию в России и Европе после Февральской революции 1917 г., которая, казалось, открыла новую дорогу миру: «Русскому пролетариату выпала на долю великая честь *начать* ряд революций, с объективной неизбежностью порождаемых империалистической войной. Но нам абсолютно чужда мысль считать русский пролетариат избранным революционным пролетариатом среди рабочих других стран... Россия — крестьянская страна, одна из самых отсталых европейских стран. *Непосредственно* в ней *не может* победить *тотчас* социализм. Но крестьянский характер страны, при громадном сохранившемся земельном фонде дворян-помещиков, на основе опыта 1905 г. *может* придать громадный размах буржуазно-демократической революции в России и сделать из нашей революции *пролог* всемирной социалистической революции, ступеньку к ней»<sup>3</sup>.

Так почему же, прибыв в Россию, Ленин в «Апрельских тезисах» (до этого в «Письмах из далека») будет настаивать уже на перерастании российской буржуазно-демократической революции от первого этапа ко второму? Но не будем спешить с ответом. Ленину еще предстояло вырваться из эмиграции.

<sup>3</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 92—93.

Весть о революции в России, пришедшая в Швейцарию в начале марта 1917 г., поставила перед Лениным вопрос о возвращении на родину. Проехать домой можно было либо через территорию стран Антанты, либо через территорию Германии. Первый вариант отпал из-за враждебности правительств Англии и Франции к интернационалистам, второй вариант оказался реальным.

Инициатором плана возвращения в Россию через Германию был, собственно говоря, Мартов, предложивший его 6 марта 1917 г. на собрании представителей русских политических партий в Женеве. «План Мартова хорош, — писал Ленин В.А. Карпинскому, — за него *надо хлопотать*»; и еще: «план сам по себе *очень* хорош и *очень* верен». Правда, среди эмигрантов наблюдались колебания — некоторые из них боялись, что проезд через Германию скомпрометирует их политическую репутацию. «Вы хотите уверять меня, — говорил Ленин на одном из эмигрантских собраний в Цюрихе, — что каким-нибудь клеветникам удастся сбить с толку рабочих и уверить их, что мы, старые, испытанные революционеры, действуем в угоду германскому империализму. Да это — курам на смех»<sup>4</sup>.

Поначалу переговоры с германскими властями вел швейцарец «центрист» Р. Гримм, но его заменили на швейцарца-интернационалиста Ф. Платтена. Было согласовано, что эмигранты, независимо от их партийной принадлежности, поедут в вагоне, три двери которого будут запломбированы, задняя же — охраняться двумя германскими офицерами. Фридрих Платтен, гражданин нейтральной страны, должен был вести все переговоры с германскими властями по ходу поездки. Предполагалось, что вслед за первой группой последуют другие, в том числе Мартов, ожидавший разрешения Временного правительства на проезд, и еще свыше 200 эмигрантов.

Еще 6 (19) марта Ленин послал из Швейцарии примечательную телеграмму большевикам в России: «Наша тактика; полное недоверие, никакой поддержки новому правительству; Керенского особенно подозреваем; вооружение пролетариата — единственная гарантия; немедленные выборы в Петроградскую думу; никакого сближения с другими партиями». Эта позиция, пока еще неясная российским партийцам, будет уточнена Лениным по приезде в Россию.

Двадцать седьмого марта 1917 г. в 15 часов 10 минут поезд отошел от Цюрихского вокзала. Вторая эмиграция Ленина, длившаяся почти 10 лет, шла к концу. Позади были бои за сплочение «партии нового

<sup>4</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 406; Луначарский А.В. Воспоминания и впечатления. М., 1963. С. 145.

типа», как было принято говорить в советские времена, систематическая разработка аграрного вопроса, громадная работа в библиотеках Берна, Парижа и Лондона над материалами к философскому труду «Материализм и эмпириокритицизм», тщательное исследование теперь уже не российского, а мирового капитализма. И, наконец, не вполне удачные попытки сплочения левых интернационалистов в международном масштабе на конференциях сентября 1915 г. в Циммервальде и в апреле 1916 г. в Кинтале, где и так не были приняты наиболее радикальные предложения Ленина.

«Я все еще “влюблен” в Маркса и Энгельса, — признался Ленин в одном из многочисленных писем Инессе Арманд (она ехала в одном вагоне с Лениным и Крупской в Россию. — *Е.П.*), — и никакой хулы на них не могу выносить спокойно. Нет, это настоящие люди! У них надо учиться. С этой почвы мы не должны сходить»<sup>5</sup>.

Ленина никогда не покидала мысль о революции в России, теперь революция свершилась; предстояло возглавить борьбу за ее углубление.

Ленин, знакомый с ходом борьбы в России по зарубежным газетам, все же не имел достаточных сведений об истинном положении дел в столице, тем более — на фронтах и на просторах огромной страны. Он даже боялся, что его арестует по приезду в Петроград Временное правительство, он никак не предполагал, что будет торжественно встречен на привокзальной площади.

Правда, уже в Белоострове — первой русской станции на железной дороге из Финляндии в Петроград — все тревоги остались позади: в вагон вошли члены Русского бюро ЦК, ПК, редакции «Правды», делегаты от рабочих Петрограда и Сестрорецка. «Во время пути, — вспоминал участник этой встречи А.Г. Шляпников, — В.И. Ленин буквально осаждал меня вопросами о положении дел в партии»<sup>6</sup>.

Еще утром 3 апреля М.И. Ульянова принесла в особняк Кшесинской, где располагался ЦК партии большевиков, телеграмму Ильича. До прибытия поезда оставалось совсем немного времени, к тому же 3 апреля было нерабочим (пасхальным) днем. Но, прочитав телеграмму, Н.И. Подвойский, бывший в особняке, сумел всех поставить на ноги; партия, рабочие, матросы и солдаты подготовили вождю достойную встречу.

«Да здравствует мировая социалистическая революция!» — провозгласил Ленин в заключение своей краткой речи, произнесенной с броневики на привокзальной площади. Оказывается, это были не пустые слова; уже на другой день Ленин начал серию своих выступлений

<sup>5</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 378.

<sup>6</sup> Шляпников А. Семнадцатый год. М.; Л., 1927. Кн. 3. С. 257.

с «Апрельскими тезисами», круто менявшими перспективы борьбы российского пролетариата. Вот первичный набросок тезисов, точнее «выжимка» из него:

1) Отношение к войне. Никаких уступок «революционному оборончеству».

2) «Требование от Временного правительства» «отказа от завоеваний».

3) Не парламентарная республика, а республика Советов рабочих, батрацких, крестьянских и солдатских депутатов...

4) Своеобразие задач пропаганды, агитации и организации в период перехода от первого этапа революции ко второму. Максимум легальности.

5) Аграрная программа...

6) Один банк под контролем Советов рабочих депутатов... Не введение социализма *сразу*, а немедленный, систематический, постепенный переход Советов рабочих депутатов к **контролю** общественного производства и распределения продуктов.

7) Съезд.

Перемена программы и названия.

Обновление Интернационала. Создание революционно-интернационального...

У этого маленького документа был четкий стратегический замысел, уточняющий позицию, изложенную в письме швейцарским рабочим, — обозначился переход от буржуазно-демократического этапа революции в России к советскому, в перспективе социалистическому. *Переход достаточно быстрый, ибо в спектакль вмешался всесильный режиссер: война. Ибо в России была полная свобода агитации.*

Основной вопрос — по Ленину — отношение масс к войне. Пока что среди них господствует «добросовестное оборончество», они стоят за продолжение участия в империалистической войне, видя в этом защиту революции. От этого настроения партия должна избавить массы путем мирной пропаганды — «нигде такой свободы, как у нас, нет». Надо внушить народу мысль о том, что кончить войну «миром *нельзя* без *свержения капитала*»<sup>7</sup>.

Своеобразие текущего момента в России, — считал Ленин, — состоит в **переходе** от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, — ко **второму** ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства.

<sup>7</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 99, 100, 103, 104.

Против данного тезиса выступили в самой большевистской партии так называемые «старые большевики» Л.Б. Каменев, А.И. Рыков, М.И. Калинин, другие. Они считали, что буржуазная революция в России еще не закончена — не завершена аграрная революция, не введен повсюду 8-часовой рабочий день, не решены национальный и женский вопросы. В этом они были совершенно правы, но Ленин исходил из главного, что характеризует революцию — *характера власти*, нацеленной на преобразование общества. «Коренной вопрос всякой революции, — писал Ленин в статье «О двоевластии», — есть вопрос о власти в государстве». В высшей степени замечательное своеобразие нашей революции состоит в том, что она создала *двоевластие*. Теперь идти вперед — это значит идти к власти того же типа, какого была Парижская Коммуна 1871 г. У нас этот тип воплотился в Советах, источник их власти — почин народа: армия, полиция здесь заменяются *самим* вооруженным народом, а чиновничество — непосредственной властью самого народа, его простых уполномоченных<sup>8</sup>.

Буржуазное Временное правительство надо свергнуть, так как оно не может дать народу ни мира, ни хлеба, ни полной свободы. Но его нельзя свергнуть «обычным способом», ибо оно опирается на поддержку буржуазии *вторым правительством* в лице Советов прежде всего в Петрограде. Чтобы стать властью, сознательные рабочие должны завоевать большинство в Советах на свою сторону.

Бурную негативную реакцию «Апрельские тезисы» вызвали в стане меньшевиков-соглашателей. Плехановская газета «Единство» от 9—12 апреля 1917 г. назвала «Апрельские тезисы» «бредом», сам Плеханов в статье «О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает интересным» доказывал, что Ленин пребывает в фантастическом мире», где нет ни чисел, ни месяцев, «а есть черт знает что такое...». Маркс утверждал, что каждая формация должна до конца развить свои производительные силы. Россия страдала не от полного развития, а от недостаточного развития капитализма. Плеханов вновь предлагал буржуазную республику, союз социалистических партий с буржуазными с целью выработки «цивилизованных отношений труда и капитала»; непосредственно же он призывал к продолжению войны с Германией на стороне «европейской и мировой демократии».

Но Ленин отнюдь не предлагал немедленного введения «социализма» в России, он не шел дальше некоторых первых шагов в данном направлении (единый банк, контроль за производством, национализа-

<sup>8</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 145 и др.

ция земли — при ожидаемой дальнейшей помощи России со стороны социалистической революции в Европе).

Особенно часто слышались в то время обвинения в том, что «Лениным водружено знамя гражданской войны в среде революционной демократии». «Я пишу, читаю, разжевываю, — отвечал Ленин, — ввиду несомненной добросовестности *широких* слоев, *массовых* представителей революционного оборончества... ввиду их обмана буржуазией, надо *особенно* обстоятельно, настойчиво, *терпеливо* разяснять им их ошибку...», а это трактуется как призыв к гражданской войне<sup>9</sup>. К гражданской войне Ленин не призывал, но он знал, что она сама вызревала из продолжения антинародной политики Временного правительства и соглашательства Советов...

## Четыре кризиса 1917 г. и ленинский лозунг сентября

Вскоре после Февральской революции в России начался длительный и сложный период нарастания Гражданской войны. В.И. Ленин пристально следил за этим нарастанием, изучая стихийные и организованные вспышки народных выступлений в Петрограде и события вне его. Сначала он выделил *три кризиса*, к ним добавился *четвертый* — «корниловщина».

Первый политический кризис после революции Февраля — события 20—21 апреля 1917 г. — был вызван печально знаменитой нотой П.Н. Милюкова, министра иностранных дел Временного правительства, подтвердившего захватно-грабительские цели этого правительства в мировой войне. Масса солдат петроградского гарнизона, поддержанных рабочими, пришла в возмущение, которое вылилось в демонстрацию с противоречивым, несознательным, негодным лозунгом «Долой Милюкова!» (точно перемена лиц или группок могла изменить *суть* политики!)<sup>10</sup>. В то же время начинается контрманифестация буржуазных и состоятельных элементов на Невском проспекте: манифестируют офицеры, студенты, «средние классы» — за Временное правительство. Наиболее заметный лозунг: «Долой Ленина!». С обеих сторон раздаются выстрелы.

Ленин выделяет особо также день 6 мая 1917 г. как «выигрышный день» для буржуазии. Ее правительство стояло на краю гибели, массы были настроены непримиримо против него, одного слова эсеровских и меньшевистских вождей Советов было достаточно, чтобы «правительство беспрекословно сдало свою власть». Буржуазия пошла на искус-

<sup>9</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 116.

<sup>10</sup> Там же. С. 325.

ный маневр, введя соглашателей в правительство. «Суть маневра, — писал Ленин, — состоит в том, чтобы поставить “отходящих” от социализма и от революции вождей “социалистической демократии” в положение безвредного для буржуазии *придатка* при буржуазном правительстве, заслонить это правительство от народа при помощи почти социалистических министров...»<sup>11</sup>

Второй политический кризис произошел в июне 1917 г. в дни заседаний Всероссийского съезда Советов. Большевики назначали на 10 июня демонстрацию в Петрограде под лозунгом «Вся власть Советам!». Соглашатели запрещают демонстрацию. «Мы шли на мирную демонстрацию, чтобы оказать максимум давления на решения съезда — это наше право, а нас обвиняют, что мы устроили заговор, чтобы арестовать правительство», — писал Ленин. Затем соглашатели сами назначают общую демонстрацию 18 июня, она дает явное преобладание большевистских лозунгов. «Политический кризис, по признанию самих эсеров и меньшевиков вечером 18 июня, разразился бы, наверное, если бы его не перерезало наступление на фронте»<sup>12</sup>.

Третий политический кризис вырос стихийно 3—4 июля, когда вопреки усилиям большевиков, сдерживавших возмущенные массы солдат, 1-й пулеметный полк выступает на улицы Петрограда, требуя свержения теперь уже коалиционного правительства; выступление поддерживают другие полки, рабочие Петрограда.

Ленинский ЦК был поставлен в исключительно сложное положение. С одной стороны, он не мог оставаться в стороне от стихийного возмущения. С другой стороны, ЦК сознавал *обреченность* антиправительственного восстания в столице: Советы оставались пока в руках соглашателей, страна и фронты не были готовы поддержать петроградцев. «Наша партия, — вспоминал позже Ленин, — исполнила свой безусловный долг, идя вместе со справедливо возмущенными массами 4 июля и стараясь внести в их движение, в их выступление возможно более мирный и организованный характер. Ибо 4-го июля *еще* возможен был мирный переход власти к Советам, *еще* возможно было мирное развитие вперед русской революции». Но соглашатели не приняли такого варианта, они «окончательно скатились 4-го июля в помойную яму контрреволюционности»<sup>13</sup>.

Они дали правительству согласие на вызов с фронта войск. Пятого—шестого июля в Петроград вводятся полки с фронта, начинается

<sup>11</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 311.

<sup>12</sup> Там же. С. 331, 429—430.

<sup>13</sup> Там же. Т. 34. С. 25, 44.



разоружение петроградских полков, расстрелы демонстрантов, идут погромы и обыски большевистских организаций. Пятого июля юнкера разгромили редакцию «Правды»; лишь случайно остался жив Ленин, ушедший из редакции за несколько минут до налета. Развертывается властями обличительная кампания против большевиков, обвиненных в связях с германским Генштабом. Ленина требуют на суд.

Шестого июля большевикам удалось издать вместо «Правды» «Листок Правда»; в «Листке...» — публиковались статьи Ленина, отвергающие наветы контрреволюционеров. Содержал «Листок...» и воззвание к рабочим и солдатам:

«Демонстрация 3—4 июля закончилась.

Вы сказали правящим классам, каковы ваши цели. Темные и преступные силы омрачили ваше выступление, вызвав пролитие крови. Вместе с вами и со всей революционной Россией мы скорбим о павших в эти дни сынах народа. Ответственность за жертвы падает на подпольных врагов революции. Но исказить смысл вашей демонстрации не удалось и не удастся» (*«Листок Правды», 6 июля 1917 г.*).

В результате третьего кризиса власть оказывается в руках «военной диктатуры»<sup>14</sup>. Ленин пишет статьи «К лозунгам», «О конституционных иллюзиях»; он снимает лозунг «Вся власть Советам!», констатируя почти полное их бессилие.<sup>1</sup>

Именно третий кризис, столкнувший страну вправо, был наиболее чувствительным для большевиков, начались аресты, заметный отлив из партии.

Обобщая ситуацию, Ленин писал в статье «Три кризиса»: «По форме движение в течение всех этих кризисов было *демонстрацией*. Противоправительственная демонстрация — таково было бы, формально выражаясь, точное описание событий. Но в том-то и суть, что это не обычная демонстрация. Это — взрыв революции и контрреволюции *вместе*, это — резкое, иногда почти внезапное «вымывание» средних слоев, в связи с бурным обнаружением пролетарских и буржуазных»<sup>15</sup>.

Двадцать четвертого июля создается второе коалиционное правительство, главой его стал Керенский. Ленин назовет это событие одним из «первых шагов бонапартизма», отметив, что от французского образца 1799 или 1849 г. его отличает к примеру то, «что ни одна коренная задача революции не решена»<sup>16</sup>.

<sup>14</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 1 и далее.

<sup>15</sup> Там же. Т. 32. С. 430.

<sup>16</sup> Там же. Т. 34. Т. 49, 51.

К кризисам 20—21 апреля, 9—18 июня, 3—6 июля вскоре добавился кризис 26—31 августа, снова резко изменивший всю обстановку в стране, расстановку в ней классовых сил.

Четвертому кризису предшествовал созыв 12 августа в Москве Государственного совещания, встреченного всеобщей московской политической стачкой. Совещанию был фактически представлен будущий «спаситель» России — Верховный Главнокомандующий ее вооруженными силами генерал Корнилов. Но московская всеобщая стачка затрудняла действия заговорщиков: Корнилова и Керенского. Лишь 26 августа Корнилов предъявил корниловцу же Керенскому ультиматум: немедленно уйти в отставку и передать ему *всю* власть. Двадцать седьмого августа генерал двинул на Петроград прифронтовые войска, прежде всего «дикую дивизию».

Видя, что у него отбирают власть, Керенский обратился за помощью к левым силам, включая большевиков, приветствовал созданный в Москве Временный революционный комитет, состоящий из большевиков, меньшевиков, эсеров и представителя Штаба, координировавшего борьбу с корниловцами.

Заговор был ликвидирован еще на подходе войск Корнилова к Петрограду: они встретили саботаж железнодорожников и массу агитаторов и отказались подчиниться своему командованию. Генерал Крымов, который вел на столицу вооруженные силы, застрелился. Сам Корнилов был арестован в Ставке, затем отпущен и бежал на Дон, где стал одним из руководителей антисоветского мятежа. Больше всего от четвертого кризиса выиграли большевики; они использовали его для вооружения и организации собственных сил.

Во время корниловского путча Ленин так определял тактику большевиков: «Мы будем воевать, мы воюем с Корниловым, *как и войска* Керенского, но мы не поддерживаем Керенского, а разоблачаем его слабость. Это разница. Это разница довольно тонкая, но архисущественная и забывать ее нельзя». И еще: «сейчас свергать Керенского мы не станем». Однако «неверно было бы думать, что мы *далее* отошли от задачи завоевания власти пролетариатом. Нет. Мы чрезвычайно приблизились к ней, но *не прямо*, а со стороны»<sup>17</sup>. Совпадение взглядов Ленина и ЦК в дни корниловщины было полным.

Ленин после «корниловщины» констатирует «историческую невозможность решительного поворота *«без новой революции»*, без свержения того же Временного правительства левыми силами. В этой фазе, считал он, кадеты (за которыми прятались все правые силы) «заняли» место

<sup>17</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 120—121.

монархии, Церетели и Чернов «заняли» место кадетов. Пролетарская «демократия заняла место *действительно* революционной демократии»<sup>18</sup>. Она-то и придет к власти в Октябре...

«Мы сами через февральскую, мартовскую, июньскую демонстрации и манифестацию 20 апреля, — вспоминал Ленин в сентябре 1920 г., — которые мы называли полудемонстрациями и полувосстаниями, мы говорили: “Немного больше, чем демонстрации, и немного меньше, чем восстания”, мы шли через эти «немного больше, чем восстания, через успешные восстания к цели...»<sup>19</sup>.

31 августа газеты сообщили о ликвидации корниловщины; а в ночь на 1 сентября свершился еще один исторический акт: Петроградский Совет, во главе которого встал Троцкий, перешел на сторону большевиков. Вскоре на позиции большевизма перешел и Московский Совет. Актуализировался и приобрел новое содержание лозунг «Вся власть Советам!».

В.И. Ленин, видя крупный сдвиг влево, пишет 12—14 (25—27) сентября письмо Центральному Комитету, Петроградскому и Московскому Комитетам РСДРП(б) «Большевики должны взять власть». В первых строках этого важнейшего документа говорилось: «Получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов, большевики могут и *должны* взять государственную власть в свои руки»<sup>20</sup>.

## Ленин в 1917 г.: политическая деятельность

Обратим внимание и на политическую деятельность лично Ленина в 1917 г. С начала апреля и до начала июля Ленин непосредственно руководит всеми акциями ЦК, иногда поправляя небольшие ошибки товарищей. Он работает над знаменитой «Синей тетрадью» — будущей работой «Государство и революция»; несмотря на провокационный лозунг «Долой Ленина!», вождь партии остается на своем посту, пока в июле 1917-го власти не потребовали его явки на суд. ЦИК Советов официально признал право Временного правительства арестовывать и привлекать к ответственности членов ЦИК по своему усмотрению (как раз членом ЦИК и был Ленин).

Перед Лениным и ЦК встал вопрос о явке или неявке Ленина в суд. В письме в редакцию «Пролетарского дела» Ленин писал: «Мы переме-

<sup>18</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 386; т. 34. С. 129.

<sup>19</sup> Ленин В.И. Неизвестные документы 1891—1922. М., 1999. С. 391.

<sup>20</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 239.

нили свое намерение подчиниться указу Временного правительства о нашем аресте — по следующим мотивам.

“Дело” о “шпионстве” Ленина и других подстроено совершенно обдуманно партией контрреволюции.

Никаких гарантий правосудия в России в данный момент нет. Центральный Исполнительный Комитет... умыл руки, фактически выдав нас контрреволюции...

Отдать себя сейчас в руки властей значило бы отдать себя в руки Милюковых, Алексинских, Переверзевых, в руки разъяренных контрреволюционеров, для которых все обвинения против нас являются простым эпизодом в гражданской войне»<sup>21</sup>.

Чтобы уйти от расправы, Ленин скрывается в подполье, живет на квартирах рабочих Петрограда и пока не думает покидать столицу. Но совещание с В.П. Ногиним, Г.К. Орджоникидзе, И.В. Сталиным, Д. Стасовой и др. убеждает его в том, что надо уехать из Петрограда.

В ночь с 9 на 10 (с 22 на 23) июля он покидает квартиру рабочего С.Я. Алилуева и вместе с Г.Е. Зиновьевым нелегально переезжает сначала на квартиру Н.А. Емельянова на станции Разлив, затем в шалаш вблизи этой станции. Ленин и Зиновьев живут там под видом косцов. Несколько партийных товарищей (Г.К. Орджоникидзе, В.И. Зоф, А.В. Шотман, Э.Я. Рахья) обеспечивают связь Ленина с ЦК. Из Петрограда бесперебойно доставлялись газеты, книги, письма, провизия, теплая одежда. Обратное в Петроград Ленин передавал статьи, письма, записки, давал и личные поручения. Затем Шотман, Рахья и Емельянов в ночь с 8 на 9 августа (с 21 по 22 н. ст.) устраивают переезд Ленина, переодетого в костюм рабочего, с документами на имя сестрорецкого рабочего Константина Петровича Иванова, в Финляндию, в Гельсингфорс, где Ленин проживает сначала у финского социал-демократа Г.С. Ровио, затем на рабочих квартирах. Связи с ЦК он не теряет, но все же подумывает о возвращении в Петроград в связи с предстоящим восстанием. Зиновьев вернулся в пригород Петрограда, где жил на квартире рабочего завода «Айваз» Эмиля Калске.

Из значительного числа статей, написанных Лениным в подполье, выделим статью «Из дневника публициста», имевшую стратегическое значение.

Девятнадцатого августа Ленин читает в «Известиях» «Примерный наказ», составленный из 242 Наказов на Съезде Крестьянских депутатов, прошедшем еще в мае 1917 г., и призывает партию поддержать крестьянскую программу, требовавшую ликвидации помещичьего земле-

<sup>21</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 9.

владения и перехода к уравнительному землепользованию крестьян. Интересна аргументация Владимира Ильича.

«Крестьяне, — писал Ленин, — хотят оставить у себя мелкое хозяйство, уравнительно его нормировать, периодически снова уравнивать... Пусть. Из-за этого ни один разумный социалист не разойдется с крестьянской беднотой. Если земли будут конфискованы, *значит* господство банков подорвано, если инвентарь будет конфискован, *значит* господство капитала подорвано, — то при *господстве пролетариата в центре*, при переходе политической власти к пролетариату, остальное приложится *само собою*, явится в результате «силы примера», подсказано будет самой практикой.

Переход политической власти к пролетариату — вот в чем суть. И тогда все существенное, основное, коренное в программе 242 Наказов *становится осуществимым*. А жизнь подскажет, с какими видоизменениями это осуществится... Мы не претендуем на то, что Маркс или марксисты знают путь к социализму во всей его конкретности. Это вздор. Мы знаем направление пути, мы знаем, какие классовые силы ведут по нему, а конкретно, практически, это покажет лишь *опыт миллионов*, когда они возьмутся за дело»<sup>22</sup>.

Лозунг союза пролетариата с крестьянством был таким образом конкретизирован Лениным накануне решающих событий 1917 г.

В октябре, 7 (20) числа, Ленин нелегально возвращается из Выборга в Петроград и поселяется на квартире М.В. Фофановой на Выборгской стороне, Сердобольская ул., д. 1/92. Впереди было главное дело его жизни.

<sup>22</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 114, 115, 116.

## Глава 10

### Октябрьская революция.

### Февраль и Октябрь 1917-го

#### Вооруженное восстание 24–26 октября в Петрограде

Десятого (двадцать третьего) октября 1917 г. ЦК РСДРП(б) принимает на своем заседании историческую резолюцию по докладу Ленина о практической постановке «на очередь дня вооруженного восстания». Его необходимость аргументируется международным положением русской революций (восстание во флоте в Германии, нарастание революции «во всей Европе», угроза мира империалистов с целью удушения революции в России), так и несомненным решением русской буржуазии и Керенского с К° сдать Питер немцам, а также приобретением большевиками большинства в Петроградском и Московском Советах, и все это, — в связи с новой подготовкой второй корниловщины (вывод войск из Питера, подвоз к Питеру казаков, окружение казаками Минска)<sup>1</sup>. Из 12 членов ЦК «за» было подано 10 голосов, «против» — 2 (Зиновьев и Каменев). Примерный срок восстания был назначен (без занесения в протокол) на 15 октября (по ст. ст.).

Как отмечал позже Л. Троцкий<sup>2</sup>, в ЦК определились три группировки: противники захвата власти (Каменев и Зиновьев. — *Е.П.*), Ленин, требовавший немедленной организации восстания независимо от созыва Советов, и остальная группа (прежде всего сам Троцкий. — *Е.П.*), которая считала необходимым связать по времени вооруженное восстание со Вторым Съездом Советов.

Зиновьев и Каменев «отличились» тем, что выдали решение от 10 октября прессе, возражая против восстания; это неслыханное «штрейкбрехерство» заклеял Ленин в двух своих письмах, адресованных членам партии и ЦК РСДРП(б). Но оба «штрейкбрехера» остались в партии.

<sup>1</sup> См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 393.

<sup>2</sup> См.: Троцкий Л.Д. О Ленине. Материалы для биографа. 2-е изд. М., 1925. С. 72.

Ленин буквально засыпает партийные инстанции призывами начать восстание безотлагательно, не ожидая Съезда Советов, он твердит: «промедление смерти подобно», обращается то к московским товарищам, то к областному съезду Советов Северной области, то к ЦК — но, будучи на нелегальном положении, не может организовать и возглавить восстание. *Силою обстоятельств* это дело легло в столице на Петроградский Совет и возглавлявшего его Троцкого, последний связал восстание с созывом Второго Всероссийского Съезда Советов (что обеспечивало легализацию предстоящего переворота). Впрочем, ленинские «Советы постороннего» Троцкий учел вполне.

Большие затруднения с подготовкой и проведением восстания создавало двойственное положение Петроградского Совета «как открытого для прений парламента и как революционного штаба»<sup>3</sup>. Троцкий делал неоднократные заявления, что Петросовет «никаких вооруженных выступлений» не планирует, но что он «ответит силой на силу». Между тем Петроградский Совет собирал вооруженные силы. По ордеру Троцкого было выдано рабочими Сестрорецкого оружейного завода 5 000 винтовок для вооружения красногвардейцев. Троцкий лично съездил в лояльную правительству Петропавловскую крепость и сакитировал ее гарнизон перейти на сторону Совета — вместе со своим громадным арсеналом и орудиями. Двадцать первого октября Петросовет назначил своих комиссаров во все полки столичного гарнизона — без их согласия не исполнялся ни один приказ Штаба Керенского. Это было явное начало перехода всей власти в столице в руки Совета. Штаб вооруженного восстания — Военно-Революционный Комитет (ВРК) был избран на Совете только 20 октября — ему предстояло закончить за 4—5 дней все приготовления к вооруженному выступлению.

Интересно сравнить действия Троцкого и ВРК с перечисленными в «Советах постороннего» Ленина Марксовыми установками на восстание<sup>4</sup>:

1) Никогда *не играть* с восстанием, а, начиная его, знать твердо, что *надо идти до конца*. Твердости у Троцкого и ВРК хватало — в отличие от растерявшегося и находившегося в состоянии прострации Керенского.

2) Необходимо собрать *большой перевес сил* в решающем месте и в решающий момент. Такой перевес был создан Троцким и ВРК в столице — несколько десятков тысяч красногвардейцев, гарнизон революционного Кронштадта, перешедшие на сторону Совета полки сто-

<sup>3</sup> Троцкий Л.Д. История русской революции. М., 1997. Т. 2. Ч. 2. С. 98.

<sup>4</sup> См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 383.

личного гарнизона плюс артиллерия кораблей, подтянутых к столице и орудия Петропавловской крепости.

3) Раз восстание начато, надо действовать с величайшей *решительностью* и непременно, безусловно переходить в *наступление*. Решительность у Троцкого была, но действовал Совет поначалу под видом обороняющейся стороны, вводя в заблуждение власти.

4) Надо стараться захватить неприятеля врасплох, уловить момент, пока его войска разбросаны.

Но газеты уже целую неделю обсуждали вопрос, «когда», 17, 20, 22 большевики поднимут восстание; кадетская «Речь» изо дня в день твердила, что нельзя предоставлять большевикам возможность «выбрать момент для объявления гражданской войны». Керенский, устав ждать, 24 октября первый начал военные действия, разрозненные и плохо подготовленные.

5) Надо добиваться *ежедневно* хоть маленьких успехов, поддерживая, во что бы то ни стало, *моральный перевес*. Это требование ВРК выполнял — о чем свидетельствует хотя бы паническое донесение командующего Петроградским военным округом Полковникова в штаб Северного фронта, видимо, от 24 октября: «Положение Петрограда ужасающее. Уличных выступлений и беспорядков нет. Но идет планомерный захват учреждений, вокзалов, аресты... Нет никаких гарантий, что не будет попытки к захвату Временного правительства»<sup>5</sup>.

Единственная заминка действительно произошла с захватом Зимнего дворца, покинутого бежавшим из Петрограда Керенским — правительство арестовали только ночью 26 октября. Но уже в 10 часов утра 25, Смольный счел возможным выпустить следующее извещение: «Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки Военно-революционного Комитета». Троцкий пишет по этому поводу: «В известном смысле (?) это заявление сильно забежало вперед. Правительство существовало, по крайней мере, на территории Зимнего дворца. Существовала ставка. Провинция не высказалась. Съезд советов еще не открывался. Но руководители восстания — не историки: чтобы подготовить для историков события, они вынуждены забежать вперед»<sup>6</sup>. Дело было в другом — надо было решительно подстегнуть восставших и внести как можно больше сумятицы в стан противника.

Исходя из политических соображений, Троцкий дотянул до решительных действий 24—25—26-го. «Это был огромный риск, если бы хладнокровно рассчитывать все случайности, — писал Суханов. — Но

<sup>5</sup> Троцкий Л.Д. История русской революции. Т. 2. Ч. 2. С. 203.

<sup>6</sup> Там же. С. 210.



в этом и заключается самая характерная черта этого беспримерного восстания: лагерь повстанцев, не видя перед собой никакой реальной силы, действовал с развязанными руками, позволяя себе то, что невозможно ни на войне, ни на маневрах»<sup>7</sup>.

Можно задать вопрос: а почему победа войск Троцкого—Ленина (Ленин вечером 24 октября без разрешения ЦК все же пришел в Смольный и вместе с Троцким возглавлял восстание) оказалась столь легкой? Известные историки революции Сергей Мельгунов, Николай Суханов, Павел Милюков возлагают всю вину за «поражение демократии» на беспечность и безволие Керенского. С. Мельгунов пишет: «Неизбежным захват власти большевиками сделали лишь ошибки тех, кто мог его предотвратить»<sup>8</sup>. Такое же суждение высказывает Н. Суханов: «Говоря серьезно, только полной наивностью и ребячливостью нашего опереточного правительства можно объяснить, что оно не пыталось в это время принять хоть какие-нибудь действительные меры самообороны». «Процесс распада власти, который мы следили на протяжении всего нашего изложения, — писал П.Н. Милюков, — здесь пришел к своему естественному, давно предсказанному и предвиденному концу»<sup>9</sup>.

По-видимому, Керенский воображал, что обладает громадными силами для подавления любого выступления большевиков. В Петрограде гарнизон насчитывал 150 тыс. солдат и офицеров (с частями в пригородах это число доходило до 240 тыс.). К этому добавлялись военные училища, откуда можно было мобилизовать юнкеров. В Петрограде находились тысячи офицеров, самокатчики, броневые части. Поэтому Керенский, зная с 12 октября о предстоящем выступлении большевиков, в сущности не предпринимал никаких мер до 24 октября, когда он решил действовать. Но время было безвозвратно упущено. Сводный отряд из офицеров и юнкеров вообще не был создан, а ведь он мог атаковать Смольный, когда тот не был укреплен. Стрелковые полки гарнизона были выведены из-под контроля Штаба Керенского постановлением ВРК от 21 октября. Три казачьих полка, дислоцировавшиеся в столице, получили приказ быть в готовности, но объявили о своем нейтралитете.

Только вечером 24 октября, когда его положение стало катастрофическим, Керенский запросил войска у Ставки, но те так и не прибыли в столицу — из-за разногласий в высшем командовании и противодей-

<sup>7</sup> Суханов Н.Н. Заметки о революции. М., 1991. Т. 3. Кн. 5—7. С. 306.

<sup>8</sup> Мельгунов С. Как большевики захватили власть: Октябрьский переворот 1917 года. Париж, 1984. С. 11.

<sup>9</sup> Суханов Н. Заметки о революции Т. 3. Кн. 5—7. С. 276; Милюков П.Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 668.

ствия профсоюза железнодорожников — этот профсоюз как раз после 25 октября вел переговоры в столице о создании «однородного социалистического правительства».

Так или иначе, утром 24 октября Керенский решил действовать, — юнкера начали было погром большевистских типографий, но были отогнаны красногвардейцами.

Правительство пыталось в этот день получить санкции Предпарламента на арест ВРК, но после ухода Керенского в Предпарламенте начались споры и решение не было принято. Юнкера приступили было к разведению мостов, была сделана попытка отправить в действующий флот революционную «Аврору». Но от мостов красногвардейцы и солдаты юнкеров отогнали, в Неву вошли «Аврора» и другие революционные корабли. ВРК послал телеграмму в Гельсингфорс: «Присылай устав» — это значило присылай отряд матросов; их было 1 800 человек. К вечеру 24 октября была усидена оборона Смольного — он стал неприступным. Отряды красногвардейцев закончили захват всех важнейших объектов в городе.

Правда, в Зимнем дворце еще заседало правительство, со штурмом Зимнего дворца ВРК явно задерживался — надо было подтянуть красногвардейцев, матросов, пустить в дело артиллерию, последнее никак не удавалось.

После бегства части гарнизона Зимнего дворца там еще оставалось 800—900 бойцов, два орудия, пулеметы, броневик. Само правительство томилось в ожидании подкреплений, за которыми отбыл Керенский. В Луге он нашел несколько казачьих сотен, которыми командовал генерал Краснов. Это воинство захватило Гатчину, но было встречено частями матросов и красногвардейцев под Пулковом, понесло потери, откатилось назад. Начались переговоры противостоящих сил; казаки, бывшие корниловцы, а это были именно они, согласились арестовать Керенского. Но он бежал, на этот раз окончательно. Оставленный без подкреплений Зимний дворец был взят запоздалым штурмом ночью 26 октября, правительство — арестовано.

С неделю длились бои в Москве, но и здесь войска Совета одержали победу. Вскоре к Советам перешли все крупные города России.

Словом, власти во главе с Керенским были явно «не на высоте» и дело было не в каких-то тактических их ошибках. Дело было в жесточайшем кризисе всей системы «керенщины» — ее неспособности решать какие-либо проблемы революции. Уже в ходе начавшегося Октябрьского переворота союзники Керенского из стана «демократии», в их числе Дан и Мартов, попытались было навязать Керенскому «спасительную» программу мира и земли, но наткнулись на его решительный отказ.

Но и большевики, получившие поддержку масс, слишком рано праздновали свою победу и говорили о «бескровном» перевороте в столице. За их «простыми» лозунгами мира, земли, хлеба стояли, как оказалось, великие сложности...

## Крах идеи компромисса социалистов

Во многих зарубежных, а ныне и отечественных работах Ленина рисуют апологетом гражданской войны. Да, Ленин считал, что в расколе на антагонистические классы обществе гражданские войны возникают в те или иные периоды закономерно, в отличие от меньшевиков он не боялся гражданской войны. Но вот вопроса о предупреждении этого бедствия для него, действительно, не существовало. К сожалению, он отбросил свою же идею компромисса с меньшевиками и эсерами, которая родилась в сентябре 1917-го во время путча Корнилова. Ленин писал тогда: «Если есть абсолютно бесспорный, абсолютно доказанный фактами урок истории, то только тот, что исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками сделал бы гражданскую войну в России невозможной»<sup>10</sup>. Но эсеры и меньшевики предпочли продолжать «коалиционную» возню с Керенским и кадетами. С другой стороны, Ленин и Троцкий, одержав победу в октябре 1917-го, не захотели делиться властью со своими постоянными оппонентами.

За создание многопартийной социалистической системы власти и «мирное» ее взятие выступил на II Всероссийском съезде Советов Мартов, ряд мелких группировок. Но все они покинули съезд вслед за правыми эсерами и меньшевиками (Суханов считал этот уход **стратегической** ошибкой «демократии» — она теряла возможность участия в руководящих органах революции!). Троцкий вписал в резолюцию съезда: «Уход соглашателей не ослабляет Советы, а усиливает, так как это очищает от примесей рабочую и крестьянскую власть»<sup>11</sup>. Что эти «примеси» могли усилить контрреволюцию, Троцкому в голову не приходило.

После ультиматума Викжеля (Всероссийского исполнительного комитета железнодорожников), который требовал создания объединенного социалистического правительства, делегация большевиков во главе с Каменевым пошла на переговоры, несмотря на оскорбительные для большевиков требования: им предоставлялось 5 из 18 мест при невхождении в правительство таких вождей большевизма, как Ленин и Троц-

<sup>10</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 222.

<sup>11</sup> См.: Пионтковский С.А. Хрестоматия по истории Октябрьской революции. М.; Л., 1926. С. 210.

кий. Но как раз Ленин и Троцкий, поначалу занятые борьбой с казаками Керенского—Краснова, обеспечив победу войск Советов, теперь настояли на отказе от переговоров. Помощь Викжеля в борьбе с «красновцами» была им больше не нужна...

Ни малейшего шанса на союз большевиков с эсерами и меньшевиками не было на Учредительном собрании, собравшемся 5 января 1918 г. Здесь была заслушана бессвязная речь В.М. Чернова, лидера партий, получивших большинство, и освистаны председатель ВЦИК Я.М. Свердлов, пытавшийся огласить «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», а затем Н.И. Бухарин и левый эсер (с левыми эсерами большевики первоначально делили власть) И.З. Штейнберг, предлагавшие признать советскую власть и пойти на «скорейшее заключение мира хотя бы с Германией»<sup>12</sup>. Поздно ночью Учредительное собрание было закрыто матросом Железняковым, исполнявшим приказ большевиков и заявившим присутствовавшим, что «караул устал».

К моменту разгона «учредилки» уже существовал правительственный блок большевиков с левыми эсерами. Но блок впоследствии не выдержал изломов революции — Брестского мира и продовольственной политики большевиков 1918 г. Левые эсеры подняли летом восстание и были подавлены военными силами большевиков.

Так закончилась в городах Октябрьская революция. Идея общесоциалистического правительства была похоронена усилиями обеих сторон — и большевиков, и меньшевиков-эсеров. Большевики победили не только буржуазию, они отбросили и «соглашателей» — а ведь те представляли большую часть крестьянства и интеллигенции. Оправдались слова Г.В. Плеханова о том, что, разгоняя Учредительное собрание, отражавшее интересы большинства населения, большевики «боролись не с врагами рабочих, а с врагами диктатуры Смольного». Не обладая большинством голосов трудящегося населения, эта диктатура будет «все более и более учащать употребление террористических средств...»<sup>13</sup>. Это пророчество реализовалось при разгоне Учредительного собрания — матросы и красногвардейцы по приказу большевиков расстреляли тогда на улицах Петрограда манифестацию в защиту Учредительного собрания...

Заканчивая тему об установлении в 1918 г. единовластия большевиков, напомним и ленинское признание: «Соглашательство части большевиков в октябре—ноябре 1917 г. либо боялось взятия власти проле-

<sup>12</sup> См.: Всероссийское Учредительное собрание. М.; Л., 1930. С. 3—9, 10—25, 25—31, 170—171 и др.

<sup>13</sup> Плеханов Г.В. Год на родине. Париж, 1922. Т. 2. С. 255—257.

тариатом, либо хотело делить власть поровну не только с “ненадежными попутчиками” вроде левых эсеров, но и с врагами, черновцами, меньшевиками, которые неизбежно мешали бы нам в основном: разгоне учредилки, в беспощадном подавлении Богаевских (Богаевский — активный участник контрреволюции на Дону. — *Е.П.*), в полном проведении мероприятий советских учреждений, в каждой конфискации»<sup>14</sup>.

Не станем однозначно положительно расценивать такую позицию: Ленин и Троцкий зачеркивали в общем-то продуктивную альтернативу безоглядному броску вперед. Они предпочли сиюминутную революционную целесообразность долгим десятилетиям борьбы на почве с презрением попранной демократии. Этим в корне был нарушен процесс постепенного, осмотрительного углубления социально-экономических, да и политических преобразований, что в общем-то предлагали партии большевиков некоторые вышедшие из ЦК «отступники» (Каменев, Зиновьев, Ногин, Рыков, Милютин; три последних вышли и из СНК). Они рекомендовали большевикам поначалу ограничиться ролью конструктивной оппозиции в Учредительном собрании или какой-то его комбинацией с Советами, т. е. двоевластием нового типа. При диктатуре Сталина такая позиция «отступников» была объявлена партийным преступлением. С 1921 г. Ленину все же пришлось провозгласить полукомпромиссный нэп, снова отбросив идею «раздела власти», но уже допустив буржуазные элементы в экономике страны.

## «Социалистическая революция» или пролетарско-якобинский переворот?

Революцию Октября 1917 г. именовали: «социалистической» — в СССР, «контрреволюционным и даже переворотом» — «наша новейшая» литература, якобинским переворотом — многие меньшевики. Примем с некоторым уточнением последнее определение.

Книга Н.В. Валентинова «Встречи с Лениным» показала нам: за расхождением на II съезде РСДПР по § I Устава скрывались куда более серьезные споры о существовании предстоящих России революционных процессов. Мы видели выше: Ленин еще в пору II съезда включал «якобинство» в понятие «диктатуры пролетариата», против чего ополчились меньшевики<sup>15</sup>.

В годы первой русской революции Ленин считал раскол на большевиков и меньшевиков расколом на Гору и Жиронду. Пугать якобинст-

<sup>14</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 217.

<sup>15</sup> Там же. Т. 8. С. 370.

вом в момент революции, отвечал Ленин меньшевистской «Искре», — «есть величайшая пошлость»<sup>16</sup>.

«От подражания якобинцам 1793 года... — заявлял Ленин на подходе к Октябрю, — *ни одна партия зарекаться не может*». Две конкретные вещи имел в виду Ленин: якобинский *террор*, который сделал Французскую революцию «великой» и революционный контроль за богачами<sup>17</sup>.

Черты якобинства явно носил переворот, совершенный большевиками 24—26 октября 1917 г. Троцкий, руководивший переворотом в Петрограде, со знанием дела противопоставлял организованный Октябрь 1917 г. стихийному Февралю 1917 г.: «В сочетании массового восстания с заговором... состоит та сложная и ответственная область революционной политики, которую Маркс и Энгельс называли “искусством восстания”»<sup>18</sup>.

В.И. Ленин поначалу резко отмежевывал восстание Октября от заговора, от бланкизма; он утверждал, что «большинство народа за нас»<sup>19</sup>. Но данные о выборах в Учредительное собрание как раз от ноября 1917 г., полученные позже Н.В. Святицким, свидетельствовали о том, что за большевиками шла в то время всего четвертая часть населения.

В статье «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата» Ленин разъяснил, как могло произойти такое «чудо», как победа большевиков в Октябре. Они имели: 1) подавляющее большинство среди пролетариата; 2) почти половину голосов в армии; 3) подавляющий перевес сил в решающих пунктах — обеих столицах и на фронтах, близких к Петрограду<sup>20</sup>. За «большинство» Ленин думал бороться после победы Октября, что не всегда удавалось. О расхождении с бланкистами он уже не писал...

Черты якобинства носил не только Октябрь, этот на наш взгляд *пролетарско-якобинский* переворот. Д. Рязанов и П. Фридлянд писали в 20-х гг. XX в. о сходстве продотрядов периода «военного коммунизма» 1918—1920 гг. большевиков с продотрядами якобинцев. На наш взгляд, следует говорить об определенном сходстве всей «управляемой экономики» якобинцев со всей системой «военного коммунизма» большевиков (о терроре мы уже не говорим). При всех различиях в организации, идеологии и масштабах национализации, и там и тут фиксируется цен-

<sup>16</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 137.

<sup>17</sup> Там же. Т. 32. С. 216; т. 34. С. 190, 174—175.

<sup>18</sup> Троцкий Л.Д. История русской революции. Т. 2. Ч. 2. С. 154.

<sup>19</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 239, 242—244.

<sup>20</sup> Там же. Т. 40. С. 1—6.

трализация производства и распределения в руках государства, громадный распределительный аппарат, рост бюрократии, неограниченный выпуск бумажных денег и прочее<sup>21</sup>.

Было еще одно общее в политике якобинцев и большевиков: глубина и последовательность социально-экономических преобразований. Но эту сторону дела лучше всего рассмотреть, сравнивая революции Февраля и Октября 1917 г. в России...

## Февраль и Октябрь 1917 г.: сравнение двух революций

Год 1917-й в России дает превосходный материал для сопоставления двух революций: Февраля и Октября.

После Февраля Россия стала самой демократической (с некоторой примесью анархизма) страной в воюющей Европе. И другую картину мы наблюдаем в Октябре: большевикам пришлось почти сразу же расстаться с демократией, революция — хотя и в растянувшемся на десятилетия варианте — стала повторять под «социалистической оболочкой» те же циклы в политике (якобинизм, бонапартизм, реставрация), которые мы видим в истории Франции конца XVIII — начала XIX вв. Было бы ошибкой искать здесь абсолютное тождество, к примеру, в России якобинизм на десятилетия слился с бонапартизмом («сталинщина»). Но наблюдается сущностное сходство процессов (ныне в России идет растянутое на десятилетия обуржуазивание)...

Февральская революция в России, если брать моменты разрушительные, была *ограниченной, не всеобъемлющей* революцией. Она ликвидировала окончательно обанкротившуюся и разложившуюся (чего стоят безобразия «распутинщины») самодержавную власть, ее полицейский аппарат, сменила губернаторов. Но в сферу имущественных отношений Февральская революция не вторгалась, на слом всего государственного аппарата не покушалась, не была затронута экономика страны (правда, ее продолжала разрушать война).

В отличие от «плановности» Октябрьского переворота, который вырастал из зрелости революции в целом, но был похож по терминологии Троцкого на «восстание-заговор», Февральская революция развивалась поначалу совершенно стихийно. Говоря о первой фазе революции 1917 г., мы вели речь о *политической* демократии, завоевании «свободы». Но от демократии политической мы должны отличать в методологическом плане демократию *социальную*, о которой больше всего

<sup>21</sup> См.: Матвез А. Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. М.; Л., 1928. С. 4, 6, 467; Собуль А. Первая республика 1792/1804. М., 1974. С. 136—138.

пеклись большевики на подходе к Октябрю, настаивая на выполнении, как ее назвал Суханов, «непреложной программы» народа: мира, хлеба, земли, ликвидации в стране разрухи.

Наши историки за Круглыми столами у П.В. Волобуева подробно разобрали деятельность, точнее, *бездействие* всех коалиционных правительств и Директории Керенского. Мы ограничимся таким общим выводом: во всех своих вариантах правительственная коалиция кадетов, меньшевиков и эсеров не пошла навстречу требованиям народа с его «непреложной программой». «Коалиция» взяла жесткий курс на войну в союзе со странами Антанты, погнав солдат в злосчастное июньское наступление 1917 г., она ограничилась в деревне запретом земельных сделок, подняла монопольные цены на хлеб, ухудшив тем самым положение населения в городах.

«Правящие кадетско-корниловские силы, — писал о последней коалиции Суханов, — были живой провокацией народного гнева и неизбежным источником гражданской войны. Но они были и бессильны в любом государственном деле. Они не могли ни вести войну, ни заключить мир. Ни дать хлеба без “государственного вмешательства”, ни дать его силами государства. Ни поднять промышленность “частной инициативой”, ни избавить ее от разрухи при помощи государственной организации. Ни допустить анархии, ни искоренить ее. Ни разрешить дело с землею, ни обойтись без его разрешения... Коалиция Керенского и Коновалова ни в одной из наисущественнейших нужд страны не могла сделать ни шагу»<sup>22</sup>.

Все проблемы социально-экономического порядка откладывались коалиционными правительствами до созыва Учредительного собрания, сам же этот созыв подменялся созданием различных «эрзацев» парламента в виде Государственного Совещания, Демократического Совещания, создавшего Временный Совет Республики — бессильный Предпарламент и т. п.

В лучшем случае эти органы годились на то, чтобы расчистить дорогу монархической диктатуре генерала Корнилова или укрепить порядком расшатанную бонапартистскую власть Керенского.

В ходе нарастания Гражданской войны в стране «корниловщина», абсолютно не поддержанная народом, была лишь предвестием куда более грозных походов против Советской власти адмирала Колчака и генералов Юденича, Деникина, Врангеля, опиравшихся не только на

<sup>22</sup> Суханов Н.Н. Заметки о революции. Т. 3. Кн. 5—7. С. 231. Коновалов А.И. — заместитель Керенского во временном правительстве, фабрикант, один из организаторов Прогрессивного блока в Думе. — *Примеч. авт.*



поддержку интервентов, но и на сочувствие известной части населения, недовольного политикой пришедших к власти большевиков.

Действительно, если посмотреть на главные меры образованной после Октябрьской победы Советской власти, то мы увидим новый громадный переход; в отличие от сухановской программы «свободы» начала 1917-го, большевики уже перепахивали куда глубже всю социально-экономическую почву России, задевая не только огромный пласт интересов имущих, но и «промежуточных» слоев, явно нарушая принципы демократии политической и выдвигая на передний план принципы демократии социально-политической.

Перечислим основные слагаемые послеоктябрьской политики большевиков (позднее мы к ее главным этапам еще вернемся):

- выход из войны путем сепаратного (явно грабительского со стороны Германии) Брестского мира;

- радикальный слом старой государственной машины и замена ее новой, Советской;

- почти полная национализация всей промышленности после ее перехода под рабочий контроль;

- реквизиционная продовольственная политика в деревне, сопровождаемая ее расколом «сверху» на кулаков, середняков и бедняков;

- «экспроприация экспроприаторов» сначала в городе, затем в деревне. «Грабь награбленное», как-то раз неудачно перевел иностранную формулу на русский лад Ленин, и ее до сих пор ставят ему в укор;

- запрет рынка, товарных отношений, торговли, которые худо-бедно, но обеспечивали город и деревню торговым оборотом;

- трудовая повинность, сначала для бывших имущих классов, затем фактически и для всего населения;

- полусуществствование права наций на самоопределение: Финляндии, к примеру, его дали, у Грузии отобрали;

- запрещение всякой неправительственной печати и организаций — сначала кадетских, с 1918—1920 гг. и всех других.

Такая, *кардинальнейшая ломка* всей системы прежних общественных отношений, вызванная отчасти требованиями и нуждами широких масс, отчасти соображениями утопической социалистической доктрины большевиков, отчасти давлением обстоятельств (голод в городах, разруха, саботаж и мятежи свержаемых классов и партий), резко обостряла проблему террора, увеличивала шансы вползания в полномасштабную Гражданскую войну, определила диктаторский характер Советской власти.

Ниже мы рассмотрим детально содержание всех этих проблем, поначалу же оценим внешние условия существования Советской власти после Октября 1917 г.

## Глава 11

# Внешние условия существования советской власти

### Ленинские принципы советской дипломатии

Ленин был, на наш взгляд, творцом «двуединой» внешней политики Советской России, призванной спасти страну в условиях враждебного окружения. С одной стороны, Советское правительство, руководимое Лениным, стремилось разорвать кольцо дипломатической блокады, установить нормальные экономические и даже политические отношения со странами капитала. С другой стороны, руководство РКП(б), которую возглавлял Ленин, создало в Москве штаб Коминтерна, целью его было разжигание мировой революции в тех же странах капитала.

Собственно говоря, двойственность прослеживается с самых первых шагов советской власти — мы имеем в виду ленинский доклад о мире, произнесенный 26 октября 1917 г. Призыв к справедливому миру обращен, с одной стороны, «к всем воюющим народам», но с другой стороны, он же обращен «к правительствам воюющих стран»... «Мы не можем игнорировать правительства, — обосновывал Ленин свою позицию, — ибо тогда затягивается возможность заключения мира». Но мы должны одновременно обратиться и к народам. «Везде правительства и народы расходятся между собой, а потому мы должны помочь народам вмешаться в вопросы войны и мира»<sup>1</sup>. Ввиду «задержки» социалистических революций в Европе, приходилось иметь все больше дел с правительствами, которые в годы революции и Гражданской войны в России держали ее в состоянии дипломатической изоляции, прибегли к интервенции и поддерживали белых генералов. Убедившись в прочности советской власти, страны Антанты пошли на диалог с большевиками. Этапным событием была Генуэзская конференция, происходив-

---

<sup>1</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 16.

шая с 10 апреля по 19 мая 1922 г.; на нее была приглашена и Советская делегация. Делегация исходила из ленинского принципа мирного сосуществования Советской страны и стран капитала: «Оставаясь на точке зрения принципов коммунизма, Российская делегация признает, что в нынешнюю историческую эпоху, делающую возможным параллельное существование старого и нарождающегося нового социального строя, экономическое сотрудничество между государствами, представляющими эти две системы собственности, является повелительно необходимым для всеобщего экономического восстановления»<sup>2</sup>.

Ленин не смог участвовать в работе конференции, но он тщательно готовил Советскую делегацию во главе с Г.В. Чичериным к любым возможным вариантам. До какой степени Ленин был готов идти на компромисс, говорит написанный им Проект Постановления ЦК. Не скрывая своих коммунистических взглядов, Советская делегация не должна проповедовать их, ибо «мы пришли за торговым соглашением и за попыткой соглашения с пацифистской частью другого (буржуазного) лагеря». И Ленин так развивал последнюю мысль: «Одна из главных, если не главная наша политическая задача в Генуе, выделить это крыло буржуазного лагеря из всего их лагеря, стараться льстить этому крылу, объявить допустимым, с нашей точки зрения, и желательным соглашением с ним не только торговое, но и политическое (как один из немногих шансов мирной эволюции капитализма к новому строю, чему мы, как коммунисты, не очень верим, но помочь испытать согласны и считаем своим долгом, как представители одной державы, перед лицом враждебного ей большинства других)»<sup>3</sup>.

Оборотной стороной этого реалистического стремления к мирному сосуществованию хотя бы с частью буржуазного лагеря, была попытка Ленина и РКП(б) организовать в тех же странах капитала очаги коммунистического движения, жестко подчинив их Москве. Здесь мы выходим к организации Лениным Коминтерна.

## Ленин и Коминтерн

Еще в 1916 г. немецкие левые, создавшие группу «Die Internationale» (Франц Меринг, Карл Либкнехт, Роза Люксембург), одобрили тезисы об оформлении нового Социалистического Интернационала ввиду перехода II Интернационала на почву «буржуазно-империалистической политики». Напомним, что в «Апрельских тезисах» и Ленин записал:

<sup>2</sup> Материалы Генуэзской конференции. М., 1922. С. 78.

<sup>3</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 407.

«обновление Интернационала, создание революционно-интернационального». Но он видимо ждал до марта 1919 г., созревания условий для этой акции. «Диктатура пролетариата! — говорил он, открывая I конгресс Коминтерна. — До сих пор слова эти были для масс латынью. Благодаря распространению системы Советов по всему миру, эта латынь переведена на все современные языки...»<sup>4</sup> Это было преувеличение, но для Ленина было важно сформулировать кредо Интернационала, и хотя в замечаниях к тезисам «Основы III Интернационала» Ленин писал: «Не обязательно “Советов”»<sup>5</sup>, «Советы», «диктатура пролетариата», ее завоевание революционным путем стали основой основ Коминтерна.

В своем главном докладе Ленин выступает с коронной для него темой: буржуазная демократия и диктатура пролетариата. Ленин отвергает ценность таких понятий, как «диктатура вообще», «демократия вообще», он предлагает искать за ними классовое содержание. Этот узкоклассовый подход игнорирует всеобщий характер демократии «для всех», не признает вполне достижений трудящихся в рамках «буржуазной демократии», не учитывает существенных уступок со стороны буржуазии и даже абсолютизма (Германия) пролетариату. Этот подход конечно же преувеличивает непомерно успехи Советской власти, которая дает, по словам Ленина, «невиданное еще в мире расширение фактического использования демократизма со стороны угнетенных капитализмом, со стороны трудящихся классов»<sup>6</sup>. И уже совершенной утопией, за которую все еще цепляется Ленин, оправдывая целесообразность взятия власти пролетариатом в отсталой стране, мы должны признать утверждения насчет того, что основание III Интернационала есть преддверие «международной Советской республики». Когда слово «Совет», утверждает Ленин, стало понятным для всех, победа коммунистической революции будет обеспечена... будет основана «Всемирная Федеративная Республика Советов»<sup>7</sup>. Мы уже говорили во введении, что хотя иллюзия остается иллюзией, иллюзорные формы сознания помогали поднять на борьбу «за Советы» массы не в одной только России.

На II конгрессе III Интернационала (19 июля — 7 августа 1920 г.) Ленин предупреждает об опасности «разжижения его шаткими и половинчатыми группами, не разделившимися еще с идеологией II Интернационала»<sup>8</sup>. Он вырабатывает 21 условие приема в Интернационал,

<sup>4</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 489—490.

<sup>5</sup> Там же. Т. 54. С. 502.

<sup>6</sup> Там же. Т. 37. С. 499.

<sup>7</sup> Там же. С. 511, 520.

<sup>8</sup> Там же. Т. 41. С. 205.

в сущности, исходя из опыта той же РКП(б). Среди условий: умелая пропаганда идеи «диктатуры пролетариата», удаление «со сколько-нибудь ответственных постов в рабочем движении “реформистов” и “сторонников центра”», сочетание легальной и нелегальной деятельности, образование комячеек в “каждой воинской части”, “планомерная” агитация в деревне», идея невозможности победы «без революционного низвержения капитализма», четкая и ясная линия в колониальном и национальном вопросах, работа с массами в профсоюзах, пересмотр «личного состава своих парламентских фракций», полное подчинение партийной печати центру, акцент на централизме в формуле демократического централизма, периодические чистки в партиях и прочее<sup>9</sup>.

Но укажем на примечательный факт самокритики Ленина. Возвращаясь на IV Конгрессе Коминтерна в 1922 г. к истории этой организации, он скажет об особенностях ее документов: они пропитаны «русским духом»; «в 1921 г. на III Конгрессе мы приняли одну резолюцию об организационном построении коммунистических партий и о методах и содержании их работы. Резолюция прекрасна, но она почти насквозь русская, т. е. все взято из русских условий». И еще — об усвоении этого русского опыта: «Все сказанное в резолюции осталось мертвой буквой. Но если мы этого не поймем, мы не сможем продвинуться дальше. Я полагаю, что самое важное для нас всех, как для русских, так и для иностранных товарищей, то, что после пяти лет российской революции мы должны учиться»<sup>10</sup>. Учеба на ошибках и есть преодоление односторонностей.

Наши исследователи (И.Н. Ундасынов, З.Я. Яхимович и другие) справедливо подчеркивают, что ужесточение условий приема в Коминтерн превращало его в организацию «исключительно левых», но любопытно, что для переучивания таковых была написана Лениным еще в 1920 г. работа «Детская болезнь “левизны” в коммунизме», где разбирались азы пролетарской политики. Этот своеобразный учебник революции выдержал 106 изданий на 22 языках; автор, настаивая на *правильном видоизменении* в национальных конкретных условиях «*основных принципов коммунизма*», сам давал в работе образец переноса российского опыта на международную почву!<sup>11</sup>

Остановимся вкратце на проблеме единого фронта.

Призыв к созданию единого рабочего фронта был инициирован ЦК Объединенной коммунистической партии Германии в январе 1921 г. и

<sup>9</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 204—212.

<sup>10</sup> Там же. Т. 45. С. 292—293.

<sup>11</sup> Там же. Т. 41. С. 77.

в июне—июле того же года Ленин назвал «Открытое письмо» ЦК «образцовым документом» — «как первый акт практического метода привлечения большинства рабочего класса», он категорически возражал тем делегатам, которые объявляли это письмо оппортунистическим — «это стыд и позор», считал Ленин<sup>12</sup>. Но в сущности под «привлечением большинства рабочего класса» в единый фронт Ленин, а тем более другие члены Политбюро РКП(б), считали привлечение этого «большинства» на коммунистические позиции.

Тезис о том, что на III и IV Конгрессах Коминтерна (они состоялись соответственно летом 1920 г. и осенью—зимой 1921 г.) Ленин стал инициатором выработки тактики «единого фронта», относится к цитатным недоразумениям. III Конгресс, как справедливо подчеркивают упомянутые выше исследователи, не дал достаточно четкой формулировки этого центрального лозунга, оставалось неясным, строить ли единый фронт только «снизу» или одновременно и «сверху», считать его самоцелью в борьбе с капиталом и фашизмом, или же только тактикой завоевания на коммунистические позиции масс, все еще идущих за реформистами<sup>13</sup>.

Авторы работ о Коминтерне в советские времена привыкли цитировать слова Ленина из написанной им резолюции XI съезда РКП(б), где сказано: «Цель и смысл тактики единого фронта состоит в том, чтобы втянуть в борьбу против капитала более и более широкую массу рабочих, не останавливаясь перед повторными обращениями вести совместно такую борьбу даже к вождям II и II<sup>1/2</sup> Интернационалов». Но цитата обрывается обычно как раз на том месте, где Ленин предлагает «русский» вариант таких обращений: большинство рабочих уже установило свое «классовое», а не «общенациональное» представительство, «низвергло политическое господство буржуазии», после чего обращение к партиям «вроде» меньшевиков и эсеров становится недопустимым, ибо таковые «оказались противниками Советской власти»<sup>14</sup>.

В конце 1921 г. Политбюро РКП(б) обязало представителей партии в Коминтерне — Зиновьева, Бухарина, Радека подготовить проект тезисов о едином рабочем фронте. Но на IV Конгрессе Коминтерна (ноябрь — декабрь 1922 г.) по данной проблеме развернулись острейшие споры, причем председатель Исполкома Коминтерна Г.Е. Зиновьев уже во вступительном слове предложил использовать

<sup>12</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 25.

<sup>13</sup> К началу 1921 г. в компартиях капиталистических стран было 760 тыс. человек, в социалистических партиях — около 3 млн.

<sup>14</sup> См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 131.

единый фронт для борьбы с «международным меньшевизмом II и II  $\frac{1}{2}$  Интернационалов»: «На самом деле, в сущности это есть последний и решающий бой международного рабочего класса против последнего агента международного капитала»; при этом предполагалось только единство «снизу», но никак не с вождями реформистских Интернационалов. Против этого решительно выступил К. Радек, но победила установка Зиновьева; последовало резкое сужение сферы применения единого фронта и затем пересмотр этой тактики в левацко-сектантском духе.

В.И. Ленин — из-за болезни — уже не мог принять участие в 1922—1923 гг. в выработке решения этого важнейшего вопроса.

В начале января 1924-го на заседании Президиума ИККИ тот же Зиновьев объявил социал-демократов «крылом фашизма», затем уже при содействии Сталина будет изобретено определение «социал-фашизм». Сталин объявил, что *«невозможно покончить с капитализмом, не покончив с социал-демократизмом в рабочем движении»*<sup>15</sup>.

Эта «стратегия» была отвергнута лишь летом 1935 г. в докладе Г.М. Димитрова VII Конгрессу Коминтерна.

В работе IV Конгресса Коминтерна Ленин почти не участвовал. Там было зачитано его приветствие делегатам Конгресса, в своем докладе «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции» Ленин ограничился в сущности одним лишь анализом «новой экономической политики»...

Обратимся теперь к теме «проблема мировой революции», учитывая то, что на протяжении 1914—1918 гг. Ленин не устал повторять, что мировая революция с объективной закономерностью вырастает из мировой войны 1914—1918 гг. и из послевоенного кризиса, в его сочинениях насчитываются сотни высказываний на этот счет...

## Проблема мировой революции: ожидания и действительность

Мы никак не можем согласиться с автором предисловия к интересному сборнику документов «Коминтерн и идея мировой революции» (М., 1998) Я.С. Драбкиным, который ищет истоки этой идеи еще в традициях Просвещения и революций XVII—XVIII вв. Другое дело — идеология Международного Товарищества Рабочих и II Интернационала, пролетарского этапа освободительного движения. В.И. Ленин воспринял эту идеологию как спасительный для Советской России выход из коллизий Гражданской войны.

<sup>15</sup> Сталин И.В. Соч. Т. 10. С. 25.

Мировая революция и состоялась, и не состоялась при жизни Ленина. Точнее говоря, она состоялась, но не в тех масштабах и формах, как предполагал Ленин. Отделенные временем и пространством друг от друга восстания действительно произошли на территории трех рухнувших реакционных империй: Российской, Германской, Австро-Венгерской, но в конце концов существовать революционной России пришлось в одиночестве. В Германии, Венгрии, Финляндии пролетарские революции были быстро подавлены — реакционным офицерством, империалистами. В странах Антанты революции так и не произошли, дело ограничилось лозунгом «Руки прочь от Советской России!», который затронул и рабочий класс и армии интервентов.

Ленин, пристально отслеживавший революционные процессы в Европе, в общем-то вскрыл трудности вырастания и причины гибели европейских революций (кроме российской). Но, пожалуй, наиболее глубоко он выявил характер революционных процессов в Европе в своей блистательной речи на VII экстренном съезде РКП(б), говоря о необходимости заключения Брестского мира. «Революция придет не так скоро, как мы ожидали. Это история доказала, это надо уметь взять как факт, надо уметь считаться с тем, что мировая социалистическая революция в передовых странах не может так легко начаться, как началась революция в России, стране Николая и Распутина... В такой стране начать революцию было легко, это значило — перышко поднять.

А начать без подготовки революцию в стране, где развился капитализм, дал демократическую культуру и организованность последнему человеку, — неправильно, нелепо. Тут мы еще только подходим к мучительному периоду начала социалистических революций. Это факт. Мы не знаем, никто не знает, может быть, — это вполне возможно, — она победит через несколько недель, даже через несколько дней, но это нельзя ставить на карту. Нужно быть готовым к необычайным трудностям, к необычайно тяжелым поражениям, которые неизбежны, потому что в Европе революция еще не началась... Этого еще нет. Вот простой факт, которому нас история научила, которым она нас очень больно побила, — а за битого двух небитых дают»<sup>16</sup>. Ленин, как мы видим, фиксирует существование на Западе определенного *антиреволюционного иммунитета*, который был воспитан всем развитием капитализма и который с гигантским трудом преодолевался революционными силами. В целом в Европе он так и не был преодолен...

В сущности, принципиально новое понимание хода и задач всемирной революции внесло пробуждение освободительного движения на

<sup>16</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 15—16.



Востоке среди зависимых в колониальных стран; Ленин писал о нем еще в 1908 г. в статье «Горячий материал в мировой политике». Ленин говорил по этому же поводу на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г.: «Выясняется вполне, что социалистическая революция, которая надвигается для всего мира, никоим образом не будет состоять только в победе пролетариата в каждой стране над своей буржуазией. Это было бы возможно, если бы революции происходили легко и быстро. Мы знаем, что империалисты этого не допустят, что все страны вооружены против своего внутреннего большевизма и думают только о том, как победить большевизм у себя дома... Таким образом, социалистическая революция не будет только и главным образом борьбой революционных пролетариев в каждой стране против своей буржуазии, — нет, она будет борьбой всех угнетенных империализмом колоний и стран, всех зависимых стран против международного империализма... За периодом пробуждения Востока в современной революции наступает период участия всех народов Востока в решении судеб всего мира, чтобы не быть только объектом обогащения. Народы Востока просыпаются к тому, чтобы практически действовать и чтобы каждый народ решал вопрос о судьбе всего человечества»<sup>17</sup>.

С сожалением приходится признать, что Ленин, публично выступавший против «экспорта революции», был в 1920—1921 гг. вместе с Троцким инициатором вторжения советских войск в Иран и Бухару (в Индию проникнуть не удалось из-за сопротивления Афганистана). У ленинского ЦК в период советско-польской войны 1920 г. возник также авантюрный план «прощупать штыком готовность Польши к социальной революции». Дело кончилось разгромом войск Красной армии под Варшавой и их откатом назад<sup>18</sup>. Этот переход от «оборонительной» стратегии Советской власти к «наступательной» ни к чему, кроме людских потерь и потери территорий, привести не мог, к тому же он отвлекал силы от борьбы с войсками Врангеля...

<sup>17</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 327—328.

<sup>18</sup> См. об этом: Персиц М.А. Застенчивая интервенция: О советском вторжении в Иран и Бухару в 1920—1921 гг. М., 1999; Ленин В.И. Непознанные документы. С. 370—395.

## Глава 12

# Ленин в чрезвычайных ситуациях советской власти

### Брестский мир

В конце 1917 г. события в России протекали в относительной изоляции от процессов внешнеполитических: ни одна из воюющих империалистических группировок не имела в это время ни сил, ни средств для активного вмешательства в дела Советского государства. Конец такому положению дел пришел зимой—весной 1918 г. Как известно, правительства стран Антанты оставили без ответа и ленинский «Декрет о мире» и повторные обращения к ним Советского правительства. Более «сговорчивыми» оказались правительства Четверного Союза, прежде всего Германии, стремившейся избежать войны на два фронта.

Однако захватнические устремления Германии выявились довольно быстро. Еще 28 декабря 1917 г. германская сторона на переговорах в Брест-Литовске потребовала отторжения от России Польши, Литвы, значительной части Белоруссии, Латвии, Эстонии. 18 января 1918 г. генерал Гофман подтвердил притязания на 150 тыс. кв. км российской территории и потребовал отторжения от России Украины.

Перед советским руководством встала суровая дилемма: принятие грубо аннексионистского мира или революционная война. В пользу последней вроде бы говорили все прежние установки партии. Еще 13 октября 1915 г. «Социал-демократ» №47, вышедший в Женеве, обрисовал ясную перспективу: придя к власти, партия предложила бы тотчас открыто ненасильнический, т. е. демократический мир Германии и всем народам вместе; при отказе же германских, французских и др. капиталистов от такого мира, мы повели бы сами революционную войну, призывая к союзу с нами рабочих всех стран.

Но все эти предписания не действовали в условиях России конца 1917 — начала 1918 г. У советской власти не было ни сил, ни средств противостоять нажиму немцев, прежняя армия просто разваливалась, новой не было. Следование ранее принятой установке на военное развязывание «мировой революции» могло оказаться роковым для судеб молодого пролетарского государства. Этой новой ситуации не видели ни Троцкий, ни левые во главе с Н. Бухариным, который заявил на одном из заседаний ЦК: «У нас есть только наша старая тактика, тактика мировой революции»<sup>1</sup>.

Ленин разбивает доводы противников мира и обосновывает необходимость завоевания, даже ценой унижительного, неравноправного договора, мирной передышки для победившей в России революции: «...В данный момент лозунг революционной войны со стороны России означал бы либо фразу и голую демонстрацию, либо равнялся бы объективному падению в ловушку, расставленную нам империалистами, которые желают *втянуть* нас в продолжение *империалистической* войны, как слабую еще пока частичку, и *разгромить* возможно более дешевым путем молодую республику Советов»<sup>2</sup>.

Но большинство комитетов партий не поддерживает позицию Ленина, не имеет он большинства и в ЦК. На решающем заседании ЦК 11 (24) января 1918 г., где обсуждалась директива советской мирной делегации, Ленин снова подверг резкой критике позицию левых и Троцкого (глава делегации). «Стоящие на точке зрения революционной войны, — говорил Ленин, — указывают, что мы этим самым будем находиться в гражданской войне с германским империализмом и что этим мы пробудим в Германии революцию. Но ведь Германия только еще беременна революцией, а у нас уже родился вполне здоровый ребенок — социалистическая республика, которую мы можем убить, начиная войну... То, что предлагает тов. Троцкий — прекращение войны, отказ от подписания мира и демобилизация армии — это интернациональная политическая демонстрация... Конечно, мы делаем поворот направо, который ведет нас через весьма грязный хлев, но мы должны его сделать. Если немцы начнут наступать, то мы будем вынуждены подписать всякий мир, а тогда, конечно, он будет худшим...»<sup>3</sup> И снова ленинская точка зрения не получает большинства. Левые блокируются с Троцким, проходит 9 голосами против 7 его точка зрения.

<sup>1</sup> Седьмой экстренный съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1962. С. 261.

<sup>2</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 254.

<sup>3</sup> Там же. С. 256—257.

Десятого февраля 1918 г. Троцкий на переговорах в Брест-Литовске отклонил германский ультиматум и покинул заседание, заявив, что Советская Россия выходит из войны, но отказывается от подписания мира и отдает приказ о полной демобилизации армии. Восемнадцатого февраля началось немецкое наступление.

«Неделя с 18 по 24 февраля 1918 г., — писал Ленин в статье “Тяжелый, но необходимый урок”, — войдет как один из величайших исторических переломов в историю русской — и международной революции... До сих пор перед нами стояли мизерные, презренно-жалкие (с точки зрения всемирного империализма) враги, какой-то идиот Романов, хвастунишка Керенский, банды юнкеров и буржуйчиков. Теперь против нас поднялся гигант культурного, технически первоклассно оборудованного, организационно великолепно налаженного всемирного империализма»<sup>4</sup>.

Восемнадцатого февраля утром снова заседает ЦК. Принято с перевесом в один голос решение «немедленно обратиться к немецкому правительству с предложением немедленного заключения мира...». Но кульминационный пункт борьбы в ЦК впереди. Немцы продолжают наступление и предъявляют Советскому правительству новые требования, значительно ухудшающие прежние. На их рассмотрение дается 48 часов.

На решающем заседании ЦК 23 февраля 1918 г. Ленин пошел на ультимативный шаг, чтобы добиться принятия новых германских условий: «Тов. Ленин считает, что политика революционной фразы окончена. Если эта политика будет продолжаться, то он выходит и из правительства и из ЦК. Для революционной войны нужна армия, ее нет... Эти условия надо подписать. Коли вы их не подпишете, то вы подпишете смертный приговор Советской власти через три недели...» Голосование в ЦК дает 7 голосов «за» (Ленин, Стасова, Зиновьев, Свердлов, Сталин, Сокольников, Смилга), 4 голоса «против» (Бубнов, Урицкий, Бухарин, Ломов), четверо воздержались (Троцкий, Крестинский, Дзержинский, Иоффе). Оставшись в меньшинстве, левые делают все, чтобы сорвать ратификацию договора 6—8 марта 1918 г. в Петрограде на VII экстренном съезде РКП(б) и 14 марта на IV Чрезвычайном Всероссийском съезде Советов в Москве.

О степени обострения борьбы в рядах партии говорит хотя бы решение Московского областного бюро, которое выразило недоверие к ЦК и сочло целесообразным «*в интересах международной революции... идти*

<sup>4</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 393, 395—396.

<sup>5</sup> Там же. С. 400.

на возможность утраты Советской власти, становящейся теперь чисто формальной»<sup>5</sup>.

Ленин в критические февральские дни выступает в «Правде» со статьями «О революционной фразе», «О чесотке», «Несчастный мир», «Тяжелый, но необходимый урок», «Странное и чудовищное». Он обрушивает на противников мира всю силу своего ума, своего темперамента, своего полемического таланта, чтобы добиться перелома в настроениях партийных масс, шедших пока за левыми.

Явно теряя почву под ногами, «левые» и на съезде партии пытались защищать негодные позиции. «Перед нами сейчас задача развития гражданской войны в мировом масштабе», — так формулировал Бубнов позицию левых, не «схватывая новой общественно-экономической и политической ситуации, не учитывая *изменения условий*, требующего быстрого, крутого изменения тактики»<sup>6</sup>. Крикливому лозунгу левых: «И если погибнет наша Советская республика, наше знамя поднимут другие» (Коллонтай), Ленин противопоставил другой, суровый призыв: «Если ты не сумеешь приспособиться, не расположен идти ползком на брюхе, в грязи, тогда ты не революционер, а болтун, и не потому я предлагаю так идти, что мне это нравится, а потому, что другой дороги нет, потому что история сложилась не так приятно, что революция всюду созревает одновременно»<sup>7</sup>.

Съезд пошел за Лениным: 30 делегатов голосовали — за ленинскую резолюцию о мире, 12 — против, 4 — воздержались. Ленину понравилась фраза, сказанная Рязановым в прениях: «Я хочу уступить пространство фактическому победителю, чтобы выиграть время». Комментируя эту фразу, Ленин говорил: «В этом вся суть и только в этом. Все остальное — только разговоры...»<sup>8</sup>.

Одиннадцатого марта Совнарком — из соображений безопасности — переехал из Петрограда в Москву, она теперь стала столицей Советской России. Немцы стояли в непосредственной близости от прежней столицы — Петрограда...

В целом период действия Брестского мира стал периодом величайших затруднений и унижений для Советского правительства. Оно попало в полную зависимость от германской стороны, даже его бюджет формировался на немецкие подачки. «Используйте, пожалуйста, крупные суммы, так как мы заинтересованы в том, чтобы большевики выжили, — писал статс-секретарь иностранных дел Германии Кюльман

<sup>6</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 253.

<sup>7</sup> Там же. С. 18.

<sup>8</sup> Седьмой экстренный съезд РКП(б). С. 109.

послу в Москве графу Мирбаху 18 мая 1918 г. — В вашем распоряжении фонды Ришлера. Если потребуется больше, телеграфируйте, пожалуйста, сколько. Отсюда очень трудно сказать, кого следует поддерживать в случае падения большевиков... Кадеты как партия против Германии, монархисты тоже будут за пересмотр Брестского мирного договора. Не в ваших интересах поддерживать монархическую идею, которая воссоединит Россию... Надо поддерживать крайне левые партии»<sup>9</sup>. Тем временем немцы расчленили и грабили Россию, она потеряла Закавказье, разделенное между Германией и Турцией, затем немцы захватили Крым. Они потребовали от Советского правительства возвращения флота из Новороссийска в Севастополь. Ленин дал директиву потопить флот, революционные моряки в Новороссийске не смогли полностью выполнить ее — в ночь с 17 на 18 июня 1918 г. линкор «Воля» и 6 миноносцев ушли в Севастополь, где сдались немцам; оставшиеся корабли были потоплены миноносцем «Керчь», который послал в-эфир телеграмму: «Всем! Всем! Всем! Погиб, уничтожив часть судов Черноморского флота, которые предпочли гибель позорной сдаче»<sup>10</sup>. Морякам Балтики пришлось взорвать мощный «Ино», который оказался по договору на оккупированной территории Финляндии.

В стране существовало массовое недовольство политикой правительства, которое использовали меньшевики. Федор Дан писал 20 мая в «Партийных известиях»: «После Брестского мира Россия превращается в «ничье» достояние, которое сегодня кусок за куском отхватывает в свою пользу империалистическая Германия, а завтра начнут растаскивать и другие страны капиталистического мира». Левые эсеры, выступившие с рядом антибольшевистских лозунгов на V Всероссийском съезде Советов (начало июля 1918 г.), затем ушли со съезда. 6 июля левые эсеры Блюмкин и Андреев явились в германское посольство и убили посла Мирбаха, стараясь вызвать разрыв мирного договора с Германией, затем они скрылись в здание штаба ВЧК, где отряд левых эсеров под руководством Попова поднял мятеж; в плену оказался прибывший в штаб ВЧК Дзержинский. Левые эсеры захватили Центральный телеграф, и член ЦК их партии Прошьян дал по стране телеграмму о разрыве Брестского мира. Но мятеж был быстро ликвидирован латышской дивизией под командованием Вацетиса. Убийство Мирбаха заставило Ленина покончить с двухпартийным режимом, в стране установилось единовластие РКП(б).

<sup>9</sup> Николаевский Б. И. Тайные страницы истории. М., 1995. С. 383.

<sup>10</sup> Цит. по: История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. 7. С. 356.

Лишь 13 ноября 1918 г. после капитуляции Германии перед Антантой Постановление ВЦИК смогло объявить Брестский договор уничтоженным. Но это лишь отчасти исправило положение Советской власти — почти на всем пространстве России уже полыхало зарево Гражданской войны. Достались Ленину в 1918-м и пули, пущенные врагами Советской власти...

## В годы Гражданской войны

Два с половиной года на просторах России разыгрывались трагические события Гражданской войны, развязанной как интервентами, так и внутренней контрреволюцией, а также чересчур радикальными преобразованиями и мерами самих большевиков.

Октябрьская революция победила под лозунгами мира и справедливого общественного устройства. Она сразу же ударила по имущим классам, отстранив буржуазию, помещиков от власти, лишив их доходов и привилегий. Эти классы и примыкающие к ним слои населения самым ходом вещей стремились к возврату потерянного, озлобляли их и притеснения большевиков. Еще накануне Октября 1917 г. Ленин дал определение Гражданской войны как предельного обострения борьбы классовой, доведения ее до такого состояния, «когда ряд столкновений и битв экономических и политических, повторяясь, накапливаясь, расширяясь, заостряясь, доходит до превращения этих столкновений в борьбу с оружием в руках одного класса против другого класса»<sup>11</sup>.

Поначалу после Октябрьской революций вроде бы ничто не предвещало смертельной схватки, прервавшей всякие мечты о созидательной работе во благо нового строя. Советская власть легко справилась с попытками А. Ф. Керенского овладеть Петроградом, было быстро подавлено в столице и восстание юнкеров, организованное Думой. После недели боев в руки ВРК перешла Москва. Были локализованы на Дону действия Добровольческой армии, возглавленной генералами М. В. Алексеевым и Л. Г. Корниловым; последний погиб в бою.

Ленин в начале марта 1918 г. на VII экстренном съезде РКП(б) говорил даже о «сплошном триумфальном шествии» советской власти, за которым «забывались, отодвигались на второй план те трудности, на которые социалистическая революция наткнулась сразу и не могла не наткнуться»<sup>12</sup>. Одной из таких трудностей были переговоры с Германи-

<sup>11</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 215.

<sup>12</sup> Там же. Т. 36. С. 5.

ей, завершившиеся заключением грабительского Брестского мира. Но мирную передышку страна фактически так и не обрела.

Еще в конце 1917 г. страны Антанты заключили тайное соглашение о разделе России на «зоны действия», вскоре направив в Мурманск, Архангельск, Владивосток (затем и в Одессу) корабли и сухопутные войска для тушения «революционного пожара». К интервенционистскому кольцу добавился солидный интервенционистский клин в виде мятежа более чем 45-тысячного чехословацкого корпуса. Эшелоны с его частями перебрасывались еще до Октября 1917 г. Антантой в Западную Европу через Дальний Восток и оказались силой весьма пригодной для разгона советской власти вдоль сибирской магистрали. После того как большевики в основном справились с самими интервентами, те поставят карту на адмирала Колчака в Сибири, генерала Деникина на юге Европейской России, генерала Юденича под Петроградом. После их разгрома Антанта постарается втянуть в войну с Советской Россией сопредельные с ней малые государства. Выражая точку зрения интервентов, Черчилль проповедовал «поход 14 государств» против Советской России, призывая «задушить большевистского младенца в его колыбели». Но Эстония, Литва, Латвия отказали Антанте, к ее уговорам прислушалась лишь Польша.

Так, внешняя контрреволюция сомкнулась с внутренней. Гражданская война началась вскоре после подписания Брестского мира, рассмотрим подробнее ее ход.

С начала лета 1918 г. активизировали свои силы отстраненные от власти кадеты и правые «соглашатели-социалисты»; вспыхнули антисоветские мятежи, стали одно за другим создаваться «демократические правительства» в Самаре, Томске, Архангельске, Ашхабаде. Все они искали «третий путь» между монархической контрреволюцией и диктатурой пролетариата, но быстро становились простыми пешками в руках белых генералов или просто разгонялись ими.

Еще летом 1918 г. Ленин предупредил народ и партию: «Мы находимся в войне, и судьба революции решится исходом этой войны. Это должно стать первым и последним словом нашей агитации, всей нашей политической, революционной и преобразовательной деятельности»<sup>13</sup>.

К концу лета 1918 г. три четверти территории Европейской России оказались в руках антибольшевистских сил. Срочно потребовалось преобразование Рабоче-Крестьянской Красной Армии из армии добровольческой, полупартизанской в армию кадровую, сформирован-

<sup>13</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 15.



ную на основе всеобщей воинской повинности и принципах военной науки. Такую армию большевики, руководимые Лениным, сумели создать — уже к концу 1918 г. в РККА числилось до 1 млн 700 тыс. человек, в самом тревожном 1919 г., когда походами на Советскую Россию пошли Колчак, Деникин, Юденич, число бойцов РККА выросло до 3 млн человек, к концу войны, осенью 1920 г. РККА насчитывала уже 5,5 млн человек, хотя к этому времени особенно сильно возросло дезертирство, характерное, впрочем, и для других лет.

Весьма удачным оказался выбор Лениным руководителя РККА и РВС (Революционный Военный Совет). Им стал Троцкий, назначенный 14 марта 1918 г. народным комиссаром по военным делам (позднее и по морским делам). Именно в Троцком Ленин обрел незаменимого союзника в деле преобразования РККА в регулярную, соответствующую смертельной опасности силу. Блоку Ленин—Троцкий пришлось пойти на крупнейшие кадровые перестановки, прежде всего привлечение в ряды РККА массы специалистов и офицеров из старой царской армии, чему оказывали сопротивление члены «военной оппозиции» на VIII съезде партии, недовольные покушением Троцкого на партизанщину в РККА (за их спиной скрывался Сталин).

Однако Троцкий проводил кадровые перестановки с настойчивостью и умением: мобилизуемый офицерский и генеральский состав ставился под контроль комиссаров, заложниками в Советской России становились семьи мобилизованных в ряды РККА. «Тысячи бывших офицеров, генералов, полковников царской армии нам изменяли, нас предавали, и от этого гибли тысячи лучших красноармейцев, — говорил Ленин, — вы знаете это, но десятки тысяч нам служат, оставаясь сторонниками буржуазии, и без них Красной армии не было бы»<sup>14</sup>. Расчет оправдал себя, тем более что из этого «набора» тысяч бывших офицеров и генералов вышли и крупнейшие военачальники Гражданской войны, перешедшие на сторону народа: И.И. Вацетис, А.И. Егоров, С.С. Каменев, М.Н. Тухачевский, Б.П. Шапошников, другие; все они преданно служили советской власти.

Вместе с тем на командные должности выдвинулись и таланты из народа — солдатской и унтер-офицерской среды, ставшие героями и полководцами Гражданской войны: С.М. Буденный, В.К. Блюхер, Б.М. Думенко, М.В. Фрунзе, В.И. Чапаев и другие. Оправдал свою роль и комиссарский состав. Сам Троцкий, человек вроде бы сугубо гражданский, превратился в выдающегося военного руководителя и вождя — он не просто обладал революционной страстью, но и стратегиче-

<sup>14</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 218.

ским видением ситуации, твердостью и беспощадностью в пресечении любой расхлябанности, трусости, предательства.

Вместе с организацией регулярной армии нужно было обеспечить ей прочный тыл, всестороннюю помощь, о чем Ленин, ставший председателем Рабоче-Крестьянского Совета Оборона, заботился неустанно. Совет Оборона координировал деятельность фронта и тыла. Ленин выдержал колоссальные нагрузки: с 1 декабря 1918 г. по 27 февраля 1920 г. Совет Оборона провел 101 заседание, на большинстве из них председательствовал Ленин. Свой опыт председатель Совета Оборона обобщил в словах: «Для ведения войны *по-настоящему* необходим крепкий организованный тыл. Самая лучшая армия, самые преданные делу революции люди будут немедленно истреблены противником, если они не будут в достаточной степени вооружены, снабжены продовольствием, обучены»<sup>15</sup>.

Но поначалу тыл находился в самом плачевном состоянии — была разрушена промышленность, расстроен транспорт, в городах царил голод — достаточно сказать, что в начале 1919 г. население городов получало по карточкам: первая категория —  $\frac{1}{2}$  фунта хлеба, вторая категория —  $\frac{3}{8}$  фунта, третья категория —  $\frac{1}{8}$  фунта в день. Потребовались героические усилия, чтобы наладить снабжение городов, мобилизовать рабочий класс на восстановление заводов, производство вооружения, наладить транспортные связи. Преобразованной РККА за 1918—1920 гг. рабочие Тулы, Москвы, Петрограда дали около 4 000 орудий, около 2,5 млн винтовок, больше 20 тыс. пулеметов, около 1,5 млрд патронов, 669 самолетов<sup>16</sup>.

Диапазон деятельности Ленина в годы Гражданской войны был огромен: налаживание работы национализированной промышленности, транспорта, участие в подавлении мятежей в тылу у воюющей армии, многократные выступления перед партийным активом, рабочими заводов, на съездах партии, конгрессах Коминтерна. Но главным было руководящее участие в выработке стратегических планов ведения войны, непосредственные связи с высшим составом РККА. С.С. Каменев, главком Красной армии, писал в своих воспоминаниях: «...Владимир Ильич организовал борьбу страны в целом, борьбу, в которой действия Красной армии были только частью остальных мер борьбы. По всем многочисленным каналам борьбы Владимир Ильич знал действительную обстановку на фронтах, в армиях и на отдельных участках боевого фронта. В тысячах случаев осведомленность Вла-

<sup>15</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 408.

<sup>16</sup> См.: Драма российской истории: большевики и революция. М., 2002. С. 293.

димира Ильича о действительном положении вещей была большая, чем у штаба РВС...

Вопрос о том, куда должен быть направлен удар Красной армии в первую очередь, куда во вторую, несомненно должен был решаться тем, кто руководил политикой страны. Красная армия была в кольце белогвардейских фронтов. Оценка всех фронтов и принятие решения, какой из фронтов должен быть ликвидирован в первую очередь, являлась задачей первейшего значения по тому времени. Правильное решение этого вопроса, по существу, определяло всю дальнейшую ликвидацию белогвардейщины»<sup>17</sup>. Слово Ленина играло здесь решающую роль.

Надо сказать, что Ленин специально готовился к этой роли — он проработал десятки военных сочинений, еще готовясь к вооруженному восстанию в стране. Теперь специальные знания пригодились в полной мере...

Ленин стоял и во главе партийных мобилизаций, обеспечив участие десятков и сотен тысяч партийцев непосредственно в боях Гражданской войны. Уже к середине 1918 г. 40 тыс. коммунистов влились в состав РККА, к концу Гражданской войны, которая оказалась вереницей войн, в армии находилась примерно половина состава РКП(б) — более 300 000 членов партии, образовавших *костяк* вооруженных сил Советской республики. В памятке мобилизованных коммунистов говорилось: «Звание коммуниста налагает много обязанностей, но дает лишь одну привилегию — первым сражаться за революцию». «Без военкома мы не имели бы Красной армии», — таково было суждение Ленина.

К концу лета 1918 г., когда РККА готовилась перейти в стратегическое наступление, контрреволюция пошла еще и на индивидуальный террор внутри Советской страны. Тридцать первого августа Троцкий получил из Москвы телеграмму:

«Свияжск. Троцкому.

Немедленно приезжайте. Ильич ранен, неизвестно насколько опасно. Полное спокойствие.

*Свердлов».*

Боевой поезд Троцкого тут же отбыл в Москву. К счастью организм Ильича за две-три недели справился с ранениями, на самом тревожном «кремлевском фронте» наступило облегчение. В стране тем временем был объявлен планомерный, массовый красный террор, были расстре-

<sup>17</sup> Данишевский К., Каменев С. Воспоминания о Ленине. М., 1934. С. 54—55, 57.

ляны сотни и сотни мало в чем повинных заложников. Но покушения на советских вождей почти прекратились.

В 1919-м, самом тревожном году, острые ситуации создавали на Востоке — наступление Колчака, на Юге — генерала Деникина, под Петроградом — генерала Юденича. Первый объявил себя Верховным правителем России, но был сокрушен в тяжелых боях Красной армией, поддержанной восстаниями крестьян в Сибири. Колчак был арестован, судим и расстрелян. Деникин, войска которого ближе всех приблизились к Москве, был также сокрушен; кстати, он признавал, что за его лозунгом «единой и неделимой» России «стоит возвращение к положению, существовавшему до Февральской революции!». После разгрома своего воинства он сбежал за границу. Туда же последовал и Юденич после разгрома его армии. В 1920 г. за границу скрылся и Врангель, действовавший на юге России, думавший было зацепиться за Крым. С ним и с войсками панской Польши РККА справилась к концу 1920 г., хотя в последнем случае армии Тухачевского, не поддержанной из-за саботажа Сталина Юго-Западным фронтом, пришлось пережить поражение под Варшавой.

Победу РККА над интервентами Ленин относил на счет «заражения» последних идеями большевизма. Эту победу мы заслужили неслыханными жертвами, наш народ перенес «неслыханные трудности, тяжести, лишения и бедствия», — признавал он<sup>18</sup>.

Обеспечила победу РККА над белыми генералами верная линия большевиков по отношению к крестьянам — в общем и целом в Гражданской войне они защищали завоевания совершенной в России аграрной революции, хотя вынужденная продразверстка приносила немало затруднений. Теснейший союз с деревенской беднотой, уступки и соглашения со средним крестьянством, беспощадное подавление кулаков — «вот какова программа сознательного рабочего. Вот политика рабочего класса» — так формулировал Ленин эту линию<sup>19</sup>. Белые генералы представляли в Гражданской войне интересы помещика и буржуа — это (как и чуть прикрытый монархизм) обрекло их на поражение.

Принесла победу в Гражданской войне и беспощадность, проявленная большевиками в борьбе, и солидарность с ними трудящихся во всем мире. Ленин писал после окончания Гражданской войны: «Если всемирной буржуазии не удалось в течение трех лет при ее громадном во-

<sup>18</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 311—312.

<sup>19</sup> Там же. Т. 37. С. 42.

енном перевесе сломить слабую и отсталую страну, то только потому, что страна перешла к диктатуре пролетариата, что этой стране было обеспечено сочувствие трудящихся масс во всем мире, можно сказать во всякой стране без исключения»<sup>20</sup>. И дело было не только в массах. Даже лидеры ведущих партий европейской социал-демократии высказывались порой за большевиков, правда, не принимая их революционную политику.

---

<sup>20</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 312.

## Глава 13

### Полемика К. Каутского и В.И. Ленина. Р. Люксембург о событиях в России

#### К. Каутский: соотношение демократии и диктатуры. Проблема терроризма

Начнем раздел с полемики Каутского с Лениным. «Борьба против большевизма может рассматриваться как известнейшая заслуга старика Каутского», подчеркивалось на конференции, организованной 16 октября 1988 г. Международным институтом социальной истории в Амстердаме и посвященной 50-летию со дня смерти Каутского. Он «существенно содействовал тому, что в социалистическом движении периода первых лет Советской власти была проведена четкая разграничительная линия по отношению к большевизму».

Каутский приветствовал в 1917 г. не только Февральскую революцию в России как «первый луч надежды, который падает с начала войны на эту бедную политую кровью землю», но и восстание Октября 1917 г.: «Первый раз в истории земли пролетариат завоевал государственную власть в целом громадном государстве». Впрочем, добавляет он, надо быть готовым ко всему: «самому плохому и самому хорошему». Но если будут преодолены неимоверные трудности, «тогда начнется нечто неслыханное. Начнется новая эпоха мировой истории»<sup>1</sup>.

Нечто не очень хорошее в России фиксируется Каутским 19 (6 по ст. ст.) января 1918 г. Дата говорит о многом. Накануне большевики разогнали собравшееся в Петрограде Учредительное собрание. Откликаясь на это событие (или предвидя его?), Каутский выступает с небольшой работой «Демократия или диктатура». Вопрос вроде бы ставится им исторически: между идеями демократии и диктатуры существовало в XIX в. противоречие. Пролетариат уже принимал авангардное учас-

---

<sup>1</sup> Цит. по: *Luebbe P. (Hrsg.). Kautsky gegen Lenin. Berlin—Bonn, 1981. S. 14.*

тие в парламентской борьбе, будучи еще в меньшинстве, и только к концу этого века (что отмечал уже Ф. Энгельс) стал превращаться в большинство в развитых странах Европы. В России же начала XX в. пролетарское большинство явно не сложилось. Так как же следует поступить большевикам, взявшим в свои руки власть?

Социал-демократия, заявляет Каутский, «хочет достигнуть социальных целей» только средствами «демократии» и только при получении большинства в парламенте. Правда, добавляет он, на практике это трудно применимо, так как в периоды революционного действия всякая политическая борьба есть «борьба одного меньшинства против другого». Это ценнейшая для социологии революции констатация снимает, как не трудно понять, с творца Октября все обвинения в «бланкизме», «якобинстве», «узурпации власти меньшинством» и т. д.

Но происходящие вслед за успешным восстанием выборы, уточняет свою позицию Каутский, должны все расставить по своим местам. И если победители увидят себя в меньшинстве, то это меньшинство «должно изыскать надлежащий путь» к тому, чтобы «без потрясения демократического строя очистить место у кормила власти другим демократическим элементам, ведущим за собой народные массы, и взять на себя роль силы, толкающей прогресс вперед, стоя на страже уже достигнутых завоеваний». Таким образом, «идея диктатуры пролетариата» должна, согласно Каутскому, отступить «перед идеей демократии», иначе пролетариат сам подпилит тот сук, на котором сидит<sup>2</sup>.

Ленин не был знаком с этими советами Каутского. Но он считал по опыту России 1917 г., что эсеры и меньшевики, составляющие большинство в российском Учредительном собрании, сведут все достигнутые завоевания на нет. Поэтому он предпочел последовать давнему совету Плеханова и разогнать неугодные победителям народное представительство.

Полемику с Лениным К. Каутский вел и в небольшой книжке «Диктатура пролетариата», изданной в Вене в 1918 г. и попавшей в руки Ленина. Продолжая считать Октябрь 1917-го событием мирового значения, К. Каутский ставит его в ряде отношении *ниже* Парижской коммуны. Если в Коммуне сотрудничали, несмотря на все разногласия, *различные направления социализма*, то в России большевики стали *изгонять* соперников из органов власти. Причина тому — по Каутскому — противоречие «демократического» и «диктаторского» метода действия движущих сил в этих революциях.

<sup>2</sup> Каутский К. Демократия или диктатура. Харьков, 1918. С. 6, 7, 8, 15 и др.

Каутский отказывается признать «демократию» только временным средством подготовки к борьбе за «социализм». Демократия «первичнее» социализма, она представляет из себя «самоценность» в борьбе за освобождение человечества. И никакой социализм без нее невозможен.

Особенно содействует развитию демократии капиталистический способ производства. Ее методы усваиваются и рабочим классом, становящимся «претендентом» на господство в обществе. Он пользуется свободой политических движений, свободой слова, печати, собраний, всеобщим избирательным правом, становится культурнее. В свою очередь парламент, разделение властей, органы самоуправления делают возможным контроль над исполнительными органами, к чему неспособна неорганизованная масса населения.

Каутский предупреждает: правящие классы могут перейти в наступление на демократию. Но следует в этом случае защищать ее с таким упорством, чтобы отпор пролетариата превратился в «политический переворот». Впрочем, полагает Каутский, десятилетия развития демократии уже научили и правящие классы и партии соблюдать правила «демократической игры», само развитие общества становится свободнее и спокойнее.

Особенно ценным принципом демократии Каутский считает право на оппозицию, защиту самим «большинством» этого права «меньшинства». Ростки «нового» всегда бывают поначалу «слабее старого, консервативного» и «как ни трудно из вороха предлагаемых новшеств выбрать действительно ценное, эта неотлагаемая работа должна быть произведена, если движение не хочет застыть и быть на высоте своих задач».

Выступая против систем «диктаторских», Каутский все же признает положение Маркса о переходном периоде между обществом буржуазным и коммунистическим как «диктатуру пролетариата». Но Маркс и Энгельс, пишет он, просто изображали под этим «словечком» переходное состояние, ничуть не отвергая демократию. Маркс называл диктатурой пролетариата Парижскую коммуну, а она выросла из демократических выборов. Энгельс считал демократическую республику диктатурой пролетариата, когда тот завоеует в ней большинство.

Что противопоставляет Ленин этой последовательной защите демократии? «Диалектика, — пишет он, — отрицает абсолютные истины, выясняя смену противоположностей и значение кризисов в истории»<sup>3</sup>.

<sup>3</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 336



Фиксируя, соответственно, «смену противоположностей» с 1914 г. (замена «мирного периода» развития капитализма «военным», «империалистическим» периодом), Ленин и делает ставку на «кризисы» новой эпохи. Поэтому его мало интересует проблема «демократии», поднятая Каутским, он называет его либералом, болтающим о «чистой демократии» вообще<sup>4</sup>. Марксист должен ставить вопрос иначе: демократия для какого класса? Демократия для кого и против кого? Демократии *для всех* для Ленина просто не существует...

Объявление «диктатуры пролетариата» у Маркса «словечком» Ленин считает издевкой над фундаментальнейшей истиной марксизма. В остальном же он противопоставляет цитаты из «основоположников» цитатам Каутского, но уже другого сорта. Так Энгельс считал революцию самой авторитарной (т. е. диктаторской) вещью в политике, а ныне эпоха революций наступила. Ссылки Каутского на возможность «мирной революции» в Англии, США, Голландии Ленин отвергает: в XIX в. там не было «бюрократии и военщины», ныне они там присутствуют, их надо свергать. Охрану прав «меньшинства» при демократии Ленин объявляет «сказкой» (!), всеобщие выборы — показателем зрелости рабочего класса — не более того. Диктатура пролетариата нужна, ибо свергаемые классы долгое время сохраняют свои преимущества: деньги, движимое имущество, навыки организации и все ее «тайны», близость к техническому персоналу предприятий, свои международные связи и поддержку неустойчивых слоев населения.

Перед нами две односторонние концепции. Каутский абстрагируется от противоречий мировой войны, Ленин, вроде бы отрицая «абсолютные истины» объявляет советскую власть в «миллион раз» (!) демократичней парламентаризма, уходя вообще от анализа ее реального (хаотического) состояния<sup>5</sup>. Ушел Ленин и от разбора заключительной главы книги Каутского «Новая теория», где тот доказывал, что большевики предали забвению положение Маркса, гласящее, что нельзя никакими волевыми актами и декретами перепрыгивать через последовательные фазы естественно-исторического процесса. Здесь же Каутский уличал большевиков в политическом двурушничестве: «Демократия для них — лестница, которая служит для восхождения к правительственному всемогуществу, лестница, которая после взятия власти становится им более не нужной и даже просто отбрасывается ими: как бы ее не использовал кто-либо другой». Ленин на этот выпад просто не ответил; Каутский попал в точку.

<sup>4</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 251—259, 337.

<sup>5</sup> Там же. С. 252—254, 257, 263 и др.

Бесили Каутского и постоянные оскорбления Ленина, например: «Никогда — иначе, как в сладенькой фантазии сладенького дурачка Каутского — эксплуататоры не подчинятся решению большинства эксплуатируемых, не испробовав в последней, отчаянной битве, ряде битв, своего преимущества». Для подавления эксплуататоров и нужна жесточайшая диктатура пролетариата, как не связанное никакими законами насилие. Иногда выразителем диктатуры класса может быть и «диктатура отдельных лиц»<sup>6</sup>.

В 1919 г. появилась фундаментальная книга Каутского «Терроризм и коммунизм». Советская Россия — по Каутскому — уступала Парижской коммуне и в отношении к террору.

Само понятие «терроризм» Каутский рассматривает в самых широких рамках — от XVIII до XX в. Он фиксирует, в частности, рост «стихийного терроризма» масс во Франции XVIII в. (к зверским формам борьбы массы приучал сам королевский режим). Затем терроризм становится средством государственной политики якобинцев, которые использовали гильотину для сокрушения соперничающих с ними фракций, а также как средство решения задач, выдвинутых голодающим «плебсом», — что оказалось бесполезным, «несмотря на весь разгул гильотины, создавались новые капиталы... А голод не уменьшался». Границ и пределов террору якобинцы поставить не смогли, и сами погибли под его ударами. В целом «терроризм» XVIII в. трактуется, как «особая форма революции», которая не должна повторяться «в будущем».

Все пролетарские движения XIX в. и Парижская коммуна 1871 г. оцениваются Каутским как примеры «гуманности», «ненасилия» со стороны пролетариата — к террору его заставили прибегнуть сами правящие классы.

Затем в начале XX в. возникает мировая война, приучающая солдат к каждодневному зверству. Гигантская война расшевелила всех, исчезла индифферентность, но более развитое меньшинство пролетариата потеряло свое влияние «и на его место вступила слепая ярость люмпенизированных масс».

Соответственно вновь появились «социалистические режимы», не считающиеся с Марксовой постановкой проблемы социальной революции, демагогически потакающие диким и невежественным в проблемах экономики массам. «Снова ни в Москве, ни в Будапеште не ставят себе вопроса, какая политика при данных экономических условиях возможна и необходима», и, обретая власть, «спешат немедленно вводить “социализм”».

<sup>6</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 263; т. 36. С. 199.

Метя в политику «военного коммунизма» в России, К.Каутский фиксирует непродуманность действий большевиков: сначала экспроприация, затем организация, сначала управляющие промышленностью диктаторы, затем уже раздумья о способах их избрания и контроля за ними. Этот «шиворот-навыворот» был — по Каутскому — неизбежен с того момента, «когда решили ввести социализм, опираясь лишь на желания, а не на реальные условия». А вместе с тем неизбежно пришел правительственный террор — как средство самосохранения власти и одновременно — универсальный способ решения вставших перед диктатурой проблем. «Но факт остается фактом: пролетарская революция снова стала кровавой». И еще: «Террор — это самое отвратительное и отталкивающее, то явление, которое вызывает к большевикам наибольшую ненависть»<sup>7</sup>.

Прорисовывая детали системы «военного коммунизма», Каутский несомненно затрагивает ряд реальных явлений общественной жизни страны: «Русский коммунизм стал воистину социализмом казармы». Вместо старой классовой системы в обществе вырастает новая: внизу появилась лишенная всех прав буржуазия, на нее-то и возложили в основном «трудовую повинность»; чуть выше — пролетариат, которому льстили разговорами о его высшем предназначении; над ними — возрождавшаяся «бюрократия», на долю которой достались все реальные привилегии; и над всем этим возвышалась обладающая претензией на власть и на истину в последней инстанции партийная элита. Отсутствие «свободной прессы» особенно беспокоит Каутского — «ложь расцветает там, где она не боится никакого контроля, где может говорить лишь пресса одного-единственного направления».

Каутский считает нерешенным в Советской России вопрос о месте и роли интеллигенции — ее то лишали прав, то заставляли служить Советскому режиму — и не только пинками, «но и платя высокую заработную плату». Он ясно видит коррумпирование партийно-государственной элиты, куда проникли «авантюристы и жулики, хвастуны и крикуны». Он считает бесплодными все попытки насаждения культуры в народной массе «сверху» — «все более становится ясным, что воспитание масс и их вождей в демократии является предпосылкой социализма».

Определенной гибкости в большевистской политике Каутский не отрицает, но подчеркивает, что Советский режим спасает себя в основном за счет возрождения прежних институтов: «госмашину» сло-

<sup>7</sup> Каутский К. Терроризм и коммунизм. Берлин. 1919. С. 37—38, 40, 49, 154, 161, 186—187, 204 и др.

мали в революции, но ее тут же стали строить вновь; царскую армию большевики разложили только для того, чтобы создать свою, новую; высокие оклады чиновникам отменили, чтобы тут же ввести их снова и т. д.<sup>8</sup>

Предрекая большевикам Термидор, Каутский советует избежать его, сменив революционные методы на эволюционные; он считает абсолютно иллюзорными все надежды на «всемирную революцию» и советует пролетарским партиям Европы идти испытанным путем демократии, заботясь о том, «чтобы моральная катастрофа **одного определенного метода социализма** не стала катастрофой **социализма вообще**»<sup>9</sup>.

Ленин узнал о содержании книги Каутского из радиоперехвата 13 сентября 1919 г. — пересказа книги редактором газеты «Форвертс» Ф. Штампфером. Ответил Ленин статьей «Как буржуазия использует ренегатов». В статье он утверждал, что «ни одно революционное правительство без смертной казни не обойдется» и весь вопрос в том, *«против какого класса* направляется данным правительством оружие смертной казни». К тому же в этом случае речь идет о революции, вырастающей «из великой империалистической бойни народов», когда требуется подавление «заговоров и контрреволюционных покушений со стороны десятков и сотен тысяч офицеров»<sup>10</sup>.

Впрочем, некоторые упреки Каутского Ленин на словах учел, что видно из его выступления на VIII Всероссийской конференции РКП(б): «Обвинение в терроризме, поскольку оно справедливо, падает не на нас, а на буржуазию. Она навязала нам террор. И мы первые сделаем шаги, чтобы ограничить его *минимальнейшим минимумом*, как только мы закончим с основным источником терроризма — нашествием мирового империализма, с военными заговорами и военным давлением мирового империализма на нашу страну»<sup>11</sup>.

Но все же после окончания Гражданской войны четкой линии на свертывание террора в России в 1921—1922 гг. не прослеживается. В 1922 г. последовал взлет, мы бы сказали «профилактического террора» в России (процесс над эсерами, высылка за границу неугодных политиков, да и мыслителей-публицистов, преследования служителей церкви и т. п.). Некоторые объясняют этот взлет навязчивыми

<sup>8</sup> Каутский К. Терроризм и коммунизм. С. 175, 186, 203 и др.

<sup>9</sup> Там же. С. 204, 210—211 и др.

<sup>10</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 183—184. Кстати, в белой армии офицеров было около 120 тыс. человек.

<sup>11</sup> Там же. С. 355 (курсив наш — Е.П.).

состояниями больного Ленина<sup>12</sup>. Мы же полагаем, что Ленин **сознательно** создавал условия для «безмятежного» (в смысле отсутствия мятежей вроде Тамбовского или Кронштадтского) существования советской власти, переходящей к нэпу. А вот в Завещании Ленина нет и намека на возможность применения методов насилия при построении социализма.

Впрочем, следует признать: сама проблема террора, его рамок не была теоретически проработана при жизни Ленина, да и сам он — как видно из ставших доступными архивных данных — все время подхлестывал требованиями применения расстрела руководителей РКП(б), боровшихся с мятежами или разгильдяйством. Не отменил он массового планомерного террора после покушения на его жизнь, и требовал узаконивания расстрелов при выработке Уголовного кодекса.

Надо признать, что руководители ВЧК, вроде М.Я. Лациса, обвиняли в контрреволюции целые «эксплуататорские классы», проводя по отношению к ним дискриминационную политику, а иногда и чиня над ними расправы.

Впрочем, цифры, приводимые в тогдашних отчетах, не были столь пугающими, какими они станут в конце 20 — начале 50-х гг. За первое полугодие 1918 г. было расстреляно 22 человека (арестованных генералов и офицеров выпускали еще под «честное слово»). За второе полугодие 1918 г. в связи с ростом сопротивления большевиками было расстреляно уже свыше 6 000 человек, а всего за три года с 1918 по 1921 г. — 12 733 человека по всей России<sup>13</sup>; не меньшее число жертв уносил и террор «белый».

Но если даже данные Лациса преуменьшены вдвое-втрое, все это, в общем-то, сопоставимо с якобинским террором во Франции 1793—1794 гг., когда было гильотинировано 17 тыс. человек и умерло в тюрьмах примерно столько же. Зато в СССР при диктатуре Сталина, открывшего «закон обострения классовой борьбы при строительстве социализма», репрессии ОГПУ—НКВД увеличатся **тысячекратно** — счет пойдет на миллионы...

Обратившись к полемике Ленина с Каутским, мы были вынуждены несколько забежать вперед и теперь вернемся к 1917—1918 гг., заметкам Р. Люксембург о двух русских революциях.

<sup>12</sup> См., например: Д'Анкокс Э.К. Ленин. М., 2002. Глава XV. Распад интеллекта. С. 323—324.

<sup>13</sup> См.: Лацис М.Я. Два года борьбы на внутреннем фронте. М., 1920; Лацис М.Я. (Сурбрас). Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией. М., 1921.

## Из писем Р. Люксембург о событиях Февраля и Октября

С эмоциональным подъемом и громадными ожиданиями встретила Роза Люксембург, бывшая в тюремном заключении, сведения о двух революциях в России; знаменитая революционерка писала Кларе Цеткин 13 апреля 1917 г.:

«...Вести из России и весна вполне способствуют появлению свежего и бодрого настроения. Русские события обладают непредсказуемой, огромной широтой воздействия, и я рассматривая то, что там до сих пор произошло, лишь как маленькую увертюру. Дела там должны стать грандиозными, это заложено в самой природе вещей. А эхо во всем мире не заставит себя ждать...»

Марте Розенбаум, позднее, 12 ноября 1917 г.:

«...Вот уже неделю все мои мысли, естественно, в Петербурге, и я нетерпеливой рукой хватаю утром и вечером свежие газеты... Хотя на прочный успех там рассчитывать не приходится, но, во всяком случае, уже само начало борьбы там за власть — это пощечина здешней социал-демократии и всему спящему Интернационалу. Каутский, разумеется, не нашел ничего лучшего, чем доказывать статистически, что социальные условия России еще не созрели для диктатуры пролетариата! Достойный «теоретик» Независимой социал-демократической партии! Он позабыл, что «статистически» Франция в 1789 г., а так же и в 1793 г. была еще менее созревшей для господства буржуазии... К счастью, история давно уже не следует теоретическим рецептам Каутского, так что будем надеяться на лучшее...»<sup>14</sup>.

Не менее интересны теоретические соображения Р. Люксембург о событиях 1917—1918 гг. в России.

*О Февральской революции в России.* Причины победы Февральской революции, расстановку в ней сил, перспективы их борьбы Р. Люксембург определяет точно: «Если ныне революция в России победила так быстро, в течение нескольких дней, то это единственно и целиком потому, что она по своей исторической сути только продолжение великой революции 1905—1907 гг. Контрреволюции удалось подавить ее лишь на короткое время, но нерешенные задачи революции требовали решения, а неисчерпаемая классовая энергия вспыхнула вновь в самых трудных условиях». Страх перед «необузданным размахом народной революции» «побудил Родзянко, Милюкова, Гучкова встать на сторону революции» с целью «овладеть революцией», исключить этим ее «решительно демократические», а также «социальные тенденции».

<sup>14</sup> Люксембург Р. О социализме и русской революции. М., 1991. С. 333, 334.

Но рано или поздно «начнется попятное движение буржуазии», обнаружится разрыв с ее «позицией решительного либерализма».

С другой стороны, рабочий класс повернет в русло «решительно демократического и социального действий», он снова развернет «программу 1905 г.». Но самый настоятельный лозунг ныне, связанный со всеми другими: «Конец империалистической войне!». Именно в этом пункте схлестнутся программа пролетариата с программой русской империалистической буржуазии, «которая грезит о Константинополе и наживается на войне». «Действие ради мира именно в России, как и везде, может развернуться только в одной форме: это революционная классовая борьба против собственной буржуазии, борьба за политическую власть в государстве». Как мы знаем, Р. Люксембург не ошиблась в своих ожиданиях.

События в России поставили и германский пролетариат «перед вопросом о своей чести и судьбе». Теперь германские войска на Востоке сражаются уже не против царизма, а против революции, они наносят ей «удар прямо в спину». Россия сама освобождает себя. Но кто же, спрашивает Р. Люксембург, «освободит *Германию* от диктатуры сабли, остэльбской реакции и империалистической бойни народов?».

Возвращаясь к «русским проблемам», Р. Люксембург говорит о главном условии победы пролетариата: «Как и десять лет назад, революционный русский пролетариат должен теперь первым делом преодолеть недостатки своей организации...» «Время покажет, будет ли русский пролетариат... один истекать кровью, или даже истечет кровью — в борьбе за дело мира, которое, однако, является делом всего интернационального социализма»<sup>15</sup>.

*Р. Люксембург о «русской трагедии».* Особый цикл своих рассуждений она посвящает проблемам, связанным с заключением Брестского мира большевиками. Цели политики большевиков были в этом вопросе очевидны: мир любой ценой, завоевание передышки, чтобы «тем временем расширить и укрепить пролетарскую диктатуру России, осуществить сколько возможно реформы в духе социализма и таким образом дожидаться взрыва международной пролетарской революции, одновременно ускоряя ее примером России».

И все же, считает Роза Люксембург, это был в значительной мере расчет без хозяина — германского милитаризма, «на милость и немилость которого Россия отдавала себя сепаратным миром». Ленин и его друзья рассчитывали своей капитуляцией «купить действительную

<sup>15</sup> Люксембург Р. О социализме и русской революции. С. 296—300.

передышку», они ее не получили. Надо сказать: Р. Люксембург во многом была права.

На самом деле Брест-Литовский «мир» — «это химера», — пишет Р. Люксембург. — «Мира между Россией и Германии не было ни на один миг. Со времени Брест-Литовска и по сей день война продолжается, только своеобразная, ведущаяся одной стороной: систематическое германское продвижение и молчаливое, шаг за шагом, отступление большевиков. Оккупация Украины, Финляндии, Лифляндии, Эстляндии, Крыма, Кавказа, все больших просторов Южной России — вот результат «состояния мира» после Брест-Литовска».

Это неограниченное хозяйничанье Германии в России невероятно усилило позиции германского империализма в войне и разожгло до белого каления сопротивление и волю к войне в странах Антанты, которые (вместе с Японией) начали к тому же «контракцию» «на русской территории»; «Север и Юг европейской России, а так же вся Сибирь блокированы, и большевиков отрезают от их последних жизненных источников». Россия оказывается окруженной, погибающей от голода, удушаемой, «пламя мировой войны перебрасывается на русскую землю и в ближайший момент охватит русскую революцию». К тому же Россия покатила по наклонной плоскости вниз и во внутренних своих делах — убийство Мирбаха вызвало «смертельную вражду между обоими крыльями армии революции».

Теперь большевикам, считает Р. Люксембург, грозит и еще более ужасное: «подобно зловещему привидению, близится союз большевиков с Германией!», «спаривание» Ленина с Гинденбургом. Такой союз явился бы страшным ударом для интернационального социализма, «был бы погашен моральный источник света на Востоке». Но эти опасения были все же напрасны...

Но мы надеемся, пишет и Р. Люксембург, что Ленин и его друзья не поддадутся такому предложению ни за какую цену, «что они категорически заявят: до сих пор и не дальше!». «Любую политическую гибель большевиков в честной борьбе против превосходящей силы и неблагоприятной исторической ситуации следовало бы предпочесть этой моральной гибели».

Вину за все ошибки большевиков Р. Люксембург возложила на международный пролетариат и на беспримерную в своей подлости германскую социал-демократию, которая уже целых четыре года распинаят по указке господствующих классов социализм на кресте. «Есть только одно разрешение трагедии, — пишет она, — в которую впутана Россия: восстание в тылу германского империализма... сигнал к международному революционному окончанию бойни народов».



Спасение чести русской революции в этот роковой час идентично спасению чести германского пролетариата и интернационального социализма»<sup>16</sup>.

*Из «рукописи о русской революции».* Великолепно описав внешнеполитическую трагедию России, Р. Люксембург переходит к внутренним проблемам русской революции. «Было бы поистине безрассудным представление, — пишет она, — будто при первом всемирно-историческом эксперименте с диктатурой рабочего класса решительно все, что сделано и не сделано в России могло стать вершиной совершенства». Вместе с тем, напоминает она, первейший долг социалистов всех стран — оценить меру собственной ответственности за судьбы русской революции, за то, что в отчаянных условиях самая безграничная революционная энергия большевиков была способна «осуществить не демократию и не социализм, а лишь бессильные, искаженные их попытки». К этим описаниям Р. Люксембург нельзя не прислушаться.

Развитие Октябрьской революции, считает автор рукописи, напоминало развитие Английской и Французской революции — она двигалась от первоначальной умеренности ко все большей радикализации, от коалиции классов и партий к единовластию самой радикальной партии. Уже после первого дня победы революции началась борьба вокруг двух центральных проблем: вопроса о мире и земле. Ухватившись за фикцию о буржуазном характере революции, меньшевики и эсеры «отчаянно цеплялись за коалицию с буржуазными либералами», партия Ленина с ее лозунгом «Вся власть массам, Советам!» была единственной партией, которая осуществляла «истинно социалистическую политику», которая привлекла на свою сторону массы, шедшие поначалу за Даном и Церетели.

Большевики разрешили знаменитый вопрос о «большинстве народа» — они не ждали этого большинства, а создавали его в ходе борьбы, они шли через революционную тактику к большинству, впервые провозгласив «конечной целью социализм как непосредственную программу практической политики».

Но при этом, однако, лозунг большевиков — непосредственного, немедленного захвата крестьянами помещичьей земли, «привязавший крестьян к революционному правительству», не имел ничего общего с социалистическим ведением хозяйства; «после того, как раздробили крупные поместья — самый благоприятный исходный пункт для социалистического ведения хозяйства — на мелкие производства, теперь пытаются создать из них понемногу образцовые коммунистические

<sup>16</sup> Люксембург Р. О социализме и русской революции. С. 310—306.

предприятия». Такой эксперимент не может стать основой широкой социальной реформы — «чрезвычайно выросшая и усилившаяся масса имущего крестьянства... будет зубами и ногтями защищать свою новообретенную собственность от всех социалистических покушений». Р. Люксембург несомненно вышла здесь к одной из главных проблем Октября: «противоречия и борьбы между городским пролетариатом и крестьянскими массами», того противоречия, которое Ленин будет решать в эпоху нэпа. Вообще она считает, что «ленинская аграрная реформа создала в деревне новый мощный слой врагов социализма, сопротивление которых будет гораздо опаснее и упорнее, чем было сопротивление дворян-помещиков».

Далее, считает Роза Люксембург, способствовало крушению и распаду страны защищаемое большевиками упорно право наций на самоопределение, «в то время как они проявили весьма холодное пренебрежение к Учредительному собранию, всеобщему избирательному праву, свободе печати и собраний, короче, ко всему ареалу демократических свобод для народных масс... Они обращались с правом наций на самоопределение как с сокровищем демократической политики, перед которым должны умолкнуть все практические соображения реальной критики». Ленин и его товарищи рассчитывали, очевидно, на то, что нет более надежного средства привязать к делу революции «многие нерусские национальности», чем обеспечив им от имени революции и социализма «самую широкую, неограниченную свободу распоряжаться своей судьбой». Увы, и здесь расчет не оправдался. Финляндия, Украина, Польша, Литва, Балтийские страны использовали дарованную им свободу, чтобы в качестве врага революции вступить в союз с германским империализмом и под его защитой понести знамя контрреволюции в саму Россию. В инструмент реакционной политики сумели превратить «самоопределение», конечно, буржуазные классы, но везде у них были тысячи средств воздействия на широкие слои народа.

«Таким содействием национализму они (большевики) сами вызвали, подготовили распад России и этим вложили в руку собственных врагов нож, который те намеревались вонзить в сердце русской революции». Конечно, за всеми этими акциями стояли германские империалисты, но большевики создали идеологию, которая маскировала этот поход контрреволюции. Это — несомненное преувеличение Р. Люксембург: главным было военное превосходство немцев.

Большевики распустили Учредительное собрание в январе 1918 г., то самое, созыва которого они добивались на подходе к Октябрю, на том основании, что его состав «отражал картину прошлого состояния,

а не нового положения вещей». Но почему нельзя было немедленно объявить «выборы нового» Учредительного собрания! Этому роспуску противоречит весь исторический опыт: «живые флюиды настроения народа постоянно омывают представительные учреждения, проникают в них, управляют ими». «Именно революция создает своим пылающим жаром ту тонкую, вибрирующую, восприимчивую политическую атмосферу, в которой волны народного настроения, удары пульса народной жизни самым чудесным образом воздействуют на представительные учреждения».

Разумеется, каждое демократическое учреждение имеет свои рамки и недостатки. «Но только найденное Троцким и Лениным целебное средство — устранение демократии вообще — еще хуже, чем тот недуг, который оно призвано излечить: оно ведь засыпает тот живой источник, черпая из которого только и можно исправить все врожденные пороки общественных учреждений, — активную, беспрепятственную, энергичную политическую жизнь широчайших народных масс».

Другой пример — избирательное право для выборов в Советы. Оно предоставляется тем, кто живет собственным трудом, а все остальные его лишены — и это в то время, когда масса людей оторвана от своих корней, без какой-либо надежды найти работу; лишены избирательного права растущие слои мелкой буржуазии и пролетариата.

Учредительным собранием и избирательным правом вопрос не исчерпывается. Упразднены важнейшие демократические гарантии здоровой общественной жизни и политической активности трудящихся масс: «свобода печати, права союзов и собраний».

«Свобода лишь для сторонников правительства, лишь для членов одной партии — сколь бы многочисленными они ни были — это не свобода. Свобода всегда есть свобода для инакомыслящих. Не из-за фанатизма “справедливости”, а потому, что от этой сути зависит все оживляющее, исцеляющее и очищающее действие политической свободы; оно прекращается, если “свобода” становится привилегией».

Думаем, Р. Люксембург не вполне учитывает чрезвычайное состояние Советской России, а также принципиальную «несовместимость» диктатуры пролетариата со «свободой», о чем уже шла речь в нашем рассказе о II съезде РСДРП.

Самостоятельную проблему большой важности, пишет она, ставит борьба с люмпен-пролетариатом в революции. Это не просто отбросы рушащегося капиталистического общества, но и его интегрирующий элемент, он особенно проявляется, когда капитализм пересаживают на чужую социальную почву колоний. Отбросив нормы морали и права,

буржуазное общество, «сокровенным жизненным законом которого является аморальность — эксплуатация человека человеком — впадает непосредственно и безудержно в примитивное разложение». Пролетарской революции придется повсюду вести борьбу с этим врагом и оружием контрреволюции.

Но надо сознавать, что и в этом случае террор — тупой или обоюдоострый меч. Самая драконовско-полевая юстиция бессильна перед люмпенством, а произвол действует на общество развращающе. Помочь может лишь улучшение социальных условий жизни масс, а также распространение революционного идеализма и политической свободы при активной общественной жизни масс.

«Никто не знает этого лучше, не говорит об этом убедительнее, не повторяет это упорнее, чем Ленин. Но он целиком ошибается в выборе средств. Декрет, диктаторская власть фабричных надсмотрщиков, драконовские наказания, террор — все это паллиативы. Единственный путь к возрождению: школа самой общественной жизни, неограниченная широчайшая демократия, общественное *мнение*. Именно господство террора деморализует».

С подавлением политической жизни в стране будет все более затухать жизнь в Советах. Без демократии создается «видимость жизни», деятельным элементом остается одна бюрократия.

Здесь, как мы увидим, Р. Люксембург схватывает реальную тенденцию в дальнейшей эволюции Советов. Далее она продолжает:

«Общественная жизнь постепенно угасает, дирижируют и правят с неумейной энергией и безграничным идеализмом несколько дюжин партийных вождей, среди которых реально руководит дюжина выдающихся умов, а элита рабочего класса время от времени созывается на собрания, чтобы рукоплескать речам вождей, единогласно одобрять предложенные резолюции. Итак, по сути — это хозяйничанье клики; правда это диктатура, но не диктатура пролетариата, а диктатура горстки политиков, т. е. диктатура в чисто буржуазном смысле, в смысле господства якобинцев...». Здесь Р. Люксембург попадает в самую точку.

«Как марксисты, мы никогда не были идолопоклонниками формальной демократии» — пишет Троцкий. Да, мы не были идолопоклонниками формальной демократии. Мы никогда не были идолопоклонниками социализма или марксизма. Но разве отсюда следует, что мы можем выбросить на свалку и социализм, марксизм а-ля Кунов—Ленц—Парвус, когда он становится для нас неудобным. Троцкий и Ленин — живое отрицание такого подхода. Так точно: диктатура! Но эта диктатура заключается в способе *применения* демократии, а не в ее

упразднении, в энергичных решительных вторжениях в благоприобретенные права и экономические отношения буржуазного общества, без чего невозможно осуществить социалистический переворот. Но эта диктатура должна быть делом *класса*, а не небольшого руководящего меньшинства от имени класса», она должна подчиняться контролю всей общественности, опираться на растущую политическую активность и сознательность народных масс.

Что можно сказать по поводу всех этих рассуждений, вернее, обличений Розы Люксембург? Она все же игнорирует состояние, в котором находится Советская Россия, ее чрезвычайное положение, которое не может не выливаться в чрезвычайные меры, она не видит объективной вынужденности решения земельного вопроса большевиками, отсутствия всякой почвы для насаждения демократических порядков и учреждений, легко превращающихся в орудие борьбы с диктаторским режимом, вернее, она понимает это, но наполовину, говоря об ужасах «мировой войны», при «германской оккупации» и «всех чрезвычайных трудностях», «которые не могли не исказить любую социалистическую политику, преисполненную самых лучших намерений и самых прекрасных принципов». Но она абсолютно права в том, что «модель социализма», построенного Лениным и Троцким (мы еще вернемся к «военному коммунизму» большевиков. — *Е.П.*) нельзя принимать за какой-то готовый образец для действия пролетариата в других странах.

«Молчаливая предпосылка теории диктатуры в духе Ленина — Троцкого состоит в том, что социалистический переворот — это дело, для которого в кармане революционной партии имеется готовый рецепт, нуждающийся только в энергичном осуществлении. К сожалению — а возможно, к счастью, — дело обстоит не так. Практическое осуществление социализма как экономической, социальной и правовой системы — далеко не сумма готовых предписаний, которые остается лишь применить, оно целиком пребывает в тумане будущего». Но, в конце концов, Р. Люксембург находит взвешенную оценку событий в России.

Можно понять все, что происходит в России и образует неизбежную цепь причин и следствий. Но нельзя требовать от Ленина и его товарищей сверхчеловеческого, ожидать еще и того, чтобы при таких обстоятельствах они оказались бы способны сотворить чудо, создав самую прекрасную демократию, самую образцовую диктатуру пролетариата и процветающую социалистическую экономику. Своим решительным революционным поведением, своей образцовой энергией и своей нерушимой верностью интернациональному социализму они,

право же, сделали достаточно из того, что было возможно сделать в столь дьявольски трудных условиях. «Опасность начинается тогда, когда они нужду выдают за добродетель, хотят теперь по всем пунктам теоретически зафиксировать навязанную им этими фатальными условиями тактику и рекомендовать ее международному пролетариату как *образец социалистической тактики, достойный подражания* (курсив наш. — Е.П.)». Тем самым большевики зарывают свои действительно неоспоримые исторические заслуги в груде вынужденных ошибочных шагов, внося в арсенал международного социализма «в качестве новых открытий все перекосы, обусловленные в России чрезвычайными обстоятельствами, в конечном же счете явившиеся следствием банкротства интернационального социализма в этой мировой войне».

Все мы подвластны закону истории, а социалистическая политика может осуществляться лишь в международном масштабе. Большевики не должны стремиться творить чудеса. «Ибо образцовая и безошибочная пролетарская революция в изолированной стране, истощенной мировой войной, удушаемой империализмом, преданной международным пролетариатом, была бы чудом».

Надо отличать в политике большевиков существенное от несущественного, коренное от случайного — вот основной принцип Р. Люксембург. Накануне решающих боев во всем мире главное — не та или иная деталь тактики, а способность пролетариата к действию, революционная активность масс, вообще воля к установлению власти социализма. «В этом отношении Ленин и Троцкий со своими друзьями были *первыми*, кто пошел впереди мирового пролетариата, показав ему пример; они до сих пор все еще *единственные*, кто мог бы воскликнуть вместе с Гуттеном: “Я отважился!”».

«Вот что самое существенное и *непреходящее* в политике большевиков. В *этом смысле* им принадлежат бессмертная историческая заслуга: завоеванием политической власти и практической постановкой проблемы осуществления социализма они пошли впереди международного пролетариата и мощно продвинули вперед борьбу между капиталом и трудом во всем мире. В России проблема могла быть только поставлена. Она не могла быть решена в России, она может быть решена только интернационально, и *в этом смысле* будущее повсюду принадлежит “большевизму”»<sup>17</sup>.

Для нас интересно теперь сравнить критику большевизма Каутским

<sup>17</sup> Люксембург Р. О социализме и русской революции. С. 306—332.

*справа* и критику большевизма Люксембург *слева*. Они фиксируют в сущности одни и те же узости, ошибки большевиков. Но для первого это служит поводом отговорить рабочий класс Европы от революционного пути, для второй — подвинуть пролетариат на еще более плодотворный революционный путь.

## Глава 14

### Строительство нового мира.

### Ленинские «модели» социализма

#### Советы — государственная форма диктатуры пролетариата?

Сторонником принципа диктатура пролетариата Ленин проявил себя еще на II съезде РСДРП. Воспринял он эту формулу от Маркса и Энгельса. В 1850 г. они употребили это определение в документе «Всемирного общества коммунистов-революционеров», подписав его вместе с бланкистами Аденом, Видалем и левым чартистом Дж. Гарни. Но бланкистами они не были, рассчитывая на то, что к политическому господству пролетариат придет, составляя *большинство* населения в обществе<sup>1</sup>. Особенно часто они это понятие не употребляли — ввиду его непопулярности, но и не отказывалась от него.

В жизнь, считали Маркс и Энгельс, диктатура пролетариата воплотилась в практике Парижской коммуны 1871 г. Ее опыт пристально изучал Ленин, посвятив Коммуне ряд статей. Высоко ставя этот опыт, Ленин вслед за Марксом утверждал, что диктатура пролетариата должна в первую очередь обеспечить слом прежней государственной машины, заменив ее «отмирающим» государством и сведя на нет бюрократию и чиновников. Без «надсмотрщиков и бухгалтеров» дело на первой фазе господства пролетариата не обойдется, но они будут подчинены контролю вооруженного народа, а затем замены его «самоуправлением». «...Все более упрощающиеся функции надзора и отчетности будут выполняться всеми по очереди, — считал Ленин, — будут затем становиться привычкой и, наконец, *отпадут*, как *особые* функции особого слоя людей»<sup>2</sup>.

Ленин полностью принимал в своем труде «Государство и революция», который мы цитируем, положение Маркса о ликвидации после революции пролетариата парламентаризма и разделения властей. «Ком-

<sup>1</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 551.

<sup>2</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 50.



муна должна быть не парламентским учреждением, а работающим, в одно и то же время законодательствующим и исполняющим законы»<sup>3</sup>. Ленин не осознал, что имеет дело с ограниченным, исторически не проверенным и негодным для постоянной работы госучреждений опытом. Его «отмирающее» государство, «государство-коммуна» *не пригодилось* в практике Октябрьской революции в России.

Ввиду малограмотности населения страны определенные опасения у Ленина насчет всеобщего самоуправления трудящихся и их управления государством возникали. В работах 1917 г. появились его наброски о «неполном» сломе прежней госмашин, о ликвидации в ходе революции чисто угнетательского аппарата и сохранении аппарата управленческого. Кроме того, Ленин в «Государстве и революции», говоря о грядущей отмене классов и вместе с ними — государства, оставлял открытым вопрос о сроках этого процесса. Но тем не менее сам принцип нового строя оставался для него незыблемым: «Рабочие, — писал Ленин, — завоевав власть, разобьют старый бюрократический аппарат, сломают его до основания, не оставят от него камня на камне, заменят его новым, состоящим из тех же самых рабочих и служащих, *против* превращения коих в бюрократов будут приняты тотчас меры, подробно разработанные Марксом и Энгельсом: 1) не только выборность, но и сменяемость в любое время; 2) плата не выше платы рабочего; 3) переход немедленный к тому, чтобы *все* исполняли функции контроля и надзора, чтобы *все* на время становились «бюрократами» и чтобы поэтому *никто* не мог стать бюрократом»<sup>4</sup>.

В «Государство и революцию» Ленин вписал и положение о руководящей роли партии в процессе переустройства общества: «воспитывая рабочую партию, марксизм воспитывает авангард пролетариата, способный взять власть и *вести весь народ* к социализму, направлять и организовывать новый строй, быть учителем, руководителем, вождем всех трудящихся в деле устройства новой общественной жизни без буржуазии и против буржуазии»<sup>5</sup>.

Первая русская революция 1905—1907 гг. внесла в эту теоретическую модель существенные добавки. Появились внепартийные Советы, к которым Ленин поначалу присматривался, но затем вполне принял как зачаточные органы «революционной власти». Советы, правда, выходили не из всеобщих выборов, как Парижская коммуна, а из самовольного захвата власти пролетариатом и крестьянством, но это не меняло сути дела.

<sup>3</sup> Люксембург Р. О социализме и русской революции. С. 45, 46.

<sup>4</sup> Там же. С. 109.

<sup>5</sup> Там же. С. 26.

Кроме того, в России пролетариат не *составлял* большинства, что заставило Ленина в 1905—1907 гг. прибегнуть к формулам *диктатура пролетариата и крестьянства, диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства*, как *переходным* к «чистой» диктатуре пролетариата.

Во всяком случае, в знаменитой «Синей тетради» («Марксизм о государстве»), этом предварительном наброске будущего труда «Государство и революция», опыт Парижской коммуны был слит с опытом революции 1905—1907 и Февраля 1917 гг. Будущая пролетарская революция в России мыслилась как «замена старой (“готовой”) государственной машины *и парламентов Советами рабочих депутатов* и их доверенными лицами»<sup>6</sup>.

Ленин отмечал в речи на VII Чрезвычайном съезде РКП(б), что именно наличие Советов в большинстве городов России сыграло определяющую роль в Октябре 1917 г.: «Если бы народное творчество русской революции, прошедшее через великий опыт 1905 г., не создало бы Советов еще в феврале 1917 г., то ни в каком случае мы не могли бы взять власть в октябре, так как успех зависел от наличности уже готовых форм движения, охватившего миллионы. Этой готовой формой явились Советы и потому в политической области нас ждали те блестящие успехи, то сплошное триумфальное шествие, которое мы пережили, ибо новая форма власти была наготове... Само глубокое народное творчество, прошедшее через горький опыт 1905 г., умудренное им, — вот кто создал эту форму политической власти»<sup>7</sup>.

Советы приняли деятельное участие в организации жизни в городах и селах в первые месяцы Советской власти. Но их функции не стали всеобъемлющими. Для ликвидации саботажа чиновников прежних ведомств и контрреволюционных заговоров пришлось создать чрезвычайный террористический орган — ВЧК. «Красногвардейская атака на капитал» на переломе 1917—1918 гг. — организация рабочего контроля над производством, затем почти сплошная национализация промышленности шла через рабочие органы на предприятиях — фабзавкомы, профсоюзы; управление хозяйством велось через вновь созданный Высший Совет Народного Хозяйства — ВСНХ и вновь организуемые главки. Всеобщее вооружение народа, предусмотренное в труде «Государство и революция», тоже не состоялось — для обороны страны и соблюдения порядка пришлось создать кадровую армию на основе всеобщей воинской повинности и привлечения в ряды Красной армии бывших офицеров; создали и милицию.

<sup>6</sup> Люксембург Р. О социализме и русской революции. С. 231.

<sup>7</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 6.

К весне 1918 г. стало ясно, что Советы плохо приспособлены к управлению страной, выполнению функций многообразной государственной деятельности. К тому же они часто проявляли местнические тенденции, игнорировали директивы центра, митингование плохо сочеталось с деятельностью вновь образованных отделов управления, непосредственно подчиненных НКВД; отделы подмяли под себя Советы. В реальной жизни на место постоянной выборности и сменяемости чиновничества стало назначенство — все никак не могли становиться на время бюрократами. Заработная плата «буржуазным специалистам» — а они были в массовом масштабе привлечены в производство и управление в 1919 г. — была повышена, затем привилегии получили свыше 13 500 высших партийных работников.

Более того, поскольку государство взвалило на себя в годы Гражданской войны руководство всей национализированной (полуразрушенной) промышленностью, заготовку и распределение всех продуктов питания, взяло курс на огосударствление профсоюзов и кооперации, то разросся до непомерных размеров административно-управленческий аппарат, чиновников стало больше, чем было до революции. Возникла «болячка» бюрократизма, для излечения от которой требовались, по словам Ленина, «долгие годы» и «сотни мер»<sup>8</sup>.

На первое место после окончания борьбы с Врангелем Ленин поставил борьбу с «бюрократизмом и волокитой советских учреждений, проверку реальных успехов борьбы»<sup>9</sup>. Но в качестве лечебного средства предлагалось *нереалистическое* «поголовное» участие населения в работе Рабоче-Крестьянской инспекции...

В конце концов эволюция Советов привела к резкому сужению их функций. Резко сужала функции Советов и Гражданская война — в прифронтовых районах власть передавалась вновь назначенным ревкомам, а непосредственно в зоне боевых действий — командованию РККА. В дополнение к этому Советы лишились лучших своих кадров — их сплошь мобилизовали на фронты Гражданской войны. Из многопартийных Советы к 1921 г. окончательно превратились в однопартийные организации — в пользу РКП(б). Все эти процессы завершились созданием в годы Гражданской войны своеобразного *государства-партии*, в которой последней и была отведена главенствующая роль.

Ленин в конце декабря 1920 г. написал заметку «К истории вопроса о диктатуре», где привел обширные выписки из своей статьи от 1906 г. «Победа кадетов и задача рабочей партии», восхвалявшей Советы как

<sup>8</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 260.

<sup>9</sup> Там же. Т. 41. С. 368; т. 42. С. 260.

зачаточные органы «революционной власти». Но парадокс истории состоял в том, что функцию власти к этому времени Советы утратили — функцию власти как «наверху», так и «внизу». «Наверху» СНК, проводя в своих декретах линию Политбюро ЦК РКП(б), вообще не считался с ВЦИК Советов. «Стремление Совнаркома быть независимым от многопартийного ВЦИК в декретном творчестве являлось одним из проявлений претензий большевиков на монопольную власть, владение всеми инструментами власти в формируемой политической системе»<sup>10</sup>. После образования Совета Обороны, затем совета Труда и Обороны эта тенденция еще больше усилилась.

Что касается положения «внизу», то еще в декабре 1919 г. Восьмая Всероссийская конференция РКП(б) записала в свои резолюции такой пункт: «Высшим органом волости является общее собрание членов партии в данной волости». В другом пункте резолюции говорилось о том, что «во всех внепартийных съездах, совещаниях, учреждениях, организациях (Советах, исполнительных комитетах, профсоюзах, коммунах), где имеется не менее 3 членов партии, организуются фракции, задачей которых является усиление влияния партии, проведение ее политики во внепартийных организациях и контроль над работой всех указанных учреждений и организаций»<sup>11</sup>.

После окончания Гражданской войны в эпоху нэпа в отношении партии к Советам ничего не изменилось, партия продолжала монополизировать всю власть. Правда, был принят ряд мер, предусматривающих активизацию роли Советов, но в выборах население по-прежнему участвовало неохотно — около трети населения в городах (за счет заводов) и около одной пятой в деревнях. «Нэпманы» были вообще лишены права голоса, хотя содействовали оживлению производства.

Отметим немаловажный факт. На подступах к мирной созидательной работе Ленин изменил содержание своего определения «диктатура пролетариата». Ранее оно гласило (и не менялось): «Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть»<sup>12</sup>. Ленин даже не считал нужным скрывать: «диктатура пролетариата, террористическая власть»<sup>13</sup>. В «Дет-

<sup>10</sup> Гимпельсон Г.Е. Формирование советской политической системы 1917—1923 гг. М., 1995. С. 25.

<sup>11</sup> КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 1. С. 206, 208.

<sup>12</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 316.

<sup>13</sup> Там же. Т. 45. С. 127.

ской болезни “левизны” в коммунизме» (1920) записано нечто новое: «Диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и административная, против сил и традиций старого общества»<sup>14</sup>.

Подчеркнем, возвращаясь к роли Советов, что определенное государственно-агитационное значение сохраняли Всероссийские съезды (со второй половины 1918 г. до конца 1921 г. было проведено пять Всероссийских съездов — V—IX).

Так, в июле 1918 г. V Всероссийским Съездом Советов была принята первая Советская Конституция. Она закрепила «общественную собственность» на средства производства, «диктатуру пролетариата», федеративное устройство государства.

Свобода выражения своих мнений, свобода собраний, митингов, шествий, свобода союзов, доступ к знаниям предоставлялись только трудящимся и обеспечивались материально.

Либеральные понятия, такие, как неприкосновенность личности, имущества, жилища, право на защиту личности от государства отсутствовали, были вообще лишены прав отдельные лица и группы, которые использовали их «в ущерб социалистической революции». Тем самым открывался простор для преследования всех несогласных с принципом диктатуры пролетариата или заменявшей его диктатуры партии. Выборы в Советы были многоступенчатыми и неравными: 1 голос рабочих был равен 5 голосам крестьян.

VII Всероссийский съезд Советов в начале декабря 1919 г. еще предоставлял право голоса приглашенным представителям оппозиции: Ф.И. Дану, Ю.О. Мартову, К.С. Буревой, С.А. Лозовскому и другим. Они резко критиковали РКП(б) за превышение власти, требовали свободы печати, свободы собраний, неприкосновенности личности, отмены террора, противопоставляли свою программу «Что делать?» экономической политике большевиков. Но ничего после их выступлений не изменилось.

На VIII Всероссийском съезде Советов (декабрь 1920 г.) Ленин от имени ВЦИК и СНК познакомил делегатов с планом электрификации России, выдвинул задачу построения социализма.

IX Всероссийский съезд Советов (декабрь 1921 г.) заслушал доклад Ленина «О внешней и внутренней политике республики», первых успехах нэпа, восстановления промышленности.

Важным (не только формальным) актом стало образование СССР Советскими республиками. Ленин отверг поспешный сталинский план

<sup>14</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 27.

«автономизации» (вхождение республик в РСФСР на правах «автономий») и поставил вопрос об их *объединении*: «мы признаем себя равноправными с Украинской ССР и др. и вместе и наравне с ними входим в новый союз, новую федерацию “Союз Советских республик Европы и Азии”». Ленинский подход отличало бережное отношение к суверенным правам национальных республик. «Важно, — писал он, — чтобы мы не давали пищи “независимцам”, не уничтожали их *независимости*, а создавали еще “новый этаж”, федерацию *равноправных* республик»<sup>15</sup>.

Соответственно в УССР, БССР, ЗСФСР и РСФСР состоялись республиканские съезды, оформившие идею образования СССР. I съезд Советов СССР, состоявшийся 30 декабря 1922 г., принял по докладу И. В. Сталина Декларацию и Договор об образовании Союза ССР и поручил Президиуму ЦИК СССР разработать новую Конституцию. XII съезд РКП(б) одобрил предложение о создании второй палаты — Совета Национальностей, полностью равноправного с Советом Союза. 31 января 1924 г. II съезд Советов утвердил Первую Общесоюзную Конституцию. Таковая, сообщает нам пособие «История СССР», «не включала специальных разделов о классовой природе диктатуры пролетариата, о принципах организации и деятельности Советов, о правах и обязанностях граждан, об основных положениях избирательной системы по выборам в Советы и т. д. Эти вопросы трактовались в республиканских конституциях, построенных по образцу ленинской Конституции РСФСР 1918 г. В Конституции СССР 1924 г. были изложены принципы построения союзного многонационального государства»<sup>16</sup>.

Таким образом, антидемократическое содержание Конституции РСФСР 1918 г. было воспроизведено в республиканских Конституциях начала 1920-х гг.

В целом Советская система стала на десятилетия *показным фасадом* государства с *недемократическим* содержанием: диктатуры пролетариата, диктатуры партии, диктатуры партийной клики (в период господства «триумvirата» Сталин—Каменев—Зиновьев, затем «двуумvirата» Сталин—Бухарин), затем единоличной диктатуры Сталина, затем диктатуры так называемого «коллективного руководства» КПСС.

Такова была «полная свобода» уже в эпоху «диктатуры пролетариата», последняя быстро превратилась в «диктатуру партии» и ее вождей над всем населением, в том числе и над самим пролетариатом. Роза Люксембург схватила эту особенность еще в 1918 г. Советы, поставленные в условия Гражданской войны, *поневоле* оказались не высшей фор-

<sup>15</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 211—212.

<sup>16</sup> История СССР с древнейших времен и до наших дней. Т. 8. С. 121—122.

мой демократии, а чем-то похожим на ее отрицание. Эволюция государственных органов — вот что было *упущено* Лениным из-за тяжелейших условий Гражданской войны, возникший сверхцентрализованный аппарат государства-партии оказался чем-то похожим на старый, царский, если не хуже. Ленин в ноябре 1922 г. откровенно признал: «Мы должны иметь мужество сказать, что мы создаем свой аппарат стихийно... Мы должны будем самым обстоятельным образом изучить этот вопрос, которого до сих пор изучить не могли»<sup>17</sup>.

Частично реформированию аппарата государства-партии могло помочь Политическое завещание больного Ленина, где он пытался создать систему противовесов в верхушке аппарата и поставить дело научного изучения его эволюции, но Сталин и «триумвират» в целом просаботировали поздние работы Ленина. Рассказ об этом — впереди.

В заключение раздела хотелось бы остановиться на некоторых высказываниях Т.И. Ойзермана о существовании понятия «диктатура пролетариата». «Но разве возможно, — спрашивает он, — чтобы диктатуру, т. е. власть не ограниченную существующими законами, пренебрегающую их, осуществляли все или хотя бы большинство рабочего класса? История диктатур не только не знает ничего подобного, но и прямо указывает на то, что диктатура большинства, диктатура массы народа несовместима с самим понятием диктатуры». В другом месте, говоря о несостоятельности понятия «диктатуры пролетариата» в принципе академик прямо объявляет: «Это — *contradictio in adjecto*!»<sup>18</sup>.

Действительно, свое господство тот или иной класс, к примеру буржуазия, осуществляет *не непосредственно*, а через *органы* своей власти, через их *орудия*, через средства массовой информации и т. д.

Но в истории бывают такие переходные революционные периоды, когда «массы народа» принимают непосредственное участие в сломе старой власти или в отражении атак на новую власть. Участие «массы народа» было в Париже в 1871 г. в отражении атак версальцев, в «триумфальном шествии» Советской власти, во время так называемой «красногвардейской атаки» на капитал в конце 1917 — начале 1918 г.; во время раздела земель помещиков после Октября 1917-го или земель кулаков в период комбедов в 1918 г. Потом уже власть в городе и деревне могли брать в свои руки вновь сформированные государственные органы, потом она могла оказаться в руках единоличных правителей, каким был Сталин с 1928 по 1953 г., но это уже совсем другой разговор — он также впереди.

<sup>17</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 250—251.

<sup>18</sup> Ойзерман Т.И. Марксизм и утопизм. М., 2003. С. 384, 407 (*contradictio in adjecto* — противоречие в сопоставлении. — Е.П.).

## Ленинские работы периода мирной передышки 1918 г.

Выше мы говорили о ленинском «перепахивании» в 1917—1920 гг. всей социально-экономической почвы России. Посмотрим теперь на доктринальные основы этих акций.

Крайне важно обозначить прежде всего сам *методологический* подход Ленина к построению социализма в Советской России.

«Этот переход, — писал он, — займет много лет в лучшем случае. Внутри этого перехода наша политика распадается на ряд еще более мелких переходов. И вся трудность задачи, которая ложится на нас, вся трудность политики и все искусство политики состоит в том, чтобы учесть своеобразные задачи каждого такого перехода»<sup>19</sup>.

Мы и посмотрим теперь на тот ряд «мелких переходов», которые пришлось осуществить Ленину-политику.

«**Модель №1**» социализма сложилась у Ленина еще в годы Первой мировой войны и подготовки Октября. Исходил он из методологического принципа марксизма — не «выдумывать» социализм из головы, а искать его предпосылки в самой действительности. Изучение империализма показало переход монополистического капитализма (более в Европе, менее в России) в государственно-монополистический капитализм. Соответственно выстраивалась «модель №1». Если какая-либо страна в Европе совершит «социалистическую революцию», то она должна сделать ее без оглядки на другие страны — рано или поздно они подтянутся к ней. В странах, совершивших революцию, должно было произойти следующее: посредством решительных действий пролетариата ликвидировалась «верхушка», политическая надстройка военного государственно-монополистического капитализма. Вырвав власть у буржуазии, пролетариат должен был использовать созданную во время мировой войны систему всеохватного «контроля и учета» (да и принуждения населения и к военной службе, и к труду) и поставить ее на службу народу, осуществляя ее всем народом. Предполагалось, что все страны пойдут таким образом к «социализму», помогая одна другой, с той разницей, что пролетариату экономически более развитых стран будет труднее начать революцию, но будет легче пойти путем социализма, чем пролетариату стран отсталых, таких, как Россия: здесь будет легче начать революцию, но труднее — построить социализм. Детали «модели №1» Ленин пытался прорисовать в ряде статей уже в Советской России во время краткой передышки марта—апреля 1918 г. В их основе безусловно лежит опыт герман-

<sup>19</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 104.



ского государственного капитализма. «Германский империализм, — писал Ленин в первоначальном варианте статьи “Очередные задачи Советской власти”, — представляющий в настоящее время наибольший прогресс не только военной мощи и военной техники, но и крупных организаций в рамках капитализма, ознаменовал, между прочим, свою экономическую прогрессивность тем, что раньше других государств осуществил переход к трудовой повинности... И нам теперь, в условиях, созданных невероятной послевоенной разрухой, приходится, несомненно, поставить на одно из первых мест подобную же реформу».

Отвечая на предостережения левых, о том, чем «грозит эволюция в сторону государственного капитализма», Ленин отвечает: «А того не подумали, что государственный капитализм был бы *шагом вперед* против теперешнего положения в нашей Советской Республике»<sup>20</sup>.

Левые, аргументирует свою позицию Ленин, не поняли, какой именно *переход* осуществляет Советское государство: «Но что же значит слово *переход*? Не означает ли оно, в применении к экономике, что в данном строе есть элементы, частички, кусочки *и* капитализма, *и* социализма?.. Перечислим эти элементы:

1) патриархальное, т. е. в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство;

2) мелкое товарное производство (сюда относится большинство крестьян из тех, кто продает хлеб);

3) частнохозяйственный капитализм;

4) государственный капитализм;

5) социализм (в сущности “государственный социализм”. — *Е.П.*)».

Большинство и громадное большинство земледельцев — мелкие товарные производители. Оболочку государственного капитализма (хлебная монополия, подконтрольные предприниматели и торговцы, буржуазные кооператоры) разрывают у нас то здесь, то там *спекулянты* и главным предметом спекуляции является *хлеб*.

«Главная борьба разворачивается именно в этой области... Не государственный капитализм борется здесь с социализмом, а мелкая буржуазия плюс частнохозяйственный капитализм борются вместе, заодно, и против государственного капитализма и против социализма. Мелкая буржуазия сопротивляется против *всякого* государственного вмешательства, учета и контроля как государственно-капиталистического, так и государственно-социалистического»<sup>21</sup>.

<sup>20</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 132, 294—295.

<sup>21</sup> Там же. С. 294—295.

Но, вчитываясь в данные и другие работы, можно убедиться в том, что Ленин *резко модифицирует* империалистический «госкапитализм». Так, трудовая повинность отнесена Лениным только к эксплуататорским классам, лишь в 1920 г. Ленин распространит ее на все население. Функции контроля и учета над производством и распределением продуктов выстраиваются не бюрократически, а демократически: «учет и контроль, проведенный самим населением» несомненно лежит в русле социалистического строительства, «в основе дальнейших шагов социализма»<sup>22</sup>.

«Своеобразие настоящего политического момента, — уточняет Ленин в “Очередных задачах Советской власти”, — исторический перелом, требующий новой ориентации Советской власти, т. е. постановки новых задач».

«Мы, партия большевиков, Россию *убедили*. Мы Россию *отвоевали* — у богатых для бедных, у эксплуататоров для трудящихся. Мы должны теперь Россией *управлять*...»<sup>23</sup> Для успешного управления нужно умение практически организовать по-новому самые глубокие экономические основы жизни десятков и десятков миллионов людей.

Детализируя далее «лозунг момента», Ленин пишет: «На очередь дня выдвигается восстановление разрушенных войной и хозяйничаньем буржуазии производительных сил; — излечение ран, нанесенных войной, поражением в войне, спекуляцией и попытками буржуазии восстановить свергнутую власть эксплуататоров; — экономический подъем страны; — прочная основа элементарного порядка». Речь идет о самых элементарных и элементарнейших задачах сохранения общестственности, действиях, подготовленных первыми декретами советской власти о социализации земли, рабочем контроле и проч. Речь идет о первых шагах к социализму.

«Веди аккуратно и добросовестно счет денег, хозяйничай экономно, не лодырничай, не воруй, соблюдай строжайшую дисциплину в труде» — раньше эти лозунги при господстве эксплуататоров высмеивались революционным пролетариатом; они «становятся теперь, после свержения буржуазии очередными и главными лозунгами момента»<sup>24</sup>.

Организация учета и контроля — без чего не может быть в общенациональном масштабе «повышения производительности труда» — явно отстает от работы по непосредственной экспроприации, надо наверстывать упущенное.

<sup>22</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 54, 183.

<sup>23</sup> Там же. С. 172—173.

<sup>24</sup> Там же. С. 173, 174.

Мы победили на фронте контрреволюции и саботажа методами подавления, надо закончить красногвардейские атаки на капитал, которые состояли в национализации банка и значительной части промышленности. «В дверь стучится *эпоха использования* пролетарскою государственною властью *буржуазных специалистов* для такого перепахивания почвы, чтобы на ней вовсе не могла расти никакая буржуазия... Без руководства специалистов различных отраслей знания, техники, опыта, переход к социализму невозможен, ибо социализм требует сознательности и массового движения вперед к высшей производительности труда по сравнению с капитализмом и на базе достигнутого капитализмом»<sup>25</sup>.

При этом не надо бояться сделать шаг назад от принципов Парижской коммуны — прибегнуть к старому средству и согласиться на очень высокую оплату «услуг» крупнейших из буржуазных специалистов; не исключается и привлечение нескольких сот зарубежных «более требовательных буржуазных специалистов», вся эта дань сократится «ровно в меру успехов нашей рабоче-крестьянской трудовой дисциплины и организованности»<sup>26</sup>.

Ленин конкретизирует задачи необходимые, чтобы обеспечить самостоятельное историческое творчество масс в деле перехода к социализму, преодоления капитализма. Он рассматривает специально значение борьбы за всенародный учет и контроль. Для этого должны использоваться «рабочий контроль», оставленные нам капитализмом «массовые организации, способные облегчить переход к массовому контролю и учету производства и распределения продуктов — потребительные общества, уже охватывающие до десяти миллионов человек, заключение соглашений с буржуазными кооперативами. Общая цель — охват контролем всего и производства и распределения, переход к рабочему регулированию производства».

Немало лет уйдет на повышение производительности труда. Потребуются не только обеспечение «материальной основы крупной индустрии», но и «образовательный и культурный подъем массы населения»; а также «повышение дисциплины трудящихся, умения работать, спорности, интенсивности труда, лучшей его организации»<sup>27</sup>.

Все это произойдет не сразу, учитывая то, что в массах, «только что сбросивших невиданный гнет, идет глубокое и широкое кипение и брожение», именно здесь требуется поиск новых форм оплаты, например, применение сдельной, многого, что есть ценного и прогрессивного

<sup>25</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 178 (курсив наш — Е.П.).

<sup>26</sup> Там же. С. 179—181.

<sup>27</sup> Там же. С. 185, 188.

в системе Тейлора, «соразмерение заработка с общими итогами выработки продукта или эксплуатационных результатов железнодорожного и водного транспорта и т. д., и т. п.».

«Русский человек — плохой работник, по сравнению с передовыми нациями, — считал Ленин. — И это не могло быть иначе при режиме царизма и живости остатков крепостного права». «Учиться работать — эту задачу Советская власть должна поставить перед народом во всем ее объеме», сочетая «Советскую власть и советскую организацию труда с новейшим прогрессом капитализма». «Надо вместе с тем, идя к повышению производительности труда, учесть особенности переходного от капитализма к социализму времени, которые требуют, с одной стороны, чтобы были заложены основы социалистической организации соревнования, а с другой стороны, требуют применения принуждения, так чтобы лозунг диктатуры пролетариата *не осквернялся практикой киселеобразного состояния пролетарской власти*».<sup>28</sup>

Организации социалистического соревнования Ленин уделяет в «Очередных задачах» особый раздел. При массовом масштабе, при использовании гласности, при отмене коммерческой тайны, нужно еще организовать соревнование коммун, ввести отчетность и гласность в процессе производства хлеба, одежды и пр. Нам нужно превратить сухие бюрократические отчеты «в живые примеры — как отталкивающие, так и привлекающие». При новом строе «сила примера впервые получает возможность оказать свое массовое воздействие».<sup>29</sup>

Особо важным в «Очередных задачах» представляется раздел «Строительная организация и диктатура». Ленин не просто говорит о необходимости диктатуры пролетариата в момент свержения эксплуататоров («кого даже ход русской революций 1917—1918 гг. не научил тому, что невозможны средние решения, на того надо махнуть рукой»), но и доказывает ее полную применимость в стране, выходящей из войны и революции и сталкивающейся с состоянием «величайшей неопределенности, неуравновешенности, хаоса» — все это элементы разложения старого общества, связанные преимущественно с мелкой буржуазией, при таком глубоком перевороте они могут не «показать себя... иначе, как увеличением преступлений, хулиганства, подкупа, спекуляций, безобразий всякого рода. Чтобы сладить с этим, нужно время и *нужна железная рука*».

Все великие революции проявляли спасительную твердость, «расстреливая воров на месте преступления», но их хватало не надолго — не было класса пролетариата, способного удержать власть достаточно дол-

<sup>28</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 188, 189, 190 (курсив наш — Е.П.).

<sup>29</sup> Там же. С. 191.

гое время «для полного подавления всех эксплуататоров и всех элементов разложения». Исторический опыт всех революций подытожил Маркс, дав «краткую, резкую, точную, яркую формулу: диктатура пролетариата». Диктатура есть большое слово, которое нельзя бросать на ветер. Это — железная власть, революционно-смелая и быстрая, беспощадная в подавлении как эксплуататоров, так и хулиганов.

Надо помнить, что буржуазная и мелкобуржуазная стихия борется с советской властью двояко: приемами Савинкова, Корнилова, «действуя извне», с другой стороны, эта стихия «действует изнутри, используя всякий элемент разложения, всякую слабость для подкупа, для усиления недисциплинированности, распушенности, хаоса»; эта стихия усиливается, чем ближе мы подходим к полному военному подавлению буржуазии — тут требуется принуждение. Тут надо привлечь к делу пока еще слабые суды, как орудие воспитания дисциплины, «*всякий, кто нарушает дисциплину на любом заводе, в любом хозяйстве, в любом деле, усиливая мучения голода и безработицы, должен быть обнаружен, отдан под суд, карать его надо беспощадно*»<sup>30</sup>.

Особенно выпукло сказалась борьба мелкобуржуазной распушенности с пролетарской организованностью «на железнодорожном деле», воплощающем «хозяйственные связи созданного крупным капиталом организма». Здесь началась активная агитация против декрета о диктаторстве. Это вопрос действительно громадного значения, актуальный — «совместимо ли вообще назначение отдельных лиц, облакаемых неограниченными полномочиями диктаторов, с коренными началами советской власти»<sup>31</sup>. Перебрасывая *мостики* от взятия власти к органической созидательной работе, Ленин считает вполне сочетаемый с советским демократизмом «диктатуру отдельных лиц». Такой диктатуры требует «всякая крупная машинная индустрия», она «требует безусловного и строжайшего *единства воли*, направляющей совместную работу сотен, тысяч, десятков тысяч людей». «И вот этот переход от одной политической задачи к другой, *по внешности* на нее совсем непохожей, составляет всю оригинальность переживаемого момента». Революция разбила вчера самые прочные, самые тяжелые оковы, «которым из-под палки подчинялись массы», сегодня же революция требует «*беспрекословного повиновения масс единой воле* руководителей трудового процесса»<sup>32</sup>.

Средний рядовой представитель трудящейся и эксплуатируемой массы после революции 25 октября 1917 г. захотел «вздохнуть, выпрямиться,

<sup>30</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 194, 195, 197.

<sup>31</sup> Там же. С. 198.

<sup>32</sup> Там же. С. 200.

развернуться, взять ближайшие блага жизни», которых не давали ему эксплуататоры. И задача партии коммунистов — понять этот перелом, встать во главе истомленной, усталой массы, ищущей выход, повести ее по верному пути, по пути согласования задач митингования об условиях работы и задач безусловного повиновения воле советского руководителя, диктатора *во время* работы. Митингование не хаос, бестолочь, взрывы эгоизма, как их изображают буржуа, меньшевики, новожиизненцы. Это и есть настоящий демократизм трудящихся, без которого не может быть обеспечен «прочный переход к высшим формам трудовой дисциплины, сознательному усвоению идеи необходимости диктатуры пролетариата, к беспрекословному повиновению единоличным распоряжениям представителей Советской власти во время работы».

Этот переход начался теперь — переход от свержения эксплуататоров, митингования забитой и угнетенной прежде массы, к этапу «повседневной трудовой дисциплины», самая трудная задача, которая даст нам «социалистический порядок».

«Мы этому еще не научились,

Мы этому научимся»<sup>33</sup>.

Переходя к проблеме «Развитие советской организации», Ленин требует, чтобы «*поголовно*» все население училось управлять и начинало управлять. «Целью нашей является *бесплатное* выполнение государственной обязанности каждым трудящимся, по отбытии 8-ми часового “урока” производительной работы; переход к этому особенно труден, но только в этом переходе залог окончательного упрочения социализма»<sup>34</sup>.

Можно было бы усмотреть в этом требовании явный элемент утопизма, но Ленин различает в связи с этим «скачок» и «большой скачок». Приведем полностью эту страничку, она характеризует общую методологию всей работы:

«Настоящий интерес эпохи больших скачков состоит в том, что обилие обломков старого, накапливаемых иногда быстрее, чем количество зародышей (не всегда сразу видных) нового, требует умения выделить самое существенное в линии или в цепи развития. Бывают исторические моменты, когда для успеха революции всего важнее накопить побольше обломков, т. е. взорвать побольше старых учреждений; бывают моменты, когда взорвано достаточно, и на очередь становится “прозаическая” (для мелкобуржуазного революционера “скучная”) работа расчистки почвы от обломков; бывают моменты, когда заботливый уход за

<sup>33</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 202.

<sup>34</sup> Там же. С. 205.

зародышами нового, растущими из-под обломков на плохо еще очищенной от щебня почве, всего важнее.

Недостаточно быть революционером и сторонником коммунизма или коммунистом вообще. Надо уметь найти в каждый особый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену, причем порядок звеньев, их форма, их сцепление, их отличие друг от друга в исторической цепи событий не так просты, и не так глупы, как в обыкновенной, кузнецом сделанной цепи»<sup>35</sup>.

Видимо, основное звено представляется в это время Ленину в массовом контроле «снизу», самостоятельном творчестве масс.

В заключении он перечисляет лозунги, вытекающие из особенностей переживаемой полосы, — лавировать, отступать, медленно строить, беспощадно подтягивать, сурово дисциплинировать, громить распушенность... Ленин резюмирует: «горе-революционеры» будут громить нас за забвение традиций Октябрьской революции, за компромиссы с буржуазией, за соглашательство с буржуазными специалистами, за реформизм и прочее тому подобное, но через все это должна пройти «отсталая страна, истерзанная реакционной и несчастной войной». В работе «О “левом” ребячестве и о мелкобуржуазности», сетуя на малочисленность пролетариата в России, отсутствие в стране культуры и привычки к компромиссам, Ленин в сущности начинает пропаганду нэповской модели двухукладного общества в России: «Мы можем и должны добиться теперь *соединения* приемов беспощадной расправы с капиталистами некультурными, ни на какой “государственный капитализм” не идущими, ни о каком компромиссе не помышляющими, продолжающими срывать спекуляцией, подкупом бедноты и пр. советские мероприятия, с *приемами компромисса* или выкупа по отношению к культурным капиталистам, идущим на “государственный капитализм”; способным проводить его в жизнь, полезным для пролетариата в качестве умных и опытных организаторов *крупнейших* предприятий, действительно охватывающих снабжение продуктами десятков миллионов людей»<sup>36</sup>.

Кстати, в статье «Новые времена, старые ошибки в новом виде» (времен нэпа, август 1921 г.) Ленин с гордостью напоминает: «Кричащим меньшевикам мы укажем просто хотя бы на то, что еще весной 1918 г. коммунисты провозгласили и защищали идею блока, союза с государственным капитализмом против мелкобуржуазной стихии. Три

<sup>35</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 205.

<sup>36</sup> Там же. С. 305.

года тому назад! В первые месяцы большевистской победы! Трезвость была уже у большевиков тогда. И с тех пор никто не мог опровергнуть правильности нашего трезвого учета сил, имеющихся в наличности»<sup>37</sup>.

Сталин в 1928 г., правильно сказав, что пролетарская диктатура начала свою работу не с «военного коммунизма», ошибочно указывал, что в 1918 г. «Ленин дал первое обоснование начал новой экономической политики» и что именно к этим началам «пришлось вернуться спустя три года — в 1921 г., после ликвидации войны и интервенции»<sup>38</sup>. «Неточность» состояла в том, что в 1918 г., как подчеркивал позже Ленин, «мы совершенно не ставили вопроса о том, в каком соотношении окажется наша экономика к рынку, к торговле». В плане доклада VII Московской губпартконференции Ленин ту же мысль сформулировал еще более развернуто: «Мы знали, видели, говорили: нужен урок у “немца”, организованность, дисциплина, повышение производительности труда.

Чего не знали? Общественно-экономическая *почва* этой работы? На почве *рынка*, торговли, или *против* этой почвы?

Весна 1921: назад к государственному капитализму. И — «товарообмен»<sup>39</sup>.

Если быть более точным, то надо будет упомянуть о том, что в «Очередных задачах Советской власти» Ленин считал, что «организующей силой анархически построенного капиталистического общества является стихийно растущий вширь и вглубь рынок, национальный и интернациональный».

Напротив, положительной или созидательной работой социалистической революции — что было в громадной мере утопией — он считал «работу налажения чрезвычайно сложной и тонкой сети *новых организационных отношений*, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей». Такая «организация» ими предполагалась при привлечении к «деятельному участию в самостоятельном строительстве нового общества» — через строжайший и повсеместный учет и контроль производства и распределения продуктов, повышение производительности труда, обобществление производства на деле — самих трудящихся и угнетенных масс! Он говорит о «самостоятельном историческом творчестве большинства населения, прежде всего большинства трудящих-

<sup>37</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 105.

<sup>38</sup> Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 146—147.

<sup>39</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 199; 473—474 (курсив наш. — Е.П.). О повторении в известной мере догматической оценки Сталина советскими историками см.: Генкина Э.Б. Государственная деятельность В.И. Ленина 1921—1923. М., 1969. С. 130.



ся»<sup>40</sup>. Но это была задача, *явно непомерная* ни для масс, ни для любых планирующих органов государства, как окажется впоследствии, во времена Госплана.

Как видим, работы Ленина периода передышки марта—апреля 1918 г. *далеко выходят за рамки империалистического госкапитализма*, они предваряют будущие опыты по строительству нового общества в стране. Но, к величайшему сожалению, в 1918 г. творческая работа и проверка замыслов не началась. Все главные «очередные задачи» свелись к двум: отражению военного натиска на Советскую Россию и спасению от голода населения крупных городов.

### «Военный коммунизм»: этапы становления

Уже ко времени VIII съезда РКП(б) в 1919 г. Ленин обнаружил чрезвычайной важности факт: война и разруха и на Западе и в России срезали весь пласт империалистических структур, обнажая подпочву «старого капитализма»: «Мы из этой мозаичной (многоукладной. — *Е.П.*) действительности не выскочим».

На том же съезде докладчик по земельной политике В. Кураев отмечал «нарастание недовольства крестьян всей нашей *коммунистической* политикой в области распределения», хотя, как считал оратор, крестьянство, видя «за фронтами» фигуру «помещика», пока еще «не окончательно порвало с нами»<sup>41</sup>.

Кураев не оговорился, назвав «коммунистической» всю политику партии в области распределения. Страна в 1918—1920 гг. жила по «модели №2» — «военного коммунизма», вызванной к жизни прежде всего чрезвычайной ситуацией, сложившейся в стране со снабжением населения хлебом и в немалой степени — несовершенством теории социализма. Рассмотрим детальнее основные этапы и суть военнo-коммунистического строительства в стране, не забывая того, что это строительство происходило во время жесточайшей Гражданской войны, и того, что «военный коммунизм» был *системой*, так обрисованной Е.Г. Гимпельсоном, автором книги о «военном коммунизме»: «Возникли и постепенно все более усиливались тенденции к организации пролетарским государством производства и распределения на следующих началах: излишки продовольствия крестьяне сдают государству (продразверстка) или без вознаграждения («бумажные день-

<sup>40</sup> См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 171 (курсив наш — *Е.П.*).

<sup>41</sup> VIII съезд РКП(б). Март 1919. Протоколы. М., 1959. С. 48—52, 239—240 (курсив наш. — *Е.П.*).

ги... не вознаграждение". — *В.И. Ленин*) или в обмен (частично) на предметы промышленности; все промышленное производство концентрируется в руках Советского государства и управляется на началах строгой централизации (главкизм); продовольствие распределяется на основе классового пайка и по принципу "кто не работает, тот не ест"; частная торговля запрещается; продовольствие, предметы широкого потребления государство предоставляет трудящимся почти бесплатно (натурализация заработной платы) и без строгого учета количества и качества произведенной продукции (уравнительность распределения); система денежного обращения уступает место натуральному обмену ("отмирание денег"); все трудоспособное взрослое население в порядке трудовой повинности привлекается в труд (милитаризация труда). Все перечисленное составило в экономической политике Советского государства определенную систему, получившее название "военного коммунизма"<sup>42</sup>. Рассмотрим этапы его становления.

Уже 7 апреля 1918 г. в речи Ленина в Алексеевском манеже проскальзывает тревожная нотка: «Идет голод»; она усиливается в речи в Московском Совете 23 апреля 1918 г.: «перед нами грозным призраком встают перспективы надвигающегося голода и безработицы» (последняя связана с демобилизацией старой армии. — *Е.П.*). Но СНК занят в конце апреля сравнительно спокойной работой — здесь обсуждается декрет о снабжении сельского хозяйства орудиями производства и металлами. Ленин в свете классового подхода уточняет, что таковые должны идти в первую очередь «трудящейся и беднейшей части населения» и ставит общей целью «обеспечение правильного и достаточного получения хлеба всем населением государства»<sup>43</sup>.

И вдруг через десяток дней принимаются на Совнарком и ВЦИК основные ленинские жесточайшие положения декрета о продовольственной диктатуре: «для спасения от голода вести и провести беспощадную террористическую борьбу и войну против крестьянской и иной буржуазии, удерживающей у себя излишки хлеба»; «точно определить, что владельцы хлеба, имеющие излишки хлеба и не *вывозящие* их на станции и в места сбора и ссыпки, объявляются *врагами народа* и подвергаются заключению в тюрьму на срок не ниже 10 лет, конфискации всего имущества и изгнанию навсегда из его общины; внести добавление о долге трудящихся, неимущих и не имеющих излишков крестьян объединиться для беспощадной борьбы с кулаками»<sup>44</sup>.

<sup>42</sup> Гимпельсон Е. Г. «Военный коммунизм»: политика, практика, идеология. М., 1973. С. 183—184.

<sup>43</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 214, 235, 238.

Что же произошло? Отошла от России к маю оккупированная немцами Украина, чехословацкий мятеж отрезал от центра хлебные Поволжье, Сибирь, Среднюю Азию, Дутов захватил богатый хлебом Оренбургский край, Северный Кавказ и Дон отрезали белые армии, пал Ростов. Двенадцатого или 13 мая 1918 г. Ленин уже планирует «военный поход против деревенской буржуазии, удерживающей излишки хлеба и срывающей хлебную монополию» в оставшихся у советской власти районах<sup>45</sup>. Четырнадцатого мая публикуется в «Известиях» декрет «О предоставлении Наркомпроду чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими», ужесточается до предела государственная хлебная монополия (введенная сначала царским правительством 29 ноября 1916 г., узаконенная затем Временным правительством 25 марта 1917 г.). Двадцатого мая на заседании ВЦИК Я.М. Свердлов предлагает приступить к организации деревенской бедноты для подавления деревенской буржуазии; жертв будет меньше, говорит он, если мы не будем дожидаться, когда кулаки организуются и нападут на нас<sup>46</sup>.

Как всегда в моменты смертельной опасности для Советской власти, Ленин обращается к питерским рабочим с обширным письмом «О голоде» («Правда», 24 мая 1918 г.). Он пишет о последовательном проведении хлебной монополии, т. е. безусловном запрещении всякой частной торговли хлебом, обязательной сдачи излишков хлеба государству, ликвидации утайки хлеба кем бы то ни было. Он пишет о необходимости строжайшего учета всех излишков хлеба и безукоризненно правильном подвозе хлеба из мест избытка в места недостатка хлеба, с заготовкой запасов на потребление, на обработку, на посев. Он пишет о необходимости правильного, справедливого, не дающего никаких привилегий и преимуществ богатому распределению хлеба и прочих продуктов под контролем рабочего государства. Вся эта «чрезвычайщина», что характерно для работ Ленина этого периода, объявляется «социализмом», «коммунизмом».

«Революция идет вперед, развивается и растет. Растут и задачи, стоящие перед нами. Растет ширина и глубина борьбы. Правильное распределение хлеба и топлива, усиление добычи их, строжайший контроль и учет над этим *со стороны рабочих* и в общегосударственном масштабе, это — настоящее и главное преддверие социализма. Это — уже не общереволюционная, а именно *коммунистическая* задача, имен-

<sup>44</sup> Там же. С. 316—317.

<sup>45</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 326.

<sup>46</sup> См.: Свердлов Я.М. Избранные произведения. 1959. Т. 2. С. 214.

но такая задача, где трудящиеся и беднота должны дать решительный бой капитализму»<sup>47</sup>.

«В такое время — а для истинно коммунистического общества это верно всегда — каждый пуд хлеба есть настоящая святыня... Нужен массовый “крестовый поход” передовых рабочих ко всякому пункту производства хлеба и топлива, ко всякому важному пункту подвоза и распределения их, для повышения энергии работы, для удешевления ее энергии, для помощи местным органам Советской власти в деле учета и контроля, для вооруженного уничтожения спекуляции, взыскания, неряшливости. Эта задача не нова... Задача только в том, что близость катастрофы, тяжесть положения обязывает сделать *вдесятеро* прежнего... Нужно *вдесятеро* больше *железных отрядов* сознательного и бесконечно преданного коммунизму пролетариата. Тогда мы победим голод и безработицу. Тогда мы поднимем революцию до настоящего преддверия социализма. Тогда мы станем способны вести и победоносную оборонительную борьбу против империалистических хищников»<sup>48</sup>.

Кстати, Красная Армия не оставалась в стороне в это критическое время от борьбы за хлеб — Военный комиссариат был превращен в конце мая в Военно-продовольственный Комиссариат; по всей стране было объявлено военное положение, армия мобилизовывалась частично для «похода за хлеб», в каждый отряд назначался человек (по одному на десять) с партийной и профсоюзной рекомендацией; в отряды армий, действующих против кулаков включалось до от  $\frac{1}{3}$  до  $\frac{1}{2}$  рабочих голодающих губерний и беднейших крестьян оттуда же, вносился при этом и прямой раскол в деревню. «При проведении хлебной монополии, — гласил заключительный пункт 13 ленинских “Тезисов по текущему моменту”, — признать обязательными самые решительные... меры помощи деревенской бедноте и меры дарового раздела между нею части собранных излишков хлеба кулаков, наряду с беспощадным подавлением кулаков, удерживающих излишки хлеба».

Наконец, декретом ВЦИК от 11 июня 1918 г. «Об организации снабжения бедноты» были созданы комитеты бедноты, к ноябрю число комбедов выросло до 105 тыс., они охватили все стороны жизни деревни, став опорными пунктами диктатуры пролетариата. Комбеды, при всей неоднозначности этой организации, сыграли значительную роль в подавлении кулацкой контрреволюции, они отобрали

<sup>47</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 362

<sup>48</sup> Там же. С. 363—364.

у кулаков и передали беднякам и середнякам около 50 млн гектаров земли, была велика их роль в выявлении продовольствия для голодающих центров и Красной армии; в деле организации коллективных хозяйств.

Весь этот громадный механизм был приведен в действие — к середине лета в Центрально-Черноземных губерниях, в Поволжье, и Приуралье добывали хлеб продотряды, численностью до 9 тыс. человек, за первые полтора месяца своей деятельности они смогли собрать свыше 2 млн пудов хлеба. В августе число передовых рабочих, посланных в деревню, достигло 16,6 тыс. человек. Это была настоящая война за хлеб. В результате вспыхнувших кулацких мятежей только по 22 губерниям в июне и августе 1918 г. в Центральной России было убито 4 480 советских и партийных работников, рабочих и активистов из крестьянской бедноты. Жертвы были не напрасны — город был спасен от голода, деревня была «осереднячена» — процент кулаков в деревне сократился по сравнению с дооктябрьским периодом в три раза — с 15 по 5%<sup>49</sup>.

Военный союз рабочего класса с трудовым крестьянством имел, таким образом, экономическую основу. Ленин указывал: «Крестьянин получал от рабочего класса всю землю и защиту от помещика, от кулака; рабочие получали от крестьян продовольствие в ссуду до восстановления крупной промышленности»<sup>50</sup>.

На этой основе «продовольственная диктатура» была упорядочена декретом Советского правительства от 11 января 1919 г. Вводилась всеобщая продовольственная разверстка; ее принципом было: «с бедных крестьян ничего, с середняка умеренно, с богатого много». Согласно постановлению Наркомпрода от 13 января 1919 г. для удовлетворения государственных потребностей хлеб и зерновой фураж разверстывался между губерниями, а в губерниях между уездами и волостями. Волостные Советы производили разверстку между селеньями и крестьянскими хозяйствами. Но далеко не всегда разверстываемое количество хлеба соответствовало данным излишкам; зачастую с крестьян брали и часть хлеба, необходимого для прокормления семьи. Между тем деятельность продотрядов в 1919 г. усилилась, в них было почти 30 тыс. рабочих. Выросло соответственно и количество собранного продовольствия. Временная мера переросла в постоянную. Если с 1 августа 1917 г. по 1 августа 1918 г.

<sup>49</sup> См.: История СССР от древнейших времен и до наших дней. Т. 7. С. 380—385, 425—427.

<sup>50</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 7.

было заготовлено 30 млн пудов, то с 1 августа 1918 г. по 1 августа 1919 г. было получено около 105 млн пудов<sup>51</sup>. Как говорил Ленин, хлеб брался «в ссуду»: крестьяне получили бумажные деньги, не имевшие никакого обеспечения, эквивалентный обмен отсутствовал.

«Модель № 2» нашла отражение в программе РКП(б), принятой в 1919 г. на VIII съезде РКП(б). В разделе «*Власти распределения*» было сказано: «В области распределения задача советской власти в настоящее время состоит в том, чтобы неуклонно продолжать замену торговли планомерным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов. Целью является организация всего населения в единую сеть потребительских коммун, способных с наибольшей быстротой, планомерностью, экономией и с наименьшей затратой труда распределять все (!) необходимые продукты, строго централизуя весь распределительный аппарат».

В основу потребительских коммун и их объединений должна быть положена существующая общегражданская и рабочая кооперация, являющаяся самой крупной организацией потребителей и наиболее подготовленной историей капитализма аппаратом массового распределения. Предполагалось развивать, а не отбрасывать, «обрабатывать» кооперативный аппарат с целью «перехода от мелкобуржуазных кооперативов старого, капиталистического типа к потребительным коммунам, руководимым пролетариями и полупролетариями»<sup>52</sup>.

О продрозверстке и ее дальнейшей судьбе в программе не говорилось ни единого слова!

Отметим, что Ленин в своих статьях и речах вел настоящую войну со свободой торговли. Он разъяснял: «Свободная торговля хлебом в голодной стране, это значит бешеная нажива кулаков, бессовестных богатых крестьян, набивающих мощну на нужде и голоде народа. Свободная торговля хлебом в голодной стране означает победу богатых над бедными, ибо богатые купят хлеб даже по безумной, бешеной цене, а бедные останутся не при чем. Свободная торговля хлебом, это значит свобода наживаться для богатых, свобода умирать для бедных. Свободная торговля хлебом, это поворот назад, к господству и всевластию капиталистов»<sup>53</sup>. Характерны строки из ленинского плана статьи «О свободной торговле хлебом»:

«Свободная торговля хлебом есть государственное преступление

<sup>51</sup> См.: Там же. Т. 39. С. 168.

<sup>52</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 440.

<sup>53</sup> Там же. Т. 37. С. 481.

“ “ “ есть избиение миллионов ради капитала  
 “ “ “ есть колчаковщина»<sup>54</sup>.

Подавить рынок, «сухаревку» Советской власти в период «военного коммунизма» так и не удалось — торговля хлебом проникала через все заградотряды, половину продовольствия население городов получало благодаря рынку. Рынок, торговля будут поставлены на службу социалистического строительства тем же Лениным в 1921 г. при нэпе...

## Ленинские планы коллективизации деревни

Характерно, что в период «военного коммунизма» первоочередной задачей советской власти в деревне стала *коллективизация*, с докладами на эту тему Ленин выступал неоднократно, это же его отношение отражено в программе РКП(б), раздел которой «*В области сельского хозяйства*» начинался в сущности с пропаганды крупного «социалистического земледелия» (цитируем по Ленину).

«Советская власть, осуществив полную отмену частной собственности на землю, перешла уже (!) к проведению в жизнь целого ряда мер, направленных к организации *крупного социалистического земледелия*. Важнейшими из этих мер являются: 1) устройство советских хозяйств, т. е. крупных социалистических экономий; 2) поддержка обществ, а равно товариществ для общественной обработки земли; 3) организация государственного засева всех, чьих бы то ни было незасеянных земель; 4) государственная мобилизация всех агрономических сил для энергичных мер по повышению сельскохозяйственной культуры; 5) поддержка сельскохозяйственных коммун как совершенно добровольных союзов земледельцев для ведения крупного общего хозяйства.

Рассматривая все эти меры как единственный путь к абсолютно необходимому повышению землевладельческого труда, РКП стремится к возможно более полному проведению в жизнь этих мер, к распространению на более отсталые области страны и к дальнейшим шагам в том же направлении»<sup>55</sup>.

Для нас важно рассмотреть ленинское понимание целей, методов и значения коллективизации, но перед тем как перейти к их анализу ознакомимся с динамикой роста общественных хозяйств в 1918—1920 гг.

<sup>54</sup> Там же. Т. 39. С. 449.

<sup>55</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 437—438.

Годы	1918	1919	1920
Коммуны	975	1961	1892
Артели	604	3605	7722
Товарищества по совместной обработке земли	—	622	886
Совхозы	3101	3547	4316

Ленин выступал на тему коллективизации деревни неоднократно, попытаемся суммировать его представления об этом процессе.

Г.А. Бордюгов и В.А. Козлов пишут в очерке «“Военный коммунизм”: ошибка или “проба почвы”», что на рубеже 1918—1919 гг. возникла утопическая идея немедленного «скачка к социализму в земледелии» и к ней был причастен В.И. Ленин. О коллективизации заговорила «Правда» в передовице от ноября 1918 г.: «Среднему крестьянству придется принять социалистические формы хозяйства и мышления, и оно придет к социализму, хотя бы ворча и огрызаясь»; был образован специальный фонд в размере 1 млрд рублей на поощрение перехода к общественной обработке земли. О том же говорилось в резолюции «О коллективизации земледелия», принятой I Всероссийским съездом земотделов, коммун и комбедов в декабре 1918 г. И хотя Ленин и говорил делегатам съезда о «долгом времени» и о постепенности этого процесса, а нарком земледелия С.Н. Середва возражал против насильственного перехода к коммунистическому хозяйству, — продолжают Г.А. Бордюгов и В.А. Козлов, — была единогласно принята резолюция о «неуклонном проведении широкой организации земледельческих коммун, советских коммунистических хозяйств и общественной обработки земли»<sup>57</sup>. Но авторы не пишут, о том, что резолюция была принята в *развитие идей Ленина*, высказанных на съезде и содержала именно его формулировки.

Кстати, Ленин поднял вопрос о социалистической организации сельского хозяйства еще раньше — на VI Всероссийском чрезвычайном съезде советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов, проходившем 6—9 ноября 1918 г.

Объявив, что с *организацией комбедов* на селе «нами теперь сделан первый и величайший шаг социалистической революции в деревне», Ленин прямо утверждал: только теперь «социалистическое строитель-

<sup>57</sup> История отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории советского государства. М., 1994. С. 83—85.



ство начнется в деревнях». «Только теперь образуются те Советы и хозяйства, которые планомерно стремятся к общественной обработке земли в крупном размере, к использованию знаний, науки и техники, зная, что на основах старого, реакционного, темного времени даже просто элементарной, человеческой культуры быть не может. Тут еще более трудная работа, чем в промышленности»<sup>58</sup>.

Той же идее «неуклонной» коллективизации сельского хозяйства посвящено все его декабрьское выступление. Он говорил о «шаге вперед», который сделан Советской республикой в деле коллективизации, о необходимости «глубже всего перестроить те отношения в деревне», которые тормозили во всех прежних революциях «дело социализма». Октябрьская революция не тронула капитализма в деревне, «новые веяния и новая жизнь в деревне» появились только к лету—осени 1918 г., «деревня перестала быть единой», борьба против кулацкого использования «великого земельного преобразования» 1917 г. перевела нашу революцию полностью «на социалистические рельсы»!<sup>59</sup>

«Дело это в деревне самое трудное, но в то же время и самое важное», «и само собой понятно, что такого рода переворот, переход от мелких, единичных крестьянских хозяйств к общественной обработке земли требует долгого времени, что он ни в коем случае не может быть совершен сразу... он невозможен без целого ряда постепенных и предварительных ступеней» и эти ступени *были пройдены (?)* от времен Февральского 1918 г. основного закона о социализации земли, возникло новое сознание, что нужно освободиться от наследия проклятой войны, «оставившей нам только разорение и нужду». «Жить по-старому, как жили до войны нельзя, и такое расхищение человеческих сил и труда, какое связано с мелким отдельным крестьянским хозяйством, дальше продолжаться не может»<sup>60</sup>.

Чудеса техники, которые люди увидели на войне, должны пойти на поднятие и преобразование земледелия. Ленин упорно проводит мысль, что крестьянство прониклось этим сознанием, что «стремление к установке общественной обработки земли есть... в большинстве трудящегося крестьянства». Подчеркнув еще раз: мы должны подходить к «величайшему из преобразований» с «постепенностью», он напоминал, что уже в декрете о социализации земли 1917 г. содержалось положение о передаче «инвентаря, рабочего скота и орудий» бывших помещичьих хозяйств в «общественное достояние», о том, что и в «законе о социа-

<sup>58</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 144.

<sup>59</sup> Там же. С. 352—354.

<sup>60</sup> Там же. С. 355—357.

лизации земли», принятом в феврале 1918 г., задачей ставилось развитие «коллективного хозяйства в земледелии, как более выгодного в смысле экономии труда и продуктов, за счет хозяйств единоличных, в целях перехода к социалистическому хозяйству».

Ленин признавал, что колеблющееся среднее крестьянство «согласиться перейти к социализму лишь тогда, когда увидит прочный, на деле показательный пример того, что этот переход необходим». Но здесь «мы рассчитываем на длительное, постепенное убеждение, на ряд переходных мер, осуществляющих соглашение пролетарской социалистической части населения, соглашение коммунистов, ведущих решительную борьбу против капитала во всех его формах, соглашение их со средним крестьянством».

«Во имя этой общественной обработки земли образуются коммуны и советские хозяйства». Советская власть «ассигновала один миллиард рублей на улучшение сельского хозяйства, под условием перехода к общественной обработке земли. Этот закон показывает, что мы хотим больше всего силой примера, силой привлечения к улучшению хозяйства действовать на массу средних крестьян и рассчитываем лишь на постепенное действие такого рода мер для этого глубокого и важнейшего переворота в хозяйстве земледельческой России»<sup>61</sup>.

В союзе с рабочими городов, с социалистическим пролетариатом всего мира, русское трудящееся крестьянство «осуществит дело общественной обработки земли, дело постепенного, но неуклонного перехода от мелких единоличных хозяйств к общественной обработке земли»<sup>62</sup>. Именно последние строки легли в заключение принятого съездом постановления о «коллективизации земледелия»...

Но оправдались не эти, а другие слова Ленина, писавшего: «Мы хорошо знали, что крестьяне живут, точно вросшие в землю: крестьяне боятся новшеств, они упорно держатся старины».

Коллективизация крестьянства в широком масштабе не получалась и последовали уточнения этой идеи Лениным на VIII съезде РКП(б) в 1919 г. В условиях «осередничивания деревни» съезд пошел на принципиальное соглашение со средним крестьянином, но на съезде Ленин вынужден был признать: «средний мужик... всегда колебался, не может не колебаться и довольно долго еще будет колебаться»; «мы больше всего должны остерегаться здесь торопливости, неумелой теоретичности, претензий счесть готовым то, что нами вырабатывается, чего мы еще не выработали». «Конечно, культурность деревня

<sup>61</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 359–361, 362–363.

<sup>62</sup> Там же. С. 364.

будет нами повышена, но это дело годов и годов». Карьеристы, которые хотят только выслужиться, «пускают на местах в ход принуждение... А на деле это приводит к тому, что крестьяне говорят: «Да здравствует Советская власть, но *долой коммунию!*» (т. е. коммунизм). «...Мы не должны забывать того, какой гигантский вред наносит всякая неумеренность, всякая скоропалительность и торопливость». *«Действовать здесь насилием, значит погубить все дело»*. Мы видим здесь, наряду с отстаиванием прежней линией совершенно новые акценты: надо учиться у самих крестьян «способам перехода к лучшему строю, и *не смей командовать!*»<sup>63</sup>.

«Когда мы говорим: “Поощряйте объединение”, — разъяснял Ленин, — мы даем директивы, которые много раз должны быть испробованы, чтобы найти окончательную *форму* их проведения... Нужно крестьянина убеждать и нужно убеждать практически. Словами они не дадут себя убедить и прекрасно сделают, что не дадут». Пропаганда декретов и агитационных листов не переделает экономическую жизнь — «вся эта переделка не стоила бы ломаного гроша, нужно сначала доказать, что такое объединение лучше, объединить людей так, чтобы они действительно объединились, а не расплевались, — доказать, что это выгодно. Так ставит вопрос крестьянин и так ставят вопрос наши декреты».

А вот еще одно высказывание Ленина, диаметрально противоположное последующему сталинскому «сгону» крестьян в крепостнические колхозы, призванные обеспечить поставку товарного хлеба государству даже и за счет необходимого продукта:

«Крестьянин нуждается в промышленности города, без нее он не может жить, а она в наших руках. Если мы возьмемся за дело правильно, тогда крестьянин будет благодарен нам за то, что мы понесем ему из города эти продукты, эти орудия, эту культуру. Их понесут ему не эксплуататоры, не помещики, а такие же товарищи-труженики, которых он ценит глубоко, но ценит практически, ценит только их фактическую помощь, отвергая — и вполне справедливо отвергая — командование, “предписания” сверху.

Сначала помогите, потом добивайтесь доверия... Лишь тогда мы сможем идти дальше».

А вот и заключение речи: «Как свергнуть буржуазию, как ее подавлять — этому мы научились и этим гордимся. Как урегулировать отношения с миллионами среднего крестьянства, каким путем завоевать его доверие, *этому мы еще не научились*, — *это надо сказать открыто*. Но

<sup>63</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 193, 196, 198, 200, 201.

задачу мы поняли, мы ее поставили и мы себе говорим со всей надеждой, со всем знанием и со всей решительностью: с этой задачей мы справимся, и тогда социализм будет абсолютно непобедим»<sup>64</sup>.

Речь Ленина на I Съезде земледельческих коммун и сельскохозяйственных артелей 4 декабря 1919 г. вновь показывает его как горячего защитника коллективизации, но еще более смещает акцент на осторожность в деле помощи крестьянам в построении коммун и артелей: крестьянин не должен видеть в помощи подачку от казны, из этого получатся только вред: «Ибо название сельскохозяйственных коммун очень большое, связанное с понятием коммунизма. Хорошо, если коммуны на практике показывают, что в них действительно ведется серьезная работа по улучшению крестьянского хозяйства — тогда, несомненно поднимется авторитет и коммунистов и коммунистической партии. Но сплошь и рядом бывает так, что коммуны возбуждали в крестьянстве лишь отрицательное отношение к себе, и слово “коммуна” делалось иногда даже лозунгом борьбы против коммунизма. И так бывало не только тогда, когда делались *нелепые попытки* насильственным путем загнать крестьян в коммуны. Нелепость этого так резко бросалась всем в глаза, что советская власть давным-давно выступила против них. И я надеюсь, что если теперь и встречаются единичные примеры этого насилия, то их немного, и вы воспользуетесь настоящим съездом, чтобы последние следы *этого безобразия* стереть с лица Советской республики...»<sup>65</sup>.

Надо чтобы в практической жизни коммуны и артели показали свое преимущество перед старым. Вот в чем трудность решения задачи, ее надо уметь осуществлять и «без казенной помощи». Надо суметь указать способы, «как достичь того, чтобы из существующих двух тысяч коммун и около четырехтысяч артелей каждая была ячейкой, способной укреплять среди крестьян убеждение, что коллективное земледелие, как переход к социализму, есть вещь полезная, а не блажь, не простой бред»<sup>66</sup>.

Но все эти убеждения не действовали — середняк *не шел в колхозы и коммуны* в 1919—1920 гг.

## Что было коммунистического в «военном коммунизме»?

Читателя статей и речей Ленина периода «военного коммунизма» поражает нестрогое употребление понятий «коммунизм», «коммунистический», «социализм», «социалистический» — кажется будто ав-

<sup>64</sup> Там же. Т. 38. С. 202, 204, 205 (курсив наш. — Е. П.).

<sup>65</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 375 (курсив наш. — Е. П.).

<sup>66</sup> Там же. С. 377—378.

тор не делал между ними разницы. В основном понятие «коммунистический» связывалось с борьбой с голодом. «Мучительный голод нас силой подвел к задаче чисто коммунистической», — заявлял Ленин 4 июня 1918 г.<sup>67</sup> «Это урок коммунистического раздела, чтобы все было на учете, чтобы был хлеб для людей и топливо для промышленности...», это сказано им 22 мая 1918 года<sup>68</sup>. «Это есть начало социалистической революции», — говорил он 4 июня<sup>69</sup>. «Кажется эта борьба только за хлеб; на самом деле — это борьба за социализм», — это слова из речи 27 июня<sup>70</sup>. Комиссариаты продовольствия и земледелия национализировали «все товары», установили «все цены» — только тогда мы «вплотную подходим к социализму», — это сказано 5 июля 1918 г.<sup>71</sup> А вот в статье начала июля 1919 г.: «Мы не можем построить коммунизма иначе, как из материалов, созданных капитализмом...» Третьего февраля 1919 г. Ленин писал: это переход «от буржуазной кооперации к коммунистическому потребительски-производственному объединению всего населения»<sup>72</sup>.

Ряд высказываний заставляет нас считать Ленина защитником «уравнительного социализма» или «уравнительного коммунизма», он явно говорит о *равном* распределении в обществе: «Стремясь к равенству вознаграждения за всякий труд и к полному коммунизму, Советская власть не может ставить своей задачей немедленного осуществления этого равенства в данный момент, когда делаются лишь первые шаги к переходу от капитализма к коммунизму» — из проекта программы РКП(б)<sup>73</sup>.

На наш взгляд, ничего ни коммунистического, ни социалистического не было в продовольственной разверстке или хлебной монополии, определения «коммунистический», «социалистический» употреблялись для придания *большой весомости* сказанному. Могут сослаться на известные слова Ленина: с комбедами в деревню пришел Октябрь, это «первый шаг социалистической революции в деревне».

Но организация комбедов никаким «социалистическим» Октябрем в деревне не была. Комбеды создавались для изъятия хлеба у кулаков и получали за это соответствующую мзду, они вели к расколу деревни, дестабилизировали обстановку на местах. «Возникшее летом и осенью

<sup>67</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 405.

<sup>68</sup> Там же. С. 368.

<sup>69</sup> Там же. С. 406.

<sup>70</sup> Там же. С. 449.

<sup>71</sup> Там же. Т. 37. С. 509.

<sup>72</sup> Там же. Т. 37. С. 221, 471.

<sup>73</sup> Там же. Т. 38. С. 98.

1918 г. своеобразное “двоевластие” на селе было временным, вынужденным отступлением от порядка организации власти, установленного Советской конституцией, — сообщается в “Истории СССР”. — К тому же осенью 1918 г. обострились взаимоотношения между волостными и сельскими Советами, с одной стороны, и комбедами — с другой. С мест поступали многочисленные сигналы о том, что в деятельности комбедов и Советов возник ненужный параллелизм. Нередко комбеды выходили за рамки прав, предоставленных им декретом ВЦИК от 11 июня 1918 г.»<sup>74</sup>

В начале 1919 г. были произведены перевыборы, комбеды были слиты с Советами. «Социалистическим» элементом остались национализированные предприятия в городах и некоторые коммуны, колхозы и совхозы в деревне; в целом эксперимент закончился неудачей.

Важно отметить, что Ленин в конце 1919 г. счел нужным напомнить о классических определениях социализма и коммунизма в марксизме. «Если мы спросим себя, что представляет собою коммунизм в отличие от социализма, то мы должны будем сказать, что социализм есть то общество, которое вырастает из капитализма непосредственно, есть первый вид нового общества. Коммунизм же есть более высокий вид общества и может развиваться лишь тогда, когда вполне упрочится социализм. Социализм предполагает работу без помощи капиталистов, общественный труд при строжайшем учете, контроле и надзоре со стороны организованного авангарда, передовой части трудящихся; причем должны определяться и мера труда и его вознаграждение... Коммунизмом же мы называем такой порядок, когда люди привыкают к исполнению общественных обязанностей без особых аппаратов принуждения, когда бесплатная работа на общую пользу становится всеобщим явлением»<sup>75</sup>. Поэтому «кое-что» от коммунизма, его ростков Ленин видел в знаменитых коммунистических субботниках, участники которых трудились без оплаты. Это был ограниченный и временный, оборвавшийся опыт. Впрочем, сам принцип Маркса: «От каждого по способностям, каждому по его потребностям» нам представляется утопией...

Любопытно, что само определение «военный коммунизм» — появляется в работе Ленина «О продовольственном налоге» в апреле 1921 г., а о его сущности он позже говорил:

«...Наша предыдущая экономическая политика, если нельзя сказать: рассчитывала (мы в той обстановке рассчитывали вообще мало), то до

<sup>74</sup> История СССР с древнейших времен и до наших дней. Т. 7. С. 456.

<sup>75</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 33—34.

известной степени предполагала, — можно сказать, безрасчетно предполагала, — что произойдет непосредственный переход старой русской экономики к государственному производству и распределению на коммунистических началах... Отчасти под влиянием нахлынувших на нас военных задач и того, казалось бы, отчаянного положения, в котором находилась тогда республика, в момент окончания империалистической войны, под влиянием этих обстоятельств и ряда других, мы сделали эту ошибку, что решили произвести переход к коммунистическому производству и распределению, мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нужное нам количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам, — и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение.

Не могу сказать, что именно так определенно и наглядно мы нарисовали себе такой план, но приблизительно в этом духе мы действовали. Это, к сожалению, факт. Я говорю: к сожалению, потому что не весьма длинный опыт привел нас к убеждению в ошибочности этого построения, противоречащего тому, что мы раньше знали о переходе от капитализма к социализму, полагая, что без периода социалистического учета и контроля подойти хотя бы к низшей ступени коммунизма нельзя»<sup>76</sup>.

Можно сказать, что это была попытка штурмовым способом выйти к ложно обозначаемым «коммунистическим основам» производства и распределения, причем — что самое удивительное — в обстановке жесточайшей Гражданской войны. Крах попытки был неотвратимым.

## Ленинский план ГОЭЛРО. Кризис 1921 г.

К началу 1920 г. стало ясно, что Советская страна близка к победе в Гражданской войне. РККА сокрушила и интервентов, и поддерживаемых Антантой белых генералов, Врангель и панская Польша, а также японцы на Дальнем Востоке уже не представляли смертельной угрозы Советской власти. Перед РКП(б) и Лениным встала задача величайшей сложности — как поднять Россию из руин, вывести ее на путь цивилизации. Эту сложность Ленин вполне сознавал. В докладе ВЦИК и Совнаркома от 20 февраля 1920 г. он говорил: «Как бороться социалистам внутри капиталистического общества — это задача не трудная и она давно решена. Как себе представить развитое социалистическое общество — это тоже не трудно. Эта задача тоже решена. Но как практически осуществить *переход от старого привычного и всем знакомого капи-*

<sup>76</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 219—220; т. 44. С. 156—158.

*тализма к новому еще, не родившемуся, не имеющему устойчивой базы социализму — вот самая трудная задача»<sup>77</sup>.*

Еще незадолго до этого Ленин получил и прочитал в «Правде» от 30 января 1920 г. первую статью Г.М. Кржижановского «Задача электрификации России». Ее-то Ленин и задумал использовать в качестве основы для решения «трудной задачи». Он писал Кржижановскому:

«Великолепно...

Нельзя ли добавить *план* не технический (это, конечно, дело *многих* и не скоропалительное), а политический или государственный, т. е. задание пролетариату... Доработаемся до *стольких-то* (тысяч или миллионов лошадиных сил или киловатт?? черт его знает) машинных рабов и проч.

Если бы еще *примерную* карту России с центрами и кругами? или этого еще нельзя?

Повторяю, надо увлечь *массу* рабочих и сознательных крестьян *великой* программой на 10—20 лет...

Ваш Ленин»<sup>78</sup>.

Задуманную Лениным карту уже рассматривали делегаты VIII съезда Советов в конце года.

В докладе ВЦИК и СНК на VIII Всероссийском съезде Советов, который состоялся 22—29 декабря 1920 г., Ленин доложил делегатам о плане электрификации страны, над которым работали «двести наших лучших научных и технических сил» и дал свою формулу: «Коммунизм — это есть Советская власть плюс электрификация всей страны». «Только тогда, — разъяснял он, — когда страна будет электрифицирована, когда под промышленность, сельское хозяйство и транспорт будет подведена техническая база современной крупной промышленности, только тогда мы победим окончательно»<sup>79</sup>.

Что касается переделки собственно сельского хозяйства, то здесь Ленин в 1920 г. по-прежнему предлагал опереться на принудительную продразверстку, которая, как ему казалось, начала приносить весомые плоды: вместо 3 млн пудов в 1917—1918 гг. до 400 млн в предстоящем 1921 г. Ввиду уменьшения посевных площадей на места были спущены планы засева полей.

Однако весь этот расчет делался, как говорится, без хозяина — крестьянин не соглашался более на безвозмездное изъятие хлеба. Страну потрясли крестьянские восстания, для Советской власти возникла уг-

<sup>77</sup> Там же. Т. 40. С. 104 (курсив наш. — Е.П.).

<sup>78</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 62—63.

<sup>79</sup> Там же. Т. 42. С. 159.



роза куда большая, чем угроза «белогвардейщины». Вдобавок 1 марта 1921 г. вспыхнул и был безжалостно подавлен мятеж в Кронштадте — этой бывшей цитадели революций. Матросы выдвинули грозный для РКП(б) лозунг: «Советы без коммунистов».

Знаменательно, что заставили Ленина отказаться от всей системы «военного коммунизма» и перейти к нэповской «**модели № 3**»: продналог вместо продразверстки, полная свобода торговли вместо ее запрета, хозяйственные отношения в промышленности, не какие-либо теоретические соображения. В.И. Ленин, твердо усвоивший *ложный* постулат Маркса о бестоварном социализме, и в 1919 и в 1920 г. яростно отбивался от предложений перейти от продразверстки к продналогу. А такое предложение содержалось в меньшевистском документе «Что делать?» от 1919 г.; предложение о переходе к продналогу Троцкий делал еще в феврале 1920 г. и, получив отказ, стал прославлять милитаризацию труда. Такое же предложение делали на VIII съезде Советов меньшевик Ф.И. Дан и представитель партии меньшинства социалистов-революционеров В.К. Вольский. 22 декабря 1920 г. Ленин беседует с крестьянами разных губерний, но пропускает мимо ушей их жалобы типа: «Палка (для крестьян. — *Е.П.*) = продовольственные реквизиции». Ленину все еще кажется, что крестьян больше всего волнует проблема кулака<sup>80</sup>. В конце концов *практика* заставляет Ленина отбросить ложный постулат Марксовской теории.

Крестьянские восстания, угроза гибели Советской власти — вот что заставляло Ленина похоронить некоторые «аксиомы» марксизма об отмене товарных отношений и продуктообмене при социализме. В конспективном наброске осени 1921 г. Ленин записал по поводу политики «военного коммунизма»:

«“Лобовая атака” ошибка или проба почвы и расчистка ее? И то и другое, исторически глядя.

А глядя сейчас, при переходе от нее к другому методу, важно подчеркнуть ее роль, ошибки»<sup>81</sup>.

Рассмотрим теперь подробнее этапы перехода Ленина «к другому методу», к «модели №3» социализма.

## О замене разверстки натуральным налогом

В учебнике «История СССР», т. VIII, рассказывающем о «Переходе к новой экономической политике» словами Ленина подкреплена вроде бы бесспорная мысль: «Основная мысль Ленина заключалась в том, что

<sup>80</sup> См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 382—386.

<sup>81</sup> Там же. Т. 44. С. 476.

“надо опираться на единоличного крестьянина”, который как мелкий товаропроизводитель нуждается в *экономических стимулах* для развития своего, хозяйства»<sup>82</sup>. Но обращение к контексту показывает совершенно иную мысль Ленина — он говорит о крахе политики коллективизации в деревне: «Вопрос о колхозах не стоит как очередной. Я знаю, что колхозы еще настолько не налажены, в таком плачевном состоянии, что они оправдывают название богаделен... Состояние совхозов сейчас в громадном большинстве случаев ниже среднего. Надо опираться на единоличного крестьянина, он таков и в ближайшее время иным не будет, и мечтать о переходе к социализму и коллективизации не приходится»<sup>83</sup>.

Мало того, цитата о «единоличнике» вырвана из речи Ленина на VIII Съезде Советов, произнесенной 24 декабря 1920 г., где вопрос о «новой экономической политике» вообще еще не стоял.

Приведя ленинские высказывания полностью, авторы должны были бы также подкрепить мысли Ленина о *крахе коллективизации* к концу 1920 г. статистикой и таблицами, но они этого не делают...

А теперь перейдем к документам Ленина, относящимся к «новой экономической политике». Нас будет интересовать в первую очередь методологическая сторона постановки вопроса Лениным.

Как известно, первый его «Предварительный, черновой набросок тезисов насчет крестьян» гласил:

- «1. Удовлетворить желание беспартийного крестьянства о замене разверстки (в смысле изъятия излишков) хлебным налогом.
2. Уменьшить размер этого налога по сравнению с прошлогодней разверсткой.
3. Одобрить принцип сообразования размера налога с старательностью земледельца в смысле понижения %-та налога при повышении старательности земледельца.
4. Расширить свободу использования земледельцем его излишков сверх налога в местном хозяйственном обороте, при условии быстрого и полного внесения налога». (*Написано 8 февраля 1921 г.*)<sup>84</sup>.

Как поясняют авторы комментария к 42-му тому, набросок лег в основу проекта решения X съезда. Приведем — ввиду важности дела — его основные пункты и кратко прокомментируем.

<sup>82</sup> История СССР с древнейших времен и до наших дней. Т. 8. С. 41–42

<sup>83</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 180–181.

<sup>84</sup> Там же. С. 333.

## О ЗАМЕНЕ РАЗВЕРСТКИ НАТУРАЛЬНЫМ НАЛОГОМ

1. Для обеспечения правильного и спокойного ведения хозяйства на основе более свободного распоряжения земледельцем своими хозяйственными ресурсами, для укрепления крестьянского хозяйства и поднятия его производительности, а также в целях точного установления падающих на земледельцев государственных обязательств разверстка как способ государственных заготовок продовольствия, сырья и фуража заменяется натуральным налогом.

2. Этот налог должен быть меньше налагавшегося до сих пор путем разверстки обложения. Сумма налога должна быть исчисляема так, чтобы покрыть минимальные необходимые потребности армии, городских рабочих и неземледельческого населения. Общая сумма налога должна быть постоянно уменьшаема по мере того, как восстановление транспорта и промышленности позволит Советской власти получать продукты сельского хозяйства нормальным путем, т. е. в обмен на фабрично-заводские и кустарные продукты.

3. Налог взимается в виде процентного или долевого отчисления от произведенных в хозяйстве продуктов, исходя из учета урожая, числа едоков в хозяйстве и фактического наличия скота в нем.

4. Налог должен иметь прогрессивный характер; процент отчисления для хозяйств середняков и маломощных хозяев, для хозяйств городских рабочих и т. п. должен быть пониженным.

5. Хозяйства беднейших крестьян могут быть освобождаемы от некоторых, а в исключительных случаях и от всех видов натурального налога.

6. Старательные хозяева-крестьяне, увеличивающие площади засева в своих хозяйствах, а равно увеличивающие производительность хозяйства в целом, получают льготы по выполнению натурального налога либо в порядке понижения ставок налога, либо в порядке частичного освобождения от налога...

7. Все запасы продовольствия, сырья и фуража, оставшиеся у земледельцев после выполнения ими налога, находятся в полном их распоряжении и могут быть используемы ими для улучшения и укрепления своего хозяйства, для повышения личного потребления и для обмена на продукты фабрично-заводской и кустарной промышленности и сельскохозяйственного производства.

8. Обмен допускается в пределах местного хозяйственного оборота.

9. В целях снабжения беднейшего населения и обмена на излишки продовольствия, фуража и сырья, добровольно сдаваемого насе-

лением государству по выполнению причитающегося с него налога, создается специальный фонд предметов сельскохозяйственного инвентаря и предметов широкого потребления. Этот фонд создается из продуктов внутреннего производства и тех предметов, на приобретение которых за границей выделяются часть государственного золотого фонда и часть заготовленного сырья...<sup>85</sup>

Как мы видим, проект вроде бы сохраняет классовый подход — налог имеет «прогрессивный характер», но вводится понятие «старательных крестьян», для чего пришлось «забыть» о классовом подходе. Кстати, носят демократический характер принципы установления налога: его размер определяют «выборные организации местных крестьян».

По сравнению с ленинским наброском все же ужесточен характер использования излишков. Прямо указано: их «обмен допускается в пределах местного хозяйственного оборота», в то время как у Ленина говорилось о «свободе использования» излишков в местном хозяйственном обороте, никакой «обмен» при этом не предусматривался.

В чем тут дело, показывают речи Ленина на X съезде РКП(б).

## Поиск модели нэпа

Свой доклад X съезду Ленин почти целиком посвящает вставшей перед страной проблеме: переходу от военных задач к задачам мирного строительства. Упоминает он поначалу о многом: роскоши партийных дискуссий в обстановке разорения страны, всеобщем обнищании и усталости, о проблемах, вызванных демобилизацией, о разрухе в промышленности и топливном кризисе, о надвинувшемся неурожае. Но главное: проблема истощенности военного союза между пролетариатом и крестьянством, *перевод этого союза на новые основания*.

Вот основные положения Ленина:

«Переход от войны к миру — тот переход, который приветствовали мы на прошлом съезде партии и уже пытались осуществить, пытались наладить работу в этом отношении, — он еще и сейчас не завершен. И сейчас еще стоят перед нашей партией невероятной трудности задачи, которые касаются не только хозяйственного плана, — в котором мы сделали немало ошибок, — которые касаются не только основ хозяйственного строительства, но основ самих отношений между классами, которые в нашем обществе, в нашей Советской республике остались. Самые отношения между классами подверглись изменению,

<sup>85</sup> Десятый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963. С. 608—609.

и вопрос этот должен быть, — я думаю, вы все с этим согласитесь, — одним из главных вопросов, которые вам предстоит здесь разобрать и разрешить»<sup>86</sup>.

Ленин дальше развивает свою мысль об изменении отношений крестьянства к пролетариату: «Тут проявилась стихия мелкобуржуазная, анархическая с лозунгами свободной торговли и всегда направленная против диктатуры пролетариата. И это настроение сказалось на пролетариате очень широко... Эта мелкобуржуазная контрреволюция несомненно более опасна, чем Деникин, Юденич и Колчак вместе взятые, — подчеркивает Ленин, — потому что мы имеем дело со страной..., в которой разорение обнаружилось на крестьянской собственности, а кроме того, мы имеем еще такую вещь, как демобилизация армии, давшая повстанческий элемент в невероятном количестве». «...Передвижка власти, которую кронштадтские матросы и рабочие выдвинули, — они хотели поправить большевиков насчет свободы торговли, — казалось бы, передвижка небольшая, как будто лозунги те же самые: “Советская власть”, с небольшим изменением, или только исправленная, — а на самом деле беспартийные элементы служили здесь только подножкой, ступенькой, мостиком, по которому явились белогвардейцы. Это неизбежно политически». И далее о том же: «Мы должны внимательно присмотреться к этой мелкобуржуазной контрреволюции, которая выдвигает лозунги свободы торговли. Свобода торговли, даже если она вначале не так связана с белогвардейцами, как был связан Кронштадт, все-таки неминуемо приведет к этой белогвардейщине, к победе капитала, к полной его реставрации. И, повторяю, эту политическую опасность мы должны сознавать ясно»<sup>87</sup>.

С точки зрения экономической, продолжает Ленин, пролетарская революция разворачивается в стране, где пролетариат в меньшинстве, где огромное большинство мелкобуржуазное. Роль пролетариата — помочь «мелким хозяевам» перейти «к обобществленному, коллективному, общинному труду». Но практически для этого надо иметь налаженную крупную промышленность, которой нет: производство разрушено войной и ведет самое жалкое существование, возлагая жертвы на самых мелких земледельцев. Крестьянин должен был в условиях разорения оказывать кредит Советской власти, ничего не получая от крупной промышленности, работая на товарный оборот до ее восстановления. А таковое невозможно на старой базе, для восстановле-

<sup>86</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 4.

<sup>87</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 24, 25.

ния потребуется десятилетие, если не больше. До той поры мы будем иметь дело с мелким производителем, и «лозунг свободной торговли будет неизбежным»<sup>88</sup>, он отвечает условиям существования мелкого производителя, ему нужен продналог, который мы не смогли ввести в 1918 г., нужна уверенность, что он столько-то отдает, а столько-то может употребить для своего местного оборота. В условиях войны оборот мы обеспечить не могли. Восстановлению промышленности могли бы помочь концессии, но у нас сложнейшие отношения с внешним миром.

Как обеспечить мелкое хозяйство «известной свободой в местном обороте» — самый важный вопрос экономики и политики для Советской власти сегодня. Как его решить, Ленин разъяснил специально в «Докладе о замене разверстки натуральным налогом» 15 марта 1921 г.

Он начинает с того, что вопрос о замене разверстки налогом является «прежде всего и больше всего вопросом политическим», ибо суть его состоит в отношении рабочего класса к крестьянству. «...Мы должны отношения этих двух главных классов, борьба между которыми или соглашение между которыми определяют судьбы всей нашей революции, подвергнуть новому или, я бы сказал, пожалуй, более осторожному и правильному дополнительному рассмотрению и известному пересмотру».

«Два слова» он говорит о теоретическом подходе к этому вопросу: «Нет сомнения, что социалистическую революцию в стране, где громадное большинство населения принадлежат к мелким земледельцам-производителям, возможно осуществить лишь путем целого ряда *особых переходных мер*, которые были бы совершенно не нужны в странах развитого капитализма, где наемные рабочие в промышленности и земледелии составляют громадное большинство».

В последнем случае возможен непосредственный переход к социализму, в первом случае социалистическая революция может иметь окончательный успех лишь при двух условиях: во-первых, при поддержке ее своевременно социалистической революцией в одной или нескольких передовых странах, для этого условия мы сделали далеко недостаточно, «чтобы это стало действительностью»; другое условие, это — соглашение между держащим в своих руках государственную власть, осуществляющим свою диктатуру «пролетариатом и большинством крестьянского населения. Соглашение, это — понятие очень широкое, которое включает в себя целый ряд мер и переходов... Классы обмануть нельзя... Нам надо... согласно урокам нашей революции — ставить вопросы

<sup>88</sup> Там же. С. 27.

прямым: интересы этих двух классов различны, мелкий земледелец не хочет того, чего хочет рабочий (т. е. социализма и коллективизации? — *Е.П.*)».

Только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России, но оно «непрочно». Не стараясь прятать что-либо, мы «должны говорить напрямую, что крестьянство формой отношений, которая у нас с ним установилась, недовольно, что оно этой формы отношений не хочет и дальше так существовать не будет». Мы достаточно трезвые политики, чтобы говорить прямо: давайте нашу политику по отношению к крестьянству пересматривать. Так, как было до сих пор, не годится.

Далее Ленин садится на своего конька — он рассуждает снова о пагубности *свободной торговли*: «Мы должны сказать крестьянам: «Хотите вы назад идти, хотите вы реставрировать частную собственность и свободную торговлю целиком — тогда это значит скатываться под власть помещиков и капиталистов неминуемо и неизбежно... Расчет ли крестьянам... позволить стране откатываться — до власти капиталистов и помещиков или не расчет? ... При всей сознаваемой глубокой розни экономических интересов пролетариата и мелкого земледельца *расчет будет в нашу пользу*»<sup>89</sup>.

Крестьянство в стране нивелировалось, стало более средним, чем прежде, и, как ни трудно у нас с ресурсами, задача «удовлетворить среднее крестьянство — должна быть решена».

У нас было немало фантазеров, но практика показала, какую огромную роль могут играть всевозможные опыты и начинания в области коллективного ведения хозяйства. Но эти опыты сыграли и отрицательную роль, когда проводились людьми, не имевшими «коллективного опыта». Они только показали, как не надо хозяйничать: «окрестные крестьяне смеются или злобствуют».

«... Дело переработки мелкого земледельца, переработки всей его психологии и навыков есть дело, требующее поколений... Если я говорю, что нужны поколения, это не значит, что нужны столетия. Вы прекрасно понимаете, что достать тракторы, машины и электрифицировать громадную страну — такое дело может, во всяком случае исчисляться не менее, чем десятилетиями. Вот какова объективная обстановка»<sup>90</sup>.

Законные требования крестьян мы знаем.

Чтобы удовлетворить их, нужна известная свобода оборота и товары и продукты. Что же такое свобода оборота? Свобода оборота — это

<sup>89</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 59 (курсив наш. — *Е.П.*).

<sup>90</sup> Там же. С. 60—61.

есть свобода торговли, а свобода торговли значит назад к капитализму, который и вырастает из товарного обмена между мелкими хозяевами. Может ли коммунистическая партия перейти к свободе торговли? В практическом разрешении вопрос «чрезвычайно труден». В нашем предварительном проекте «обмен допускается в пределах местного хозяйственного оборота». Наша задача здесь выставить лозунг, решись вопрос принципиально, оповестить об этом крестьян, потому что посев на носу. «И дальше — двинуть весь наш аппарат, все наши теоретические силы, весь наш практический опыт, чтобы посмотреть, как это сделать».

Иными словами, *Ленин объявляет поиск*: «...Можно ли до известной степени восстановить свободу торговли, свободу капитализма для мелких земледельцев, не подрывая этим самым корней политической власти пролетариата? Можно ли это? *Можно, ибо вопрос — в мере*».

С другой стороны, государство могло бы держать в своих руках «небольшое количество товаров» и пустить эти товары «в оборот», это ожило бы земледелие. «Мелкий земледелец, пока он остается мелким, должен иметь стимул, толчок, побудитель, соответствующий его экономической базе, т. е. мелкому отдельному хозяйству». Государство же получило бы от «оборота» минимальное количество хлеба для покрытия потребностей города, фабрик, промышленности, для укрепления своей экономической базы.

*Вроде бы, поскольку в обороте деньги не учувствуют*, Ленин предлагает *снова продуктообмен* «в местном масштабе». Но и тут он не ставит окончательную точку: «громадная земледельческая страна с плохими путями сообщения, с необъятными пространствами, различным климатом, различными сельскохозяйственными условиями и проч. неизбежно предполагает известную свободу оборота местного земледелия и местной промышленности в местном масштабе»<sup>91</sup>. Во время войны мы зашли слишком далеко по пути национализации торговли и про-

<sup>91</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 61, 62 (курсив наш — Е.П.).

В «Плане речи о замене разверстки налогом» Ленин довольно откровенно записал «для себя»:

«6. “Свобода оборота” = свобода торговли = свобода капитализма.

Назад к капитализму?

Слишком поспешный, прямолинейный, неподготовленный “коммунизм” наш выжился *войной* и невозможностью ни достать товары, ни пустить фабрики.

Есть еще целый ряд возможных переходов. Можно еще сделать “веревку” *более* свободной, *не разрывая ее*, “отпустить” “полегче”» (Т. 43. С. 372).



мышленности, по пути закрытия местного оборота. «Было ли это ошибкой? Несомненно». «...Мы меры не соблюдали, не знали, как ее соблюсти»<sup>92</sup>.

И снова Ленин предлагает *поиск*, он *не ставит окончательной точки*: «Мы можем в порядочной степени свободный местный оборот допустить, не разрушая, а укрепляя политическую власть пролетариата. Как это сделать — это дело практики». Соответственно новому порядку будет перестроена кооперация. *Линия на поиск ведется Лениным неуклонно*: «Вы скажете, что это неопределенно. Да, и надо, чтобы это было до известной степени неопределенно. Почему это надо? Потому что, чтобы было вполне определено, надо до конца знать, что мы сделаем на весь год. Кто это знает? Никто не знает и знать не может».

«Мы в этом отношении стоим, говоря теоретически, перед целым рядом переходных ступеней, переходных мер. Для нас ясно одно: резолюция IX съезда предполагала, что наше движение будет идти по прямой линии. Оказалось, как оказывалось постоянно во всей истории революций, что движение прошло зигзагами».

Ленин выступает против шаблонизирования оборота в разных регионах: Центральная Россия, Украина, Сибирь — это разные местности. «Испытайте то, испытайте другое, изучайте практически, на опыте, потом поделитесь с нами и скажите, что вам удалось», а мы учтем «собранный опыт». Привлечем специально т. Преображенского, автора книги «Бумажные деньги в эпоху пролетарской диктатуры», пусть он подскажет, как сделать удовлетворительным оборот страны, чтобы не получились из денег ненужные бумажки. «Чтобы идти потом на основании опыта, нам нужно десять раз проверить принятые меры»<sup>93</sup>.

Часть товаров получим, хотя и за грабительские проценты, от иностранных фирм, «нужно золотой фонд бросить на предметы потребления, вопреки нашей прежней программе». Налог должен быть меньше, чем размер разверстки. «Искать переходные меры — задача очень трудная. Не удалось быстро и прямолинейно это сделать — мы духом не упадем, мы свое возьмем»<sup>94</sup>.

Пропаганду новой экономической политики В.И. Ленин продолжил в брошюре «О продовольственном налоге» (апрель 1921 г.), в ряде выступлений, документов, набросков. Кстати, для пропаганды оказались пригодными статьи периода передышки 1918 г. — «Очередные

<sup>92</sup> Там же. С. 63.

<sup>93</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 63, 64, 65, 66.

<sup>94</sup> Там же. С. 69, 72.

задачи Советской власти» и «О “левом” ребячестве и мелкобуржуазности». Ленин не только цитировал их теперь в своих работах и статьях — он *дал согласие* на почин московских коммунистов *переиздать эти статьи*. «В большом масштабе текущий момент весной 1922 г., — писал он, — повторяет основные особенности текущего момента весны 1918 г.»<sup>95</sup>.

Не станем изображать поиск Ленина в виде прямой линии — он шел зигзагами. С какими муками отказывался Ленин от Марксовой догмы о бестоварном социализме и продуктообмене говорят такие «промежуточные» формулы Ленина: «Продналог есть одна из форм перехода от своеобразного «военного коммунизма» к правильному социалистическому продуктообмену», «мы еще вернемся к террору и террору экономическому», нэп — беспорядочное «стратегическое отступление» и т. п.<sup>96</sup>

Но практика вела в противоположном направлении. В брошюре «О продовольственном налоге» есть такой примечательный абзац: «Оборот есть свобода торговли, есть капитализм. Он нам полезен в той мере, в которой поможет бороться с распыленностью мелкого производителя, а до известной степени и с бюрократизмом. *Меру установит практика*. Страшного для пролетарской власти тут ничего нет, пока пролетариат крепко держит власть в своих руках, твердо держит в своих руках транспорт и крупную промышленность»<sup>97</sup>.

А 28 мая 1921 г. Ленин выразил согласие с формулой Осинского: мы взялись проводить политику нэпа «всерьез и надолго»<sup>98</sup>.

В докладе же на VII Московской Губпартконференции 29 октября 1921 г. Ленин признал, что *отступление, предпринятое X съездом, оказалось недостаточным*. Первоначальный план строительства был таков: «Предполагалось более или менее социалистически обменять в целом государстве продукты промышленности на продукты земледелия и этим товарообменом (это же продуктообмен! — *Е.П.*) восстановить крупную промышленность... Что же оказалось? Оказалось, — сейчас вы все это знаете из практики, но это видно и из всей нашей прессы, — что товарообмен сорвался, сорвался в том смысле, что он вылился в куплю-продажу. И мы теперь вынуждены это сознавать, если не хотим прятать голову под крыло, если не хотим корчить из себя людей, не видящих своего поражения, если не боимся прямо посмот-

<sup>95</sup> Там же. Т. 45. С. 168.

<sup>96</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 219, 243; т. 44. С. 158, 428 и др.

<sup>97</sup> Там же. Т. 43. С. 244 (курсив наш. — *Е.П.*).

<sup>98</sup> Там же. С. 329.

реть в лицо опасности... Необходимо произвести дополнительное отступление, еще отступление назад, когда мы от *государственного капитализма* переходим к созданию *государственного регулирования купли-продажи и денежного обращения*. С товарообменом ничего не вышло, частный рынок оказался сильнее нас, и вместо товарообмена получалась обыкновенная купля-продажа, торговля.

Потрудитесь приспособиться к ней, иначе стихия купли-продажи, денежного обращения захлестнет вас!.. Лишь таким, еще более длительным, чем предполагали, путем можем мы восстанавливать экономическую жизнь»<sup>99</sup>.

Ленин призывал коммунистов не поддаваться унынию, прямо смотреть на создавшееся положение. Откровенность и прямоту в постановке новых задач он считает залогом успеха. «Не было ни одной задачи из тех, какие мы решали, которая не потребовала бы от нас повторного решения взяться за нее опять. Потерпевши поражение, взяться во второй раз, все переделать, убедиться, каким образом можно подойти к решению задачи... Если мы не будем бояться говорить даже горькую и тяжелую правду напрямик, мы научимся, непременно и безусловно научимся побеждать все и всякие трудности»<sup>100</sup>.

Правда, на XI съезде РКП(б) 27 марта — 2 апреля 1922 г. Лениным была уже провозглашена остановка «отступления», «перегруппировка сил», но трудно сказать, выражал ли Ленин собственные реальные намерения или всего-навсего успокаивал партактив, проникнутый ненавистью к «нэпману»<sup>101</sup>.

## Организация народного хозяйства в городе

Новая экономическая политика отрегулировала отношения советского государства с крестьянством, заменив в *деревне* продразверстку продналогом. Но крупная перестройка произошла и в городе — в области промышленности, товарооборота, финансовой политики.

Высшим органом, руководившим экономикой, стал Совет Труда и Оборона (СТО), где председательствовал Ленин. В состав СТО входили наркомы по военным делам, труда, путей сообщения, земледелия, продовольствия, председатель ВСНХ и управляющий ЦСУ (с правом совещательного голоса). Низовыми органами СТО на мес-

<sup>99</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 207—208 (курсив наш. — Е.П.).

<sup>100</sup> Там же. С. 210.

<sup>101</sup> Там же. Т. 45. С. 86, 87 и др.

тах были областные, губернские, уездные и волостные экономические совещания, которые были созданы для согласования деятельности всех местных экономических органов. Эти совещания регулярно отчитывались перед СТО в целях обмена опытом, выявления лучших образцов производства, развития соревнования. В основе всех взаимоотношений органов управления в Москве и на местах лежал принцип демократического централизма. Ленин в Наказе от СТО местным советским учреждениям поставил «первоочередной задачей восстановление производительных сил, подъем сельского хозяйства, промышленности и транспорта». «Мы стоим перед новой задачей, — писал он в Наказе, — не испробованной еще нигде в мире; мы решаем эту задачу при таких условиях, когда послевоенное разорение не позволяет ни точно рассчитать ресурсы, ни определить наперед, какую степень напряжения могут вынести рабочие и крестьяне... Мы должны смелее и шире применять разнообразные приемы, подходы к делу с разных сторон, разную степень допущения капитала и частной торговли, не боясь известного насаждения капитализма, лишь бы немедленно поднять оборот, оживить этим и земледелие и промышленность, подсчитать, на результатах практического опыта, какими ресурсами страна обладает и каким путем всего вернее можно идти к улучшению положения рабочих и крестьян для дальнейшей более широкой и прочной работы хозяйственного строительства, для осуществления плана электрификации»<sup>102</sup>.

Ленинский Наказ требовал всемерно поощрять почин, самостоятельность, размах работы на местах и обеспечить при помощи правильно поставленной отчетности возможность контролировать местным опытом и местным надзором работу центрального аппарата и обратно, достигая этим устранения волокиты и бюрократизма.

До 1921 г. в Советской России не было единого центра планирования, его осуществляли (и плохо) отдельные ведомства. Двадцать второго февраля 1921 г. СНК принял по докладу Ленина постановление о государственной общеплановой комиссии (Госплан) при СТО; его председателем стал специалист по вопросам хозяйства Г.М. Кржижановский.

Были пересмотрены функции ВСНХ, который руководил текущей работой. Он занялся вопросами организации, восстановления управления промышленностью, система «главкизма», созданная в обстановке Гражданской войны, была ликвидирована, в ведении ВСНХ оставлены только наиболее крупные фабрики и заводы. Значительная часть предприятий перешла в ведение совнархозов.

<sup>102</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 270—271.

Ленин потребовал прежде всего «концентрации производства в немногих лучших предприятиях»<sup>103</sup> и закрытия тех предприятий, без которых можно будет обойтись, пустив только важнейшие фабрики и заводы, коим хватило *топлива и хлеба*.

В период нэпа крупные и технически оборудованные фабрики и заводы объединялись в тресты, работавшие на основе хозрасчета; они стремились сократить накладные расходы, свести до минимума аппарат управления, удешевить себестоимость изделий. Ленин требовал «деловым, купцовским способом» обеспечить интересы пролетарского государства<sup>104</sup>, добиться безубыточности, рентабельности работающих предприятий. Вместе с тем продолжали действовать, хотя и убыточные, но важнейшие для страны фабрики и заводы. Значительная часть предприятий была поставлена на консервацию, часть мелких — сдана в аренду, тысячи коммунистов и беспартийных специалистов были направлены на важнейшие участки хозяйственного фронта.

Были введены на предприятиях новые формы оплаты труда и привлечения рабочей силы. Уравнительная оплата труда была заменена тарифной системой, учитывающей квалификацию рабочих, количество и качество произведенной продукции. Таким образом создавалась материальная заинтересованность трудящихся в результатах своего труда, в развитии производства. Увеличение зарплаты связывалось исключительно с ростом производительности труда, все виды натуральной оплаты были заменены денежной формой заработной платы, карточки были ликвидированы.

Поскольку образовалась «избыточная» рабочая сила, возник «рынок труда», исчезла необходимость в «военно-коммунистических» формах милитаризации труда, всякая трудовая повинность и трудовые мобилизации были отменены.

Как мы уже упоминали, планируемый через потребительскую кооперацию «товарообмен» был сорван, кооперация оказалась неспособной конкурировать с кустарем и ремесленником, к тому же крестьянин предпочитал денежный расчет натуральному. Пришлось в масштабах всей страны переходить к государственному регулированию денежных отношений. Была разрешена торговля на базарах и ярмарках, в больших городах открылись торговые биржи для заключения торговых сделок. В городах для всех граждан была установлена плата за коммунальные услуги, почтовые услуги, транспорт. Промышлен-

<sup>103</sup> Там же. С. 261.

<sup>104</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 151.

ные и торговые предприятия стали платить налоги, пополнять доходы государства. В целях стабилизации советского рубля вновь образованный государственный банк РСФСР получил осенью 1922 г. право выпускать банкноты достоинством в 1, 2, 5, 10, 25, 50 червонцев (1 червонец равнялся 10 золотым рублям). Это были первые этапы будущей денежной реформы.

Постепенно свобода развития частного капитала расширялась. ВСНХ было разрешено сдавать в аренду сначала мелкие, затем и более крупные предприятия частным лицам. Было разрешено создание частных предприятий с числом рабочих не больше 20; они свободно распоряжались фондами и продавали свои изделия.

Окончательно окрепли кустари и ремесленники, появились скупщики их продукции.

Были допущены государственно-капиталистические предприятия. Ленин особенно надеялся на привлечение частного капитала в форме концессий, но достижения свелись здесь к минимуму. Была разрешена сдача в аренду частным лицам государственных предприятий и создание смешанных акционерных обществ.

Таким образом, были и в городе найдены формы и методы экономической деятельности, отвечающие характеру новой экономической политики<sup>105</sup>.

Так или иначе, в 1922 г. идея нэпа («модель №3») замаячила как идея гигантского стратегического поворота: возможности в принципе сочетать пролетарскую диктатуру со свободным рынком, советскую власть с торговлей, социализм с капитализмом — весь вопрос в «мере», «форме» и т. д. К концу 1922 г. Ленин уже назвал основные элементы нэпа — как сочетание революционного энтузиазма с материальной заинтересованностью, прокрестьянская политика в деревне<sup>106</sup>, хозрасчетные отношения в промышленности плюс свобода торговли. «Учитесь торговать!» — призывает Ленин коммунистов...

Что касается перспектив нэпа, то Ленин говорил в конце 1921 г.: «Новое общество, которое основано будет на союзе рабочих и крестьян, неминуемо. Рано или поздно, двадцатью годам раньше или двадца-

<sup>105</sup> См. подробнее: История СССР с древнейших времен и до наших дней. Т. 8. С. 51—57.

<sup>106</sup> Необходимость такой политики при победе пролетарской революции в мелкокрестьянских странах предвидел еще Маркс в 70-х гг. XIX в., конспектируя книгу М. Бакунина «Государственность или анархия» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 612. Ленину конспект не был известен — он был опубликован в СССР в 1926 г.).

тью годами позже, оно придет, и для него, для этого общества, помогаем мы вырабатывать формы союза рабочих и крестьян, когда трудимся над решением нашей новой экономической политики»<sup>107</sup>.

А вот ленинский прогноз из речи на XI съезде, где он вроде бы провозгласил конец «отступления»:

«Что, этот нэп — пригодиться на что-нибудь или нет? Если окажется правильным отступление, то сомкнуться, отступивши, с крестьянской массой и вместе с ней, в сто раз медленнее, но твердо и неуклонно идти вперед, чтобы она всегда видела, что мы все-таки идем вперед. Тогда наше дело будет абсолютно непобедимо, и никакие силы в мире нас не победят»<sup>108</sup>.

Отметим, что оригинальный вклад в изучение проблем нэпа, заслуживающий особого внимания, внес в своих последних статьях не так давно ушедший из жизни публицист-мыслитель Юрий Григорьевич Буртин. Остановимся на его статьях, тем более что сам автор приглашал к дальнейшему разговору: «Тут многое нуждается в дополнительной, в том числе теоретической проработке»<sup>109</sup>.

Буртин обращает внимание на то, что в губительной обстановке «военного коммунизма» Ленин находил выход из «ужасного кризиса, обратившись в первую очередь к деревне — «безбрежному океану, в котором города выглядели островками». Но для этого потребовался целый «мировоззренческий переворот». «Потребовалось, — отмечает автор, — сочетание трех условий: экстремальной ситуации, поразительного антидогматизма Ленина и его авторитета в партии».

Предложив «начинать с крестьянина», изменив способ изъятия у крестьян государством «излишков», уменьшив объем такого изъятия и разрешив свободно распоряжаться остальным, Ленин позволял умиравшему крестьянскому хозяйству встать на ноги, стимулировал его развитие, чем в свою очередь создал условия для оживления промышленности — сначала мелкой, а затем, с ее помощью, и крупной. В целом же эта логика, отмечает Буртин, «все глубже погружает автора нэпа в нужды и беды деревни, заставляет понимать их конкретнее, острее». «А тем самым ведет к преодолению прежних сугубо пролетарских предпочтений».

<sup>107</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 329.

<sup>108</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 78.

<sup>109</sup> Интересующие нас статьи «Три Ленина» Юрий Буртин публиковал в «Независимой газете» 20—21 января 1999 г, журнале «Октябрь», № 12 за 1998 и № 1 за 1999 г.; более обширный труд «Другой социализм» — в альманахе «Красные холмы» за 1999 г.

Эта смена приоритетов доводится до предельного обострения, тактика превращается в стратегию, изменяется лексика ленинских работ — исчезают его проклятья в адрес самых грубых, диких эксплуататоров: «кулаков», «пиявок», «вампинов», с которыми мы вступили «в последний решительный бой» (Буртин замечает, что впоследствии эти эпитеты реанимируют Сталин, Каменев). Исчезает у Ленина идея двойственной — одновременно и эксплуататорской и трудовой природы земледельца. Причем, сравнивая крестьянство с городским пролетариатом, Ленин прямо констатирует, что «интересы этих двух классов различны, мелкий земледелец не хочет того, чего хочет рабочий»<sup>110</sup>. Вместе с тем Ленин признает, что эти несовпадающие интересы «в равной степени заслуживают удовлетворения». В период нэпа «исчезают не только призывы к насилию», но и само это слово «исчезает из ленинского обихода», выдвигается «требование большей революционной законности», появляются такие понятия, как «компромисс», «уступка», «уступчивость», «постепеновство» и «реформизм». С весны 1921 г. на место этого (революционного. — *Е.П.*) подхода ставится «совершенно иной, типа реформистского; не *ломать* старого общественно-экономического уклада, торговли, мелкого хозяйства, мелкого предпринимательства, капитализма, а *оживлять* торговлю, мелкое предпринимательство, капитализм... получая возможность подвергать их государственному регулированию *лишь в меру* их оживления»<sup>111</sup>.

«Оживлять капитализм! — восклицает Буртин. — От одного такого сочетания слов в устах вождя антикапиталистической революции многие из его учеников и последователей должны были, наверное, попросту терять дар речи». В работах Буртина подобная трактовка подается как появление еще в период ленинского нэпа теории и практики *конвергентного развития*, как модели «двухукладной экономики», своего рода «капиталистического социализма», к чему будет призывать акад. А.Д. Сахаров «пятьюдесятью годами позже»<sup>112</sup>. Правда, в 1921 г. нэп еще трактуется Лениным и партией как временное «отступление», позже он превращается в необходимую ступень к социализму, и, наконец, по Буртину, «понимается как собственно социализм, хотя и в первоначальном и необработанном виде».

<sup>110</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 58.

<sup>111</sup> Там же. Т. 44. С. 222.

<sup>112</sup> См.: Плимак Е.Г. Концепция конвергенции в нашу эпоху // Международный альманах «Синтез цивилизации и культуры». М., 2003.



Октябрь же 1917 г., считает Буртин, сломал один тип *доконвергентного* общества, чтобы заменить его другим, несколько не лучшим. Нэп и особенно статья «О кооперации» из так называемого Политического завещания Ленина, *исправляют эту ошибку*, здесь открывается путь того «встречного движения двух социально-политических укладов, которое составляет суть нэпа».

## Нэп — он же ленинская «самотермидоризация»

Попытаемся теперь включить нэп в международно-исторический контекст. Отметим прежде всего такой факт: если на подходе к Октябрю 1917-го Ленина привлекал наступательный порыв французского якобинства: быстрота и глубина социальных преобразований, террор, революционный контроль за богачами<sup>113</sup>, то в кризисном 1921 г. Ленин наконец-то обратился к негативному опыту того же якобинства, фиксируя явную его неспособность предотвратить Термидор<sup>114</sup>, откат революции назад. Вот некоторые из заметок Ленина времен перехода к товарным отношениям. Их важно привести в совокупности — мы очень редко видим их у наших специалистов по нэпу...

«1. Общеполитическое значение этого вопроса

— вопрос о *крестьянской* (мелкобуржуазной) *контрреволюции*.

**Такая контрреволюция стоит уже против нас**

2. Теоретический экскурс

(б) буржуазная или социалистическая революция? *Решит борьба...*»

И еще: «Политическая сторона:

Скинет мелкобуржуазная стихия...

«“Образец” французская революция...»

«1794 *versus* 1921» (1794 против 1921. — *Е.П.*)

И снова: «“Термидор”? Трезво, *может быть*, да?

Будет? Увидим. Не хвались едучи на рать»<sup>115</sup>.

А вот и перевод этих аналитических заметок на общедоступный рядовым партийцам и рабочим язык: «Если мы ее (мелкобуржуазную стихию. — *Е.П.*) не победим, мы скатимся назад, как французская революция. Это неизбежно, и надо смотреть на это, глаз себе не засоряя и

<sup>113</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 174—175 и др.

<sup>114</sup> «Термидор» — название контрреволюционного переворота месяца термидора, числа 9 (27 июля) 1794 г., когда была ликвидирована якобинская диктатура, казнены ее вожди: Робеспьер, Сен-Жюст, Кутон.

<sup>115</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 371, 386, 403.

фразами не отговариваясь» (Из речи на Всероссийском съезде транспортных рабочих 27 марта 1921 г.)<sup>116</sup>.

Нэп — замена продразверстки продналогом (затем денежным налогом) и был сознательно проведенным Советским государством *отходом*, позволившим сразу же резко сгрузить сферу применения *насильственных средств* по отношению к трудящимся классам (недовольством были охвачены и массы рабочих).

А вот слова, сказанные в 1921 г. французскому коммунисту Жаку Садулю, вспомнившего свою беседу с Лениным: «Рабочие-якобинцы более проницательны, более тверды, чем буржуазные якобинцы, и имели мужество и мудрость сами себя термидоризировать»<sup>117</sup>, отсюда введенный в нашу политологию термин М.Я. Гефтера: нэп — «*самотермидоризация*». Приведем теперь отрывок из интервью М. Гефтера журналисту Г. Павловскому: «*Самотермидоризация — вот он, ленинский выход. Выход и — выбор.*»

Г.П. Сделанный им одним?

М.Г. Сначала опоздавшим, затем опередившим. Нет, я не собираюсь приписывать Ленину мысль о прекращении революции. Но превращение ее в реформу, но принесение уже внесенного в жизнь социализма в «жертву» культурничеству, охватывающему и экономику, и политику, и верхи, и низы, — так ли просто было усвоить этот язык, заговорить на нем в *деле, делом?*»<sup>118</sup>.

И действительно, в результате «самотермидоризации» революционный процесс стал превращаться в процесс *эволюционный*, более или менее подвластный правящему революционному режиму. Появился, правда, в России и как раз в это критическое время *перехода от одного типа развития к другому* непредвиденный фактор, превративший всю проблему в сущую национальную трагедию. В результате страшной засухи в районах Поволжья, Приуралья, Кавказа, Крыма, части Украины на грани голодной смерти оказалось около 22 млн человек. Это окончательно заставило Ленина и РКП(б) заняться *прежде всего* улучшением положения крестьянства.

Перед нами, если брать деятельность Ленина, большевиков в 1921—1922 гг. в целом — вынужденная обстоятельствами и накоплением *отрицательного опыта полуреформаторская* линия поведения правящей революционной партии в условиях, не предуказанных ее программой и идеологией; при этом в 1921—1922 гг. вождь партии не затрагивает

<sup>116</sup> Там же. С. 141

<sup>117</sup> Иностранная литература. 1966. № 4. С. 236.

<sup>118</sup> Гефтер М.Я. Из тех и этих лет. М., 1991. С. 252.

политическую надстройку общества, в области политической он скорее *контрреформатор*, стремящийся рядом репрессивных мер обеспечить в будущем стабильное существование советской власти.

И тем не менее мы, очевидно, должны отличать отдельные зигзаги, метания, перехлесты в репрессиях 1921—1922 гг., вызванные общим нестабильным положением в стране, от мер, касающихся миллионных масс, мер и подходов, которые выводили экономику на магистральную дорогу от нэпа к социализму. Вот одно из принципиальных положений из статьи «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции»: «Не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденно-го великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете потрудитесь построить сначала прочные мостки, ведущие в мелкокрестьянской стране через государственный капитализм к социализму; иначе вы не подойдете к коммунизму, иначе вы не подведете десятки и десятки миллионов людей к коммунизму. Так сказала нам жизнь. Так сказал нам объективный ход развития революции»<sup>119</sup>.

А вот к проблемам реформирования политического строя в стране Ленин обратился уже в своем Завещании: «Я советовал бы очень предпринять на этом (XII. — *Е.П.*) съезде ряд *перемен в нашем политическом строе*»<sup>120</sup>.

<sup>119</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 151.

<sup>120</sup> Там же. Т. 45. С. 343 (курсив наш. — *Е.П.*).

## Глава 15

# Последние советы Ленина партии и отказ от их исполнения

### План «инверсионного» развития России

В наследии Ленина особое место занимают письма и статьи, продиктованные им с 23 декабря 1922 г. по 2 марта 1923 г. Эти последние, предсмертные работы созданы в исключительных обстоятельствах: наполовину парализованному Ленину приходилось вести изнурительную борьбу не только со своим недугом, но и с Генсеком ЦК РКП(б) Сталиным, который, зная о резко критическом отношении к нему Ленина, старался всячески препятствовать больному вмешиваться в партийные дела. И все же Ленин сумел высказать соображения, которые он считал «наиболее важными» для судеб нашей страны, обрисовав нечто вроде «модели № 4» социализма. Объяснение этого уникального случая — в невероятной силе воли Ленина, его стремлении отдать остаток жизни делу строительства нового общества. Но учтем и то, что болезнь подкрадывалась постепенно и, заставив Ленина уйти от «текучки», позволила ему взглянуть на партийно-государственные проблемы «со стороны», сосредоточиться на самом главном.

Еще в подготовительных материалах к своему труду «Государство и революция» (1917) Ленин так определил рамки и суть предстоящего стране пути: «долгие муки родов» социализма<sup>1</sup>. Эти муки отнюдь не кончились с окончанием Гражданской войны 1918—1920-х гг., они продолжались и в кризисной ситуации начала 20-х гг., их отразили последние работы. Они многотемны: здесь и диктовки о предстоящей стране культурной революции, ликвидации неграмотности населения (до 80%), здесь и раздумья о наделении Госплана большими полномочиями, здесь и разработки по национальному вопросу и по вопросам кооперирова-

---

<sup>1</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 185.

ния крестьянства, мысли о переходе к реформаторству в делах («Лучше меньше, да лучше»), проблема подвода масс к социализму, формах связи партии с массами.

Поначалу остановимся на концептуальной стороне вопроса путей революции в России — стране еще не завершившей вполне буржуазного формационного этапа развития, тем самым не имевшей достаточных материальных предпосылок для строительства социализма, или шире — для подтягивания на уровень *цивилизации*.

Опираясь на революционный порыв рабочих и крестьян, стремившихся вывести втянутую в мировую войну страну из «безвыходности своего положения», мы, говорил Ленин, начали вопреки стенаниям педантов от марксизма, дело «не с того конца», а именно со взятия власти пролетариатом, чтобы затем с помощью передовой политической надстройки подтянуть относительно отсталую страну к высотам мировой культуры. При этом при общей закономерности истории в ней открылись «отдельные полосы развития, представлявшие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития», открылась «возможность иного перехода к созданию посылок цивилизации, чем во всех остальных западноевропейских государствах».

Вообще говоря, в произведениях Ленина *эпохи трех российских революций* прослеживается одна и та же методологическая установка: взятие власти и сохранение взятой власти в условиях «несоответствия наших “экономических сил” и силы политической»<sup>2</sup>. Такой активной позиции большевизма противостояла пассивная меньшевистская позиция ожидания «созревания» всех предпосылок социализма в отсталой стране.

Русские меньшевики, соответственно, считали авантюрой Октябрьский переворот: «И над этой разоренной страной, в которой рабочий класс составляет еще незначительное меньшинство населения, в которой народ еще только что освободился от векового рабства самодержавия, над этой страной в такой критический момент большевики задумали проделать свой безумный опыт захвата власти, якобы для социалистической революции... И в этот самый момент, когда большевики захватили власть в свои руки, они обнаружили свое бессилие, ибо они могли опереться только на штыки. А власть, опирающаяся только на штыки, обречена на гибель. Власть, опирающаяся на штыки, осуждена применять приемы царского самодержавия»<sup>3</sup>.

<sup>2</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 378—382; см. также: т. 43. С. 216.

<sup>3</sup> Обращение ЦК РСДРП(о) к рабочим Петрограда // *Меньшевики в 1917 г.* М., 1997. Т. 3. Ч. 2. С. 263.

Правота вроде бы была на стороне меньшевиков. Пропущенные — благодаря скачкам — ступени развития надо было так или иначе проходить, причем наверстывая пропущенное в крайне неблагоприятных международных условиях<sup>4</sup>, теряя наспех завоеванное, откатываясь на десятилетия назад. Народ, в конечном счете, расплачивался за поспешность вождей, за их волюнтаристические эксперименты над обладающей громадной силой сопротивлением «социальной материей».

Но этим и аналогичным обвинениям Ленин противопоставлял диалектическую трактовку естественноисторического развития, включая составной частью в него волю людей, партии, классов; они-то и создают возможность перестановки *фаз* исторического процесса, *порядка* развития.

«Если для социализма, — писал он, — требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать, каков именно этот определенный “уровень культуры”, ибо он различен в каждом из западноевропейских государств), то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а *потом* уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы»<sup>5</sup>.

Логически здесь вроде бы все верно, но при таком волюнтаристски-перевернутом пути развития предполагаются особенно высокие требования к качеству *самой политической власти*. Ирония истории состояла в том, что «власть», на основе которой предполагалось движение России к «цивилизации», была лишь *в потенции* «рабоче-крестьянской властью», оставалась таковой лишь при правильной политике в интересах рабочих и крестьян — при Ленине в 1921—1923 гг. Мы не говорим уже о том, что для взаимодействия народа с этой властью нужно было еще выработать определенные демократические механизмы и достичь достаточной степени «цивилизованности» народа, что дается лишь длительным историческим развитием.

## Пробел в «Государстве и революции» Ленина и другие пробелы

Рассмотрим политическую надстройку Советского общества. После 1923 г. власть *реальная*, а не *номинальная* находилась в руках не очень-то затронутой культурой политической кучки вождей (мы снова пользу-

<sup>4</sup> Возможность пройти пропущенные ступени безболезненно дает благоприятное внешнее окружение, что есть у современного Китая и чего не было у России.

<sup>5</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 381.

емя определением Розы Люксембург), причем среди них уже просматривался претендент на единоличное обладание сверхцентрализованной властью, выросшей из революции и Гражданской войны; власть эту никак не мог контролировать отчужденный от реальной власти и к тому же порядком деклассированный пролетариат, а тем более — крестьянство; разделение властей, присущее западному «гражданскому обществу», вообще в России отсутствовало. Здесь мы выходим к любопытнейшему документу: ленинскому конспекту работы Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», содержащемуся в труде Ленина «Государство и революция».

Оказывается, конспектируя в 1917 г. работу Маркса, Ленин свел *суть* процессов, протекавших во Франции в революциях XVIII—XIX вв. к *централизации* политической власти: «...все прежние революции совершенствовали государственную машину, а ее надо разбить»<sup>6</sup>.

И тот же автор «Государства и революции» *полностью игнорировал* тогда личностную сторону этих процессов — приемы и методы борьбы субъекта, который был предметом пристального анализа Маркса и даже *дал заглавие книге в целом!* С развитием революции, показывал Маркс, Луи Бонапарт, следуя примеру своего дяди Наполеона Бонапарта, все более «сосредоточивал в своем лице *всю исполнительную власть*», используя ее «в своих целях». «Бонапарт, ...как сын богемы, как царственный *люмпен-пролетарий*, имел перед буржуазными плутами то преимущество, что мог вести борьбу *низкими средствами*»<sup>7</sup>.

Ленин вроде бы читал и цитировал «Пролог» Чернышевского, но не придал никакого значения монологам Левицкого о «вечной истории»: каких-то «плутах», неизменно заводивших в «болото» честных борцов, взявшихся за «работу». Видимо, над Лениным тяготел вывод: «узок термин Фейербаха и Чернышевского “антропологический принцип” в философии». То, что Чернышевский только и делал, что прилагал этот «узкий» принцип к широчайшим полям политики и политэкономии, областям «силы» и «богатства» — осталось Ленину неизвестно...<sup>8</sup>

Ленин не воспринял образ Рахметова как *антипода* Кромвелю и Бонапартам, людям, «делавшим свою карьеру через посредство революции», не воспринял, потому что ничего не знал об издании Чернышевским «Исторической библиотеки». Ленин упустил и написанную в 1852 г. Марксом и Энгельсом работу «Великие мужи эмиграции», где

<sup>6</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 28.

<sup>7</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 176 (курсив наш. — Е.П.).

<sup>8</sup> См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 64; Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 292.

рассказывалось о каких-то «Макиавелли, Талейранах, Меттернихах демократии», ожесточенно сражавшихся друг с другом и водивших за «нос» всю эмигрантскую массу. Проигнорировал Ленин и работу Маркса и Энгельса «Альянс Социалистической Демократии и Международное Товарищество Рабочих», разоблачавшую полнейший аморализм Нечаева и Бакунина<sup>9</sup>.

Короче говоря, Ленин недооценил в своей революционной деятельности, счел явлением безобидным, отнюдь не чуждый теории и практике государства и революции антропологический *аморальный* элемент, тот самый, которым специально занимались Чернышевский, Маркс, Энгельс, вернее, он сводил его к политиканству, игнорируя моральную сторону дела. Ленин начал, пожалуй, замечать громадный изъян управленческого аппарата на местах только в Гражданскую войну: «... нужда в честных отчаянная»<sup>10</sup>. И только на пороге смерти, диктуя свое Завещание, он *всерьез* обратился к «соображениям чисто личного свойства» в отношении вождей российской «сбциалистической» революции...

## Когда черты отдельной личности становятся общественно значимой величиной

«Наша партия, — напоминает Ленин свои идеи, высказанные еще на X съезде, — опирается на два класса и поэтому возможна ее неустойчивость и неизбежно ее падение, если бы между этими двумя классами не могло состояться соглашение... Но я надеюсь, что это слишком отдаленное будущее и слишком невероятное событие, чтобы о нем говорить».

И тут же — резкий поворот мысли, переход к «ряду соображений чисто личного свойства», прежде всего к характеристике качеств таких членов ЦК, как Сталин и Троцкий: «Отношения между ними, по-моему, составляют большую половину опасности того раскола, который мог бы быть избегнут...»

Дается Лениным характеристика этих вождей революции и главного из них, творца будущих «коллективизации» и «ежовщины»: «Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть (!) и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью». Ясна и просьба Ленина предстоящему съезду партии: «обдумать способ *перемещения* Сталина с этого места».

<sup>9</sup> См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 247—352; Т. 18. С. 323—452.

<sup>10</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 295.



«С другой стороны, — пишет Ленин, — тов. Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС, отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела.

Эти два качества двух выдающихся вождей современного ЦК способны ненароком привести к расколу, и если наша партия не примет мер к тому, чтобы этому помешать, то раскол может *наступить неожиданно*<sup>11</sup>.

Как нам отнестись к такому, казалось бы, неправомерному приравниванию явлений совершенно различного порядка, величин не просто разного, но, можно сказать, несоизмеримого масштаба. Ленин, политик, который привык иметь дело с миллионами, вдруг «перескакивает» к двум единицам, к личным качествам, поведению, отношению двух руководящих личностей в партии. Что это? Непоследовательность, отступление от «истматовских» принципов, простое предсмертное желание сказать своим преемникам не только о больших проблемах, но и некоторых «мелочах»? Нет, суть дела в ином. Суть дела как раз в существенной роли личности в истории, в необходимости уяснения этой стороны дела XII съездом, которому адресовано цитируемое письмо Ленина.

Нет ничего нелепее представления о том, что марксизм, исследуя образ действия крупных социальных слоев, не должен заниматься мотивами, образом действий отдельной личности, разумеется, учитывая ее *близость к рычагам власти*.

Политические мыслители XVIII в. недаром писали трактаты о воспитании «молодого принца» — они знали, что рычаги государственной власти есть важнейшая из точек пересечения политики и морали, действий отдельной личности и действий огромных масс людей. Марксистская теория отбросила свойственный теориям XVIII в. момент преувеличения, абсолютизации человеческих качеств и страстей, выявив вместе с тем реальные основы, объективные рамки их действий. Достаточно прочесть «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Лорд Пальмерстон» К. Маркса, работы Энгельса о Бисмарке (к примеру «Роль насилия в истории»), статьи Ленина о Столыпине, Керенском, чтобы убедиться в том, что вожди пролетариата пристально изучали личные качества государственных деятелей эксплуататорских классов.

<sup>11</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 344—345, 346 (курсив наш. — Е.П.).

После прихода пролетариата к власти встала совершенно новая проблема: изучения качеств, личных свойств политиков пролетариата. Ведь в «социалистическом» обществе оставалась государственная машина, сверхцентрализованная в условиях Гражданской войны. Ведь революцию делали не только идеальные личности.

В.И. Ленин в своих предсмертных работах учитывает, что качества той или иной личности, помноженные на колоссальную мощь сверхцентрализованного аппарата дают величину социального масштаба. Руководящую «единицу» этот аппарат наделяет способностью, писал Ленин, «влиять на направление дел решающим образом»<sup>12</sup>. Соответственно и коллизии руководящих личностей, их неверные действия могли в громадной степени задержать — если не повернуть вспять (вспомним, кстати, деяния Ельцина, с его непомерным властолюбием и демагогией, по развалу СССР), повернуть вспять движение по пути социализма — таков вывод из ленинских мыслей.

К тому же, как подчеркивал еще накануне XI съезда Ленин, подавляющее большинство партии менее, чем требуется в трудный момент, политически воспитано в общем и целом «для действительно пролетарского руководства» в мелкокрестьянской стране. «...В настоящее время, — писал он, — пролетарская политика партии определяется не ее составом, а громадным, безраздельным авторитетом того тончайшего слоя, который можно назвать старой партийной гвардией. Достаточно небольшой внутренней борьбы в этом слое, и авторитет его будет если не подорван, то во всяком случае ослаблен настолько, что решение будет уже зависеть не от него»<sup>13</sup>.

Вдумаемся далее в следующие слова Ленина: «Сталин слишком груб, и этот недостаток вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека». Нельзя ли избежать нежелательных последствий этой грубости сменой генсека, простым перемещением руководителя? Могут сказать: именно это и предлагал Ленин. Могут напомнить известные его слова: «Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который отличается во всех других отношениях от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д.»<sup>14</sup>.

<sup>12</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 351.

<sup>13</sup> Там же. С. 19, 20.

<sup>14</sup> Там же. С. 346.

Впоследствии Сталин будет спекулировать на мягкости формулировки Ленина: «да, я груб с теми, кто вероломно раскалывает партию». Но Ленин не был так прост, чтобы оставить лазейку для спекуляций: «...Это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение»<sup>15</sup>.

Ленин откровенно предупреждал партию против идеализации отдельных руководителей, своих преемников, в частности. Каждый из них обладал теми или иными недостатками, устранению которых отнюдь не способствовало обладание властью. У всех у них, подчеркивает он в своем письме, есть изъяны, которые могут сказаться, если то или иное лицо встанет у руля власти, на этом посту — это ясно видно из записей — он не хотел видеть ни Сталина, ни Троцкого, но в серьезных политических делах он не полагался и на Зиновьева и Каменева; их «октябрьский эпизод», считал Ленин, не был случайностью, хотя он так мало мог быть поставлен в вину лично (т. е. у него была объективная подоплека — иная, чем у Ленина оценка тех или иных ситуаций), как и «необольшевизм» Троцкому. Что же касается некоторых молодых членов ЦК, то «самые выдающиеся» из них силы — Бухарин и Пятаков — не доросли до этой роли. Бухарин был «ценнейшим и крупнейшим теоретиком партии, он также законно считается любимцем всей партии», но его теоретические воззрения с очень большим сомнением могли быть «отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)». Пятаков же обладал не только выдающейся волей и выдающимися способностями — ему были чужды свойственные увлечения «администраторством и администраторской стороной дела, чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе»<sup>16</sup>.

## Ленин о «пересоздании» аппарата

Где же выход из труднейшего положения с руководящими кадрами? Может быть, его вообще нет? Однако Ленин предлагает выход. Это и перемещение Сталина с поста генсека, и пополнение молодыми «выдающимися и преданными работниками» (Бухариным и Пятаковым) «своих знаний» и устранение ими «своих односторонностей»<sup>17</sup>. Но главное — в другом. Главный совет Ленина — устранить те недостатки в работе в системе аппарата, которые могли дать возможность проявиться

<sup>15</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 346.

<sup>16</sup> Там же. С. 345.

<sup>17</sup> Там же. С. 346.

тем или иным отрицательным чертам руководителей партии, их личным конфликтам, их притязаниям на доминирование в центральных органах, и тем самым обеспечить *подлинно коллегиальное*, а не *единоличное* руководство партией. Для тех, кто читает внимательно ленинское «Письмо к съезду», совершенно ясно, что именно в этой плоскости надо искать ответ, хотя и здесь возникали свои трудности.

«Наш ЦК, — дипломатически писал Ленин в статье «Как нам реорганизовать Рабкрин», — сложился в группу строго централизованную и высоко авторитетную, но работа этой группы не поставлена в условия, соответствующие его авторитету»<sup>18</sup>.

Отсюда ленинская «реформа ЦК» — продумывание *системы противовесов* в «верхушке партии» — *расширение состава ЦК* за счет рабочих от станка и крестьян от плуга, превращение Пленумов ЦК в *высшую, систематически работающую инстанцию*, создание ЦКК-РКИ с функциями *контроля над всеми органами аппарата* и даже *пересоздания нашего аппарата* (мы бы сказали «партии-государства») <sup>19</sup>.

Рассмотрим внимательнее эти меры. Во многом они вроде бы сводятся к «мелочам». Но именно из таких «мелочей» и состоит превращение реформы в реальную практику, превращение в действительность, что же касается крупных мер, то и о них будет говорить Ленин, надо только внимательно следить за ходом его мыслей.

Прежде всего, для «серьезной работы по улучшению нашего аппарата», для «обучения цекистской работе» новых кадров, «для предотвращения того, чтобы конфликты небольших частей ЦК, могли получить слишком непомерное значение для судеб партии», Ленин предлагает увеличить число членов ЦК до нескольких десятков ила даже до сотни.

Важно, за счет кого думает Ленин пополнить состав ЦК. Он обращает внимание партии на тот источник, из которого партия в период Гражданской войны черпала лучшие свои силы, — на кадровый пролетариат. Интересно и то, из каких рабочих Ленин думает набирать пополнение: «преимущественно не из тех рабочих, которые прошли длинную советскую службу... потому что в этих рабочих уже создались известные традиции и известные предубеждения, с которыми именно желательно бороться». Ленин не уточняет, что это за нежелательные традиции и предубеждения, но зная его последние выступления ясно, что речь идет о традициях и предубеждениях бюрократического свойства. Ленин предлагает включить в число членов ЦК «преимуществен-

<sup>18</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 387.

<sup>19</sup> Там же. С. 343—344; 346—348; 384, 386, 390—391 и др.

но рабочих, стоящих ниже того слоя, который выдвинулся у нас за пять лет в число советских служащих, и принадлежащих ближе к числу рядовых рабочих и крестьян»<sup>20</sup>. «К рабочим в этой части своего письма я отношу всюду и крестьян», — уточнял Ленин<sup>21</sup>. Не *перетасовывать* только самую верхушку аппарата, а обращаться к *глубинной* основе диктатуры пролетариата — такова ленинская рекомендация.

Обратимся к следующей «мелочи». Ленин предлагает, чтобы пленумы ЦК собирались раз в два месяца при участии ЦКК. И снова это не простая формальность. Ленин предлагает поддержать, узаконить, закрепить фактически наметившуюся тенденцию: превращение пленумов ЦК в своего рода высшую систематически работающую инстанцию. Функция расширенных пленумов ЦК, проводимых систематически при участии ЦКК, — давать продуманные коллегиальные решения всех вопросов, а Политбюро, Оргбюро, Секретариат ведут лишь «текущую работу от имени ЦК»<sup>22</sup>.

Чем же должен *прежде всего* заняться расширенный ЦК? Вопросами политического и социального устройства, начав «с обновления и улучшения аппарата», того аппарата, который «никуда не годится». «...Хорошее в социальном устройстве, — пишет Ленин, — до последней степени не продумано, не понято, не прочувствовано, схвачено наспех, не проверено, не испытано, не подтверждено опытом, не закреплено и т. д. ...Вреднее всего было бы полагаться на то, что мы хоть что-нибудь знаем, или на то, что у нас есть сколько-нибудь значительное количество элементов для построения действительно нового аппарата, действительно заслуживающего названия социалистического, советского и т. п.»<sup>23</sup>.

Ленин называет, наконец, и тот главный инструмент, на который должен опираться ЦК в своей работе. Это — расширенная ЦКК, объединявшаяся с РКИ, обновляемым прежним наркоматом. Наркомат рабоче-крестьянской инспекции, важнейший для обеспечения правильного функционирования всего механизма Советской власти, пресечения всевозможных злоупотреблений (им руководил Сталин, вызывавший и ранее нарекания) резко свернул свою деятельность с введением нэпа, хозрасчетные предприятия категорически отказывались содержать за свой счет «лишние рты»... Введенные в хозяйственных органах и в кооперации в период нэпа большие оклады вызвали среди работни-

<sup>20</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 343—344, 346—348.

<sup>21</sup> Там же. С. 347.

<sup>22</sup> Там же. С. 384.

<sup>23</sup> Там же. С. 348, 354, 390.

ков РКИ повальное бегство; оклад инспектора РКИ был вдвое меньше оклада курьера подотчетного предприятия. Число работников Рабкрина уменьшилось с 33 до 12 тыс., резко ухудшился кадровый состав работников.

Именно в своеобразном слиянии «контрольного партийного учреждения с контрольным советским», в постановке Рабкрина «на исключительную высоту», в придании ему «головки с правами ЦК» Ленин видит залог успеха в работе<sup>24</sup>. Состав РКИ по мысли Ленина, уменьшается до 300—400 человек, но зато Рабкрин комплектуется кадрами высококвалифицированных и материально обеспеченных специалистов, связанных в свою очередь с целым рядом институтов по организации управления и труда.

Ленин подчеркивает, что ЦКК-РКИ должны быть подконтрольны все органы государства и партии «без малейшего изъятия», начиная с низших и кончая высшими. Последний момент оговаривается неоднократно и особо: «...Члены ЦКК-РКИ, обязанные присутствовать в известном числе на каждом заседании Политбюро, должны составить сплоченную группу, которая, “не взирая на лица”, должна будет следить за тем, чтобы ничей авторитет, ни генсека, ни кого-либо из других членов ЦК, не мог помешать им сделать запрос, проверить документы и вообще добиться безусловной осведомленности и строжайшей правильности дел»<sup>25</sup>.

Непосредственный контроль — лишь одна сторона деятельности ЦКК-РКИ. Ленин думает и о перспективах — налаживании солидной теоретической работы. Для служащих Рабкрина обязательно знание «основ теории по вопросу о нашем госаппарате», «знание основ науки управления», «делопроизводства», для Рабкрина в целом — связь с научными учреждениями, работающими в этой области, при условии их коренного преобразования: «По-моему, из тех учреждений, которые мы уже напекли по части высших институтов труда и прочее, выбрать минимум, проверить вполне серьезную постановку и продолжать работу лишь так, чтобы она действительно стояла на высоте современной науки и давала нам все для ее обеспечения»<sup>26</sup>.

Разумеется, Ленин различает ближайшую и отдаленную перспективы перестройки, он осознает мизерность человеческих ресурсов на первоначальном этапе, но предлагает возместить их качеством и концентрацией кадров на решающем, исходном пункте работы: «Я думаю,

<sup>24</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 399, 405.

<sup>25</sup> Там же. С. 387, 399.

<sup>26</sup> Там же. С. 394.

что при том человеческом материале, который мы имеем, не будет нескромно предположить, что уже же достаточно научились для того, чтобы систематически и заново построить хоть один наркомат. Правда, этот *один наркомат* должен определять собой *весь наш госаппарат в целом*»<sup>27</sup>.

К письмам и статьям Ленина о ЦКК-РКИ непосредственно примыкают и его записки «О придании законодательных функций Госплану». В них он, находя «здравую мысль» в давних предложениях тов. Троцкого, выдвинул идею расширения компетенции Госплана, как «совокупности сведущих людей, экспертов, представителей науки и техники», обладающих в сущности, «наибольшими данными для правильного суждения о делах». Решения Госплана, по его мнению, не могли быть «опрокинуты обычным советским порядком» (т. е. простым постановлением высших советских органов), а должны были перерешаться только на основе тщательного обсуждения в соответствующих инстанциях (например, сессия ВЦИК, на основании особых правил, докладных записок и т. д.). Он также предлагал уменьшить число «временных и срочных отдельных заданий» Госплану — в пользу выработки принципиальных решений по всей «совокупности вопросов, входящих в его ведение»<sup>28</sup>.

Поскольку основной состав Госплана представляли еще специалисты, неизбежно зараженные буржуазными предрассудками, каждодневная проверка степени их преданности новому делу и обеспечение их «постепенного перехода на точку зрения социализма» должны были стать компетенцией специального президиума Госплана, состоящего из коммунистов<sup>29</sup>.

## О единстве административной и персональной сторон аппарата

Задачи осмысления и улучшения партийно-государственной структуры — в центре ленинских диктовок, вторичным, подчиненным решением этой задачи оказывается вопрос о тех или иных качествах руководителей. Но производность этого вопроса вовсе не отменяет его важности. Вернемся поэтому еще раз к личной стороне дела.

Уже в первые годы советской власти появилась опасность того, что к партии примажутся элементы случайные, ищущие в ней те или иные

<sup>27</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 395 (курсив наш. — Е.П.).

<sup>28</sup> Там же. С. 349, 350, 353.

<sup>29</sup> Там же. С. 352—353.

личные выгоды; «соблазн вступления в правительственную партию в то время гигантский», — предупреждал Ленин и в 1922 г.<sup>30</sup> Кроме того, возможность администрирования, обладание властью могло порождать или усиливать отрицательные нравственные качества у некоторых коммунистов; еще раз напомним: революцию реально делали не одни только идеальные люди.

Партия в первые годы советской власти принимала систематические меры для очистки от разного рода накипи. ЦК объявлял партийные призывы в дни самых тяжелых испытаний советской власти и затруднял прием в партию в обычных условиях; начиная с 1921 г. партия практиковала чистки от чужеродных элементов и «примазавшихся». Но это были меры, так сказать, массового масштаба, определявшие в основном состав низовых организаций. «Завещание» Ленина ставило вопрос о подборе руководящих кадров, о подборе таких людей (во-первых, передовых рабочих и, во-вторых, «элементов действительно просвещенных»), за которых, говоря его словами, «можно ручаться, что они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести», их он призывал не бояться «никакой борьбы для достижения серьезно поставленной себе цели» (такими людьми он рекомендовал, в частности, комплектовать Рабкрин)<sup>31</sup>.

Не меньшее значение, чем высочайшая нравственность, твердость, приобретали и такие черты руководителя, как общая культура, образованность, компетентность. Ленин выделял в своих записях два типа руководителя (разных по психологической и культурной характеристикам): «Я думаю, что те нападки, которые слышатся сейчас на председателя Госплана, тов. Кржижановского, и на его заместителя, тов. Пятакова, и которые направляются обоюдно так, что с одной стороны, мы слышим обвинения в чрезмерной мягкости, несамостоятельности, в бесхарактерности, а с другой стороны, слышим обвинения в чрезмерной аляповатости, фельдфебельстве, недостаточно солидной научной подготовке и т. п., — я думаю, что эти нападки выражают две стороны вопроса, преувеличивая их до крайности...»<sup>32</sup>

Итак, с одной стороны, знание, сочетающееся с недостаточным умением администрировать из-за мягкости, интеллигентности, несамостоятельности, с другой — недостаточность научной подготовки, компенсируемая так называемыми волевыми моментами, стремлением администрировать (последний тип явно преобладал в верхушке госаппарата

<sup>30</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 19.

<sup>31</sup> Там же. С. 391—392.

<sup>32</sup> Там же. С. 350.



в начале 20-х гг.). Ленин говорит, что крайне редко можно будет найти идеального руководителя, который не имел бы того или иного недостатка, поэтому нужно *сочетание руководителей*, придание чересчур мягкому человеку в помощники администратора, который был бы подчинен первому. Последнее крайне важно: знание без воли не способно преобразовать жизнь, но воля должна быть подчинена знанию: «Руководитель государственного учреждения, — подчеркивал Ленин, — должен обладать в высшей мере способностью привлекать к себе людей и в достаточной степени солидными научными и техническими знаниями для проверки их работы. Это — как основное. Без него работа не может быть правильной. С другой стороны, очень важно, чтобы он умел администрировать и имел достойного помощника или помощников в этом деле. Соединение этих двух качеств в одном лице вряд ли будет встречаться и вряд ли будет необходимо». И еще: «Администрирующая сила тут по сути дела должна быть подсобной»<sup>33</sup>.

Последовательная партийность, бескорыстие, честность, человечность, бережное отношение к людям, знание, умение администрировать — таковы ленинские критерии, по которым партия должна определять подбор руководящих кадров, формировать свой штаб, тщательно взвешивая все «за» и «против», учитывая все, даже малейшие личные недостатки и достоинства.

Характерно, что Ленин обращался к членам будущей ЦКК-РКИ с советом не ограничиваться одними лишь теоретическими работами. «Наряду с ними им придется, — писал он, — готовить себя к работам, которые я не постеснялся бы назвать подготовкой к ловле, не скажу — мошенников, но вроде того, и придумыванием особых ухищрений для того, чтобы прикрыть свои походы, подходы и т. п.»<sup>34</sup>.

Но прежде всего занимало Ленина умение организовать свою работу. Он учил отличать необходимую, вынужденную быстроту преобразований от поспешности, подлинную настойчивость от бездумного делания. «Надо вовремя взяться за ум, — предупреждал он, — надо проникнуться спасительным недоверием к скоропалительному быстрому движению вперед, ко всякому хвостовству и т. д. Надо задуматься над проверкой тех шагов вперед, которые мы ежечасно провозглашаем, ежеминутно делаем и потом ежесекундно доказываем их непрочность, не-solidность и непонятность. Вреднее всего здесь было бы спешить». Не случайно же свою центральную статью, посвященную перестройке работы аппарата, он назвал гениально просто: «Лучше меньше, да луч-

<sup>33</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 350, 351, 352.

<sup>34</sup> Там же. С. 397.

ше». Не случайно же, связывая эту перестройку прежде всего с задачей получить «солидный человеческий материал», он предупреждал, насколько трудно будет ее выполнить, осуществить: «...сопротивление нужно будет оказать гигантское... настойчивость нужно будет проявить дьявольскую...»<sup>35</sup>.

## Кооперативный план Ленина

Перестройка аппарата и его кадровое обновление не были для Ленина самоцелью, они должны были, в свою очередь, служить кардинальной цели — построению экономической, материальной базы социализма, преобразованию социальных основ жизни народа.

Сложность возникавших и здесь проблем была предельно велика. Город, благодаря национализированной, хотя и разоренной, промышленности, наличию рабочего класса, вставал на путь социалистического строительства. Пути же к социализму деревни (т. е. основной массы населения страны) так и не были определены.

Октябрьская революция, ликвидировав помещичье землевладение, образовала море крестьянских хозяйств, комбеды «осереднячили» деревню. Большинство крестьян (исключая разве что патриархальные слои) — были середняками: они ввиду своей мелкотоварной природы ежечасно, ежедневно рождали, по ленинскому взгляду, капитализм. Правда, в годы «военного коммунизма» Советское государство стремилось развить социалистический сектор в деревне, но попытка не удалась, коммуны, артели, да и совхозы разваливались в период нэпа: продуктообмен между городом и деревней также не состоялся. Но если идея организации «снабжения населения на коммунистических началах» не была реализована, наткнулась на сопротивление крестьян, вызвала глубочайший кризис 1921 г., то кризис все же не смел *кооперацию*. Кризис заставил советскую власть отступить к новой экономической политике, но ясного плана ликвидации социальной разнородности новая экономическая политика не принесла. Дополнивший в начале 1923 г. новую экономическую политику кооперативный план Ленина, новое понимание роли кооперации вроде бы открывали путь решения этой труднейшей в мелкокрестьянской стране задачи. «При условии полного кооперирования, — диктовал Ленин свои записи, — мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве»<sup>36</sup>.

<sup>35</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 390, 392.

<sup>36</sup> Там же. С. 376.

Кстати, прорабатывая идею кооперации, Ленин использовал обширнейший круг литературы. Скорее всего он ее листал, а не читал, но ее объем все же поражает воображение<sup>37</sup>.

Фантастичность проектов старых кооператоров, начиная с основателя утопического социализма Оуэна, подчеркивал Ленин, была в том, что они надеялись на одну только кооперацию, не видя необходимости ликвидации прежде всего господствовавших при капитализме политических порядков, свержения политической власти эксплуататоров.

Но коль скоро последнее достигнуто, коль скоро пролетариат взял всю власть в свои руки, как раз кооперирование может и должно стать основным путем подведения масс населения, прежде всего крестьянского, к социализму. При пролетарской власти одна кооперация могла обеспечить контроль и учет над мелкобуржуазной стихией. Но главное, в дальнейшем та же кооперация облегчала переход от единоличных к коллективным порядкам, «путем возможно более *простым, легким и доступным для крестьянина*»<sup>38</sup>.

Здесь Ленин, собственно говоря, выходит к вековому спору, который разделял защитников систем капитализма и социализма, к спору, который не перестает разделять их в наши дни. Один из основателей буржуазной политэкономии Рикардо писал по поводу взглядов Оуэна: «Сам Оуэн — благожелательный энтузиаст, готовый на большие жертвы для своего любимого плана. Но может ли разумный человек поверить ему, что проектируемое им общество будет процветать и производить более, чем производило до сих пор такое же количество людей, если последние будут побуждаемы к напряжению только соображениями об общем благе вместо соображений о собственном интересе? Не говорит ли против этого опыт столетий?»<sup>39</sup>.

Опыт столетий был дополнен к началу 20-х гг. XX в. недолгим, но чрезвычайно емким опытом «военного коммунизма» в России. И здесь оказалось, что на одних только соображениях «об общем благе» строить новое общество нельзя, и здесь соображения о «собственном инте-

<sup>37</sup> В январе 1923 г. ему были посланы по запросу Н.К. Крупской следующие книги: Мещеряков И. Кооперация и социализм. Сборник статей. М., 1920; *Штаудингер Ф.* Марксизм и потребкооперация. М., 1919; *Зассен И.* Развитие теории кооперации в эпоху капитализма, М., 1919; *Штаудингер Ф.* От Шульце-Делича к Крайцнаху. М., 1919; *Чаянов А.* Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации. М., 1919; *Туган-Барановский М.И.* Социальные основы кооперации, М., 1916; *Прокопович С.Н.* Кооперативное движение в России, его теория и практика. М., 1913.

<sup>38</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 370.

<sup>39</sup> Цит. по: *Рубин И.И.* История экономической мысли. М.; Л., 1920. С. 224.

ресе» сказали свое веское слово. Они-то и заставили советскую власть отступить, перейти в 1921 г. к новой экономической политике, учитывающей «собственный интерес». Но, рассматривая поначалу нэп только как временное отступление, предполагая, что он сменится новым наступлением, Ленин уже тогда подметил в нэпе и ряд универсальных черт, которые в дальнейшем не должны были игнорироваться Советской властью, а напротив, должны были быть интегрированы ею по уже испытанному однажды «принципу совмещения противоположностей»; сочетание энтузиазма и личного интереса в строительстве социализма, сочетание централизованного планирования с хозрасчетом в промышленности, сочетание общей и личной заинтересованности в крестьянском хозяйстве.

Характерно, что Ленин не дает никаких конкретных советов по улучшению деятельности артелей, коммун и т. д. — он формулирует *общий* принцип подхода к ним, снова *не предваряя практические меры*. «В нэпе, — писал Ленин, — мы сделали уступку крестьянину, как торговцу, принципу частной торговли; именно из этого вытекает (обратно тому, что думают) гигантское значение кооперации. В сущности говоря, кооперировать в достаточной степени широко и глубоко русское население при господстве нэпа есть все, что нам нужно, потому что мы теперь нашли ту степень соединения *частного* интереса, *частного* торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его *общим* интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов. В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д. — разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали, как торгашескою, и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэпе так же, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества»<sup>40</sup>.

Намечая перспективы социалистического преобразования деревни, Ленин указывал на ряд необходимых предпосылок его успеха.

Первое — всесторонняя помощь (людьми, кредитами, орудиями производства) возникающему новому общественному строю в деревне со стороны пролетарского государства, со стороны города, поиск многообразных форм связи города и деревни.

<sup>40</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 370 (курсив наш. — Е. П.).

Второе — постепенность, отсутствие поспешности в новом гигантском деле внесения коммунистических идей и отношений в деревню. «До тех пор, пока у нас в деревне нет материальной основы для коммунизма, до тех пор это будет, можно сказать, вредно, это будет, можно сказать, губительно для коммунизма»<sup>41</sup>.

Третье — осуществление социалистическим государством культурной революции в деревне, цивилизация миллионных масс крестьянского населения. «Мы может пройти, — писал Ленин, называя теперь и более или менее конкретные сроки преобразований, — на хороший конец эту эпоху в одно-два десятилетия. Но все-таки это будет особая, историческая эпоха, и без этой исторической эпохи, без поголовной грамотности, без достаточной степени толковости, без достаточной степени приучения населения к тому, чтобы пользоваться книжками, и без материальной основы этого, без обеспеченности, скажем, от неурожая, от голода и т. д., — без этого нам своей цели не достигнуть».

Ленин подчеркивал, что основы нового принципа организации населения им обрисованы еще только в «общих чертах», что еще остается «неопределенным, не описанным детально все содержание задачи практически»<sup>42</sup> — его еще надо обрести. Но и обоснование принципа было важнейшим делом в таком поиске.

Именно в работе «О кооперации» Ленин говорит: мы «вынуждены признать *коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм*» — перемещение «центра тяжести» с политической борьбы, революции, завоевания власти на «*культурничество*»...<sup>43</sup>

## Культурная революция

В последних статьях Ленина появляется центральное для всего ленинского плана определение: «культурная революция» — «полное кооперирование» крестьянства «невозможно без целой культурной революции».

Идея культурной революции для Ленина — поистине всеобъемлющая идея. Принципиальный путь строительства социализма в стране, отставшей по своему культурному развитию, Ленин обосновал уже в статье «О нашей революции». В статье же «О кооперации» говорится о «целом перевороте», «целой полосе культурного развития всей народной массы», говорится даже о переносе основных усилий партии и на-

<sup>41</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 367.

<sup>42</sup> Там же. С. 372, 373.

<sup>43</sup> Там же. С. 376 (курсив наш. — Е.П.).

рода именно на мирную «культурную», «организационную» работу, на «культурничество»<sup>44</sup>.

С вопросов культуры Ленин начинал, собственно говоря, весь цикл своих статей — этим вопросам целиком посвящены его «Странички из дневника». С фактом громадной культурной отсталости страны Ленин вплотную столкнулся, знакомясь с данными переписи 1920 г. («Грамотность в России». М., 1922). Эти данные показывали: в 1920 г. в России на тысячу человек было грамотных всего 319 (среди мужчин — 409, среди женщин — 244), окраины России отставали от центра (330 — в Европейской России, 281 — на Северном Кавказе, 218 — в Западной Сибири)<sup>45</sup>.

В последней статье «Лучше меньше, да лучше» с культурной работой, с просвещением, учебой связывается и вся перестройка аппарата. «А для этого необходимо проститься со «стадией ушедшей уже в далекое прошлое культуры». «Именно о культуре ставлю я здесь вопрос, потому что в этих делах достигнутым надо считать только то, что вошло в культуру в быт, в привычки»<sup>46</sup>.

Строить социализм было просто немыслимо, не ликвидируя культурную отсталость страны. Ленин чрезвычайно резко ставит вопрос:

«В то время, как мы болтали о пролетарской культуре и о соотношении ее с буржуазной культурой, факты преподносят нам цифры, показывающие, что даже с буржуазной культурой дела обстоят у нас очень слабо... Это служит грозным предостережением и упреком по адресу тех, кто витал и витает в эмпиреях “пролетарской культуры”. Это показывает, сколько еще настоящей черновой работы предстоит нам сделать, чтобы достигнуть уровня обыкновенного цивилизованного государства Западной Европы»<sup>47</sup>.

Царская Россия оставила России Советской тяжелейшее наследие. Темный крестьянин, часто полуграмотный рабочий, тупой, безынициативный чиновник, по-азиатски торгующий купец, оторванный от жизни интеллигент — вот основные социальные типы, с которыми пришлось иметь дело Советской власти. Наличие этих основных социальных типов, естественно не отменяло факта наличия в России 1917 г. активнейшего социального авангарда, состоящего из кадрового пролетариата, передовой интеллигенции, «просвещенных» войной солдат.

<sup>44</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 376.

<sup>45</sup> Там же. С. 363.

<sup>46</sup> Там же. С. 390.

<sup>47</sup> Там же. С. 363—364.

Старые социальные типы были встряхнуты великой социальной революцией, втянуты в новое историческое творчество авангардом нации во главе с РКП(б). Но они совсем не отошли в прошлое — это был тот «человеческий материал», из которого приходилось строить новое общество, обучаться по-новому управлять, по-новому мыслить, по-новому работать, по-новому участвовать в кооперативном деле, по-новому торговать.

Непосредственную громадную опасность такого положения дел и вместе с тем длительность его исправления Ленин осознавал в полной мере. «В вопросах культуры, — писал он, — торопливость и размахистость вреднее всего. Это многим из наших юных литераторов и коммунистов следовало бы намотать себе хорошенечко на ус». И еще: «Тут ничего нельзя поделывать нахрапом или натиском, бойкостью или энергией, или каким бы то ни было лучшим человеческим качеством вообще»<sup>48</sup>.

Избавление от «той полуазиатской бескультурности, из которой мы не выбрались до сих пор», поднятие страны хотя бы до уровня «буржуазной культуры, до уровня обыкновенного цивилизованного государства Западной Европы» — такова была *первоначальная* задача культурной революции в России<sup>49</sup>.

И все же это была только первая часть задачи, первая часть предстоящей работы. Подчеркивая, что для нас достаточно теперь культурной революции, чтобы оказаться социалистической страной, Ленин смотрел гораздо дальше, его статьи не оставляют в этом никакого сомнения. Говоря, к примеру, что для обновления нашего госаппарата нам надо: «во-первых — учиться, во-вторых — учиться, и в-третьих — учиться и затем проверять то, чтобы наука у нас не оставалась мертвой буквой или модной фразой (а это, нечего греха таить, у нас особенно часто бывает), чтобы наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом», Ленин делает важнейшее для понимания его идей культурной революции добавление: «Одним словом, нам надо предъявлять *не те требования, что предъявляет буржуазная Западная Европа*, а те, которые достойно и прилично предъявлять стране, ставящей своей задачей *развиться в социалистическую страну*»<sup>50</sup>.

Здесь мы выходим к важнейшим принципам ленинской идеи культурной революции, социализм — десятки раз подчеркивал Ленин —

<sup>48</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 389, 391.

<sup>49</sup> Там же. С. 363, 364.

<sup>50</sup> Там же. С. 391 (курсив наш. — Е.П.).

это отнюдь не дело одной «всезнающей» партийно-государственной верхушки, не дело одних только коммунистов, это прежде всего дело самих миллионных масс, соответственно и целенаправленное управление сверху немыслимо без самоуправления снизу, оно впитывает его опыт, вырастает из него, базируется на нем, здесь должен в полную меру осуществляться и демократизм, — без этого просто немыслим переход к реальному коммунизму с его основополагающим принципом «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»<sup>51</sup>.

Обеспечить возможность перехода к самостоятельному, активному творчеству широчайших масс в созидательном процессе и ставила целью ленинская культурная революция. Так, по мысли Ленина, ЦК вместе с ЦКК-РКИ должен был разрешить двоякого рода задачу: «...в отношении планомерности, целесообразности, систематичности *его* организации и работы и в отношении связи с действительно широкими массами через посредство лучших из наших рабочих и крестьян». Так, кооперация должна была создать строй «цивилизованных кооператоров», заставив, как писал Ленин, «участвовать и участвовать не пассивно, а активно в кооперативных операциях»<sup>52</sup>.

Думаем, что и само понятие «культурная революция» не случайно появилось именно в ленинской работе «О кооперации». Дело здесь в том, что действительно активное участие масс в строительстве социализма обеспечивается не простыми пожеланиями, не призывами, не лозунгами, не формальными постановлениями. Оно обеспечивается прежде всего созданием таких всеобъемлющих экономических (и соответственно социально-политических) структур, которые создают реальные условия для втягивания масс в сознательное, деятельное строительство социализма и параллельно — культурным подъемом масс. Ленин органически связывал в статье «О кооперации» обе стороны дела. «А эта культурная работа в крестьянстве, как экономическая цель, — писал он, — преследует именно кооперирование»<sup>53</sup>. Но вот о том, что эта культурная работа в стране как политическая цель преследует *политическую демократизацию*, Ленин не пишет...

В статье «О кооперации», выдвинувшей идею культурной революции, Ленин повторяет и основную идею своей статьи «О нашей революции»: «Нам наши противники не раз говорили, что мы предпринимаем безрассудное дело насаждения социализма в недостаточно куль-

<sup>51</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 447.

<sup>52</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 372, 384.

<sup>53</sup> Там же. С. 376.



турной стране. Но они ошиблись в том, что мы начали не с того конца, как полагалось по теории (всяких педантов), и что у нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы все-таки теперь стоим».

При этом Ленин предупреждает о том, какие гигантские сложности рождает произведенная нашей революцией «перестановка элементов» (сначала взятие власти, затем — с ее помощью — культурный переворот). «...Для нас, — пишет он, — эта культурная революция представляет невероятные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база)»<sup>54</sup>. Как видим, Ленин понимает «культуру» в самом широком смысле этого слова, включая развитие производительных сил общества: и человека, и производства.

И последнее существенное обстоятельство: развивая свою идею культурной революции, Ленин думает не только об отдаленных перспективах, он думает и об исходном пункте всей работы, называет в «Страничках из дневника», самые неотложные практические меры. Это передвижка всего нашего бюджета в «сторону удовлетворения в первую очередь потребностей первоначального народного образования». Это закрытие всяких «либо игрушек наполовину барского типа, либо учреждений, без которых нам еще можно и долго будет можно и должно обойтись». Это всемерная забота о народном учителе — всесторонняя подготовка учителя к его высокому званию, быстрое поднятие его материального положения, поднятие учителя «на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе». Учитель и должен был стать, по мысли Ленина, опорой советского строя, именно через него советская власть получала возможность отвлечь крестьян «от союза с буржуазией, и привлечь их к союзу с пролетариатом»<sup>55</sup>.

В ленинском Завещании, подчеркивал публицист-мыслитель Буртин, даже провозглашается «коренная перемена всей нашей точки зрения на социализм»<sup>56</sup>. Не нужно никаких премудростей для перехода к социализму, кроме поголовного кооперирования, внесения «цивилизации», «культуры» в народ, хозяйничанья и торговли по-европейски. Предлагаемая Лениным «модель двухукладной экономики, где коммер-

<sup>54</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 376—377.

<sup>55</sup> Там же. С. 365—366.

<sup>56</sup> Там же. С. 376.

циализирующий государственный сектор и кооперируемый частный сектор взаимодействуют между собой, не поглощая один другого», позволяет, по мнению Буртина, считать Ленина зачинателем «плюралистического социализма», который проповедовал академик А. Сахаров с его теорией «конвергенции».

В принципе мы поддерживаем гипотезу Ю. Буртина, но все же дополним ее таким уточнением: предтечей сахаровской теории конвергенции следует, на наш взгляд, считать не только Ленина, но и Маркса и Энгельса, — от них идет трактовка социализма как «снятия», «присвоения» и «усвоения» всех позитивных достижений «капитализма». В этом смысле рождение после победы пролетарского переворота «двухукладной экономики», какого-то «симбиоза» старого с новым было вполне естественно и закономерно. Кстати, сам Ленин отмечал еще в эпоху Гражданской войны: «...В нашей революции за три с половиной года мы практически неоднократно соединяли противоположности»<sup>57</sup>.

Интересна постановка Буртиным вопроса — а смог бы Ленин, проживи он дольше, стать зачинателем и демократического социализма? Смог бы отказаться от диктатуры пролетариата в пользу многопартийной системы, т. е. буржуазной демократии? «Увы, — пишет Буртин, — это представляется маловероятным... Весь дух времен этой, в основном доконвергентной эпохи ...не благоприятствовал такой метаморфозе, не предъявлял на нее спроса, за Лениным не пошла бы партия нового типа».

Этот вывод, думаем, нуждается в уточнении. «Метаморфозе» мешала не только партия нового типа, но и жесткая позиция самого Ленина в отношении «демократического социализма». В канун написания Завещания, в 1922 г. он писал народному комиссару Д.И. Курскому, который трудился над разработкой уголовного кодекса РСФСР:

«Т. Курский.

По-моему надо расширить применение расстрела (с заменой высылкой за границу... ко всем видам деятельности меньшевиков, *с.-р. и т. п.*; найти формулировку, ставящую эти деяния *в связь с международной буржуазией* и ее борьбой с нами (подкупом печати и агентов, подготовкой войны и т. п.)»<sup>58</sup>.

Иными словами, Ленин в 1922 г. стоял за «доликвидацию» меньшевиков и эсеров, вернее «осколков» их партий; в самом его Завещании нет ни единого слова в пользу «плюралистического (демократическо-

<sup>57</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 211.

<sup>58</sup> Там же. С. 189.

го) социализма». Ленин, что стоило бы отметить, «не дорос» до мысли Чернышевского: «Ни одна партия не может не делиться властью ради своего же собственного спасения»<sup>59</sup>. Буртин принял желаемое за действительное.

## «Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть»

В такой многонациональной стране, как Советская Россия, возникшей на месте прежней «единой и неделимой» царской России, с неизжитостью прежних неравноправных отношений между нациями, вопросы национального строительства вставали с особой остротой, ибо именно в этих вопросах социализм мог и должен был *как можно скорее* доказать свое превосходство над капитализмом.

Еще до обострения болезни Ленина проявила себя в общем-то опасная для дальнейших судеб Советского государства тенденция к сужению прав входящих в него наций. Одним из носителей этой тенденции был И.В. Сталин, который провел в комиссии ЦК РКП(б), занимавшейся подготовкой объединения советских республик, свои тезисы об «автономизации» других народов. Как мы уже писали, согласно Сталину, Украинская, Белорусская, Армянская, Грузинская, Азербайджанская республики должны были войти в состав РСФСР на правах *автономных* республик. В.И. Ленин уже в сентябре 1922 г. оспорил сталинский проект (в своей записке от 30 декабря 1922 г. он напомнит, что «видимо, вся эта затея “автономизации” в корне была неверна и несвоевременна»)<sup>60</sup>. Тезисы Сталина умаляли права наций, они играли на руку великодержавным, шовинистическим элементам в госаппарате РСФСР. Возражения Ленина были учтены комиссией ЦК, а 6 октября 1922 г. Пленум ЦК РКП(б) принял следующее постановление об объединении независимых советских республик: «Признать необходимым заключение договора между Украиной, Белоруссией, федерацией Закавказских республик и РСФСР *об объединении* их в Союз Советских Социалистических Республик с оставлением за каждой из них права свободного выхода из состава Союза»<sup>61</sup>.

<sup>59</sup> См.: Чернышевский Н.Г. в воспоминаниях современников. Саратов, 1959. Т. II. С. 136.

<sup>60</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 356.

<sup>61</sup> Цит. по кн.: Краткая история СССР. Часть вторая. От Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. М.; Л., 1964. С. 147 (курсив наш. — Е.П.).

Именно этим принципом, как отмечалось выше, руководствовались I съезд Советов СССР, состоявшийся 30 декабря 1922 г., и II съезд Советов, проходивший в январе 1924 г. I съезд утвердил Декларацию и Договор об образовании СССР, II — Конституцию СССР.

Привлек сугубое внимание Ленина и относительно частный конфликт между Закавказским краевым комитетом РКП(б), возглавляемым Г.К. Орджоникидзе, и группой П.Г. Мдивани, составлявшей большинство в ЦК КП Грузии и настаивавшей на том, чтобы Грузия входила в СССР непосредственно, минуя Закавказскую Федерацию. Группа Мдивани, требуя обособления Грузии, тормозила политическое и хозяйственное объединение закавказских республик, и Ленин не одобрял эту позицию, но должной гибкости не проявил в этом конфликте и Орджоникидзе — будучи обозван одним из членов группы Мдивани «сталинским ишаком», он дошел до рукоприкладства<sup>62</sup>.

Конфликт разбирала комиссия Политбюро во главе с Ф.Э. Дзержинским, но Ленин считал, что тот «отнесся к этому рукоприкладству легкомысленно». Ленин писал, что Сталин был непосредственно причастен к инциденту: «Я думаю, что тут сыграли роковую роль торопливость и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого “социал-национализма”. Озлобление вообще играет в политике обычно самую худую роль»<sup>63</sup>. Больной Ленин предполагал написать статью «О национальном вопросе и об интернационализме (в связи с последним конфликтом в грузинской партии)», но смог сделать лишь три наброска. Придав частному конфликту принципиальное значение, он сосредоточил в набросках свое внимание на содержании понятий «национализм», «интернационализм».

Национализм нации большой, угнетающей и национализм нации маленькой, угнетенной, подчеркивает он, исходя из фактов сохранения и в Советской России наследия царских времен, нельзя уравнивать, ставить на одну доску — ибо первый связан с «бесконечным количеством насилий и оскорблений» и то недоверие, ту подозрительность, те обиды по отношению к «инородцам», которые в прошлом нанесло правительство «великой» нации, Советское правительство должно возместить иным отношением, своими уступками по отношению к нерусским нациям; «в данном случае лучше пересолить в сторону уступчивости к национальным меньшинствам, чем недосолить»<sup>64</sup>.

<sup>62</sup> См.: Яковлев Е. Последний инцидент. Конспект драмы Владимира Ильича. Московские новости. 1989. № 4. С. 1, 8—9.

<sup>63</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 357.

<sup>64</sup> Там же. С. 359—360.

Соответственно и подлинный интернационализм со стороны угнетавшей в прошлом, или так называемой «великой», нации «должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически»<sup>65</sup>.

Предлагает Ленин и конкретные практические меры, которые следует принять при создавшемся положении: «оставить и укрепить союз социалистических республик» — это нужно и нам и всемирному пролетариату для борьбы со всемирной буржуазией; возможно сделать на следующем съезде Советов и шаг назад, ликвидировав чрезмерную централизацию, — «оставить Союз Советских Социалистических Республик лишь в отношении военном и дипломатическом»; примерно наказать тов. Орджоникидзе; доследовать или расследовать вновь весь грузинский вопрос. «Политически-ответственными за всю эту поистине великорусско-националистическую кампанию следует сделать, конечно, Сталина и Дзержинского». Строжайше придерживаться соблюдения правил относительно употребления национального языка в инонациональных республиках, входящих в союз, не допуская их нарушения под предлогом «единства железнодорожной службы», «единства фискального» и т. п.<sup>66</sup>

С особой силой подчеркнуто Лениным международное значение правильного решения Советским правительством национальных проблем: «...Вред, который может проистечь для нашего государства от отсутствия объединенных аппаратов национальных с аппаратом русским, неизмеримо меньше, бесконечно меньше, чем тот вред, который проистечет не только для нас, но и для всего Интернационала, для сотен миллионов народов Азии, которой предстоит выступить на исторической авансцене в ближайшем будущем, вслед за нами... А завтрашний день во всемирной истории будет именно таким днем, когда окончательно проснутся угнетенные империализмом народы и когда начнется решительный долгий и тяжелый бой за их освобождение»<sup>67</sup>.

## Международные и внутренние аспекты ленинского плана

О чрезвычайной важности совокупного учета международных и внутренних условий социалистического строительства в России Ленин поначалу говорил вроде бы мимоходом: «Я готов сказать, что центр тя-

<sup>65</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 359.

<sup>66</sup> Там же. С. 360—362.

<sup>67</sup> Там же. С. 362.

жести для нас переносится на культурничество, если бы не международные отношения, не обязанность бороться за нашу позицию в международном масштабе»<sup>68</sup>. Вплотную же он занялся этими делами уже в последней статье — «Лучше меньше, да лучше».

Ленин, конечно, понимает невозможность предвидеть все зигзаги будущего исторического развития: «решение зависит здесь от слишком многих обстоятельств»<sup>69</sup>. Но это не помешало ему сосредоточить внимание на основных тенденциях мировой политики, определить, как оказалось на целые десятилетия вперед, международную перспективу существования Советского государства.

Ленин дает оценку результатов революции и Гражданской войны в России. «...Мы разрушили здесь капиталистическую промышленность, смели средневековые учреждения, создали мелкое и мельчайшее крестьянство, которое идет за пролетариатом “из доверия к результатам его революционной работы”». Но продержаться нам на этом доверии «вплоть до победы социалистической революции в более развитых странах» нелегко в силу двух причин: громадной отсталости мелкого и мельчайшего крестьянского хозяйства при нэпе («крайне низкий уровень производительности труда») и громадной отсталости промышленности; в годы Гражданской войны капиталистические державы хотя и не задушили Советскую власть, но сделали все возможное, чтобы отбросить страну назад, разорить ее («в общем и целом производительность народного труда у нас теперь значительно менее высока, чем до войны»).

Что касается революционных потенций и перспектив в остальном мире, то Ленин ясно фиксирует их *снижение* в «самых старых государствах Запада» в пользу реформаторских и, напротив, их *бурное нарастание* в странах Востока. Первые «оказались в силу победы, в условиях, когда они могут пользоваться этой победой для ряда неважных уступок своим угнетенным классам, — уступок, которые все же оттягивают революционное движение в них и создают некоторое подобие “социального мира”». Вторые (Индия, Китай и т. п.) оказались, как он считает, «окончательно выбитыми из своей колеи», втянулись «в общий круговорот всемирного революционного движения», включились в такое развитие, которое не может не привести «к кризису всего всемирного капитализма»<sup>70</sup>.

Ленин выявляет три типа мировых противоречий, в условиях которых придется существовать Советской власти (два первых из них, дей-

<sup>68</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 376.

<sup>69</sup> Там же. С. 404.

<sup>70</sup> Там же. С. 401, 402, 403.

ствительно, во многом определяют характер Второй мировой войны, третья — характер послевоенных отношений во второй половине XX в.). Это противоречия между Германией и странами-победительницами; противоречия между преуспевающими государствами Запада и Востока (Америка и Япония); это грядущие столкновения между контрреволюционным Западом и националистическим Востоком.

Можем ли мы в этих обстоятельствах, спрашивает Ленин, спастись от грядущих столкновений с этими империалистическими державами, не дадут ли межимпериалистические противоречия нам оттяжку второй раз, как они дали в первый, в годы Гражданской войны?

Самый общий ответ насчет исхода борьбы дает втягивание гигантского большинства населения Земли (Россия, Индия, Китай и т. п.) в историческую борьбу — оно обучается и воспитывается к борьбе самим капитализмом в последние годы необычайно быстро — «в этом смысле окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена»<sup>71</sup>.

Но нам, продолжает Ленин, интересна не неизбежность окончательной победы социализма. Нам интересна та тактика, которой мы должны держаться, чтобы помешать «западноевропейским контрреволюционным государствам раздавить нас». Здесь-то Ленин и напоминает об обоснованной им еще до болезни магистральной идее индустриализации страны как основе социалистического строительства. При сохранении за рабочим классом руководства в отношении крестьянства, используя малейшие сбережения для развития промышленности, мы должны будем «пересесть, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую, именно с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой ...на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. д.». Свое требование Ленин ставит категорически: «В этом и только в этом будет наша надежда»<sup>72</sup>.

Под статьей «Лучше меньше, да лучше» стоит дата 2 марта 1923 г. С 7 марта записи секретарей Ленина прекращаются. Задуманную было статью по национальному вопросу Ленин так и не написал. Болезнь делала свое дело...

## Отказ от выполнения ленинских заветов

Надо прямо сказать, тогдашний ЦК, XII съезд партии, состоявшийся еще при жизни Ленина, и XIII съезд — уже после его смерти — не придали советам и предупреждениям Ленина должного значения. Ру-

<sup>71</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 403, 404.

<sup>72</sup> Там же. С. 404, 405.

ководство партии оказалось, к величайшему сожалению, не на высоте ленинского мышления. Своим циркуляром, «спущенным» во все Губкомы 27 января 1923 г., оно объявило ленинские горько-реалистические идеи и его замечательные наметки и советы в сущности наваждением больного человека, статьи которого партия из величайшего уважения к нему не может не печатать, но советы которого всерьез выполнять не собирается. Под циркуляром стояли подписи А.А. Андреева, Н.И. Бухарина, Ф.Э. Дзержинского, М.И. Калинина, Л.Б. Каменева, В.В. Куйбышева, В.М. Молотова, А.И. Рыкова, И.В. Сталина, М.Л. Томского, Л.Д. Троцкого (см. об этом: Правда. 1968. 25 марта). Инициатором всего этого «мероприятия» был, разумеется, Сталин, спрятавшийся за алфавитный ряд.

Затем события развивались следующим образом. Состав ЦК был, правда, несколько расширен, но не в такой мере и не за счет тех кадров, как предлагал Ленин. ЦКК-РКИ была создана за счет существующих кадров аппаратчиков и затем превратилась в главное орудие борьбы с Троцким и другими «оппозиционерами». Она никогда не определяла «весь наш аппарат в целом» (его определял сам «генсек»). Слова о контроле над генсеком или другими членами ЦК были попросту выброшены из статьи Ленина «Как нам реорганизовать Рабкрин» при публикации ее в «Правде» 25 января 1923 г. (поначалу вообще предлагалось напечатать этот номер «Правды» с этой статьей полностью... но в одном экземпляре — для успокоения больного). Ленин рекомендовал съезду «переместить» Сталина с поста генсека, этот *наиважнейший пункт оказался невыполненным*.

«Письмо съезду» XII съезд вообще не обсуждал (оно просто зачитывалось по делегациям с заранее подготовленным решением: оставить Сталина на посту генсека). Все это не было случайностью и определялось отнюдь не недомыслием руководства РКП(б). Еще при жизни тяжело больного Ленина Зиновьев, Каменев, Сталин образовали беспринципный «триумvirат», ставивший целью отнюдь не организацию коллегияльной работы в ЦК, а недопущение Троцкого к власти. Сторону этого «триумvirата» заняли Политбюро, Оргбюро, Секретариат, почти все члены ЦК. Троцкий отвечал игнорированием заседаний ЦК и Политбюро, а впоследствии выпадами в адрес Сталина. Раскол в партии произошел, таким образом, *еще при жизни* Ленина. В 1923 г. началась острейшая внутривнутрипартийная борьба, в ходе которой несколько раз менялись линии размежевания, но не менялись цели Сталина, способы, которыми он укреплял свою «необъятную власть». Цели его состояли не столько в проработке узловых вопросов строительства социализма, сколько в том, чтобы заклеить своих оппонентов (напоследок в их



числе оказались не только Зиновьев и Каменев, перешедшие на сторону Троцкого, но и союзник Сталина — Бухарин). В конце концов все они были изгнаны из состава Политбюро, Центрального Комитета. Затем Сталин послал нэп «к черту», и начал в условиях сосредоточения единоличной власти свою «революцию сверху» — закрепощение крестьян в колхозы путем принудительных мер — ему нужен был хлеб на вывоз и на прокорм городов. Особенно с дней юбилея Сталина, 21 декабря 1929 г., берет начало принявший непомерные масштабы культ «вождя», процесс его обожествления раболепным Сталину окружением, затем и всей прессой и радио. Впереди было физическое уничтожение всего ленинского ядра, в том числе и находившегося в ЦК и проявившего себя на XVII съезде партии, и массы «выдвиженцев».

## Глава 16

# Революционное дело и революционная мысль

### Коллизии революционного сознания

Мы говорили во Введении о диалектическом соотношении теории и практики, мысли и дела в переходные эпохи. Ленин не раз повторял, что Октябрьская революция положила конец бесчисленным партийным спорам дореволюционных лет, ибо внесла в идейные процессы совершенно новый критерий: практический опыт; он-то и позволил на каждом повороте событий выбирать верный курс, которому следовала партия. Но не все тут обстояло так просто...

Обратим внимание на закономерное совпадение ряда явлений в истории первых лет советской власти (да и на подходе к Октябрю). При самых резких изломах истории, в моменты предельного напряжения революционных сил, когда от партии и ее руководства требовалось безусловное единство действий, ЦК партии потрясал конфликт, кризис, охватывающий иногда и широкие массы большевиков. Сложность процессов была такова, что с ней не сразу справлялось революционное сознание, возникали его коллизии, которые изживались в острой борьбе, схватках разных, а то и противоположных мнений. Ареной борьбы могло быть Политбюро ЦК, иногда кризис захватывал и партийные массы. Принцип демократического централизма не допускал разрастания коллизий, позволял находить приемлемый для всех вариант.

Период Октября — переломный пункт развития всей страны — дает не только внутрипартийную, но и внепартийную отступническую деятельность Л.Б. Каменева и Г.Е. Зиновьева (выступление в полуменьшевистской газете «Новая жизнь» против намеченного партийным ЦК взятия власти). Период формирования Советского правительства в пер-

вые месяцы после взятия власти дает оппозицию Л.Б. Каменева, Г.Е. Зиновьева, В.П. Милютина, А.Н. Рыкова и В.П. Ногина, потребовавших *разделения власти* с меньшевиками и эсерами, продолжения инициированных «Викжелем» переговоров об образовании «однородного социалистического правительства», куда вошли бы представители всех партий от «большевиков до народных социалистов». Период Бреста — смертельной угрозы советской власти со стороны германского империализма — приносит фракционную деятельность «левых» коммунистов во главе с Н.И. Бухариным, выступавших против заключения грабительского мирного договора с немцами, а также против внутренней политики В.И. Ленина, его «эволюции в сторону государственного капитализма». Период перехода от «военного коммунизма» к нэпу — смертельной угрозы Советской власти со стороны мелкобуржуазной стихии — выявляет бурную оппозиционную деятельность Л.Д. Троцкого, сторонников «демократического централизма», наконец, «рабочей оппозиции». Троцкий требовал «перетряхивания» профсоюзов, «децисты» — большей внутрипартийной демократии, «рабочая оппозиция» — передачи управления хозяйством некоему «Всероссийскому съезду производителей».

Описывая эти эпизоды в жизни партии, советские пособия сводили их к примитивному «классовому» разоблачительству (например, «троцкизм — агентура фашизма», «правые — агентура кулачества» и т. п.), они не отличали субъективно честные ошибки революционеров от объективно вредного результата их действий, а тем более не говорили о правоте иных оппозиционеров.

Полностью отсутствовало умение историков вскрыть гносеологические и социально-политические корни внутрипартийных разногласий (мы не говорим уже о прямых фальсификациях).

Социалистическая революция оставалась движением по неизведанному пути, чрезвычайно сложному, извилистому, на котором то и дело появлялись непредвиденные опасности, повороты, требовавшие и резких поворотов в политике. Путь и конкретные формы этого движения не могли быть предсказаны теорией, известной заранее какому-либо вождю. Об этом Ленин предупреждал не раз: «Марксизм — не догма, а руководство к действию», — говорил он. Определение правильного курса было делом чрезвычайно сложным в постоянно меняющихся обстоятельствах и условиях, зачастую жизнь не сразу давала ответ на поднятый вопрос.

На особенно крутых поворотах, изломах пролетарской революции часть руководителей, не обладавшая ленинским реализмом, ленинской способностью к быстрой перестройке и отказу от лозунга, при-

шедшего в столкновение с жизнью, оказывалась не в состоянии сразу преодолеть инерцию движения, сойти с прежнего тактического направления, отказаться от прежних партийных установок, верных для своего времени, но губительных в новых условиях и новой обстановке, при резком изменении тактики борьбы. Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев застыли в дни Октября, в сущности, на дооктябрьских лозунгах периода накопления сил, считали незавершенным этот период, они не видели каких-либо кардинальных сдвигов в расстановке противоборствовавших сторон в стране. Н.И. Бухарин и его сторонники в период Бреста считали, что поможет «мировой революции» не злополучный мир, а отказ от него, они не принимали в расчет реального развала армии, делавшего их позицию просто губительной для молодого Советского государства; «левые», писал В.И. Ленин, «хотят стоять на старой *тактической* позиции, упорно не желая видеть как *изменилась*, как создалась *новая объективная* позиция»<sup>1</sup>. Л.Д. Троцкий в период дискуссии о профсоюзах пытался абсолютизировать опыт применения жестких мер принуждения в профсоюзах в период Гражданской войны, не осознав пагубности подобных методов для судеб мирного строительства. В.И. Ленин указывал, что тезисы Троцкого, вопреки его сознанию и воле, «оказались поддерживающими не лучшее, а худшее в военном опыте»<sup>2</sup>.

Вполне закономерно, что именно в такие переломные моменты в верхушке партии завязывалась ожесточенная идейная борьба. Но Ленин видел неизбежность расхождений, искал на каждом этапе адекватных форм их ликвидации. Он прекрасно понимал, что такая внутрипартийная борьба имеет *объективную основу*, что она связана с тем, что новая ситуация ставит обычно «целый ряд таких задач и трудностей, для преодоления которых нет ни опыта, ни подготовки, ни нужного материала»<sup>3</sup>.

Иногда Ленин шел даже на крайне «непопулярные» в партии меры, чтобы только предотвратить кровопролития Гражданской войны. Так, он принял предложение посланника Антанты В. Буллита заключить мир со всеми белыми и марионеточными правительствами, заодно уплатив «царские долги». Интересна мотивировка Ленина: «Слишком дорога для нас цена крови наших рабочих и солдат, мы вам, как купцам, заплатим за мир ценой тяжелой дани; мы пойдем на тяжелую дань, лишь бы сохранить жизнь рабочих и крестьян».

<sup>1</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 254.

<sup>2</sup> Там же. Т. 42. С. 221.

<sup>3</sup> Там же. Т. 43. С. 12.

Увы! Ни мира, ни перемирия от Антанты добиться не удалось... Армия Колчака развернула наступление...<sup>4</sup>

Подчеркнем, что ни один из членов ЦК не был застрахован от ошибок, их преодоление, выработка единого решения достигалась не сразу, приходилось преодолевать и внеуставные методы борьбы. Сами по себе расхождения были совершенно естественными для живой партии, руководившей революционным процессом — тем более что в ее рядах были люди с разным уровнем теоретической подготовки, разными способностями, с разным объемом практики, занимающие разные посты. Такие неизбежные расхождения преодолевались коллегиально партией, построенной на принципах демократического централизма.

С другой стороны, наличие демократического централизма еще не создавало возможности автоматического разрешения всех споров и разногласий. Ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов нечеловечески трудных условий, в которых приходилось творить и защищать новое общество вождям и ведомым массам, искать альтернативные пути примитивному «революционизму».

Ленин называл издержками фракционной борьбы, когда спорящие продолжали стоять на своем после того, как вопрос уже полностью прояснился и когда позитивные предложения спорящих групп оказывались учтенными. «Поэтому, — предостерегал Ленин, — когда вы слышите такую критику, критику без содержания, критику ради критики, будьте настороже, поищите, может быть у критикующего товарища уязвлено чем-нибудь самолюбие, может быть он чем-нибудь лично задет или раздражен, что и толкает его на оппозицию необоснованную, на оппозицию ради оппозиции»<sup>5</sup>.

С другой стороны, сами массы иногда резко «подправляли» партию, заставляя ее сворачивать с тупикового пути развития (начало 1921 г.).

Пример с Брестом или дискуссия о профсоюзах показывают, каким сложным путем ЦК порой приходил к единому решению, какой долгой была дискуссия, перераставшая порой узкие рамки ЦК и охватывающая всю партию. И здесь многое зависело от характера полемики, умения убеждать людей, которым обладал Ленин, руководивший в самые сложные периоды борьбы партией. Он умел как никто другой, находить наиболее точный вариант решения вопроса, не позволить личным спорам разрастаться до масштабов общегосударственной угрозы.

<sup>4</sup> См.: Ленин В. И. Известные документы. 1891—1922. М., 1999. С. 589.

<sup>5</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 50.

Именно на заседаниях ЦК выполнялась громадная часть теоретической работы, шла кристаллизация разных точек зрения и определялся правильный курс. Он определялся посредством свободного обсуждения важнейших проблем членами ЦК. Возможность безболезненного разрешения споров обеспечивала организационные принципы, более высокие по сравнению с принципами якобинизма, играл свою роль безусловный авторитет и самого Ленина.

В большинстве случаев расхождения завершались принятием согласованного решения. Но бывали случаи — на особенно крутых поворотах истории — когда удержаться на грани не удавалось, когда деловые расхождения грозили перейти во фракционный раскол; именно тогда Ленин прибегал к высшему партийному арбитражу, выносил вопрос на съезд. Многие съезды собирались в чрезвычайно трудных условиях военного времени, вопросы, которые разбирались на них, приходилось комкать, обрывать полемику из-за нехватки времени и сил. Но даже в таких условиях съездам удавалось уточнить все оттенки мнений, дать детальное и принципиальное решение вопросов. Наконец, съезд был огромной воспитательной школой. Мало было принять правильное решение, надо было еще провести его в низовых организациях, сплотить их на выполнение тех или иных задач. И в этом смысле школа ленинских съездов сыграла бесценную роль. Они проходили в свободной полемике, товарищеском, иногда резком обсуждении спорных проблем, они разительно отличались от сталинских «парадных» съездов, занятых погромами «оппозиций», перечнем «достижений» и демонстрацией «монолитного единства» партии.

## Шаг вперед, два шага назад

Смысл и суть внутрипартийной борьбы при Ленине ясны. Но существенный перелом произошел в 1921 г. на X съезде РКП(б), когда в кризисные для Советской власти дни Ленин потребовал и добился в предложенной резолюции «О единстве партии» безусловного запрета фракций. Правда, принятая резолюция предусматривала сохранение в рядах партии разумной критики, критики для пользы дела. Ленин предлагал издавать регулярный «Дискуссионный листок» и особые теоретические сборники. В общем его подход к оппозиции оставался конструктивным и товарищеским. «Вы утверждаете, что мы мало боремся с бюрократизмом, — говорил он членам “рабочей оппозиции”, — идите помогать нам, идите ближе, помогайте бороться, но если вы предлагаете “всероссийский съезд производителей”, это — не марксистская, не коммунисти-

ческая точка зрения»<sup>6</sup>. Ленин был категорически против того, чтобы под флагом борьбы за единство запрещались обсуждения вопросов, дискутирование. «Мы должны сказать себе: чтобы единство было прочным, нужно, чтобы был осужден определенный уклон. Раз он наметился, нужно его выявить и обсудить, — уточнял Ленин на X съезде. — Но если нужна обстоятельная дискуссия, — милости просим, у нас найдутся люди, которые приведут детально всю литературу и, если нужно и уместно, мы поставим этот вопрос и в интернациональном масштабе...» Поэтому, разъяснял Ленин, покончить с уклоном «в таком смысле — не дискутируй больше и конец — было бы неправильным. Но одно дело теоретическая дискуссия, другое дело — политическая линия партии, политическая борьба»<sup>7</sup>.

Сталин быстро превратил резолюцию о «О единстве партии» в орудие погрома фракций и исключения фракционеров из состава ЦК, опубликовав прежде секретный пункт резолюции (§ 7) на XIII конференции РКП(б) и «забыв» разъяснение Ленина, о том, что такая мера *продиктована чрезвычайными обстоятельствами*. Ленин так пояснял этот момент в заключительном слове на X съезде: «Чтобы ЦК, выбранный на съезде, имел право исключить из ЦК — никогда никакая демократия, никакой централизм не допустит... Выбирает ЦК съезд, этим он выражает высочайшее доверие, этим он отдает руководство. И чтобы член ЦК имел в отношении к своему члену такое право, — нигде никогда ничего подобного наша партия не допускала. Это — *крайняя мера, которая принимается специально в сознании опасности обстановки*»<sup>8</sup>.

Обстановка опасности была позади, но Сталин расправлялся с оппозиционерами сначала идейно, затем физически; в «Кратком курсе» он всех их объявил «врагами народа», врагами социалистического строительства в нашей стране.

Сознательно искажался смысл внутрипартийной борьбы в *первом туре*, в 20-е гг. Во-первых, борьба отражала личное соперничество Сталина и Троцкого, Сталина и Зиновьева и Каменева, была, одним словом, борьбой за *власть*. Во-вторых, борьба отражала разное понимание руководителями партии проблем социалистического строительства в стране (вопросы партийного строительства, темпы социалистического строительства, политика партии в деревне, внутренние и внешние перспективы строительства социализма в СССР, проблема «вождизма»).

<sup>6</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 55.

<sup>7</sup> Там же. С. 101—102.

<sup>8</sup> Там же. С. 108 (курсив наш. — Е.П.).

Полностью искажался Сталиным и советской партийной литературой смысл *второго тура* борьбы, с оппозицией, последовавшего вслед за зловещим убийством Кирова 1 декабря 1934 г.

Само это убийство было, как известно, списано в свое время Сталиным за счет бывших оппозиционеров. Вслед за истреблением зиновьевцев в Ленинграде и первым (закрытым) процессом над Зиновьевым, Каменевым и другими, последовали известные публичные процессы над всеми прежними лидерами оппозиции, начиная от Зиновьева и Каменева («объединенный троцкистско-зиновьевский террористический центр»), включая Пятакова, Радека, Сокольников (запасной «троцкистский террористический центр»), и кончая Бухариным, Рыковым и другими (проходившими по «антисоветскому право-троцкистскому блоку»). Деятельность всех вождей оппозиции увязывалась с новой фазой деятельности высланного из СССР Троцкого, который, если верить Вышинскому, перешел к подготовке убийства советских руководителей, к шпионажу в пользу Германии и Японии, вредительству и т. п. Почти всех осужденных Сталин расстрелял. Не ограничиваясь этим, он изложил в «Кратком курсе истории ВКП(б)» лживую концепцию борьбы с оппозиционерами.

## Концепция «злого умысла»

Известно, каким событием в жизни нашей страны и партии был выход в 30-е гг. сталинского «Краткого курса». В нем была изложена ложная концепция победы Октября и строительства социализма в СССР, подчиненная задаче возвеличивания Сталина и клеветы на его врагов-оппозиционеров, изображенных в виде «подонков человеческого рода», «лакеев фашизма», «убийц Кирова» и т. п. Но это было действительно краткое, цельное пособие, выходящее вроде бы к теоретическим вопросам. По «Краткому курсу» познакомились с азами «марксизма» миллионы и миллионы людей, пишущий эти строки принадлежит к их числу.

О советских историко-партийных пособиях — возьмем для примера тот же стабильный учебник «История КПСС» 1985 г. — можно сказать: они лишены достоинств «Краткого курса», но несут на себе неизгладимую печать его ложных «концепций» по существу. В чем тут суть?

О расправе Сталина с бывшими соратниками Ленина «История КПСС» (1985 г.) попросту молчит. В остальном на ее страницах господствует концепция «злого умысла» оппозиционеров, которых сначала разоблачал Ленин, а затем разоблачал Сталин. Эта «концепция» была понятна в «Кратком курсе», она обосновывала сталинскую расправу над



бывшими соратниками Ильича, подводила под нее, так сказать, «теоретическую базу». Концепция «злого умысла» стала зловещим анахронизмом в наступающие новые времена. Мы уже не говорим о том, что она противоречила духу ленинского Завещания, да и просто здравому смыслу. История партии принимала сплошь мистический характер: получалось, что ленинское ядро партии было набито деятелями, только и знавшими, что выступать против Ленина, ленинизма, партии и народа. Становится совершенно непонятным, почему с этим до смерти Ленина мирилась партия, сам Ленин, не только мирились, но и доверяли неисправимым «антиленинцам» ответственные посты в сложнейшие периоды жизни нашей страны: председателя РВС Республики, наркома по военным и морским делам — Троцкому, председателя Исполкома Коминтерна — Зиновьеву, председателя Совета Труда и Оборона — Каменеву и т. д. То, что эти деятели совершали порой крупнейшие ошибки (о них напоминал Ленин в Завещании) совершенно бесспорно. Но несомненно и то, что они имели серьезнейшие заслуги перед партией и народом, а потому Ленин и партия сохраняли их в составе руководящих органов.

Всем очевиден факт: Ленин считал фракционность величайшей опасностью для партии в критические для ее истории моменты (Брест, политический кризис 1921 г.). Но принципиальная борьба Ленина с оппозицией не обескровливала партию и страну. Ленин умел — после горячей «пропарки» — впрягать бывших оппонентов в коллективную работу ЦК и партии и за немногими исключениями это удавалось. Сталин же быстро внес в борьбу с оппозицией черты того «озлобления», которое, по выражению Ленина, «вообще играет в политике обычно самую худую роль»<sup>9</sup>.

Дело усугублялось и откровенной грубостью Сталина в самом неприкрытом, вызывающем виде<sup>10</sup>. Сталин даже бахвалился своей грубостью в отношении тех, которые «грубо и вероломно разрушают и раскалывают партию»<sup>11</sup>. Но мы не ошибемся, если скажем: сталинская грубость была грубостью именно того сорта, об абсолютной недопустимости которой для *генсека* писал в Завещании Ленин, это была «мелочь», которая действительно получила «решающее значение»<sup>12</sup>.

<sup>9</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 357.

<sup>10</sup> См.: Сталин И.В. Соч. Т. 8. С. 356; т. 9. С. 41, 68; т. 10. С. 46, 175, 81, 198, 205, 266, 357, 361; т. 12. С. 9, 53 и др.

<sup>11</sup> Там же. Т. 10. С. 175.

<sup>12</sup> См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 346.

Наклеивание политических ярлыков и грубость напрочь исключали возможность товарищеской полемики в ЦК, обвинения в «оппозиционности» легко переросли в обвинения в «контрреволюционности». Выступая сначала против методов физического отсечения оппозиционеров (сравни: «политика отсечения чревата большими опасностями для партии... метод отсечения, метод пускания крови — опасен, заразителен»)<sup>13</sup>, Сталин забыл свои же предупреждения. Он стер принципиальную разницу между такими понятиями, как расхождение во взглядах, оппозиционность, фракционность, антикоммунистическая фракция, измена родине, белогвардейщина, служба фашизму. «Собака вернулась к своей блевотине», — говорил об исключенном из партии Троцком Сталин; ненавидевший «чистеньких большевиков», он сумел уничтожить почти всех соратников Ленина в России, сделавшись к 1928—1939 гг. «российским Бонапартом-Робеспьером»; в стране выросли «особенно махровые типы культур добуржуазного порядка, т. е. культур чиновничьей, крепостнической» (и террористической — добавим мы), чего так опасался Ленин<sup>14</sup>. Завет Маркса о сокращении «мук родов» нового строя был погран Сталиным. Ныне мы имеем данные и о его агентурном прошлом<sup>15</sup>.

## «Сталинщина»

Иногда утверждают: период применения чрезвычайных мер Сталиным был необходим и оправдан. Для того чтобы преодолеть за какое-нибудь десятилетие полувековое отставание СССР, чтобы создать мощный военно-промышленный потенциал, надо было долгое время осуществлять неэквивалентный обмен товаров города и деревни, найти способы изымать хлеб из сельского хозяйства, годами перекачивать средства из легкой промышленности в тяжелую, из гражданской — в военную. Надо было «ликвидировать кулачество как класс», да и все «сомнительные», «колеблющиеся» элементы (так называемых «врагов народа»). Но зато мы выстояли в чудовищной войне с фашизмом, создали ракетно-ядерный щит, первыми вырвались в космос, стали одним из двух главных центров мировой политики. В целом в 3,5—4 раза по сравнению с 1913 г. был поднят производственный потенциал стра-

<sup>13</sup> Сталин И. В. Соч. Т. 7. С. 380.

<sup>14</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 389.

<sup>15</sup> См.: Был ли Сталин агентом Охранки? М., 1999; Плимак Е. Г., Антонов В. С. Факты, которыми мы располагаем, внушительны. О книге «Был ли Сталин агентом Охранки?», см.: Отечественная история, 2001. № 2.

ны. Был почти полностью обновлен базис сельскохозяйственного производства (хотя крестьянин годами голодал, а часто и вымирал, хотя были убиты стимулы к его труду). Правовое равенство республик было подкреплено их подъемом экономическим. Формировалась, хотя и деформированная государственным вмешательством, социалистическая культура, менялся сам облик и страны и человека.

Но факты говорят: построить социализм, а тем более перейти к задачам коммунистического строительства нельзя было за какие-нибудь две-три пятилетки. Реально в СССР было создано не имеющее аналогов в истории (если не считать фашистских «образцов») общественное образование, во многом еще *досоциалистическое*, а кое в чем *существенном и антисоциалистическое*; наши специалисты именуют его разными определениями: «государственный социализм», «монопольно-авторитарный социализм», «тоталитарный социализм», «казарменный коммунизм», «*грубый коммунизм*», стоявший по ведущим параметрам *ниже* капитализма.

Этому историческому образованию был присущ не просто диктаторски-бонапартистский характер власти, но характер бонапартистски-террористический — в годы правления Сталина. Нет никаких оправданий для действий Сталина в 1929—1933 и особенно в 1937—1938 гг. — периоды «раскулачивания» рачительного крестьянства и так называемой «ежовщины». Последняя была вершиной его криминального искусства.

Казалось бы, после индустриализации и коллективизации открывались возможности нормализации, демократизации жизни страны. Но в этих благоприятных условиях Сталин искусно создал в стране чрезвычайную ситуацию, используя убийство Кирова<sup>16</sup>. Начались массовые необузданные репрессии теперь уже не против «умирающих классов», а против партийной, советской, производственной прослойки Советского общества с целью уничтожения любых потенциальных противников тиранического режима единоличной власти. Тут сгодились и традиции борьбы с «троцкизмом», превращенным в зловеющий жупел, практиковалась организация показательных, наподобие якобинских, процессов-«амальгам» против бывших соратников Ленина, не только бывших оппозиционеров, но и почти всей старой ленинской партийной гвардии; пострадали и миллионы выдвиженцев. В стране было во

<sup>16</sup> См.: *Такер Р.* Сталин у власти. История и личность. 1928—1941. М., 1997. С. 259—272; *Волкогонов Д.М.* Триумф и трагедия. И.В. Сталин. Политический портрет. М., 1989. Кн. 1. Ч. 2. С. 89—97 и другие работы. Большинство авторов считает, что убийство Кирова было подстроено Сталиным. Того же мнения был Н.С. Хрущев.

многим дезорганизовано производство, омертвлена вся политическая жизнь, подорвана — как раз накануне схватки с фашизмом — обороноспособность страны, уничтожена почти вся «головка» Красной Армии — до 43 тыс. человек высшего и среднего комсостава. В 1940 г. с помощью Берии—Меркадера Сталин убил Троцкого. Маниакальная и кровавая подозрительность Сталина к «своим», при полной потере бдительности к «чужим», коварнейшему врагу Гитлеру, «дружба» с ним сказались на ходе Великой Отечественной войны, вызвав почти катастрофические поражения 1941—1942 гг., потребовав для достижения победы над фашизмом до 29 млн жертв к более ранним 20—25 млн жертв коллективизации и «ежовщины».

*Геноцид советского народа — такова была расплата за невыполнение ленинского совета: «переместить Сталина с поста генсека».* Жертв на путях строительства социализма в стране и защиты Советского строя нельзя было избежать. Но Сталин и его окружение возвели их число в максимальную степень. Им мы и предъявляем (хотя и с огромным запозданием) обвинение по самому крупному счету.

*Средства должны быть такими же, как и цель, ибо цель есть воплощение средств,* писал Чернышевский в сибирском заточении сыну Мише, дурными средствами можно достичь лишь дурной цели<sup>17</sup>. Этих слов не стоит забывать и нынешним политикам XXI века.

В целом же сталинская «революция сверху» — сложный процесс: она толкала страну вперед к «цивилизации», и она же отбрасывала ее назад, она пробуждала энтузиазм масс и сковывала его же рамками чрезвычайщины, она знала и великие подвиги народа и безмерные злодеяния власти.

Но не забудем о главном: именно подвиги *народа* и его *интеллигенции* позволили выполнить такие исторические задачи, как преодоление отсталости страны, обеспечили разгром фашизма — ценой непомерных жертв, затребованных командно-административной системой. Возглавив решение этих задач и не будучи своевременно устранена, эта система забуксовала на следующем повороте истории, ее слом стал необходимостью, необходимостью стало строительство общества, основанного на цивилизованном рынке в экономике и гуманистических демократических началах в политике.

Ход истории трудно предсказуем. Кто бы мог подумать, что сталинский тоталитаризм в союзе с западной демократией ломает хребет тоталитаризму гитлеровскому, затем поспособствует своими акциями созданию некоего каутскианского «ультраимпериализма» под эгидой

<sup>17</sup> См.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 644, 684—685.

США, а затем рухнет при приемниках Сталина под бременем «холодной войны» и от разложения правящей бюрократии.

Куда и как пойдет далее Россия, сказать трудно. Очевидно лишь то, что на преодоление катастрофы, вызванной «реформой» Ельцина—Гайдара, преодоление всенародного разорения, уйдут целые десятилетия...<sup>18</sup> Кстати, появление в Российской Федерации мафиозно-дикого капитализма напомнило нам о содержательности марксова учения о «первоначальном капиталистическом накоплении», отброшенного «перевертышами» разного рода.

---

<sup>18</sup> См.: Глазьев С.Ю., Кара-Мурза С.Г., Батчиков С.А. Белая книга. Экономические реформы в России 1991—2001 гг. М., 2003.

## Глава 17

### Итоговая

## Ленин в революционной традиции России. Историческое и логическое

В советской историографии вопрос о месте Ленина в российской революционной традиции был предельно ясен: Ленин — ее вершина; в степени приближения к нему состоит заслуга любого его предшественника. Мы попытаемся доказать, что Ленин уступал в понимании революционного процесса своему учителю Чернышевскому, в чем сам признался в конце жизни.

Как известно, свое «кредо» творец Октября изложил в труде «Государство и революция». Нам приходилось отмечать в печати: даже по оглавлению можно установить крупнейший изъян этого программного труда вождя большевизма, в нем идут главы: I. Классовое общество и государство. II. Государство и революция. Опыт 1848—1851 гг. III. Государство и революция. Опыт Парижской коммуны 1871 г. Анализ Маркса и т. д.

Но где, спрашивается, обобщение у Ленина *классического опыта* Великой французской революции 1789—1794—1814 гг., путь которой с «растяжкой периодов» стала повторять в основном и главном Октябрьская революция 1917 г. — в самом широком ее понимании.

Оговоримся теперь: в «планах разбивки книги на главы», приведенных в подготовительных материалах книги, такая тема у Ленина значилась:

«Глава I. Общеизвестное во взглядах Маркса и Энгельса на государство.

II. Итоги опыта 1789—1851.

III. Опыт 1871» и т. д.<sup>1</sup>

Что же заставило Ленина отказаться от этого, более широкого замысла, пожертвовать 1789 г. и далее? Видимо, недостаточность знаний

---

<sup>1</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 429—430, 316 (выделено нами. — Е.П.).

о важнейших процессах Великой французской революции. А вот и подтверждение этому.

В большевистских газетах «Вперед» и «Пролетарий» за 1905 г. печатались любопытнейшие «Очерки из истории революционной борьбы европейского пролетариата». Ленин не просто печатал в своих газетах эти «Очерки», он их правил, хотя и незначительно<sup>2</sup>.

Луначарский выделял в событиях Великой французской революции эпизоды «непосредственной борьбы на улицах, борьбы именно пролетариата», которая была побудительной причиной революции. «Именно народ правильно угадывал интересы революции и толкал ее вперед, когда она останавливалась на мертвых точках» (Вперед. 1905. № 2; Пролетарий. 1905. № 10). Соответственно «Очерки» охватывали пять тем: I. «На заре великой революции»; II. «Взятие Бастилии»; III. «После взятия Бастилии»; IV. «Поход голодающих женщин на Версаль»; V. «Падение королевской власти».

«Очерки» Луначарского написаны блистательно, они свидетельствуют о его начитанности (приведены выдержки из знаменитого письма Бабефа, наблюдавшего за поведением народа в дни взятия Бастилии, выдержки из речей депутатов Национального собрания, красочно и детально описаны сами сцены народных волнений).

«Очерки» были строго выдержаны в рамках ленинской теории революции и повсюду «осовременены» новейшими установками большевиков, указывалось, что пролетариат Франции 1789 г. был скорее предпролетариатом и проч. Но самое любопытное: весь *критический период* Великой французской революции (якобинство, Термидор, бонапартизм, реставрация) автором вообще не рассматривался, не считая одного (!) абзаца. Перетолковывая известное изречение «Революция пожирает своих детей», Луначарский писал: «Я сказал, что революция пожирает вначале измену — в конце концов измена пожирает революцию: крайние революционеры, нашедшие в себе мужество идти до крайних границ революционного размаха, гибнут жертвами не революции в собственном смысле слова, а реакции — сперва начинающегося отклонения, разочарования, страхов, потом прямых переворотов реакционного характера. Революция почти всегда развивает в массах и личностях такую энергию, что временно выходит из берегов, из тех железных рамок, которые положены ей экономическими условиями жизни, степенью ее развития и формами общественного производства»<sup>3</sup>. Перед нами отписка, а не анализ...

<sup>2</sup> См.: Литературное наследство. М., 1971. Т. 80. С. 496—527 и др.

<sup>3</sup> Пролетарий. 1905. № 10.

Как видим, для Ленина, Луначарского, большевиков просто не существовал, как *предмет специального анализа во Франции, период 1793—1814 гг.*, главным и единственным было воспеть *революционный подвиг народа*, свалившего самодержавие Людовика XVI... И только в критической ситуации 1921 г. Ленин обратится к В.В. Адоратскому со знаменательной просьбой: «Не могли бы Вы помочь мне найти... ту статью (или место из брошюры? или письмо?) Энгельса, где он говорит, опираясь на опыт 1648 и 1789, что есть, по-видимому, закон, требующий от революции продвинуться *дальше, чем она может осилить*, для закрепления менее значительных преобразований»?<sup>4</sup>. А между тем солидные наработки по данной теме имелись в русской освободительной мысли XIX столетия.

Обращаясь к ним, как *вершине* ее теоретического развития, мы нарушаем принцип исторического, но в пользу принципа логического: далеко не всегда более поздняя теория бывает более высокой, чем предыдущая, отношение Чернышевского к подвигам народа в революциях было куда более реалистично, чем отношение Ленина с Луначарским.

Главным для Н.Г. Чернышевского, открывшего отдел «Политика» в «Современнике» за 1859 г, было сопоставление разных революций, но в чем-то поразительно схожих между собой. Есть смысл воспроизвести хотя бы вкратце тексты, замалчиваемые в советские времена «школой Нечкиной», да и всей казенной нашей наукой.

Анализируя историю самых передовых в то время наций — Англии и Франции за полтора-два предшествующих столетия, Чернышевский приходил к мысли о крайней медленности и тяжести исторического процесса. Но в ходе истории он особо вычленял эпохи, как раз обойденные в ленинском анализе.

Случалось порой в истории, когда общество начинало все больше прислушиваться к мнениям «лучших людей», когда оно «полгода, год, много три-четыре года работало над исполнением хотя некоторых из тех немногих желаний, которые проникали в него от лучших людей».

Подчеркивая обновляющую роль этих (революционных) эпох, Чернышевский не скрывал того, что «работа никогда не была успешна» — на половине дела «уже истощалось усердие, изнемогала сила общества и снова практическая жизнь общества впадала в долгий застой». Но значит ли это, что переломные моменты истории были бесплодны? Отнюдь нет, ибо «в короткий период благородного порыва многое оказалось переделанным»; «все-таки девять десятых того, в чем состоит прогресс, совершается во время кратких периодов усиленной работы».

<sup>4</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 53. С. 206.



Эти слова подводят итог великих революций, чем заинтересовался Ленин в 1921—1923 гг. Хотя революции и сменялись закономерно бо-напартизмом и реставрацией, они все же столь основательно ломали устой феодального общества, что даже в период отката был невозможен возврат к прошлому. А спустя какой-то период времени общество вновь начинало слушать «лучших людей», «с новым жаром принималось за работу и опять бросало ее, не кончив, и опять дремало, и потом опять работало»<sup>5</sup>.

Возводя подобную «цикличность» в степень всеобщего исторического закона, Чернышевский прослеживал его действие в комментариях к «Основаниям политической экономии» Милля, в романах «Что делать?» и «Пролог». Ленин эту концепцию до 1921 г. *не воспринял*...

Выше мы цитировали подцензурные строки Чернышевского, но стоит безусловно процитировать и строки бесцензурные в переданном через В.Н. Шаганова его Завещании от начала 1870-х гг. Это Завещание никогда не цитировалось и не разбиралось в громадной нашей литературе о Чернышевском, запись Шаганова была объявлена при публикации в 1959 г. «недостовой», затем ее вообще выбросили из второго, московского издания книги «Чернышевский в воспоминаниях современников» 1982 г. — составители все понимали, но боялись аллюзий...

«Он говорил нам, — вспоминает Шаганов, — что со времен Руссо во Франции, а затем и в других европейских странах демократические партии привыкли идеализировать народ (пример тому — “Очерки” Луначарского—Ленина. — *Е.П.*), — возлагать на него такие надежды, которые никогда не осуществлялись, а приводили еще к горшему разочарованию. Самодержавие народа (сюжет, волновавший Луначарского—Ленина. — *Е.П.*) вело только к передаче этого самодержавия хоть Наполеону I и, не исправленное этой ошибкой, многократно передавало его плебисцитами Наполеону III (сюжет, начисто забытый Луначарским—Лениным. — *Е.П.*). Всякая партия, на стороне которой есть военная сила, может монополизировать в свою пользу верховные права народа и благодаря ловкой передержке стать якобы исключительной представительницей и защитницей нужд народа, — партией преимущественных народников (а не таковой ли стала РКП(б) вскоре после Октября? — *Е.П.*). Он, Чернышевский, знает, что центр тяжести лежит именно в народе, в его нуждах, от игнорирования которых погибает и сам народ, как нация или как государство. Но только ни один народ до сих пор не спасал сам себя и даже, в счастливых случаях, приобретая себе самодержавие, передавал его первому пройдохе (в Со-

<sup>5</sup> Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 12—14.

ветской России им оказался Сталин. — *Е.П.*)... Становясь душеприказчиком своего народа, оно именно распоряжается им как мертвым и с имуществом народа поступает по своему благоусмотрению (вспомним хотя бы коллективизацию. — *Е.П.*). И тогда горе тому, кто захотел бы будить этого мнимоумершего, вмешиваться в его хозяйственные дела! По пути душатся и слово и совесть, ибо из этих вещей выходят разные пакости для власти (и слово и совесть стали «душиться» уже при Ленине, но касалось это поначалу только врагов большевизма, при Сталине же душились уже в среде самих большевиков. — *Е.П.*)... Какой тюремщик по доброй воле позволит заключенному делать воззвание к разрушению тюрьмы?».

Но Чернышевский не только анатомирует с пугающей точностью бонапартистские режимы, неотвратимо выраставшие из глубинных революций, он ищет и пути выхода из тупика, «Конечно, — продолжает излагать его мысли Шаганов, — формы (представительные формы, парламенты. — *Е.П.*) — вещь ненадежная. Можно при всяких формах построить крепкий острог для трудолюбивого земледельца. С другой стороны, быть может, и хорошо, что формы ненадежны. При них всегда возможна борьба партий и победа одной партии над другою, и на практике победа всегда прогрессивная. Страшнее — бесформенное чудовище, всепоглощающий Левиафан»<sup>6</sup>.

Заглянуть в далекое будущее России второй половины XX в., как, впрочем, и в термоядерный со средствами массового уничтожения век человечества (сравни: восточные сказания Чернышевского «Кормило кормчему» и «Знамение на кровле»<sup>7</sup>) — это, конечно, колоссальный взлет мысли, увы, задавленной в России и не обретшей глубины в ленинизме конца XIX — начала XX в. ... Для этого надо было обладать гигантскими знаниями в политической истории передовых народов, полученными Чернышевским при переводе и корректировке пособий Ф.К. Шлоссера. К их проработке Маркс приступит уже в конце жизни, успев осилить всего несколько томов «Всемирной истории». Ленин, столкнувшийся с тем же комплексом вопросов, что и Чернышевский, не успел и этого... У него лишь росло к концу жизни чисто интуитивное чувство недооценки большевиками наследия Чернышевского; он признает в «Детской болезни “левизны” в коммунизме», что российские революционеры в чем-то весьма существенном нарушили наставления Чернышевского:

<sup>6</sup> Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. Саратов, 1959. Т. 2. С. 135.

<sup>7</sup> См.: Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 338—344, 346, 349 и др.

«Политическая деятельность — не тротуар Невского проспекта (чистый, широкий, ровный тротуар совершенно прямой главной улицы Петербурга), говаривал еще великий русский социалист домарковского периода Н.Г. Чернышевский. Русские революционеры, со времен Чернышевского, неисчислимыми жертвами заплатили за игнорирование или забвение этой истины»<sup>8</sup>.

В советские времена у нас до бесконечности много писали о любви Ленина к Чернышевскому, о следовании Ленина его заветам, но никогда не цитировали (а тем более, не разъясняли) смысл этих слов, слов о страшной цене победы Октября...

---

<sup>8</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 55.

## Заключение

### К современным спорам о Ленине

Та информация о Ленине, которая поступает в распоряжение российского читателя, безусловно заслуживает специального рассмотрения. Это заставляет нас дополнить небольшой историографический очерк, данный нами во введении, более детальным рассмотрением ряда *типичных* концепций «лениноведов», стремящихся тем или иным способом перечеркнуть наследие Ленина, этой, по признанию Д. Волкогонова «возможно самой заметной фигуры XX в.». Е.А. Котеленец в книге «В.И. Ленин как предмет исторического исследования. Новейшая историография» не так давно писала: «К сожалению, научный анализ дискредитирован поспешностью и превращением Ленина в объект современной политической борьбы, поэтому на экстремистский подход (работы Д. Волкогонова, В. Солоухина, А. Латышева и др.) сразу же нашелся ортодоксальный и нетерпимый ответ (книги Ж. Трофимова, Ф. Волкова, В. Гончарова, В. Филиппова и др.). И пока продолжается это противостояние, спокойные научные разработки проблемы остаются достоянием лишь ограниченного круга читателей». Она же вслед за нами считает, что ключ к пониманию подлинной личности Ленина будет найден «в аспекте эволюции великого революционера»<sup>1</sup>. Итак, мы остановимся на *типичных* примерах предвзятого подхода к его деятельности.

---

<sup>1</sup> Котеленец Е.А. В.И. Ленин как предмет исторического исследования. Новейшая историография. М., 1999. С. 196—197.

## О зловещих зигзагах «универсального пути мирового развития»

Прежде всего о расхожем тезисе современного российского антиленинизма, который звучал лейтмотивом на «указующей» научно-практической конференции Администрации Президента Б.Н. Ельцина (о ней мы рассказывали во введении): Россия — благодаря стараниям Ленина — зашла не «туда» в 1917 г., большевики столкнули страну со «столбовой дороги цивилизации», страна «сошла с универсального пути мирового развития» (С.А. Филатов, А.Н. Яковлев, А.М. Салмин и др.); отсюда все ее неисчислимы бед<sup>2</sup>.

Защитники этого тезиса неизменно молчат-помалкивают о самом главном: «не туда» зашел в 1914—1918 гг. весь «цивилизованный» Запад. Он целиком, а не одна Россия оказался в историческом тупике, именуемом «Первой мировой империалистической войной», гигантской бойней народов. Знал ли кто-либо из ведущих политиков «демократии» — Вильсон, Клемансо, Ллойд Джордж, Миллюков, Керенский — путь «туда», мы сильно сомневаемся. Во всяком случае, впереди на «универсальном пути» «передового» Запада были Версальский передел мира, Великая депрессия 1929—1933 гг. и Вторая мировая война. Нашумевший труд О. Шпенглера «Закат Европы» наиболее четко выразил умонастроение той «цивилизованной» эпохи.

Но вел ли «туда» к выходу из тупиков эпохи лозунг Ленина: «превращения войны империалистической в войну гражданскую»? Г-н Филатов, как и г-н Волкогонов назвали этот лозунг «чудовищным», последний в своей книге заклеил его за «антипатриотизм»<sup>3</sup>. Однако, чтобы ни утверждали сегодня наши оппоненты, лозунг этот в конкретной обстановке войны имел под собой *объективную* основу. В воюющих странах вызревали революционные ситуации, причем без особой помощи революционеров: таковые пребывали в эмиграции, тюрьмах, ссылках... Не будем забывать того, что борьба народов в последние годы войны и после нее привела к краху реакционнейшие абсолютные монархии: Российскую, Германскую, Австро-Венгерскую.

Правда, после Октября Россия вскоре оказалась в тупике «военного коммунизма» — ее оторвали от созидательной работы интервенты, внутренние мятежи, голод (да и недоработки теории).

<sup>2</sup> Октябрь 1917 года и большевистский эксперимент в России. Научно-практическая конференция 5 ноября 1994 года. М., 1995. С. 5, 16, 58 и др.

<sup>3</sup> Там же. С. 6—7, 23; Волкогонов Д.А. Ленин. Политический портрет: в 2-х кн. М., 1994. Кн. 1. С. 140—141; кн. 2. С. 425, 263.

Но из тупика Россия вышла к 1921 г., большевики пошли дорогой *перспективного* нэпа. Но как раз о нэпе не вспоминают именитые авторы. Д. Волкогонов в двух книгах посвятил нэпу всего пару строк, Ленина он нарисовал безудержным апологетом революции, неспособным ни на какое реформаторство.

Не спорим, в годы первой русской революции Ленин был восторженным революционером. Так он писал: «“Революции локомотивы истории”, — говорил Маркс. — Революции — праздник угнетенных и эксплуатируемых. Никогда масса народа не способна выступать таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции. В такие времена народ способен на чудеса, с точки зрения узкой, мещанской мерки постепеновского прогресса... Мы окажемся изменниками и предателями революции, если не используем этой праздничной энергии масс и их революционного энтузиазма для беспощадной и беззаветной борьбы за прямой и решительный путь»<sup>4</sup>.

Назвать тяжелейшую, кровавую борьбу праздником — это все равно, что петь гимн хирургической операции. Она необходима больному организму, но лучше попытаться ее избежать. Если помогают обходные, терапевтические методы, то, безусловно, необходимо прибегнуть к таковым, и уж во всяком случае, путь революции не может быть прямым. Ленин осознает это вскоре после Октября 1917-го в дни Бреста, сказав на VII Экстренном съезде партии, что дорога к социализму в жизни «никогда прямой не будет, она будет невероятно сложной», признав, что «кирпичи еще не созданы, из которых социализм сложится»<sup>5</sup>.

А в период перехода к нэповским методам *тот же* Ленин напишет в статье «О значении золота теперь и после полной победы социализма»: «Для настоящего революционера самой большой опасностью, — может быть, даже единственной опасностью, — является преувеличение революционности, забвение граней и условий уместного и успешного применения революционных приемов. Настоящие революционеры на этом больше всего ломали себе шею, когда начинали писать “революцию” с большой буквы, возводить “революцию” в нечто почти божественное, терять голову, терять способность самым хладнокровным и трезвым образом соображать, взвешивать, проверять, в какой момент, при каких обстоятельствах, в какой области действия надо уметь действовать по-революционному и в какой момент, при каких обстоятельствах и в какой области действия надо уметь перейти к действию реформистскому. Настоящие революционеры погибнут (в смысле не внеш-

<sup>4</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 103.

<sup>5</sup> Там же. Т. 36. С. 47, 66.

него поражения, а внутреннего провала их дела) лишь в том случае, — но погибнут наверняка в том случае, — если потеряют трезвость и вздувают будто “великая, победоносная, мировая” революция обязательно все и всякие задачи при всяких обстоятельствах во всех областях действия может и должна решать по-революционному»<sup>6</sup>.

Вы можете сколько угодно листать пухлые двухтомники Дмитрия Волкогонова или Акима Арутюнова, но не обнаружите этих высказываний, да и вообще анализа Политического завещания Ленина, *целиком* построенного на пропаганде реформаторских, постепеновских, культурнических методов строительства нового строя. И не удивляйтесь этому — перед вами «исследователи», сознательно умалчивающие о том, что им *невыгодно, невыгодно* в буквальном смысле этого слова — они отвечают потребности определенного времени, определенных заказчиков типа Филатова, или же пишут, не читая всерьез (а кто его ныне читает?) Ленина. Попробуй кто в наши дни написать объективную книгу о Ленине и получить солидный тираж! А вот изобразить его на сцене в виде танцующего и поющего придурка (вместе с Марксом и Энгельсом) — *выгодно*, это в наши дни хорошо оплачивается.

## А. Арутюнов, Д. Волкогонов: домыслы и анафема вместо научного анализа

Все рекорды в отношении невероятных домыслов насчет Ленина побил Аким Арутюнов в своей книге «Досье Ленина без ретуши» (М., 1999, 2-е издание 2002). Спутав политику с «криминалом», он объявил даже лозунг «Да здравствует мировая социалистическая революция!» «подстрекательским». «Кровавое воскресенье» для него — это неудачный «мятеж большевиков»; Ленин и Радек через Гаврилу Принципа «содействовали» в развязывании Первой мировой войны; накануне Октября Ленин на квартире М.В. Фофановой ... читал Нечаева, дабы выполнить заветы «великого революционера». «Историк» Арутюнов вообще не ведает, что события 1917 г. в России (углубление революции от Февраля к Октябрю) почти в точности повторили события во Франции 1789—1793 гг. (путь от либеральной «свободы» к якобинской «диктатуре»); для него Октябрь — это «контрреволюционный переворот»; он совершен не только на «немецкие деньги», но также и целыми формированиями германских солдат, «переодетых» в русскую матросскую форму! Да и сам Ленин был — по Арутюнову — агентом германского Генерального штаба (к этому мы еще вернемся)...

<sup>6</sup> Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 223.

Дадим слово другому оппоненту Ленина, посмотрим как отслеживаются события истории в книге Дмитрия Волкогонова «Ленин». Наша оценка все же не будет однозначной: ряд открытых в последнее время документов или такие темы, как расстрел большевиками царской семьи анализируются автором тщательно, выдвинуты интересные гипотезы. Но сам основной замысел книги совершенно ложен: абсолютизировав эпоху «военного коммунизма» и касаясь нэпа лишь мимоходом, Волкогонов протягивает сплошную линию от Ленина к Сталину, даже к более поздним временам, отмечая, что погоня за призраком «мирового социализма» прослеживается в СССР вплоть до Горбачева. Далее, автор совершенно беспомощен в анализе выходящих за рамки биографии Ленина событий, вся книга напичкана ошибочными или нелепыми формулировками. Приведем некоторые из них.

«Самодержавие сознательно (?) отступало и давало большой исторический шанс (?) демократическому развитию в 1905—1907 гг.», но у Ленина не было способности «почувствовать колоссальные возможности (?) легальной парламентской деятельности» (о разгоне царизмом двух Дум и столыпинской реакции ни слова). Впоследствии «Ленин и большевики блестяще разыграли карту империалистической войны, которая в сущности никому не была нужна», а Ленин выступил за превращение ее «в еще более ужасную, кошмарную — гражданскую» (объективность созревания революционных ситуаций в воюющих странах автор не признает). Затем «пораженческий мир» в Бресте и экспроприации привели к «страшной Гражданской войне, — которую, оказывается, — планировали (!) большевики». Свершилось и цареубийство — «традиция варваров, продолженная большевиками» (что большевики действовали в традициях Великих революций в Европе автор не знает). «Этика их вождя была цинично-прагматической», сам Макиавелли «не мог предположить, что в истории будет столь прилежный интерпретатор его теории» (традиционная для ряда авторов оценка — без разъяснений). «У Ленина не было ничего святого — ни отечество, ни национальная культура, ни российские традиции не были ему дороги» («доказано» с помощью пары надерганных из Ленина фраз). «Классовая апологетика» была доведена Лениным «до социального расизма», но он все же смог «заразить своей верой огромное число людей, несмотря на всю ее бредовость» (а может эта теория подняла к социальному творчеству миллионы из угнетенных прежде классов?). Далее — выход к событиям сталинских времен: «Созданная Лениным система» своего Сталина «все равно бы нашла» (удивительно основательный анализ корней сталинизма). А вот и дань новейшим поветриям, уже «духовным»; «Если святой князь Владимир Киевский, крестивший Русь, сделал ее



христианской, то Владимир Ульянов выпустил на ее просторы Анти-христа»<sup>7</sup>.

Какой заведомой чепухой набивали и набивают свои книги имени-тые авторы! Чем не повод для переиздания этих книг?..

Добавим, что «труд» Д. Волкогонова подвергся заслуженной критике Жоресом Трофимовым в брошюре «Волкогоновский Ленин. Критический анализ книги Д. Волкогонова “Ленин”» (М., 1997) и статье Никиты Дедкова в журнале «Свободная мысль» № 1 за 1995 г. Первый вскрыл десятки искажений фактических данных в наспех состряпанном бывшим ведущим армейским пропагандистом творении, не исключая и прямых домислов вроде того, что «выстрелы Фанни Каплан» являются «одной из крупных мистификаций большевиков».

Второй показал игнорирование Волкогоновым требований научности, сделав убедительное заключение:

«Книга Волкогонова, по сути дела, представляет собой длинный счет, выписанный Ленину историком, не особенно разборчивым в своей безнаказанности... Все то негативное, отталкивающее в советской истории, что только можно найти, собрано, подсчитано и вменено в вину Ленину... Крайний субъективизм и антиисторизм в отборе фактов и их интерпретации — все это лишает книгу какого-либо научного значения». Но именно такого рода книги, заключает автор, «весьма выгодны правящей верхушке»<sup>8</sup>.

## Еще раз А. Арутюнов. Миф о германской «пятой колонне» в России

О субсидировании большевиков в годы Первой мировой войны германскими властями на Западе пишут давно, теперь к книгам Мельгунова, Поссоны, Гереш прибавились и наши «бестселлеры». Так Аким Арутюнов в своем 600-страничном «труде» — «Досье Ленина без ретуши» (М., 1999, тираж 10 000; переиздано в 2002 г.); настолько перенасытил текст материалами русской и зарубежных контрразведок времен Первой мировой войны, что читать его творение совершенно невозможно... Но нам помогла «Независимая газета», предоставившая в «Субботнике НГ» № 15 за 21 апреля 2001 г. с. 8, целую полосу для сводной

<sup>7</sup> Арутюнов А. Досье Ленина без ретуши. М., 1999. С. 35, 36, 41—42, 69—86, 171, 526 и др.; Волкогонов Д. А. Ленин. Политический портрет: в 2-х кн. Кн. 1. С. 139, 148, 152, 253, 266, 388, 402; кн. 2. С. 74, 129, 187, 204, 243 и др.

<sup>8</sup> Свободная мысль. 1995. № 1. С. 110.

статьи А. Арутюнова под заглавием: «Владимир Ленин: “В деньгах я сейчас не нуждаюсь...”». Подзаголовок статьи: «Российская контрразведка еще до Первой мировой войны (?) пыталась выяснить источники мощной финансовой подпитки большевиков».

Поскольку речь пойдет о финансировании РСДРП(б), РКП(б) до Октября 1917-го, воспользуемся сначала некоторыми фактическими сведениями из вышедшей у нас книги С.В. Тютюкина, В.В. Шелохаева «Марксисты и русская революция». Авторы сообщают следующее:

«РСДРП постоянно нуждалась в материальных средствах на агитационно-пропагандистскую, организаторскую и боевую работу, которые не могли быть получены в достаточном количестве ни за счет членских взносов, ни даже за счет крупных единовременных пожертвований отдельных лиц. Известно, например, что богатейший московский промышленник С.Т. Морозов неоднократно жертвовал на нужды большевиков значительные суммы и завещал жене Горького, актрисе М.Ф. Андреевой 100 тыс. рублей, из которых 60 тыс. она передала большевикам... Еще один московский фабрикант, Н.П. Шмит оставил РСДРП около 250 тыс. руб., присвоение которых большевиками сопровождалось весьма авантюрной историей (фиктивный брак, судебный процесс и т. д.). Большие денежные суммы передавал марксистской партии А.М. Горький, писатель Н.Г. Гарин-Михайловский и др.».

Сообщают авторы и о том, как в годы первой русской революции большевики прибегли к экспроприациям банков, что культивировало «у самих боевиков чувство вседозволенности и анархистские замашки» и значительно подорвало авторитет партии. Заглохла эта разновидность «партизанских выступлений» вскоре после IV и V объединительных съездов РСДРП, осудивших «эксы», да и благодаря «поражению революции»<sup>9</sup>.

Можно было предполагать, что именно в ключе «поиска средств» рассмотрит «германские связи большевиков» и Аким Арутюнов, но он берет тему гораздо «глубже». Оказывается, если верить русской контрразведке, «немецко-большевистские тайные связи» стали складываться «задолго до начала мировой войны» на почве «совпадения интересов германских властей и большевистских вождей во главе с Владимиром Ульяновым». Кайзеровская Германия загодя создавала в России «“пятую колонну” с целью организации подрывной работы на фронте и в тылу». Владимир Ульянов независимо от немецких политиков «также ставил перед собой подобную (?) задачу, заботясь о подготовке условий для взятия власти». В деле создания «пятой колонны» известную роль, по Арутюнову, сыграл платный агент Генштаба и близкий к гер-

<sup>9</sup> Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Марксисты и русская революция. М., 1996. С. 98—99.

манским властям (выходец из России, в прошлом состоявший в РСДРП) доктор Александр Парвус (Гельфанд). Фактически он являлся посредником между немцами и большевиками».

Но, как подчеркивают С.В. Тютюкин и В.В. Шелохаев, «убедительных документальных свидетельств о связи Ленина с Парвусом нет». Ленин, встречавшийся с ним в Швейцарии весной 1915 г., «категорически отверг все его предложения». И еще: «Даже если допустить, что большевики (но не лично Ленин) теми или иными путями получали какие-то денежные суммы из немецких источников, то совершенно очевидно одно: никакими политическими обязательствами перед Германией это не сопровождалось, а предателями своей страны они никогда не были»<sup>10</sup>.

Соглашаясь с этим выводом, мы рассмотрим специально фотографии, украшающие газетный опус Арутюнова. Это — снимок знаменитого «пломбированного» вагона, в котором ехали в Россию Ленин и представители *других* партий, а не только одни большевики. О «других» Арутюнов молчит, молчит и о том, что вслед за Лениным в Россию тем же путем последовал лидер меньшевизма Ю.О. Мартов и еще 200 его соотечественников, никакой «пятой колонны» они в России не представляли.

А. Арутюнов украшает свою статью и снимком, который обошел в свое время всю западную прессу — это фотография расписки Парвуса (на немецком языке, мы даем перевод. — Е.П.):

«Мною 29 декабря 1915 г. получен один миллион рублей для поддержания революционного движения в России от германского посла в Копенгагене. Д-р А. Гельфанд». Объективный историк и должен был выяснить, *что за партии* подразумевались под «революционным движением» в России, ведь здесь были российские националистические партии: украинские, прибалтийские, да и эсеры, о чем знал Чернов, а также большевики. Кстати, Стефан Т. Поссоны, автор известной на Западе «Биографии» Ленина, 1964 г., специально исследовавший вопрос о том, как Германия и ее союзники «поощряли русскую революцию», писал: «Германские дипломаты, эксперты в области революции, не избирали определенного революционера, который должен свергать правительство царя. Они предполагали, что нельзя предсказать заранее, что случится, и поэтому поддерживали многих революционеров и многие движения; они, так сказать, ставили на всех лошадей сразу в этих скачках... Они представляли революционерам заниматься своими собственными идеологиями, тактикой и планами... Многие из них... использовали немцев для своих собственных целей»<sup>11</sup>.

<sup>10</sup> Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Марксисты и русская революция. С. 200—201.

<sup>11</sup> Possony Stefan T. Lenin Biography. München, 1964. S. 207.

Но таким анализом Арутюнов не занимается, он уткнулся в материалы контрразведки, изготовленные для травли большевиков в 1917 г., и ничего кроме них не видит.

К чему воспроизведен на третьей фотографии посадочный талон Ленина, мы не ведаем, на нем ясно отпечатались слова Sozial-demokr. Bürgerschafts-vereinigung. (Социал-демократическое гражданское объединение). Подписан талон близким Ленину социал-демократом Фридрихом Платтенном, из чего следует, что посадка совершена не представителями германского Генштаба, а интернационалистами.

И еще, вот что мы никак не находим в подобных книгах и статьях — это фотографию Постановления Совета Народных Комиссаров, опубликованного на страницах «Правды» № 213 от 26 (13) декабря 1917 г. В нем говорилось:

«Принимая во внимание, что советская власть стоит на почве принципов международной солидарности и братства трудящихся всех стран; что борьба против войны и империализма может только в международном масштабе привести к полной победе — Совет Народных Комиссаров считает необходимым прийти всеми возможными средствами на помощь левому интернационалистическому крылу рабочего движения всех стран, совершенно независимо от того, находятся ли эти страны с Россией в войне или в союзе, или же сохраняют нейтральное положение.

В этих целях Совет Народных Комиссаров постановляет ассигновать на нужды интернационального движения в распоряжение заграничных представителей Комиссариата по иностранным делам 2 миллиона рублей.

Председатель Совета Народных Комиссаров  
*Вл. Ульянов (Ленин)*

Народный комиссар по иностранным делам  
*Л. Троцкий».*

Эта сумма была далеко не последней...<sup>12</sup>

Как видим, миф о каком-то «совпадении» политических интересов германских властей и большевистских вождей лопается, как попавший на острый предмет мыльный пузырь, а куча факсимиле, украшающих пухлые книги Арутюнова, оказывается пустым хламом.

Была на деле противоположность интересов германских властей и большевистских вождей...

<sup>12</sup> См. об этом: Коминтерн и идея мировой революции: Документы. М., 1998. С. 120, 125, 150—152, 510—516 и др.

## Ю. Карякин: «родство» Ленина с Нечаевым?

В органах наших и зарубежных «демократических» СМИ давно бродит легенда о том, что «одним из самых любимых героев Ленина» был псевдореволюционер и уголовник Сергей Нечаев. Посмотрим, опираясь на работы Ю.Ф. Карякина, на чем сия легенда строится...

Как пишет Ю.Ф. Карякин, он давно «болел» темой «Ленин и Нечаев» и особенно мучил его вопрос, почему это у Ленина нет ни одного высказывания о Нечаеве. «Думалось, значит отключил от себя, значит Ленин и Нечаев несовместны». И вдруг лет 20—30 тому назад в журнале «30 дней» № 1 за 1934 г. нашел Ю. Карякин свидетельство Бонч-Бруевича, что Ленин восторгался Нечаевым: «Титан революции... Один из пламенных революционеров... Нечаев должен быть весь издан... Достаточно вспомнить его ответ в одной листовке, когда на вопрос: “Кого же надо уничтожить из царствующего дома?” Нечаев дает четкий ответ “Всю большую ектинию”<sup>13</sup>... Ведь это просто до гениальности!». «Выходит, — продолжает свои восклицания Ю. Карякин, — расстрел в Ипатьевске был давно предрешен не тактически, а стратегически и мировоззренчески!»<sup>14</sup>.

Еще в начале 60-х гг. XX в. мы с Ю.Ф. Карякиным выступали против сближения Ленина с Нечаевым<sup>15</sup>. Открытие статьи Бонч-Бруевича может казаться объяснением к нынешней эволюции Ю. Карякина, и действительно, мы по этой теме в 60-е гг. не все знали. Но обратимся к статье Бонч-Бруевича.

Прежде всего, ссылаясь на Бонч-Бруевича, надо помнить, что источник этот не вполне надежный, недаром же сотрудники незабвенного ИМЛа придумали в свое время хлесткий термин: «бончизм», — применительно ко всем писаниям Бонча. Но допустим, что Бонч обладал какой-то сверхфеноменальной памятью и описывает «все как было», что за 30 лет (!) прошедшие от времени разговора с Лениным он ничего не забыл и ничего не путает. Но тогда Ю. Карякину следовало бы точно воспроизводить воспоминания.

Определения «титан революции», «один из пламенных революционеров» — это оценки скорее всего самого Бонча — никаких кавычек в данном месте статьи нет, и скорее всего взяты оценки эти Бончем из

<sup>13</sup> То есть всех представителей дома Романовых.

<sup>14</sup> Карякин Ю., Сараскина Л. Закружились бесы разны, будто листья в ноябре // Литературная газета. 1992. № 11. 11 марта.

<sup>15</sup> См.: Карякин Ю., Плимак Е. Нечаевщина и ее зарубежные последователи // История СССР. 1960. № 1.

тогдашней литературы, восхвалявшей Нечаева. А теперь о сути самого разговора с Бончем Ленина. Будучи плохо осведомленным о деятельности этого «титана», Ленин задал Бончу задание — *собрать все сведения о Нечаеве*: «необходимо изучить, дознаться, что он писал, расшифровать все его псевдонимы, собрать воедино все это и напечатать». Кстати, задание это Бонч так и не выполнил: «До сих пор не изучен нами Нечаев», — сокрушается он в статье 1934 г.! Позабыл Бонч, кстати, что фамилия Нечаева всплыла, когда началась полемика меньшевиков с большевиками. И не потому Ленин ничего не писал о Нечаеве, что не хотел перечить Марксу. Все это не больше, чем домысел Ю. Карякина, который забывает об этой полемике... «Вот до чего доходили красоты меньшевистской литературы, — сообщается в более или менее объективной «Истории ВКП(б)» от 1928 г., — самодержец, Швейцер, прямолинейный, бюрократ, формалист, сверхцентр, односторонний, упрямый, узкий, подозрительный, неуступчивый, — перечисляет Ленин множество кличек, которыми осыпали его меньшевики». А т. Лепешинский рассказывает и о таком случае: «Нужно было выдумать что-нибудь позабористее, посочнее, оглушительнее и вот он (Мартов. — *Е.П.*) выкраивает даже такую фразу: «Сегодня нечаевщина, а завтра дегаевщина»<sup>16</sup>. Недаром же у Владимира Ильича, когда он пробежал этот новый перл полемических красот Мартова, лицо искривилось презрительной усмешкой, и он отреагировал на мартовское пахучее остроумие одной только фразой:

«Ну, теперь довольно... Отныне карантин, ни в какую полемику с ним я больше не вступаю»<sup>17</sup>.

Итак, Ленин действительно «отключил от себя» Нечаева, значит прав прежний, а не нынешний Карякин: «Значит Ленин и Нечаев все же несовместны». И не в связи ли с полемикой с Мартовым давал Ленин свое задание Бончу, о чем тот и позабыл...

Юрий Федорович в статье «Антикоммунизм, Достоевский и достоевщина», напечатанной в журнале «Проблемы мира и социализма» в 1963 г., писал о Нечаеве лаконично и точно: «Этот человек появляется на русском горизонте в конце 60-х гг. (XIX в. — *Е.П.*). Вот заповеди, которыми он руководствовался: чтобы стать хорошим социалистом, надо отвергнуть все нежные, изнеживающие чувства радости, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести... Для возбуждения же энергии необходимо объяснять сущность дела в превратном виде... Тот не рево-

<sup>16</sup> С.П. Дегаев — провокатор охраны, участвовавший в терактах «Народной воли».

<sup>17</sup> История ВКП(б). М.; Л., 1926. Т. I. Вып. I. С. 35; Лепешинский П.Н. На повороте. М., 1955. С. 185.

люционер, кому чего-нибудь жалко в этом мире... Революционер знает только одну науку, науку истребления и разрушения. Он живет в мире только с этой целью... Не оставлять камня на камне, как можно больше развалин, бесследная гибель большинства революционеров — такова перспектива». «Яд, нож, петля — революция все равно освящает»... Культ своей личности, система взаимного шпионажа между социалистами, объединенными в отдельные звенья — «пятерки», проскрипционные списки — таковы, по Нечаеву, условия «торжества социализма». К тому же он убивает студента Иванова, выступившего против его произвола...<sup>18</sup>

Проступают ли в этом ярком портрете анархизирующего уголовника черты Ленина? Да ни коим образом! А главное — в сравнении объективного результата деяний Нечаева и Ленина в России. Даже антиленинцы-советологи, искавшие в Нечаеве «Ключ к большевизму», не могли не признать: «Крах нечаевской практики и успехи Ленина, достигнутые хотя и в совершенно различных обстоятельствах, говорят сами за себя»<sup>19</sup>.

Не выдерживают критики и домыслы Карякина—Арутюнова, что именно от Нечаева Ленин унаследовал «мировоззренческую идею» ликвидации дома Романовых. Ленин, видите ли, не знал, что великие революции XVII, XVIII вв. посылали на эшафот королей и их супруг — эти олицетворения контрреволюции.

Троцкий свидетельствует в своем дневнике: «Я прибыл в Москву с фронта после падения Екатеринбурга. Разговаривая со Свердловым, я спросил:

— А где царь?

— Кончено, — ответил тот, — расстреляли.

— А где семья?

— И семья с ним.

— Все? — спросил я с оттенком удивления.

— Все, — ответил Свердлов. — А что?

Он ждал моей реакции. Я ничего не ответил.

— А кто решал? — спросил я.

— Мы здесь решали. Ильич считал, что нельзя оставлять нам им живого знамени особенно в нынешних условиях»<sup>20</sup>.

Так что спросим у наших «знатоков» истории: при чем здесь Нечаев?

<sup>18</sup> Проблемы мира и социализма. 1963. № 5. С. 35.

<sup>19</sup> Prawdin M. The unmentionable Necaev. A key to Bolshewism (*Правдин М. Преданный забвению Нечаев. Ключ к большевизму.* — *Е.П.*). London. 1961. P. 192.

<sup>20</sup> Троцкий Л.Д. Дневники и письма. Нью-Йорк, 1986. С. 101—102.

В советские времена, когда деятельность Сталина в тысячекратных размерах воспроизвела «нечаевщину», об этом «революционере» просто боялись вспоминать. Мы с Ю.Ф. Карякиным вытащили фигуру революционного иезуита на свет божий и отвергли домыслы о связи с ним ленинизма. Ныне же целые исследовательские коллективы почтенных институтов занимаются стародавними поисками в «нечаевщине» «ключа к большевизму». В результате, игнорируя такие масштабные события, как участие России в мировой войне, реальные события революции Февраля и Октября 1917 г., Е.Л. Рудницкая, ранее превозносившая революционную традицию в России, в сборнике научных документов ныне уверяет нас: именно нечаевский «Катехизис революционера» подводил «идейную и организационную основу под революцию-авантюру, порождавшую деспотизм и тоталитаризм. Морально все, что служит революции: прямая интерполяция принципа иезуитизма на дело социального прогресса ляжет в основу парадигмы революции». Там же А.Ю. Минаков доказывает: «нечаевско-бакунистские агитационные кампании» и были «той лабораторией, в которой выращивались зародыши тоталитарной идеологии и политики большевиков» (как легко, оказывается, определить истоки большевизма!)<sup>21</sup>.

Менее всего мы желали бы игнорировать проблему соотношения революции и морали в событиях как 1917, так и 1937 г. в России, или запрещать поиск элементов «нечаевщины», «бакунизма», «ткачевизма» в деятельности люмпенизированных войной масс, или Сталина, взбравшегося к 1928—1929 гг. на вершину пирамиды советской власти. Об опасности заражения нового пролетарского движения в общем-то старыми болезнями предупреждал не кто иной, как сам Карл Маркс: «Впрочем, в истории Интернационала повторилось то же самое, что всегда обнаруживается в истории. Устаревшее стремится восстановиться и упрочиться в рамках вновь возникших форм»<sup>22</sup>.

Но мы принципиально не приемлем такого «анализа», который попросту отождествляет разные процессы, ищет прямое влияние нечаевских *шутовских прокламаций* общества «Народная расправа» и ее *главаря* на некую «парадигму русской революции» 1917 г. Кто тогда помнил писания Нечаева? Да и просто смешно сводить реальные устремления миллионных масс, которые поддерживали лозунги большевизма, к воздействию Нечаева или Бакунина. Развернувшаяся затем борьба не на жизнь, а на смерть между красными и белыми естественно не могла не перевертывать с ног на голову все моральные принципы и установки,

<sup>21</sup> Революционный радикализм в России. М., 1997. С. 16—17, 201 и др.

<sup>22</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 33. С. 279.



подчинять все задаче «кто кого». Но при чем здесь «Катехизис революционера», суть которого нам раскрыл еще в 60-х гг. прошлого века сам Ю. Карякин? И почему именно в нем надо искать «ключ революции» или некоего «революционного бесовства»? Даже М. Правдин, написавший целую книгу «Ключ к большевизму» потерпел с этим «ключом» полное фиаско, так ничего и не доказав...<sup>23</sup>

## Портретные баталии: «страшный диптих» г-на Волкогонова и «жуткий триптих» г-на Карякина

В своей серии «Вожди» Д. Волкогонов рисовал их портреты не только в переносном, но и в буквальном смысле этого слова — он выносил эти портреты на обложки своих книг. Если брать двухтомник «Ленин» (1994), то перед нами на обложках обеих книг — своеобразный «страшный диптих»: на первой из них — обычный портрет Ленина, на второй ужасающий портрет смертельно больного человека, опишем его словами самого Волкогонова: «Страшные фотографии последних лет — облик долгой агонии человека, надломившегося от непосильной ноши. Ленин стал жертвой своей неостывающей страсти к власти... Это было существо с жалкой полуулыбкой и печальными больными полусумасшедшими глазами»<sup>24</sup>...Лично для себя г-н Волкогонов подобрал вполне приличные фотографии — мы их видим, открывая любую из указанных его книг «Ленин»!

Этот «страшный диптих» г-на Волкогонова, видимо, подтолкнул и г-на Карякина, много занимавшегося живописью, на своеобразный «жуткий триптих». На Научно-практической конференции ноября 1994 г., о которой уже шла речь, с ее основным докладом о «революционной бесовщине» руководителя администрации Президента Российской Федерации г-на С.А. Филатова перекликалось Заключение г-на Ю.Ф. Карякина, сопоставившего уже «три изображения Ленина». Это его сравнение вполне заслуживает воспроизведения — такое редко услышишь на серых «научно-практических» конференциях... Итак, слово г-ну Карякину:

«Сравните три изображения Ленина.

Первое. 1895 год. Семь руководителей “Союза борьбы за освобождение рабочего класса”. Фотография необыкновенно выразительна психологически. Фотографируются-то специально, т. е., позируют перед по-

<sup>23</sup> Правдин описал сначала деяния Нечаева, затем дела Ленина, фактически признав, что ничего общего между ними не было...

<sup>24</sup> Волкогонов Д.А. Ленин: в 2-х кн. Политический портрет. Кн. 2. С. 357—358.

ходом, для истории. Собрались на подвиг. Особенно выразителен Ульянов. На нем печать абсолютной властности. Остальные — по сравнению с ним — кажутся даже какими-то расслабленными. “Хозяин разговора”, вождь — он, это ясно. Он — воплощение той партии, той части (партия — ведь это часть), которая претендует стать всем, стать целым. Он — в центре. Сидит. Молчит. Губы сжаты. Рука властно облокотилась на стол. Глаза смотрят прямо на тебя, в упор, но одновременно устремлены в себя. Молодой сгусток, невероятная концентрация невероятной же воли, энергии, целеустремленности. До предела сжатая пружина. Что-то будет если (когда) она разожмется. Куда, в кого выстрелит? По крайней мере двух, рядом с ним (Мартова и Потресова), она не пощадит.

Второе. 1917—1921 гг. Из сотен фотографий можно выбрать любую. Стоит. Кричит. Приказывает. На броневике, на балконе дворца, на грузовике, на деревянных, сколоченных наспех трибунах, на “кафедрах” съездов партии, Интернационала. Глаза сверкают. Рука выброшена вперед, указывая — нет, приказывая — кого уничтожать, куда идти. Вместо буржуазного котелка — рабочая кепка. Пружина разжалась, выстрелила наконец. Внутренняя энергия, воля, целеустремленность становятся и внешней, заряжая сотни тысяч и миллионы людей.

Третье. 1923 год. Горки. Коляска. Балахон. Лежит и снова молчит. Глаза? Посмотрите. Сравните...

Мог ли он, первый, через второго, увидеть себя третьего?

Какой Тициан, Леонардо, Микеланджело мог вообразить, изобразить такое?

Жуткий триптих. Жуткое возмездие.

Справедливое ли?

Первое слово здесь должно было бы принадлежать тем (если бы они прозрели к моменту его умирания) 13 миллионам, которые сгорели в его любимой Гражданской войне, да еще тем десяткам миллионов, сгоревшим — по “его” предначертаниям — после<sup>25</sup>.

Чем объясняется такая «страсть» к употреблению для борьбы с ленинизмом даже фотографий Владимира Ильича, особенно предсмертных? Вроде бы охочие до этого господа были движимы самыми благородными побуждениями — стремлением защитить народ от новых потрясений, привить России иммунитет от революций. Но увы! Таковой не прививается ни кошунственно-мстительными обложками, ни красочно-злыми речами с употреблением подтасовочек — миллионы

<sup>25</sup> Октябрь 1917 года и большевистский эксперимент в России. Научно-практическая конференция 5 ноября 1994 г. С. 5, 81—82 (курсив Ю. Карякина); повторено им в «Журналисте» за 1995 г. № 2 («Верны ли мои убеждения?»).

сгорели в «его» любимой Гражданской войне; сталинские репрессии совершались «*по его*» предназначениям.

Иммунитет от революций, и довольно стойкий, приобретается разумной, облегчающей жизнь народа реформой, каковой обещал быть ленинский нэп, новая направленность преобразований, пресеченная Сталиным.

В то же время известно и то, что «реформа» Бориса Николаевича Ельцина, не посчитавшегося с референдумом всего народа, обернулась развалом СССР, обнищанием и вымиранием народа, разгулом мафиозных группировок, расхищением народных богатств, — об этом помалкивали господа Филатовы, Волкогоновы, Карякины, а ведь все они были ближайшими советчиками Ельцина в 90-х гг. прошлого века. И нет у этих господ, здесь точен был выступавший на той же научно-практической конференции академик П.В. Волобуев, никакого «морально-политического» права обвинять большевиков в прегрешениях<sup>26</sup>.

Кстати, примеру Волкогонова—Карякина от 1994—1995 гг. последовали и другие «лениноведы». Уже не один автор вынес на свою обложку портрет больного Ильича. Последнее слово сказал здесь Александр Проханов в своем романе «Господин Гексоген» (М., 2002). Хотя Ильичу в этом творении посвящен всего один абзац, череп Ильича (!) украшает обложку сей книги. Куда мы заедем дальше — никто не ведает...

## Несколько слов о разных оценках В.И. Ленина

В книге Т.И. Ойзермана мы находим такую характеристику В.И. Ленина: «самый выдающийся харизматический лидер XX в.»<sup>27</sup>. Прежде всего спросим у автора, в рамках какой теории он работает? Если в рамках социологии Макса Вебера, то позволительно сравнивать политических деятелей совершенно разных эпох и направлений: Александра Македонского, Лютера, Наполеона, Ленина, Гитлера, описывать силу их воздействия на массы и заниматься прочими мало что дающими сюжетами. Если Т.И. Ойзерман работает, как нам показалось поначалу, в рамках уточненного марксизма, то получилась бы примерно такая характеристика Ленина: Ленин был вождем пролетариата, его отличало стремление к защите интересов угнетенных классов. Он проделал трудный путь от утопий и иллюзий к реалиям жизни. Он обладал пора-

<sup>26</sup> Октябрь 1917 года и большевистский эксперимент в России // Научно-практическая конференция 5 ноября 1994 г. С. 34.

<sup>27</sup> Ойзерман Т.И. Марксизм и утопизм. С. 407—411.

зительной способностью менять курс и взгляды, если они оказывались ошибочными — из-за недоработок теории или сложности ситуации. Его отличала необыкновенная самокритичность, открытое признание сделанных ошибок. Он беспредельно верил в творческие способности масс и выдвигал перед ними труднейшие задачи, в соответствии со своей установкой на поиск главного звена. Он бросал массы на взятие власти, звал их на борьбу с голодом и нехваткой топлива, поднимал идти на Колчака, на Деникина, на Юденича, на Врангеля, проповедовал рабочий контроль и призывал учиться торговать. Т.И. Ойзерман верно фиксирует десятки противоречий во взглядах Ленина и справедливо замечает: «изменялись не убеждения, а историческая обстановка», но вот детального анализа смены обстановки почти нет в его книге<sup>28</sup>.

Впрочем, можно ограничиться и одним здравым смыслом в оценке личности Ленина и тогда мы получим великолепную характеристику Джона Рида, который писал о Ленине: «Необыкновенный народный вождь, вождь исключительный благодаря своему интеллекту, чуждый какой бы то ни было рисовки, не поддающийся настроениям, твердый, непреклонный, без эффектных пристрастий, но обладающий могучим умением раскрыть сложнейшие идеи в самых простых словах и дать конкретный анализ обстановки при сочетании пронизательной гибкости и дерзновенной смелости»<sup>29</sup>.

Приведя слова Дж. Рида, Т.И. Ойзерман далее соглашается с американским антимарксистом С. Хуком, писавшим, что ленинская концепция является «абсолютным разрывом со всеми демократическими принципами марксизма». Но надо же учитывать отчаянные условия, в которых Ленин пытался проводить принципы марксизма!

Согласен Т.И. Ойзерман и с К.М. Кантором, который утверждал: «Когда Ленин говорил, что главное в марксизме — это учение о диктатуре пролетариата, он говорил по сути дела о главном в своей ленинской доктрине, а не о теории Маркса»<sup>30</sup>. Но ведь не трудно понять: главным *сделала* этот принцип у Ленина его *задача* — утвердить новый строй в смертельной схватке с внешним и внутренним врагом. Маркс не участвовал в жесточайшей Гражданской войне, Ленин отдал ей два с половиной года жизни и получил вдобавок две пули. Марксу не довелось руководить голодным и полуразрушенным государством, существующим во вражеском окружении, Ленин им руководил. Только благодаря беспощадному применению «диктатуры пролетариата» с ее террориз-

<sup>28</sup> Ойзерман Т.И. Марксизм и утопизм. С. 411.

<sup>29</sup> Рид Дж. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1959. С. 116.

<sup>30</sup> См.: Ойзерман Т.И. Марксизм и утопизм. С. 406—407.

мом Ленин сохранил и государство, и власть в руках большевиков. Наметил он и альтернативный *ненасильственный* план развития в своем Политическом завещании, в нем нет ни слова о «диктатуре пролетариата» и терроре, в нем признается «коренная перемена всей точки зрения нашей на социализм». Почему об этом сплошь забывают пишущие о Ленине?

В памятную годовщину смерти Ленина — в январе 2004 г. нелишне сказать: творец нэпа Владимир Ильич рано ушел из жизни, в этом громадная трагедия нашего народа. Напомним хотя бы тот факт, что использовавшая, по существу, нэповскую «двухукладную» модель КНР, «начав переход к рыночной экономике почти одновременно с нами... сумела в 20 раз (!) увеличить объем производства и уровень благосостояния населения»<sup>31</sup>. Нужны ли еще доказательства жизненности ленинских идей...

Кстати, недавно известный американский историк Стивен Коэн написал о «неблаговидной роли» американского правительства и американских советчиков, которые потчевали своими рецептами, далекими от понимания реальностей России, ельцинское руководство. «Мне неприятно и даже стыдно, — пишет он, — что так много американцев — чиновников, журналистов, ученых в течение почти десяти лет называли “реформой” процесс разграбления, обнищания, демодернизации, дестабилизации России. Мало того, они и сейчас продолжают настаивать на необходимости этих “реформ”»<sup>32</sup>.

Читая сказанное хочется спросить у наших власть имущих: когда же мы наконец пойдем не «заокеанским», а собственным путем реформ? Пока кардинальных изменений не видно, постельцинский хаос несколько упорядочен, но и только. Целая пропасть между бедностью и богатством сохраняется в России. До осуществления принципа великого реформатора Эрхардта «Благосостояние для всех» нам еще очень далеко...

<sup>31</sup> Глазьев С.Ю., Кара-Мурза С.Г., Батчиков С.А. Белая книга. Экономические реформы в России 1991—2001 гг. С. 8.

<sup>32</sup> Коэн С. Провал крестового похода США и трагедия посткоммунистической России. М., 2001. С. 10—11.

**Издательство «Весь Мир»**

**Серия «Тема»**

*Георгий Вертоградский*

**Вышла в свет**

**Пол Томпсон**

## **Голос прошлого. Устная история**

**Пер. с англ., 368 с.**

Книга Пола Томпсона, выдержавшая на Западе несколько изданий, стала там настоящим бестселлером. Что такое «устная история»? Каковы методы работы историков с устными источниками? Об этом автор рассказывает просто и интересно, с огромной любовью к людям, чья память хранит ценнейшие сведения о событиях прошлого и настоящего. Рассказывая свою историю, человек вплетает еще одну драгоценную нить в историю человечества — эта мысль автора могла бы стать эпиграфом к его книге, которая, надеемся, привлечет внимание не только профессионалов, но и самой широкой читательской аудитории.

ООО Издательство «Весь Мир» является официальным дистрибьютером публикаций Всемирного банка и других международных организаций в Российской Федерации. Информацию о книгах и условиях заказа можно получить по телефонам: (095) 923-68-39, (095) 923-85-68, по факсу: (095) 925-42-69, по электронной почте: [orders@vesmirbooks.ru](mailto:orders@vesmirbooks.ru), а также на сайте Издательства «Весь Мир» <http://www.vesmirbooks.ru>  
Наш адрес: 101831 Москва, Колпачный переулок, 9а

---

**Издательство «Весь Мир»**

**Серия «Тема»**

**Вышла в свет**

**Александр Рабинович**

**Революция 1917 года  
в Петрограде: большевики  
приходят к власти**

**Второе издание, исправленное и дополненное  
Пер. с англ., 448 с.**

Книга известного американского историка, профессора Индианского университета Александра Рабиновича — одна из лучших книг, посвященных русской революции 1917 года. Секрет ее успеха в стремлении автора дать действительно полномасштабную картину революционного Петрограда, учитывая все нюансы острейшей политической борьбы за власть и настроения самых широких масс, вовлеченных в нее. Живое, яркое описание хода революции, замечательная галерея портретов политических деятелей различных лагерей, всесторонний анализ событий, основанный на огромном фактическом материале, — все это привлекает внимание как специалистов, так и всех тех, кто интересуется отечественной историей.

---

**Издательство «Весь Мир»**

**Серия «Тема»**

.....  
: **Вышла в свет** :  
.....

**Улав Ристе**

# **История внешней политики Норвегии**

**Пер. с англ., 416 с.**

Улав Ристе (1933) — известный норвежский историк, специалист по международным отношениям. Он — инициатор и участник проекта издания шеститомной «Истории норвежской внешней политики», опубликованной в 1995—1997 гг., а также автор созданного на его основе обзорного тома на английском языке (2001 г.), ставшего достоянием читателей далеко за пределами Норвегии. Теперь и в России смогут ознакомиться с этой замечательной книгой. Внешнюю политику своей страны У. Ристе рассматривает в широком международном контексте, подчеркивая значение долгосрочных перспектив. Много внимания автор уделяет взаимоотношениям России и Норвегии. Это особенно актуально в преддверии столетнего юбилея со дня установления дипломатических отношений между Норвегией и Россией, который будет отмечаться в 2005 г.



Плимак Евгений Григорьевич

**Политика переходной эпохи.  
Опыт Ленина**

Художник *Е.А. Ильин*  
Корректор *И.А. Горбатова*  
Верстка *Н.А. Хритошкиной*

ИД № 03510 от 15.12.2000

Подписано в печать 26.01.04. Формат 60 x 88 <sup>1</sup>/<sub>16</sub>  
Гарнитура «НьютонС». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 20,0. Заказ №

Изд. №23/03

ООО Издательство «Весь Мир»  
101831 Москва-Центр, Колпачный пер., 9а  
Тел.: (095) 923-68-39, 923-85-68 Факс: (095) 925-42-69  
E-mail: [orders@vesmirbooks.ru](mailto:orders@vesmirbooks.ru)  
[Http://www.vesmirbooks.ru](http://www.vesmirbooks.ru)

Отпечатано в типографии ГУ ГЦМП  
135800 Москва, Б-140, Краснопрудный пер., д. 7

ISBN 577770298-8



9 785777 702982

## ЕВГЕНИЙ ПЛИМАК ПОЛИТИКА ПЕРЕХОДНОЙ ЭПОХИ ОПЫТ ЛЕНИНА

Каждая новая книга о В.И. Ленине по-прежнему вызывает обостренный интерес. Ушли в далекое прошлое времена апологетики и бездумного преклонения перед этим человеком. Уже заканчивается время, когда о нем писали по принципу «либо ничего, либо плохо». И, похоже, складываются условия для действительно непредвзятого исследования той политической роли, которую он сыграл в истории России и мира.

Книга Е.Г. Плимака относится именно к этому последнему из названных типов работ. Несмотря на то, что в ее названии делается акцент на осмыслении Лениным проблем переходного периода и его действиях после революции 1917 г., она по своему содержанию гораздо шире. Книгу вполне можно назвать критической интеллектуальной биографией Ленина. Автор рассматривает становление Владимира Ульянова как революционера, попутно развеивая многие из мифов, которыми так богата отечественная «лениниана». Детально проанализированы все основные этапы непростой политической биографии Ленина: борьба за лидерство в партии и само создание партии большевиков, теоретические споры внутри российской и международной социал-демократии в предреволюционный и послереволюционный периоды.

Издание предназначено историкам и политологам, тем, кто изучает историю и политическую науку, самым широким читательским кругам.

---

**Плимак Евгений Григорьевич (1925)** — главный научный сотрудник Института сравнительной политологии РАН, доктор исторических наук. Его перу принадлежит десять книг (часть в соавторстве) и множество статей по российской и европейской истории XVIII—XX вв., политической философии, русской литературе. Работы автора по изучению русской революционной традиции стали важным вкладом в отечественную историографию. В издательстве «Весь Мир» в 2000 г. была издана книга «Драма российских реформ и революций», которую автор написал вместе с Игорем Константиновичем Пантиним.

Библиосфера

7376



9 785777

Плимак Е.Г. Политика

ТИРАЖ: 2000 экз.

[www.vesmirbooks.ru](http://www.vesmirbooks.ru)

ВЕСЬ  
МИР